Z 51/29
II вып 4 1906

Z 51
20

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михайловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

XXV-4350

Édition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

II томъ
4 выпускъ

TOME II
FASCICULE 4

1906

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088118

Z 51/29

Великая Княгиня АННА ПАВЛОВНА, 1795—1865, дочь Императора Павла и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, родилась 5 Сентября 1795 года. Воспитаніе свое Анна Павловна получила подъ руководствомъ своей матери и графини Шарлотты Карловны Ливенъ. Въ 15 лѣтъ Великая Княжна, по донесенію французскаго посла, „была высока ростомъ для своего возраста и болѣе развита, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ этой странѣ, такъ какъ, по словамъ лицъ, посѣщавшихъ дворъ ея матери, она вполнѣ сформирована физически. Ростъ ея, станъ, все указываетъ на это. У нея прекрасные глаза, нѣжное выраженіе лица, любезная и пріятная наружность, и хотя она не красавица, но взоръ ея полонъ доброты. Нравъ ея тихъ и, какъ говорятъ, очень скроменъ. Добротѣ ея даютъ предпочтеніе передъ умомъ. Она уже умѣетъ держать себя, какъ подобаетъ принцессѣ, и обладаетъ тактомъ и увѣренностью, необходимыми при дворѣ". Наполеонъ, желавшій закрѣпить союзъ Франціи съ Россіей своимъ бракомъ съ русской Великой Княжной, сталъ настойчиво домогаться руки Анны Павловны, но встрѣтилъ упорное противодѣйствіе со стороны Императрицы Маріи Ѳеодоровны, смотрѣвшей на Наполеона, какъ на выскочку и исчадіе революціи. Наполеонъ, послѣ долгаго ожиданія, получилъ отвѣтъ, равнявшійся отказу, а именно, что, въ виду нѣжной молодости Великой Княжны, бракъ возможенъ для нея не ранѣе, какъ черезъ два года. Въ 1816 г. Анна Павловна выдана была замужъ за принца Оранскаго Вильгельма, сдѣлавшагося королемъ Нидерландскимъ въ 1840 г., подъ именемъ Вильгельма II. Въ Голландіи Анна Павловна показала себя истой дочерью Императрицы Маріи Ѳеодоровны; она всецѣло отдалась благотворительной дѣятельности. Для больныхъ и раненыхъ воиновъ она основала госпиталь и инвалидный домъ и устроила до 50 пріютовъ для бѣдныхъ дѣтей. Въ 1849 г. Анна Павловна потеряла своего супруга и остальную жизнь провела въ Гагѣ; лѣтнимъ любимымъ ея мѣстопребываніемъ былъ Сестдикъ, гдѣ воздвигнутъ былъ памятникъ ея супругу. Скончалась Анна Павловна 17 Февраля 1865 г. и похоронена въ православной церкви въ Амстердамѣ, сооруженной Императоромъ Николаемъ I.

Отъ брака своего съ Вильгельмомъ II Анна Павловна имѣла трехъ сыновей: принца Александра († 1848 г.), короля Нидерландскаго Вильгельма III и принца Вильгельма-Фридриха-Генриха, и дочь Вильгельмину-Марію-Софію-Луизу, вышедшую замужъ за наслѣднаго принца Саксенъ-Веймарскаго Карла-Александра.

(Съ портрета Г. Дау, принадлежащаго графу А. Д. Шереметеву, с. Останкино, Московской губ.)

La Grande-Duchesse ANNA PAVLOWNA, 1795—1865, fille de l'Empereur Paul et de l'Impératrice Marie Féodorowna, naquit le 5 septembre 1795. Elle fut élevée sous la direction de sa mère et de la comtesse Charlotte Liewen. L'ambassadeur de France dit d'elle lorsqu'elle avait quinze ans: „Elle est grande pour son âge et plus précoce qu'on ne l'est ordinairement ici, car, au dire des gens qui vont à la Cour de sa mère, elle est formée depuis cinq mois; sa taille, sa poitrine, tout l'annonce aussi. Elle a de beaux yeux, une physionomie douce, un extérieur prévenant et agréable, sans être belle, un regard de bonté. Son caractère est calme, on la dit fort douce; on vante plus sa bonté que son esprit. Elle a déjà le maintien d'une princesse, et le ton et l'aplomb nécessaires pour tenir sa Cour". Napoléon, voulant affermir l'alliance de la France et de la Russie par un mariage avec une Grande-Duchesse russe, se mit à rechercher sa main avec insistance, mais se heurta à la résistance opiniâtre de l'Impératrice Marie Féodorowna, qui le regardait comme un parvenu de l'engeance de la Révolution. Après une longue attente, il lui fut fait une réponse équivalente à un refus: en raison de l'extrême jeunesse de la Grande-Duchesse, il n'était soi-disant pas possible de la marier avant deux ans. Elle épousa en 1816 le prince Guillaume d'Orange, qui devint roi des Pays-Bas en 1840 sous le nom de Guillaume II. En Hollande, elle se montra la digne fille de l'Impératrice Marie en se consacrant tout entière aux œuvres de bienfaisance: elle fonda pour les malades et blessés militaires un hôpital et une maison d'invalides et organisa une cinquantaine d'asiles pour les enfants pauvres. Elle devint veuve en 1849 et passa le reste de sa vie à La Haye; son séjour d'été préféré était Sœstdyk, où elle fit élever un monument à son mari. Elle mourut le 17 février 1865 et fut inhumée à l'église orthodoxe d'Amsterdam, construite par l'Empereur Nicolas Ier.

De son mariage avec Guillaume II, Anna Pavlowna eut trois fils, le prince Alexandre († 1848), le roi des Pays-Bas Guillaume III et le prince Guillaume-Frédéric-Henri, et une fille, Wilhelmine-Marie-Sophie-Louise, mariée au prince héritier de Saxe-Weimar Charles-Alexandre.

(D'après l'original de Dawe, appartenant au comte A. Chéréméteff, Ostankino, gouv. de Moscou.)

Императрица ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА, 1779—1826, супруга Императора Александра I, принцесса Баденская, родилась 13 Января 1779 года. Въ 1792 г. она пріѣхала вмѣстѣ съ матерью въ Петербургъ, по вызову Императрицы Екатерины, и избрана была въ супруги Великому Князю Александру Павловичу. Бракосочетаніе совершено было въ 1793 г., несмотря на крайнюю молодость новобрачныхъ: Великому Князю было всего 16 лѣтъ, а Елисаветѣ Алексѣевнѣ—14. Столь раннее супружество не дало счастія Великой Княгинѣ, хотя она вполнѣ его заслуживала и по своей красотѣ, и по чрезвычайной кротости душевной. „Цвѣтъ лица ея блѣдный“,—разсказываетъ по поводу встрѣчи съ нею г-жа Виже-Лебренъ въ своихъ „Запискахъ“,—„черты тонкія, выраженіе лица чисто ангельское, волосы пепельно-русые падали въ безпорядкѣ на ея лобъ и шею, станъ гибкій, какъ у нимфы. Я вскричала: „Это Психея!“ Великій Князь Александръ не умѣлъ оцѣнить своей супруги, и между ними произошло охлажденіе, какъ ни ласкала Великую Княгиню бабушка, Императрица Екатерина. Съ воцареніемъ Императора Павла, положеніе Елисаветы Алексѣевны сдѣлалось еще болѣе тяжкимъ. Суровый образъ придворной жизни, отзывавшійся казармами, непріязненныя отношенія свекрови, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, полное отчужденіе супруга, всецѣло отдавшагося исполненію служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на него требовательнымъ отцомъ,—все это заставило Елисавету Алексѣевну замкнуться въ небольшомъ кружкѣ приближенныхъ, предаться созерцательной жизни и дѣламъ благотворенія. Умъ ея сдѣлался яснѣе, доброта проникновеннѣе, но съ каждымъ годомъ она все болѣе и болѣе уходила въ самое себя, забывая даже о своемъ царственномъ положеніи. Горнило несчастій закалило вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ Елисаветы, и она оказывала всегда нравственную поддержку своему супругу, когда онъ сдѣлался императоромъ, особенно въ тяжелые для него 1801 и 1812 годы. Личная жизнь Императрицы Елисаветы сдѣлалась грустнѣе съ тѣхъ поръ, когда Императоръ Александръ не сталъ скрывать своихъ близкихъ отношеній къ знаменитой тогда красавицѣ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, а Императрица лишилась 30 Апрѣля 1808 г. второй и послѣдней своей дочери Елисаветы (р. 3 Ноября 1806 г.), потерявъ первую, Марію, еще въ 1800 г. (р. 18 Мая 1799 г., † 27 Іюня 1800 г.). Первенствующее положеніе при дворѣ, всѣ исключительныя почести, присвоенныя супругѣ царствующаго государя, Императрица Елисавета предоставила своей свекрови, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая любила этикетъ, любила власть и поклоненіе; но именно эта скромность молодой Императрицы еще болѣе увеличила всеобщую любовь къ ней русскаго общества, то чувство поклоненія къ ней русскаго народа, чуднымъ выразителемъ котораго явился Пушкинъ въ посвященныхъ ей стихахъ. Долготерпѣливая Елисавета Алексѣевна дожила, однако, до того момента, когда Императоръ Александръ, предавшись въ концѣ своего царствованія созерцательной духовной жизни, съ оттѣнкомъ мистицизма, не могъ не проникнуться уваженіемъ къ своей супругѣ и началъ искать ея дружбы, и такимъ образомъ на закатѣ жизни царственныхъ супруговъ ихъ соединила душевная гармонія, которой недоставало имъ вначалѣ. По словамъ графини Шуазель-Гуфье, видѣвшей Императрицу Елисавету 45 лѣтъ, „она была средняго роста, хорошо сложена; въ лицѣ и станѣ ея были остатки прежней красоты; голосъ у нея былъ мягкій, проникавшій въ душу; улыбка меланхолическая; взоръ полный ума и что-то ангельское во всей фигурѣ ея говорили, что она принадлежитъ не этому свѣту“. Осенью 1825 г. Императоръ Александръ для поправленія здоровья Императрицы Елисаветы отправился съ нею въ Таганрогъ, гдѣ, по совѣту врачей, она искала и физическаго, и нравственнаго покоя. Но тяжелый недугъ подломилъ здѣсь силы Александра, и онъ скончался на рукахъ своей супруги 19 Ноября 1825 года. Ударъ этотъ поразилъ Императрицу въ самое сердце, и она начала таять съ каждымъ днемъ. Проникнутое глубокой скорбью письмо ея къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ о кончинѣ Императора Александра, начинавшееся словами: „Notre ange est au Ciel“, въ спискахъ распространилось по всей Россіи. Конецъ жизни Императрица предполагала провести въ деревенскомъ уединеніи, въ окрестностяхъ Москвы, но, на пути туда, она скончалась въ Бѣлевѣ 4 Мая 1826 года.

(Съ миніатюры Неншонъ 1801 г.; собственность Ю. С. Шереметевой, въ С.-Петербургѣ.)

L'Impératrice ELISABETH ALEXÉEWNA, 1779—1826, femme de l'Empereur Alexandre Ier, princesse de Bade, naquit le 13 janvier 1779. En 1792, elle vint avec sa mère à Pétersbourg sur l'invitation de l'Impératrice Catherine, qui la choisit comme épouse pour le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. Malgré l'extrême jeunesse des fiancés, le mariage eut lieu l'année suivante: le Grand-Duc n'avait que 16 ans, et la princesse 14. Cette union si prématurée ne donna pas le bonheur à la Grande-Duchesse, et pourtant elle le méritait bien, tant par sa beauté que par son extrême douceur. „Elle a le teint pâle", dit dans ses Mémoires Mme Vigée-Lebrun en racontant une entrevue avec elle, „des traits fins, une expression purement angélique, des cheveux blond-cendré retombant en désordre sur son front et dans son cou, la taille souple comme une nymphe. Je m'écriai: „C'est Psyché!". Le Grand-Duc ne sut pas apprécier sa femme, et il y eut un refroidissement, malgré toutes les amitiés dont l'Impératrice Catherine comblait sa petite-fille. A l'avènement de l'Empereur Paul, la position d'Elisabeth Alexéewna devint encore plus pénible. La vie à la Cour avec sa rigidité de caserne, l'inimitié de sa belle-mère l'Impératrice Marie Féodorowna, le détachement complet de son mari, tout entier aux obligations de service imposées par un père exigeant, tout cela la fit se renfermer dans un petit cercle d'intimes, se livrer à la vie contemplative et se consacrer à des œuvres de bienfaisance. Son esprit devint plus serein, sa bonté plus pénétrante, mais d'année en année elle rentrait davantage en elle-même, jusqu'à en oublier sa condition royale. Son caractère se trempa en même temps au creuset du malheur, et elle fut toujours d'un grand appui moral pour son mari devenu empereur, surtout aux jours d'épreuve de 1801 et de 1812. Sa vie personnelle devint encore plus triste du jour où il laissa voir ouvertement ses relations avec la belle et célèbre Mme Marie Narychkine, et aussi lorsqu'elle perdit sa seconde et dernière fille Elisabeth (3 novembre 1806—30 avril 1808), après avoir déjà perdu la première Marie (18 mai 1799—27 juin 1800). Elle abandonna sa situation prépondérante à la Cour et tous les honneurs extraordinaires dus à l'épouse de l'empereur régnant à sa belle-mère l'Impératrice Marie Féodorowna, qui aimait l'étiquette et tenait au pouvoir et aux honneurs, mais cette modestie ne fit qu'augmenter encore l'affection générale de la société russe et ce sentiment de déférence du peuple russe dont Pouchkine se montra le merveilleux interprète dans les vers qu'il lui dédia. A force de patience, elle finit cependant par voir le moment où l'Empereur, plongé à la fin de son règne dans une vie spirituelle contemplative et empreinte de mysticisme, ne put se défendre d'un profond sentiment d'estime pour elle et se mit à rechercher son amitié: ce fut ainsi au déclin de la vie que le couple royal trouva l'harmonie morale qui lui avait tant fait défaut au début. Au témoignage de la comtesse Choiseul-Gouffier, qui vit l'Impératrice Elisabeth à l'âge de 45 ans, „elle était de taille moyenne, bien faite, et conservait dans son visage et dans sa tournure des restes de sa beauté passée; elle avait une voix douce et pénétrante, un sourire mélancolique. Son regard plein d'esprit et quelque chose d'angélique dans toute sa personne disaient qu'elle n'était pas de ce monde". A l'automne de 1825, l'Empereur Alexandre Ier la conduisit pour sa santé à Taganrog, où elle allait chercher, sur le conseil des médecins, le repos tant physique que moral. Mais là, terrassé par une grave maladie, il succomba aux bras de sa femme le 19 novembre 1825. Frappée en plein cœur, l'Impératrice commença à dépérir de jour en jour. Une lettre pénétrée d'une profonde douleur, qu'elle écrivit à l'Impératrice Marie Féodorowna et qui commençait par ces mots: „Notre ange est au Ciel", fut copiée et répandue par toute la Russie. Elle pensait passer le reste de sa vie dans l'isolement de la campagne, aux environs de Moscou, mais elle succomba en route, à Béleff, le 4 mai 1826.

(D'après une miniature de Pinchon 1801, appartenant à Mme J. Chérémeteff, St-Pétersbourg.)

Цесаревна и Великая Княгиня АННА ѲЕОДОРОВНА, 1781—1860, дочь герцога Франца-Фридриха Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургскаго, супруга Цесаревича Константина Павловича; до принятія православія именовалась принцессой Юліаной-Генріеттой-Ульрикой, родилась 23 Сентября 1781 года. Въ концѣ 1795 г. принцесса Юліана привезена была матерью вмѣстѣ съ двумя своими сестрами въ Петербургъ и здѣсь выбрана въ супруги Великому Князю Константину Павловичу. 15 Февраля 1796 г. было совершено ихъ бракосочетаніе. Красивая брюнетка, съ добрымъ сердцемъ, искавшимъ счастія въ семейной жизни, Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна на первыхъ же порахъ супружества убѣдилась въ грубомъ отношеніи къ себѣ мужа, который хотя и считалъ ее „прелестнѣйшей изъ женщинъ“, но видѣлъ въ ней лишь игрушку своихъ прихотей: заставлялъ ее присутствовать на своихъ оргіяхъ, вводилъ къ ней во время ея болѣзни, въ спальню, раннимъ утромъ барабанщиковъ, которые звуками барабана будили ее трепещущую, испуганную до смерти, и т. д. Великая Княгиня должна была, наконецъ, положить предѣлъ этой постоянной пыткѣ и въ 1801 г. выѣхать изъ Россіи, несмотря на сочувствіе къ себѣ всѣхъ членовъ Императорской фамиліи и всего русскаго общества.

Въ 1820 г., вслѣдствіе желанія Цесаревича Константина Павловича вступить въ морганатическій бракъ съ графиней Іоанной Грудзинской, Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна получила формальный разводъ съ Цесаревичемъ, объявленный манифестомъ 20 Февраля. Всю остальную свою жизнь Анна Ѳеодоровна провела въ Парижѣ и Швейцаріи, въ замкѣ Эльфенау, близъ Берна, гдѣ и скончалась 10 Августа 1860 года.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великой Княгинѣ Елисаветѣ Ѳеодоровнѣ.)

La Césarewna et Grande-Duchesse **ANNA FÉODOROWNA**, 1781—1860, fille du duc François-Frédéric de Saxe-Saalfeld-Cobourg, femme du Césarewitch Constantin Pavlowitch, avant sa conversion à l'orthodoxie princesse Julienne-Henriette-Ulrique, naquit le 23 septembre 1781. A la fin de 1795, sa mère l'amena avec ses deux sœurs à Pétersbourg, où elle fut choisie comme épouse du Grand-Duc Constantin. Le mariage eut lieu le 15 février 1796. Jolie brune, excellent cœur qui cherchait le bonheur en ménage, la jeune Grande-Duchesse ne tarda pas à s'apercevoir de la grossièreté de son mari, qui, tout en la trouvant „la plus charmante des femmes", ne voyait en elle qu'un jouet pour ses caprices, la contraignant d'assister à ses orgies, et, quand elle était malade, faisant entrer le matin dans sa chambre des tambours qui la réveillaient en sursaut toute effrayée et tremblante. Elle dut finir par mettre un terme à ce supplice incessant, et quitta la Russie en 1801, emportant la sympathie de toute la Famille Impériale et de toute la société russe.

En 1820, pour permettre au Césarewitch Constantin d'épouser morganatiquement la comtesse Jeanne Groudzinsky, on lui accorda un divorce régulier, proclamé par un manifeste le 20 février. Elle passa tout le reste de sa vie à Paris et en Suisse, au château d'Elfenau, près Berne, où elle mourut le 10 août 1860.

(D'après une miniature appartenant à la Grande-Duchesse Elisabeth Féodorowna.)

126

Пис. Г. Дау — *Peint par Daw*

Великая Княгиня Анна Павловна, 1795 — 1865

La Grande-Duchesse Anne Pavlowna, 1795 — 1865

127

Пис. Пешонъ, 1801 — Peint par Pinchon, 1801

Императрица Елисавета Алексѣевна, 1779 — 1826

L'Impératrice Elisabeth Alexéewna, 1779 — 1826

128

Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна, 1781 — 1860

La Grande-Duchesse Anne Féodorowna, 1781 — 1860

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1733—1791, старшій сынъ Новгородскаго вице-губернатора Григорія Ивановича Орлова († 1 Апрѣля 1746 г.) отъ брака съ Лукеріей Ивановной Зиновьевой, родился 3 Сентября 1733 г.; 16-и лѣтъ онъ поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ, но служилъ недолго и вышелъ въ отставку „гвардіи фурьеромъ“. Послѣ смерти отца, онъ принялъ на себя всѣ хозяйственныя заботы и управленіе нераздѣльными имѣніями всѣхъ пяти братьевъ, при чемъ младшій, Владиміръ, воспитывался въ его домѣ. Семья Орловыхъ была патріархальная, чисто русская семья, и когда умеръ отецъ, его мѣсто занялъ старшій братъ Иванъ: къ нему перешли обязанности старшаго въ родѣ, на него было перенесено уваженіе младшихъ, которые, по преданію, въ присутствіи „старика“ не садились безъ позволенія, въ письмахъ цѣловали ему руки. Всѣ братья жили необыкновенно дружно, любили и поддерживали другъ друга. До самой смерти, даже тогда, когда Орловы, благодаря перевороту 28 Іюня 1762 г., сдѣлались графами и обладателями колоссальнаго состоянія, Иванъ управлялъ всѣми ихъ имѣніями, и авторитетъ его въ этомъ отношеніи безусловно признавался братьями: „старинушка“, „папинька-сударушка“ отличался „домовитостью“ и расчетливостью. Графъ Иванъ Григорьевичъ почти безвыѣздно жилъ въ Москвѣ и въ „низовыхъ деревняхъ“, на Волгѣ, гдѣ, въ одномъ Надѣинскомъ Усольѣ только, Орловымъ принадлежало свыше 300/т. десятинъ земли. Орловъ только изрѣдка пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ и повидаться съ братьями. Въ Петербургѣ онъ постоянно ворчалъ, жаловался на дороговизну: „Принужденъ всюду платить по-княжески, а мошна у него дворянская, 25 рублей обѣдъ изъ 6 блюдъ на двоихъ или троихъ“, но это не мѣшало ему зато увлекаться картами и проигрывать въ вечеръ по нѣскольку тысячъ, что еще болѣе его разстроивало; особенно много заботъ и хлопотъ причинялъ ему своей расточительностью мотъ Григорій, устраивая дѣла котораго, онъ „уставалъ, какъ собака“. Восшествіе на престолъ Екатерины II дало Орловымъ богатство и рядъ служебныхъ успѣховъ, но Иванъ Орловъ, получивъ графскій титулъ и чинъ капитана Преображенскаго полка, навсегда оставилъ службу и всякую общественную дѣятельность. Только въ Большой Комиссіи, выбранный въ „маршалы“ и отказавшись отъ этого званія, онъ участвовалъ въ качествѣ депутата отъ дворянъ Вяземскаго уѣзда.

Графъ И. Г. Орловъ погребенъ въ родовой усыпальницѣ въ с. Отрадѣ, близъ Москвы, гдѣ на его могилѣ находится слѣдующая надпись: „Графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ, старшій изъ 5 братьевъ, родился 3 Сентября 1733 г., скончался 18 Ноября 1791 г., 58 лѣтъ, къ сокрушенію друзей и сожалѣнію всѣхъ честныхъ людей. При восшествіи на престолъ Государыни Екатерины II произведенъ капитаномъ гвардіи Преображенскому полку; хотя ему и предлагаемы были знатные чины и другія отличія отъ Монархини, но онъ отъ всего съ благодарностью отказывался, ничего не принялъ и остался во все время въ отставкѣ капитаномъ“. 29 Декабря Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: „Спокойно писали (т.-е. Екатерина II) съ моей руки къ графу А. Г. (т.-е. Орлову-Чесменскому) о пріемлемомъ участіи въ печали по смерти брата его графа И. Г. Орлова“.

Графъ И. Г. Орловъ былъ женатъ на Елизаветѣ Федоровнѣ Ртищевой (р. 28 Іюля 1750 г., † 30 Ноября 1834 г.), родной сестрѣ главнокомандующаго въ Грузіи Н. Ф. Ртищева; дѣтей не имѣлъ. Послѣ его смерти братья произвели раздѣлъ, при чемъ прежде всего выдѣлили полторы тысячи душъ вдовѣ старшаго брата, пережившей мужа на много лѣтъ.

(Съ портрета, находящагося у князей Мещерскихъ въ селѣ Дугинѣ, Смоленской губ.)

Le comte **IVAN GRIGORIEWITCH ORLOFF**, 1733—1791, fils aîné de Grégoire Ivanowitch Orloff († 1er avril 1746), vice-gouverneur de Novgorod, et de Glycère Ivanowna, née Zinovieff, naquit le 3 septembre 1733. A 16 ans, il entra simple soldat au régiment Préobragensky, mais ne resta pas longtemps militaire et prit sa retraite comme „fourrier de la Garde". A la mort de son père, il se chargea de toutes les affaires de famille et prit la gérance des biens indivis des cinq frères, dont le plus jeune, Vladimir, fut élevé chez lui. La famille Orloff était patriarcale, une vraie famille russe, et, quand le père vint à manquer, il fut remplacé par l'aîné des fils: ce fut Ivan qui hérita des obligations de chef de famille, ce fut à lui que passa le respect des jeunes, qui, conformément à la tradition, ne s'asseyaient pas sans permission en présence de „l'ancien", et lui baisaient les mains dans leurs lettres. Tous les frères vivaient dans une union extraordinaire, s'aimant et se soutenant mutuellement. Jusqu'à sa mort, même après que les Orloff, grâce au coup d'état du 28 juin 1762, furent devenus comtes et possesseurs d'une fortune colossale, ce fut Ivan qui administra tous leurs biens, et son autorité en la matière était incontestablement reconnue par ses frères: „l'ancien", le „petit papa chéri" se distinguait par son esprit d'ordre et d'économie. Il était presque constamment à Moscou ou dans ses terres de la Volga, où les Orloff possédaient entre autres plus de 500.000 hectares d'un seul tenant. Il ne venait que rarement à Pétersbourg pour affaires ou pour voir ses frères. Il y était sans cesse à grogner et à se plaindre de la cherté: „Il faut partout la bourse d'un prince, et je n'ai que celle d'un noble; 25 roubles six plats pour deux ou trois couverts". Cela ne l'empêchait pas de se laisser entraîner aux cartes et de perdre des milliers de roubles dans une soirée, ce qui le bouleversait complètement. Il avait surtout beaucoup de soucis et de tracas avec la prodigalité de ce dissipateur de Grégoire, dont les affaires „lui donnaient un mal de chien". L'avènement de Catherine II apporta aux Orloff la fortune et une série de succès dans le service, mais Ivan, devenu comte et capitaine au régiment Préobragensky, quitta définitivement le service et renonça à toute fonction publique. A la Grande Commission, où il refusa le titre de maréchal, il siégea simplement comme député de la noblesse du district de Viazma.

Le comte Ivan Orloff fut inhumé dans le caveau de famille à Otrada, près Moscou; on lit sur sa tombe l'épitaphe suivante: „Le comte Ivan Grigoriewitch Orloff, aîné de 5 frères, né le 3 septembre 1733, décédé le 18 novembre 1791, âgé de 58 ans, à la désolation de ses amis et au regret de tous les honnêtes gens. A l'avènement de l'Impératrice Catherine II, fait capitaine au régiment Préobragensky de la Garde, l'avancement et les distinctions que lui proposa la Souveraine, il les refusa noblement, ne voulut rien accepter et resta toute sa vie capitaine de la Garde". Le 29 décembre, Khrapovitzky note dans son Journal: „S. M. a écrit tranquillement d'après mon brouillon au comte A. G." (Orloff-Tchesmensky) „la part prise à son chagrin de la mort de son frère le comte I. G. Orloff".

Le comte Ivan Orloff avait épousé Elisabeth Féodorowna Rtichtcheff (28 juillet 1750—30 novembre 1854), sœur du commandant en chef de Géorgie; il n'eut pas d'enfants. A sa mort, ses frères firent un partage, et commencèrent par réserver 1500 têtes de paysans à la veuve de leur aîné, qui survécut de longues années à son mari.

(D'après un original se trouvant chez les princes Mechtchersky, Douguino, gouv. de Smolensk.)

Князь ЮРІЙ ВЛАДИМИРОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1740—1830, сынъ генералъ-лейтенанта князя Владиміра Петровича († 1761 г.) отъ брака съ княжной Еленой Васильевной Хилковой († 12 Мая 1763 г.), родился 2 Ноября 1740 г.; въ чинѣ капитана, принялъ участіе въ Семилѣтней войнѣ и въ битвѣ при Гросъ-Егерсдорфѣ былъ тяжело раненъ въ голову. Въ 1763 г. онъ командовалъ Петербургскимъ полкомъ, а въ 1767 г. Екатерина въ Казани, сдѣлавъ смотръ этому полку, произвела князя Долгорукаго въ генералъ-майоры, назначивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ майоромъ Преображенскаго полка, по желанію графа А. Г. Орлова. Во время первой Турецкой войны Долгорукій былъ посланъ графомъ Орловымъ въ Черногорію для поимки появившагося тамъ подъ именемъ Петра III самозванца Степана Малаго и вовлеченія черногорцевъ въ борьбу противъ турокъ. Миссія князя Долгорукаго была неудачна. Не понимая нравовъ и обычаевъ черногорцевъ, опасаясь интригъ со стороны турокъ и Венеціи, князь Долгорукій въ концѣ концовъ сдѣлалъ правителемъ Черногоріи арестованнаго имъ Степана Малаго и радъ былъ тайкомъ „изъ сего разбойничьяго гнѣзда вырваться“. Награжденный орденомъ Анны 1-й ст., князь Долгорукій участвовалъ въ морской экспедиціи графа А. Г. Орлова. При неудачномъ штурмѣ крѣпости Модона былъ раненъ въ руку и ногу; въ битвѣ при Чесмѣ командовалъ кораблемъ „Ростиславъ“. Отправленный въ С.-Петербургъ съ донесеніемъ о Чесменскомъ боѣ, изъ рукъ самой Императрицы получилъ Георгіевскій крестъ и орденъ св. Александра Невскаго. Не поладивъ съ Орловымъ, князь Долгорукій переведенъ былъ въ армію графа Румянцева, и въ чинѣ генералъ-аншефа, былъ назначенъ командующимъ легко-конными полками въ Харьковѣ. Въ 1787 г. онъ былъ пожалованъ въ подполковники Преображенскаго полка. Во время второй Турецкой войны взялъ крѣпости Аккерманъ и Бендеры, за что получилъ Андреевскую ленту. Съ 1790 по 1796 г. три раза выходилъ въ отставку по неумѣнію ладить съ сильными людьми, особенно съ княземъ П. А. Зубовымъ, хотя въ 1793 г. и получилъ орденъ Владиміра 1-й степени. Павелъ I, тотчасъ по воцареніи, назначилъ князя Долгорукаго главнокомандующимъ въ Москвѣ и шефомъ Астраханскаго гренадерскаго полка; въ коронацію жена Долгорукаго была пожалована въ статсъ-дамы. 29 Ноября 1797 г. онъ былъ уволенъ отъ должности. Въ 1798 г. Павелъ I снова приблизилъ его къ себѣ, назначилъ членомъ Совѣта и пожаловалъ ему Мальтійскій крестъ. По интригамъ „злодѣевъ“, распустившихъ слухи, что князь Долгорукій „въ сердечныхъ дѣлахъ интригуетъ“, онъ былъ немедленно „изъ службы изгнанъ“ и съ того времени (17 Декабря 1798 г.) велъ жизнь частнаго человѣка. Только въ 1806 г. онъ былъ начальникомъ ополченія седьмой области. Князь Долгорукій пережилъ всѣхъ близкихъ и умеръ одинокимъ 8 Ноября 1830 г. въ Москвѣ.

Онъ былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Бутурлиной († въ Дек. 1811 г.), на сестрѣ которой, Варварѣ, ранѣе его женился его родной братъ, князь Василій. Отъ этого брака, долгое время не признававшагося законнымъ, онъ имѣлъ двухъ дочерей: Елену († въ молодости) и Варвару (р. 1778 г., † 10 Мая 1828 г.; за кн. Ал. П. Горчаковымъ), и сына Василія (р. 1776 г., † 2 Сентября 1810 г.; генералъ-адъютантъ).

Почти единственнымъ источникомъ для біографіи князя Ю. В. Долгорукаго служатъ составленныя имъ „Записки“ объ его жизни. „Записки“, какъ и всякая автобіографія, болѣе годятся для составленія панегирика, чѣмъ безпристрастной характеристики. Впрочемъ, изъ самыхъ обстоятельствъ жизни и службы князя Долгорукаго открывается, что онъ имѣлъ „нравъ пылкій“ въ хорошемъ значеніи этого слова, былъ человѣкомъ искреннимъ и независимымъ. Своимъ девизомъ онъ избралъ „быть полезнымъ, честно вѣкъ провести и ни въ чемъ совѣстью не мучиться“. При неумѣньѣ и нежеланіи „подольщаться къ временщикамъ“, ему почти постоянно было „худо у Двора“: 5 разъ онъ оставлялъ службу. Не будучи выдающимся полководцемъ и дипломатомъ, онъ, повидимому, былъ и весьма посредственнымъ администраторомъ: задумавъ, напримѣръ, въ Москвѣ „ловить безпашпортныхъ“, онъ закрытіемъ заставъ и домовыми обысками произвелъ въ городѣ „большой шумъ“, а „нахваталъ“ только 70 человѣкъ. Но онъ не преувеличивалъ своихъ достоинствъ и знаній, и первый „засмѣялся“, когда Грейгъ предложилъ ему командовать кораблемъ; отправляясь во время первой Турецкой войны къ графу Орлову, онъ отказался отъ Аннинской звѣзды и 20.000 рублей на томъ основаніи, что „не успѣлъ еще заслужить никакихъ наградъ“. Онъ былъ добрымъ семьяниномъ и родственникомъ. Дружба его съ братомъ была такъ нѣжна, что они „къ удивленію всѣмъ служили“; оба брата и ихъ жены—„всѣ четверо составляли какъ бы одного человѣка“.

(Съ портрета, принадлежащаго свѣтлѣйшей княгинѣ А. С. Салтыковой, С.-Петербургъ.)

Le prince **YOURI VLADIMIROWITCH DOLGOROUKY**, 1740—1830, fils du prince Vladimir Pétrowitch Dolgorouky († 1761), général lieutenant, et de la princesse Hélène Vassiliewna Khilkoff († 12 mai 1765), naquit le 2 novembre 1740. Il fit comme capitaine la Guerre de Sept-Ans, et, à la bataille de Gross-Egersdorf, fut grièvement blessé à la tête. En 1763, il fut mis à la tête du régiment de Pétersbourg, et en 1767, Catherine II, à une revue de ce régiment passée à Kazan, le promut général major et le nomma en même temps major au régiment Préobragensky, sur la demande du comte A. Orloff. Lors de la première guerre de Turquie, le comte Orloff le chargea d'aller au Monténégro se saisir d'un usurpateur, Stéphane Maly, qui s'y était déclaré sous le nom de Pierre III, et entraîner les Monténégrins dans la lutte contre les Turcs. Cette mission échoua. Ne comprenant rien aux mœurs et aux usages du peuple, redoutant des intrigues turques et vénitiennes, le prince Dolgorouky finit par donner le pouvoir à Stéphane Maly, qu'il avait arrêté, et fut heureux en lui-même „de se sauver de ce repaire de brigands". Décoré de Ste-Anne de 1re classe, il fut ensuite de l'expédition navale du comte A. Orloff: à l'assaut infructueux de la forteresse de Modon, il fut blessé au bras et à la jambe; à Tchesmé, il commandait le Rostislav. Envoyé à Pétersbourg avec le rapport sur la bataille de Tchesmé, il reçut des propres mains de l'Impératrice la croix de St-Georges et l'ordre de St-Alexandre Newsky. A la suite de démêlés avec Orloff, il passa à l'armée du comte Roumiantzeff, et, comme général en chef, fut mis à la tête des régiments de cavalerie légère de Kharkoff. En 1787, il fut fait lieutenant colonel au régiment Préobragensky. A la seconde guerre de Turquie, la prise d'Akkermann et de Bender lui valut le cordon de St-André. De 1790 à 1796, il fut trois fois mis à la retraite pour n'avoir pas su s'arranger avec des puissants, notamment avec le prince P. Zouboff, et reçut pourtant en 1793 St-Vladimir de 1re classe. Paul Ier, dès son avènement, le fit commandant en chef de Moscou et chef des grenadiers d'Astrakhan; au couronnement, sa femme fut nommée dame d'honneur. Le 29 novembre 1797, il fut relevé de sa charge. En 1798, Paul Ier le fit rentrer en grâce en le nommant membre du Conseil et chevalier de l'ordre de Malte. Les menées de „scélérats", qui répandirent le bruit qu'il „intrigue dans des affaires de cœur" le firent immédiatement „chasser du service", et dès lors (17 décembre 1798), il se retira dans la vie privée. En 1806 seulement, il fut commandant de la milice de la septième région. Il perdit successivement tous ses proches et mourut isolé le 8 novembre 1830, à Moscou.

Le prince Dolgorouky épousa la comtesse Catherine Alexandrowna Boutourline († décembre 1811), dont son frère Basile avait épousé la sœur Varvara. De ce mariage, qui resta longtemps sans être considéré comme légal, il eut deux filles, Hélène, morte jeune, et Varvara (1778—10 mai 1828), mariée au prince Alexis Gortchakoff, et un fils, Basile (1776—2 septembre 1810), général aide de camp.

Comme documents pour la biographie du prince Dolgorouky, on n'a guère que ses Mémoires. Or les mémoires, et en général les autobiographies sont plus propres à fournir des matériaux pour un panégyrique que pour une caractéristique impartiale. Au demeurant, les péripéties même de sa vie et de sa carrière révèlent une humeur vive, au sens favorable du mot, franche et indépendante. Il avait pour devise: „être utile, se faire une vie honorable et sans remords". Pour n'avoir su ni voulu flagorner les favoris du moment, il fut presque incessamment „mal en Cour", et dut, à cinq reprises, interrompre sa carrière. Sans rien d'extraordinaire comme militaire et comme diplomate, il ne semble pas non plus avoir été au-dessus du médiocre comme administrateur: ainsi, à Moscou, afin de „ramasser les gens sans passeport", il ordonna des perquisitions domiciliaires et la fermeture des barrières, ce qui fit dans la ville „grand tapage", et pour „pincer" seulement soixante-dix délinquants. Mais il ne s'exagérait pas ses mérites ni ses connaissances et fut le premier à rire lorsque Greigh lui proposa le commandement d'un vaisseau: en partant rejoindre le prince Orloff à la première guerre de Turquie, il refusa l'étoile de Ste-Anne et une gratification de 20.000 roubles en disant „qu'il n'avait encore rien fait pour mériter des récompenses". Il fut bon père de famille et bon parent. Son amitié avec son frère était si tendre, „qu'ils faisaient l'admiration de tout le monde"; les deux frères et leurs femmes étaient „à eux quatre comme un seul homme".

(D'après un original appartenant à la princesse sérénissime A. Saltykoff, St-Pétersbourg.)

Графиня МАРІЯ РОДІОНОВНА ПАНИНА, 1746—1775, дочь генералъ-майора Родіона Кондратьевича Ведель († 1754), женатаго на Настасьѣ Богдановнѣ Пассекъ, родилась въ Ахтырскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, въ 1746 году. Дѣтство свое она провела вмѣстѣ съ старшей своей сестрой, Анной Родіоновной, въ имѣніи Веделевкѣ, Воронежской губерніи, подъ присмотромъ набожной и благочестивой матери. По семейному преданію, незадолго до своей смерти въ 1756 г., г-жа Ведель ѣздила съ дочерьми на богомолье къ Ахтырской Божіей Матери, которая въ видѣніи предрекла ей близкую кончину и обѣщала быть матерью ея дочерямъ. Лишившись матери, онѣ не были, однако, оставлены судьбой; изъ деревенской глуши онѣ были привезены въ Петербургъ и воспитаны Императрицей Елисаветой Петровной во дворцѣ. Въ 1762 г. обѣ сестры были пожалованы Петромъ III во фрейлины и сдѣлали блестящія партіи. Анна Родіоновна вышла за графа З. Г. Чернышева, а Марія Родіоновна—за генералъ-аншефа, сенатора, графа Петра Ивановича Панина (1721—1789). Свадьба состоялась 18 Апрѣля 1767 г. во дворцѣ, безъ всякой, впрочемъ, пышности, а на другой день молодые ужинали за столомъ Императрицы. Отъ первой своей жены, Анны Алексѣевны Татищевой, графъ Панинъ имѣлъ 17 человѣкъ дѣтей. Графиня Марія Родіоновна подарила его еще пятью, изъ коихъ пережили ее только двое: сынъ, графъ Никита Петровичъ, и дочь, Софія Петровна (р. 1772 г., † 1833 г.; была замужемъ за сенаторомъ П. В. Тутолминымъ).

Графиня М. Р. Панина скончалась въ родахъ, на 30-мъ году жизни, 12 Апрѣля 1775 г., и похоронена въ Ахтыркѣ, въ церкви Ахтырской Божіей Матери, рядомъ съ родителями. Точно предчувствуя ожидавшую ее трагическую участь, она еще въ 1770 г., передъ рожденіемъ сына Никиты, писала изъ Харькова своему деверю, графу Н. И. Панину: „Есть ли какая надежда къ полученію мнѣ изъ Петербурга несносной колдуньи, отъ которой однако же спасеніе жизни зависѣть будетъ, или же мнѣ оставаться придется безъ всякой помощи, на волю Божію. Знаю, что все сіе почтете за малодушіе и меня осудите; но воля ваша: здѣсь меня застращали трагическими разсказами о многихъ женщинахъ, безъ помощи умершихъ съ здѣшними бабками, чего мнѣ право не хочется“.

Графиня Панина была женщина съ сильнымъ характеромъ, набожная и добродѣтельная, но чрезвычайно вспыльчивая, гордая и упрямая. По цѣлымъ часамъ бывало она горькими слезами оплакивала порывы своего необузданнаго гнѣва. Однимъ изъ любимыхъ занятій ея была охота, и въ родовомъ имѣніи Панинныхъ, селѣ Дугинѣ, Смоленской губерніи, долго сохранялся принадлежавшій ей карабинъ. Мужъ очень любилъ ее и постоянно, даже во время войны, бралъ ее съ собою въ походы, но она не пользовалась пріязнью его многочисленной Куракинской родни, не прощавшей ей ея „капризовъ и нестерпимой спѣси“. Ея вліянію и неудовлетворенному будто бы честолюбію приписывали родные графа Панина удаленіе его въ отставку въ 1770 г., вслѣдствіе недостаточнаго признанія Императрицею Екатериною II его военныхъ заслугъ при взятіи Бендеръ. „Она не такъ сотворена“, писала княжна А. А. Куракина, „чтобы быть чѣмъ-нибудь въ свѣтѣ довольной; для чего всѣ способы употребила, чтобы принудить его (мужа) свое состояніе перемѣнить, о чемъ теперь можетъ и сожалѣетъ. Исполнилъ чрезъ это только прихоть своей никѣмъ не терпимой половины, которая ничѣмъ въ свѣтѣ не довольна, чрезъ что дѣлаетъ его навѣкъ несчастливымъ, а намъ всѣмъ огорченія“.

Изображена графиня М. Р. Панина пишущей портретъ своей дочери Софіи.

(Съ портрета, принадлежавшаго княгинѣ М. А. Мещерской, село Дугино, Смоленской губ.)

La comtesse MARIE RODIONOWNA PANINE, 1746—1775, fille du général major Rodion Kondratiewitch Wedel († 1754) et d'Anastasie Bogdanowna Passek, naquit en 1746 dans le district d'Akhtyrka, gouvernement de Kharkoff. Elle passa son enfance, ainsi que sa sœur aînée Anne, dans la propriété de Wedelewka, gouvernement de Voronèje, sous la garde d'une mère pieuse et dévote. D'après une tradition de famille, leur mère, peu de temps avant sa mort en 1756, alla avec elles en pèlerinage près de la Vierge d'Akhtyrka, qui lui apparut, lui annonça sa fin prochaine et lui promit de leur servir de mère. A sa mort, pourtant, elles ne furent pas laissées à la merci du sort: elles furent tirées du fond de leur province, amenées à Pétersbourg et élevées au Palais par l'Impératrice Elisabeth Pétrowna. En 1762, Pierre III les fit demoiselles d'honneur, et elles devinrent de brillants partis. Anne épousa le comte Z. Tchernycheff, et Marie le comte Pierre Ivanowitch Panine (1721—1789), général en chef et sénateur. Le mariage fut célébré le 18 avril 1767 au Palais, sans aucune pompe d'ailleurs, et le lendemain, les jeunes époux dînèrent à la table de l'Impératrice. De sa première femme, Anne Alexéewna Tatichtcheff, le comte Panine avait eu 17 enfants. Sa seconde femme lui en donna cinq autres, dont deux seulement survécurent à leur mère, un fils, Nikita, et une fille, Sophie (1772—1833), mariée au sénateur I. Toutolmine.

La comtesse Panine mourut en couches dans sa 30e année, le 12 avril 1775, et fut inhumée à Akhtyrka, dans l'église de la Vierge d'Akhtyrka, près de ses parents. Comme si elle prévoyait la mort tragique qui l'attendait, elle écrivait de Kharkoff dès 1770, avant la naissance de son fils Nikita, à son beau-frère le comte N. Panine: „Ai-je quelque espoir de recevoir de Pétersbourg l'affreuse sorcière de qui va cependant dépendre mon salut, ou bien resterai-je sans secours, à la grâce de Dieu? Je sais que vous appellerez cela de la pusillanimité et que vous me condamnerez, mais ça m'est égal: on m'a effrayée ici avec des histoires tragiques de femmes mortes sans secours aux mains des accoucheuses du pays, et je n'ai pas envie de ça du tout".

La comtesse Panine était une femme forte, pieuse et vertueuse, mais très emportée, fière et entêtée: il lui arriva de rester des heures entières à pleurer à chaudes larmes de s'être laissée aller à un accès de colère effréné. Une de ses occupations favorites était la chasse, et on conserva longtemps sa carabine à Douguino, près Smolensk, le domaine patrimonial des Panine. Son mari l'aimait beaucoup et ne s'en séparait jamais, même en campagne; mais elle ne plaisait guère à ses nombreux parents du côté des Kourakine, qui ne lui pardonnaient pas „ses caprices et sa morgue insupportable". C'est à son influence et soi-disant à son ambition froissée que la famille du comte Panine attribua sa démission en 1770, l'Impératrice Catherine n'ayant pas suffisamment apprécié ses services à la prise de Bender. „Elle n'est pas faite", écrivait la princesse A. Kourakine, „pour être contente de rien au monde; ainsi elle a employé tous les moyens pour le faire renoncer à sa carrière, et elle le regrette peut-être maintenant. Il n'a fait qu'obéir au caprice de son insupportable et toujours mécontente moitié, qui le rend ainsi à jamais malheureux et nous tous désolés".

La comtesse Panine est représentée travaillant au portrait de sa fille Sophie.

(D'après un original ayant appartenu à la princesse M. Mechtchersky, Douguino, gouv. de Smolensk.)

Графиня АННА ПЕТРОВНА ШЕРЕМЕТЕВА, 1744—1768, старшая дочь оберъ-камергера графа Петра Борисовича Шереметева (1713—1788) и княжны Варвары Алексѣевны Черкасской, родилась 18 Декабря 1744 года. Росла и развивалась она очень благопріятно и была любимицей родителей. По разсказамъ современниковъ, она была „очаровательная женщина; имѣла небольшіе черные глаза, смуглое оживленное лицо, маленькія, тонкія, красивыя руки, но черты лица были нехороши“. Пожалованная въ 1760 г. во фрейлины Императрицей Елисаветой, она получила позволеніе жить дома, а не во дворцѣ, что являлось рѣдкимъ исключеніемъ. Это не мѣшало ей бывать постоянно при Дворѣ и въ обществѣ Великаго Князя Павла Петровича, съ коимъ воспитывался ея братъ, графъ Николай Петровичъ. Въ домѣ отца ея бывали домашніе „благородные“ спектакли, въ которыхъ участвовалъ и Цесаревичъ, и на одномъ изъ нихъ, 21 Февраля 1766 г., была разыграна комедія въ 1 дѣйствіи „Зенеида“, въ которой дѣйствующими лицами явились: Великій Князь, графиня Анна Петровна, въ роли волшебницы, и графини Д. И. и И. П. Чернышевы, при чемъ на четырехъ лицахъ, въ ней участвовавшихъ, было надѣто брилліантовъ на 2 милліона рублей. На придворной карусели, бывшей въ Петербургѣ 11 Іюля 1766 г., гр. Шереметева „славно отличилась въ римской кадрили“ и получила золотую медаль съ ея именемъ. Около того же времени въ нее имѣлъ несчастіе влюбиться воспитатель Великаго Князя Павла Петровича, С. А. Порошинъ. По этому поводу между ними произошло какое-то столкновеніе, „ein donkischotischer Streich“, по выраженію академика Тауберта, послужившее если не причиною, то по крайней мѣрѣ гласнымъ поводомъ къ отставкѣ Порошина отъ великокняжескаго двора. „M. Porochine est congédié de la Cour pour les impertinences qu'il a faites par rapport à Mlle Chérémeteff“, писалъ Д. И. Фонъ-Визинъ въ 1766 году.

Разсказывали, что Екатерина II предназначала графиню Шереметеву, одну изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Россіи, для одного изъ братьевъ Григорія Орлова, но что, когда за нее посватался графъ Никита Ивановичъ Панинъ, Императрица сама продиктовала старшему изъ Орловыхъ отказъ за брата отъ ея руки. Помолвка графини Анны Петровны съ графомъ Н. И. Панинымъ, оберъ-гофмейстеромъ Великаго Князя Павла Петровича, другомъ и ровесникомъ ея отца (родился въ 1718 г.), состоялась въ началѣ 1768 г., а 17 Мая того же года, за нѣсколько дней до свадьбы, графиня А. П. Шереметева скончалась отъ оспы. Говорили, что она заразилась отъ оспенной матеріи, пущенной изъ мести неизвѣстной соперницей въ табакерку съ табакомъ, подаренную ей женихомъ. „Жалость тебѣ напишу: Анна Петровна Шереметева умерла отъ воспы, такъ сильная воспа была“, сообщала графиня Е. М. Румянцева мужу 30 Мая 1768 года, „отецъ и женихъ въ неутѣшной горести. Никита Иванычъ былъ во всю болѣзнь невѣстину въ Петербургѣ, жилъ у брата и черезъ третьи руки имѣлъ извѣстія, что происходило съ невѣстою“. Болѣзнь невѣсты оберъ-гофмейстера Цесаревича поставила въ „превеликій амбара“ саму Императрицу, опасавшуюся передачи ея Великому Князю черезъ графа Н. И. Панина, „хотя онъ и выѣхалъ изъ дома Шереметева кой часъ пятна показались“.

Графиня Шереметева погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Интересно, что графъ Н. П. Шереметевъ завѣщалъ себя „погребсти въ тотъ же монастырь, подлѣ гроба покойной сестры моей, графини Маріи Петровны Шереметевой, которая въ жизни ея называлась графинею же Анною Петровною Шереметевою“.—На могилѣ ея надпись: „На мѣстѣ семъ погребена Графиня Анна Петровна Шереметева, дщерь Графа Петра Борисовича, невѣста Графа Никиты Ивановича Панина, Фрейлина премудрыя Монархини, представившаяся на 24-мъ году, 1768 г., Мая 17 дня, и вмѣсто брачнаго чертога, тѣло ея предано нѣдрамъ земли, а непорочная ея душа возвратилась къ непорочному своему источнику въ животъ вѣчный, къ вѣчному и живому Богу.

А Ты, о Боже! гласъ родителя внемли,
Да будетъ дочь его, отъятая Судьбою,
Толико въ небеси прехвальна предъ Тобою,
Колико пребыла прехвальна на земли“.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ А. А. Комаровской, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse **ANNE PÉTROWNA CHÉRÉMETEFF**, 1744—1768, fille aînée du comte Pierre Borissowitch Chérémèteff (1715—1788), grand chambellan, et de la princesse Varvara Alexéewna Tcherkassky, naquit le 18 décembre 1744. Elle grandit et se développa dans les meilleures conditions et fut la préférée de ses parents. Au témoignage des contemporains, „c'était une femme ravissante, avec ses petits yeux noirs, son teint bronzé, sa physionomie animée et ses belles mains, petites et fines; mais elle n'avait pas de beaux traits". Nommée en 1760 demoiselle d'honneur de l'Impératrice Elisabeth, elle reçut l'autorisation d'habiter chez elle, au lieu de rester au Palais, ce qui était une rare exception. Cela ne l'empêchait pas d'être constamment à la Cour et dans la société du Grand-Duc Paul Pétrowitch, camarade d'enfance de son frère Nicolas. Son père organisait chez lui des représentations „morales", dans lesquelles jouait aussi le Grand-Duc, et une fois, le 21 février 1766, on donna ainsi une comédie en un acte, Zénéide, dont les acteurs étaient le Grand-Duc, la comtesse Anne, dans le rôle de la magicienne, et les comtesses Daria et Natalie Tchernycheff; ils portaient à eux quatre pour plus de deux millions de roubles de diamants. Au carrousel donné à la Cour le 11 juillet 1766, la comtesse Chérémèteff „se distingua particulièrement dans le quadrille romain" et reçut une médaille d'or à son nom. Vers le même temps, le précepteur du Grand-Duc, S. Porochine, eut le malheur de devenir amoureux d'elle, et ce fut l'occasion d'un conflit entre eux, comme dit l'académicien Taubert, „ein donkischotischer Streich", qui servit de prétexte, sinon de raison véritable, au renvoi de Porochine de la Cour du Grand-Duc: „M. Porochine est congédié de la Cour pour les impertinences qu'il a faites par rapport à Mlle Chérémèteff", écrivait von Vizine en 1766.

On raconte que Catherine II destinait la comtesse Chérémèteff, un des plus riches partis de Russie, à un des frères de Grégoire Orloff, mais que, lorsqu'elle se fut fiancée au comte Nikita Panine, l'Impératrice elle-même dicta à l'aîné des Orloff une renonciation à sa main au nom de son frère. Les fiançailles avec le comte Panine, grand maître de la Cour du Grand-Duc Paul, ami et compagnon d'âge du père de la jeune comtesse (né en 1718), eurent lieu au commencement de 1768, et, le 17 mai suivant, quelques jours avant le mariage, la fiancée mourut de la petite vérole: une rivale inconnue aurait, dit-on, déposé une étoffe contaminée dans une tabatière, cadeau de son fiancé. „J'ai un malheur à t'annoncer: Anne Chérémèteff est morte de la petite vérole", écrivait la comtesse C. Roumiantzeff à son mari le 30 mai 1768; „le père et le fiancé sont inconsolables. Nikita a passé tout le temps de la maladie à Pétersbourg, chez son frère, se faisant donner par des tiers des nouvelles de sa fiancée". Cette maladie mit l'Impératrice même „dans un très grand embarras", elle redoutait pour le Grand-Duc la contagion par son grand maître de la Cour, „qui pourtant a quitté la maison Chérémèteff dès l'apparition des boutons".

La comtesse Chérémèteff fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Un fait curieux, c'est que le comte N. Chérémèteff exprima dans son testament le vœu „d'être inhumé dans ce même monastère, près de ma sœur défunte, la comtesse Marie Pétrowna Chérémèteff, appelée de son vivant comtesse Anne Pétrowna Chérémèteff". Son tombeau porte l'inscription: „Ci-gît la Comtesse Anne Pétrowna Chérémèteff, fille du Comte Pierre Borissowitch, fiancée du Comte Nikita Ivanowitch Panine, Demoiselle d'honneur de notre très sage Souveraine, décédée dans sa 24e année, le 17 mai 1768. Au lieu de la chambre nuptiale, son corps fut livré aux entrailles de la terre, et son âme immaculée a fait retour à sa source immaculée, la vie éternelle, le Dieu vivant et éternel.

Ecoutez, ô mon Dieu, la prière d'un père:
Que sa fille, enlevée par un coup du Destin,
Soit dans le Ciel aussi louable devant Vous
Que louable elle fut ici-bas sur la terre".

(D'après un original appartenant à la comtesse A. Komarowsky, St-Pétersbourg.)

129

Графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ,
1733 — 1791

Le Comte Ivan Grigoriewitch Orloff,
1733 — 1791

130

Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій,
1740 — 1830

Le Prince Youri Vladimirowitch Dolgorouky,
1740 — 1830

131

Графиня Марія Родіоновна Панина,
174. — 1775

La Comtesse Marie Rodionowna Panine,
174. — 1775

132

Графиня Анна Петровна Шереметева,
1744 — 1768

La Comtesse Anna Pétrowna Chérémèteff,
1744 — 1768

Графиня АННА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1740—1794, была дочь Александра Васильевича Исленьева († 1740 г.), женатаго на Маріи Артемьевнѣ Загряжской (р. 1722 г., † 1787 г.). Судя по тому, что она была второй изъ двухъ дочерей, и что матери ея было 18 лѣтъ, когда умеръ ея отецъ, ея рожденіе можно почти безошибочно отнести къ 1740 году. А. А. Исленьева вступила въ бракъ съ генералъ-фельдмаршаломъ по флоту, начальникомъ Морской коллегіи, графомъ И. Г. Чернышевымъ, послѣ смерти его первой жены, графини Елизаветы Осиповны Ефимовской (р. 15 Апрѣля 1734 г., † 7 Октября 1755 г.). Съ назначеніемъ мужа посланникомъ при Англійскомъ дворѣ, сопровождала его въ Лондонъ, гдѣ въ ея честь былъ выбитъ жетонъ съ гербами Чернышевыхъ и Исленьевыхъ; подобный же жетонъ былъ отчеканенъ въ память ея пребыванія съ мужемъ на конгрессѣ въ Аугсбургѣ, въ 1766 году. Она имѣла двухъ дочерей: Екатерину (замужемъ за Ф. Ф. Вадковскимъ) и Анну (за А. А. Плещеевымъ), и сына Григорія († 1830 г.), женатаго на Е. П. Квашниной-Самариной.

Графиня А. А. Чернышева скончалась въ Январѣ 1794 г. и погребена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

Графиня Чернышева принадлежала къ числу самыхъ модныхъ дамъ Петербургскаго общества временъ Екатерины II и была очень дружна съ Великой Княгиней Натальей Алексѣевной. Домъ Чернышевыхъ славился своимъ гостепріимствомъ, жили они очень открыто и нерѣдко принимали у себя Императрицу, которая, будучи у нихъ на новосельѣ, въ 1766 г., въ новомъ ихъ домѣ, подарила графинѣ бриллиантовую эгретку. Странно при этомъ, что, несмотря на высокое положеніе мужа, графиня Анна Александровна не имѣла ни статсъ-дамскаго портрета, ни Екатерининскаго ордена, хотя обѣ дочери ея были фрейлинами. Привѣтливая и любезная, она была очень любима въ обществѣ и вела свѣтскую жизнь; между прочимъ имя ея встрѣчается въ числѣ приглашенныхъ на спектакль у графа П. Б. Шереметева въ присутствіи Императрицы и всего двора, гдѣ она исполняла обязанности „указательницы мѣстъ“, въ то время, какъ баронесса Е. И. Черкасова, рожденная Биронъ, была капельмейстеромъ любительскаго оркестра. Радушный пріемъ у графини Чернышевой находили иностранные дипломаты, которыхъ она встрѣчала за границей, и иностранные путешественники. Одинъ изъ нихъ, нѣкій кавалеръ де-Портальсъ, влюбившійся въ нее въ Парижѣ, послѣдовалъ за ней въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ ею очень холодно, что немало удивило его друзей изъ французскаго посольства, знавшихъ ея легкомысленный характеръ. Особеннымъ ея вниманіемъ пользовался французскій посланникъ маркизъ де-Жуинье, истратившій будто бы много денегъ на уплату ея долговъ въ Парижѣ. Интересно, что самую полную и при томъ весьма нелестную характеристику графини А. А. Чернышевой оставилъ одинъ изъ наиболѣе частыхъ ея посѣтителей, секретарь французскаго посольства кавалеръ де-Корберонъ, имѣвшій, впрочемъ, причины считать себя обиженнымъ презрѣніемъ, съ которымъ графиня Чернышева отвергла его посредничество въ любовной интригѣ Порталиса. „Она глупа и вообще скучна“, говоритъ онъ про нее, „любезна только съ тѣми, кто ей нуженъ въ данную минуту; очень строга къ другимъ, а сама, какъ говоритъ весь городъ, не умѣла ни въ чемъ отказать своему камердинеру“. Онъ же намекаетъ на то, что за денежныя услуги, оказываемыя ея мужу, она сообщала иностраннымъ дипломатамъ разныя свѣдѣнія, при томъ завѣдомо невѣрныя. „Cette femme est bête“, прибавляетъ онъ, „et la très humble servante de son mari; elle serait méchante si elle en avait l'étoffe“.

Графиня А. А. Чернышева изображена художницей на портретѣ вмѣстѣ съ дочерью Екатериной, въ замужествѣ Вадковской.

(Съ портрета Анжелики Кауфманъ; собственность Г. Г. Черткова, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse ANNE ALEXANDROWNA TCHERNYCHEFF, 1740—1794, était fille d'Alexandre Vassiliewitch Isléneff († 1740) et de Marie Artémiewna Zagriajsky (1722—1787). Etant donné qu'elle était la seconde de deux filles et que sa mère avait 18 ans à la mort de son père, on peut fixer presque à coup sûr sa naissance à 1740. Elle épousa le comte I. Tchernycheff, général feld-maréchal de la flotte, directeur du Collège Naval, veuf de la comtesse Elisabeth Ossipowna Efimowsky (15 avril 1734—7 octobre 1755). Lorsque son mari fut nommé ambassadeur à la cour d'Angleterre, elle l'accompagna à Londres, où fut frappée en son honneur une médaille aux armes des Tchernycheff et des Isléneff; une autre médaille semblable fut frappée en mémoire de sa présence avec son mari au congrès d'Augsbourg, en 1766. Elle eut deux filles, Catherine, mariée à Th. Vadkowsky, et Anne, à A. Plechtchéeff, et un fils Grégoire († 1830), qui épousa Mlle E. Kvachnine-Samarine.

La comtesse Tchernycheff mourut en janvier 1794 et fut inhumée à l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre-Newsky.

La comtesse Tchernycheff était des dames les plus à la mode du temps de Catherine II et très liée avec la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna. La maison des Tchernycheff était connue pour son hospitalité: on y recevait beaucoup, et assez souvent même l'Impératrice, qui, à l'inauguration de leur nouvelle maison, en 1766, fit présent à la comtesse d'une aigrette en diamants. Il est dès lors surprenant qu'avec la situation élevée du comte, sa femme n'eût ni le portrait de dame d'honneur, ni l'ordre de Ste-Catherine, quand leurs deux filles étaient demoiselles d'honneur. Accueillante et aimable, elle était très aimée dans la société et menait la vie mondaine; on la trouve notamment au spectacle donné chez le comte P. Chéréméteff en présence de l'Impératrice et de toute la Cour, et où elle plaçait les invités, tandis que la baronne C. Tcherkassoff, née Biron, dirigeait l'orchestre d'amateurs. Elle réservait le meilleur accueil aux diplomates étrangers, dont elle faisait la connaissance dans leur pays, ainsi qu'aux étrangers de passage. Un certain chevalier de Portalis, entre autres, devenu amoureux d'elle à Paris, la suivit à Pétersbourg, où elle lui fit une réception assez froide, ce qui ne fut pas sans étonner ses amis de l'ambassade de France, qui connaissaient la légèreté de la comtesse. Elle témoignait une bienveillance particulière à l'ambassadeur de France, le marquis de Juigné, qui aurait, dit-on, dépensé de grosses sommes à payer les dettes faites par elle à Paris. Chose curieuse, le portrait le plus complet, peu flatteur du reste, qu'on ait de la comtesse Tchernycheff est d'un de ses visiteurs les plus assidus, le chevalier de Corberon, secrétaire de l'ambassade de France, qui avait d'ailleurs des raisons de se trouver offensé du dédain avec lequel elle repoussa son entremise dans l'intrigue amoureuse de Portalis. „Elle est bête et en général ennuyeuse; elle n'est aimable qu'avec celui qui lui est utile sur le moment. Très sévère pour les autres, elle-même, toute la ville le dit, n'a rien eu à refuser à son valet de chambre". C'est encore lui qui révèle qu'en échange de services d'argent rendus à son mari, elle communiquait aux diplomates étrangers divers renseignements, qu'elle savait faux. „Cette femme est bête", répète-t-il, „et la très humble servante de son mari; elle serait méchante si elle en avait l'étoffe".

La comtesse Tchernycheff est représentée ici avec sa fille Catherine.

(D'après l'original d'Angélique Kaufmann, appartenant à G. Tchertkoff, St-Pétersbourg.

134

Графъ ПЕТРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1712—1773, старшій братъ графа Захара (см. № 15), родился 25 Марта 1712 г.; крестникъ Петра Великаго, онъ въ дѣтствѣ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ, съ 1722 по 1727 г. служилъ въ Гольштинскихъ войскахъ, затѣмъ, пожалованный въ камеръ-юнкеры (въ 1730 г.) и въ камергеры (въ 1739 г.), назначенъ былъ въ 1741 г. посланникомъ въ Данію. Перейдя на дипломатическое поприще, Чернышевъ послѣдовательно былъ представителемъ Россіи въ Мадридѣ, Берлинѣ и, наконецъ, въ Лондонѣ. Кавалеръ ордена св. Александра Невскаго, произведенный въ 1754 г., 5 Сентября, въ генералъ-лейтенанты, Чернышевъ былъ отозванъ въ слѣдующемъ году изъ Англіи и 4 Іюля 1760 г. назначенъ посломъ въ Парижъ, гдѣ оставался до 26 Іюля 1762 г.; за это время онъ былъ сдѣланъ дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ и получилъ отъ Петра III Андреевскую ленту.

Графъ Чернышевъ умеръ въ С.-Петербургѣ 20 Августа 1773 г.; на памятникѣ его, на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, слѣдующая надпись: „Жилъ 61 г. 4 м. 26 д. Служилъ онъ своимъ Государямъ и Отечеству 45 л., сперва въ арміи и при дворѣ, потомъ съ 1740 по конецъ 1755 полномочнымъ министромъ при Датскомъ, Прусскомъ и Англійскомъ дворахъ. По возвращеніи отъ сего послѣдняго опредѣленъ къ присутствію въ Пр. Сенатѣ, въ 1760 г. опредѣленъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ къ Французскому двору, откуда паки въ отечество возвратился въ 1763 г., съ котораго времени онъ продолжалъ присутствовать въ Сенатѣ и, наконецъ, отъ умножившихся ему болѣзней, смерть жизнь его пресѣкла къ крайней горести его ближнихъ и къ искреннему соболѣзнованію его друговъ и почитателей".

Графъ Чернышевъ былъ женатъ на дочери знаменитаго графа А. И. Ушакова, Екатеринѣ Андреевнѣ, отъ которой онъ имѣлъ 2 дочерей: Наталію (за княземъ В. Б. Голицынымъ; о ней см. I т.) и Дарію (за графомъ И. П. Салтыковымъ; см. I т.). Покровительству тестя графъ Чернышевъ былъ обязанъ своими служебными успѣхами, равно какъ позднѣе покровительству Императрицы Елисаветы, осыпавшей почестями его отца, денщика Петра I, и его мать, фаворитку Великаго Императора.

Необыкновенно скупой, Чернышевъ оставилъ большое состояніе. По словамъ князя Долгорукаго, „c'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outrecuidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer".

(Съ портрета Рослена; собственность Г. Г. Черткова, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte **PIERRE GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF**, 1712—1775, frère aîné du comte Zakhare (v. № 15), naquit le 25 mars 1712. Filleul de Pierre-le-Grand, il fut enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, servit de 1722 à 1727 aux troupes de Holstein, puis, fait en 1730 gentilhomme de la chambre, et en 1739 chambellan, fut nommé en 1741 ambassadeur en Danemark. Passé dans la carrière diplomatique, il fut successivement représentant de la Russie à Madrid, à Berlin et enfin à Londres. Chevalier de St-Alexandre Newsky, général lieutenant le 5 septembre 1754, il fut rappelé d'Angleterre l'année suivante et nommé le 4 juillet 1760 ambassadeur à Paris, où il resta jusqu'au 26 juillet 1762; dans l'intervalle, il fut fait conseiller privé actuel et reçut de Pierre III le cordon de St-André.

Le comte Tchernycheff mourut à St-Pétersbourg le 20 août 1773; on lit sur son monument, au cimetière St-Lazare, monastère d'Alexandre Newsky, l'épitaphe suivante: „Il vécut 61 ans, 4 mois, 26 jours. Il servit ses Souverains et sa Patrie 45 ans, d'abord dans l'Armée et à la Cour, puis de 1740 à la fin de 1755 comme ministre plénipotentiaire près les Cours de Danemark, de Prusse et d'Angleterre. A son retour de cette dernière Cour, il alla siéger au Sénat Dirigeant, en 1760 fut nommé ambassadeur et plénipotentiaire près la Cour de France, d'où il rentra de nouveau dans sa patrie en 1763: il continua de ce moment à siéger au Sénat, et enfin, à la suite de ses multiples maladies, la mort vint interrompre ses jours, à la profonde douleur de ses proches et au regret sincère de ses amis et de ses admirateurs".

Le comte Tchernycheff avait épousé la fille Catherine du célèbre comte Ouchakoff, dont il eut deux filles, Natalie (v. T. I, № 42), qui épousa le prince V. Golitzyne, et Daria (v. T. I, № 70) le comte I. Saltykoff. Ce fut à la protection de son gendre que le comte Tchernycheff dut ses succès de carrière, ainsi que plus tard à celle de l'Impératrice Elisabeth, qui combla d'honneurs son père, ordonnance de Pierre-le-Grand, et sa mère, favorite du grand empereur.

D'une avarice extraordinaire, Tchernycheff laissa une grosse fortune. Au témoignage du prince Dolgorouky, „c'était un homme d'esprit et de talent, mais d'un orgueil démesuré, d'une vanité outrecuidante et d'une hauteur insoutenable; il ne se fit guère aimer".

(D'après l'original de Roslin, appartenant à G. Tchertkoff, St-Pétersbourg.)

133

Графиня Анна Александровна Чернышева, съ дочерью Екатериной

La comtesse Anna Alexandrowna Tchernytcheff, avec sa fille Catherine

134

Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ,
1712 — 1773

Le comte Pierre Grigorewitch Tchernytcheff,
1712 — 1773

Графъ ВЛАДИМІРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1743—1831, младшій изъ пяти братьевъ, родился 8 Іюля 1743 г., рано остался сиротой и дѣтство провелъ въ домѣ старшаго брата Ивана. Жизнь въ деревнѣ укрѣпила его силы: онъ былъ больнымъ и слабымъ ребенкомъ; 20-и лѣтъ братья отправили его за границу, и 9 Іюля 1763 г. онъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, гдѣ пробылъ 3 года. Здѣсь онъ пріобрѣлъ любовь къ наукѣ, особенно къ астрономіи, уваженіе къ нѣмецкимъ ученымъ и усвоилъ привычки жизни нѣмецкаго провинціальнаго города, что вполнѣ согласовалось съ его личными вкусами: любовью къ тихой семейной жизни и всегдашней склонностью къ хозяйственнымъ заботамъ. Скромные нѣмецкіе ученые навсегда завоевали его симпатіи. Вопреки общему теченію, онъ не увлекался французской философіей XVIII в. и ея блестящими представителями, онъ не любилъ даже французскаго языка и никогда на немъ не говорилъ. По возвращеніи въ Россію, Екатерина II пожаловала его въ камеръ-юнкеры (въ 1766 г.) и часто называла „философомъ“, почему, вѣроятно, и назначила его 6 Октября 1766 г. директоромъ Академіи Наукъ; въ 1767 г. онъ сопровождалъ Императрицу въ путешествіи по Волгѣ, велъ дневникъ и перевелъ 15-ую главу изъ „Велизарія“ Мармонтеля, чѣмъ занимались на досугѣ путники. Какъ директоръ Академіи, которая находилась „въ великомъ нестроеніи и почти въ совершенномъ упадкѣ“, Орловъ сдѣлалъ много, хотя, и не могъ привести ее „въ прежнее цвѣтущее состояніе“. Онъ обревизовалъ суммы Академіи, покровительствовалъ русскимъ молодымъ людямъ, ѣхавшимъ за границу, и энергично организовалъ нѣсколько научныхъ экспедицій, особенно по наблюденію за прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца. Въ 1770 г. Орловъ сдѣланъ былъ камергеромъ и путешествовалъ по Россіи, по обыкновенію ведя дневникъ; въ 1771 г., почти приговоренный врачами къ смерти, ѣздилъ лѣчиться за границу и тутъ завелъ личное знакомство и переписку со многими учеными. 5 Декабря 1774 г. онъ былъ уволенъ въ отставку, съ чиномъ генералъ-поручика, и навсегда удалился отъ службы, живя среди многочисленной семьи въ Москвѣ, въ домѣ на Никитской, и въ любимой своей подмосковной „Отрадѣ“. Здѣсь графъ окружилъ себя многочисленной дворней, выстроилъ домъ, развелъ паркъ въ англійскомъ вкусѣ и позднѣе устроилъ тутъ же, при церкви св. Владиміра, фамильную Орловскую усыпальницу. У него были свои оркестръ и хоръ; любитель музыки, онъ былъ большимъ почитателемъ Бортнянскаго. Олени украшали паркъ, соловьи, отправлявшіеся изъ Москвы, должны были наполнять его пѣніемъ, рыбы собирались на кормленіе по звонку... Паркъ въ Отрадѣ занимаетъ около 600 десятинъ и орошается искусственными ключами и каскадами. Владѣлецъ собралъ въ Отрадѣ громадную библіотеку, стѣны комнатъ обвѣшалъ гравюрами и картинками изъ естественной исторіи, географіи и т. п. Цѣль была педагогическая: въ теченіе болѣе полустолѣтія графъ воспитывалъ въ своемъ домѣ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, въ то же время усердно занимаясь своимъ обширнымъ хозяйствомъ. Похоронивъ въ 1817 г. жену, переживъ сыновей, выдавъ замужъ всѣхъ дочерей и увидѣвъ взрослыми внуковъ, графъ Орловъ почти въ одиночествѣ доживалъ свой долгій вѣкъ. Въ 1829 г., 27 Апрѣля, онъ лишился любимой внучки Аделаиды Паниной и отправилъ въ Англію учиться любимаго внука В. П. Давыдова (позднѣе графъ Орловъ-Давыдовъ), съ которымъ велъ постоянную переписку. „Я не менѣе желаю видѣть тебя лично“, пишетъ дѣдъ, „но слуху ты переросъ меня, желаю превзойти меня и въ нравственномъ; съ дѣтства любилъ я правду, паче желалъ быть добрымъ, исполнилось ли сіе — не вѣдаю; мы бываемъ пристрастны къ себѣ“.... Графъ Орловъ скончался въ Москвѣ, 28 Февраля 1831 г.; похороненъ въ Отрадѣ. До глубокой старости онъ сохранилъ свѣтлыя черты характера и полное обладаніе всѣми душевными чувствами и способностями, онъ былъ любимъ за доброту и искренность, „благоволеніе и любовь выражались въ его чертахъ“. Въ теченіе своей долгой жизни онъ носилъ много разныхъ костюмовъ, начиная съ шитаго кафтана и гвардейскаго Екатерининскаго мундира, кончая длиннымъ байковымъ сюртукомъ или фракомъ съ шелковымъ камзоломъ, вмѣсто жилета; въ одномъ карманѣ онъ носилъ толстые часы, въ другомъ выписки изъ Евангелія и табакерку. Графъ Орловъ былъ женатъ съ 1768 г. на фрейлинѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ (р. 1741 г., † 7 Сентября 1817 г.) и имѣлъ двоихъ сыновей: Александра (р. 1769 г., † 1787 г.) и Григорія (р. 1777 г., † 23 Іюня 1826 г.), и трехъ дочерей: Екатерину (р. 7 Ноября 1770 г., † 31 Октября 1849 г.; за Д. А. Новосильцевымъ), Софію (р. 6 Ноября 1774 г., † 7 Января 1844 г.; за гр. И. П. Паниным) и Наталію (р. 4 Іюня 1782 г., † 12 Сентября 1819 г.; за П. Л. Давыдовымъ).

(Съ портрета Фогеля 1812 г.; собственность князя П. Н. Мещерскаго, въ Москвѣ.)

Le comte VLADIMIR GRIGORIEWITCH ORLOFF, 1743—1831, le plus jeune des cinq frères, naquit le 8 juillet 1743. Orphelin de bonne heure, il passa son enfance chez son frère aîné Ivan. La vie de la campagne affermit ses forces: c'était un enfant chétif et délicat. Quand il eut 20 ans, ses frères l'envoyèrent à l'étranger, et, le 9 juillet 1763, il entra à l'Université de Leipzig, où il resta trois ans. Il y apprit à aimer la science, notamment l'astronomie, et à estimer les savants allemands, et s'y fit à la vie d'une ville de province allemande, qui allait bien avec ses penchants personnels, son amour de la vie paisible d'intérieur et son goût pour le soin des affaires domestiques. Les modestes savants allemands conquirent pour toujours ses sympathies. Résistant au courant général, il ne se laissa pas séduire par la philosophie française du XVIIIe siècle avec ses brillants représentants: il n'aimait même pas le français et ne le parla jamais. A son retour en Russie, Catherine II le fit, en 1766, gentilhomme de la chambre; elle l'appelait souvent „le philosophe", et ce fut sans doute pourquoi elle le nomma, le 6 octobre 1766, directeur de l'Académie des Sciences. En 1767, il accompagna l'Impératrice dans son voyage de la Volga, tint son journal et fit la traduction du chapitre 15 du Bélisaire de Marmontel, à laquelle les voyageurs travaillaient à leurs moments de loisir. Comme directeur de l'Académie, qui se trouvait „dans un grand désordre et en décadence presque complète", Orloff fit beaucoup, sans pouvoir cependant la ramener „à l'état florissant de jadis". Il revisa le budget de l'Académie, protégea les jeunes russes qui allaient à l'étranger, et organisa avec énergie un certain nombre d'expéditions scientifiques, notamment pour l'observation du passage de Vénus sur le Soleil. En 1770, il fut fait chambellan et voyagea en Russie, rédigeant comme d'ordinaire un journal. En 1771, presque condamné par les médecins, il alla se soigner à l'étranger, où il fit la connaissance personnelle de plusieurs savants et entra en correspondance avec eux. Le 5 décembre 1774, il fut mis à la retraite avec rang de général lieutenant et quitta définitivement le service pour se retirer au sein de sa nombreuse famille, à Moscou, dans sa maison de la Nikitzkaïa, et, aux environs, dans sa propriété préférée d'Otrada. Il s'y entoura d'une nombreuse domesticité, construisit une maison, fit un parc à l'anglaise, et organisa là même, près son église de St-Vladimir, une sépulture de famille. Il avait un orchestre et des chœurs à lui; amateur de musique, il était grand admirateur de Bortniansky. Le parc était peuplé de cerfs; des rossignols envoyés de Moscou devaient le remplir de leurs chants; des poissons venaient chercher leur nourriture à l'appel de la cloche.... Ce parc, d'environ 600 hectares, était arrosé par des sources et des cascades artificielles. Le comte réunit à Otrada une bibliothèque considérable et fit mettre partout, dans un but pédagogique, des gravures et des tableaux d'histoire naturelle, de géographie, etc.: durant plus d'un demi-siècle, il fit chez lui l'éducation de ses enfants, petits-enfants et arrière-petits-enfants, s'occupant activement en même temps de son immense intérieur. Après avoir vu mourir sa femme († 1817) et ses fils, marié toutes ses filles et conduit ses petits-enfants jusqu'à l'âge d'homme, le comte Orloff termina sa longue vie presque sans personne autour de lui. Il perdit sa petite-fille préférée, Adélaïde Panine, le 27 avril 1829, et envoya son petit-fils préféré V. Davydoff (plus tard comte Orloff-Davydoff) faire ses études en Angleterre. Il était avec lui en correspondance suivie: „Je ne désire pas moins te voir en personne", lui écrit-il; „il paraît que tu es plus grand que moi: je te souhaite de me dépasser aussi au moral; dès l'enfance j'aimai la justice. J'ai non moins désiré être bon; y ai-je réussi, je ne sais: on n'est pas impartial avec soi-même".... Le comte Orloff mourut à Moscou, le 28 février 1831, et fut inhumé à Otrada. Il conserva jusque dans une vieillesse avancée les traits lumineux de son caractère et dans toute leur intégrité ses sentiments et ses facultés. Il était aimé pour sa bonté et sa franchise; „la bienveillance et l'affection se reflétaient sur son visage". Dans le cours de sa longue vie, il porta nombre de costumes variés, depuis le caftan brodé et l'uniforme de la Garde de Catherine, jusqu'à la longue redingote de drap et l'habit avec veste de soie en guise de gilet; il avait dans une poche une grosse montre, et dans l'autre des citations de l'Evangile et sa tabatière. Il avait épousé en 1768 Elisabeth Ivanowna Stackelberg (1741—7 septembre 1817), demoiselle d'honneur, dont il eut deux fils: Alexandre (1769—1787) et Grégoire (1777—23 juin 1826), et trois filles: Catherine (7 novembre 1770—31 octobre 1849), mariée à D. Novossiltzoff, Sophie (6 novembre 1774—7 janvier 1844) au comte N. Panine et Natalie (4 juin 1782—12 septembre 1819) à P. Davydoff.

(D'après l'original de Vogel (1812) appartenant au prince P. Mechtchersky, Moscou.)

Графъ ФЕДОРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1741—1796, четвертый изъ пяти братьевъ Орловыхъ, родился 8 Февраля 1741 г.; въ 1749 г. поступилъ въ Кадетскій корпусъ, затѣмъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, гдѣ „явилъ опыты своей храбрости“. Свою ловкость и смѣлость Орловъ проявилъ въ дѣлѣ возведенія на престолъ Императрицы Екатерины II, въ чемъ игралъ, хотя и второстепенную сравнительно съ братьями, но тѣмъ не менѣе видную роль. Послѣ переворота 28 Іюня 1762 г. онъ былъ пожалованъ въ капитаны Семеновскаго полка, а въ день коронаціи Императрицы возведенъ съ братьями въ графское достоинство и сдѣланъ камеръ-юнкеромъ, 2 года спустя, 22 Сентября 1764 г.—камергеромъ. Замѣтивъ его способности и особенную гибкость ума, Екатерина готовила Орлова къ гражданской службѣ, и указомъ 20 Августа 1763 г. ему повелѣно „находиться безпрерывно въ Правительствующемъ Сенатѣ при текущихъ дѣлахъ и мѣсто имѣть за оберъ-прокурорскимъ столомъ“. Въ 1764 г. онъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4 Департамента Сената и пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго. Въ комиссіи 1767 г. Орловъ принималъ участіе въ качествѣ депутата отъ дворянъ Орловской губерніи. Турецкая война снова вернула Орлова на военное поприще: онъ отправился съ братомъ Алексѣемъ чрезъ Австрію въ Италію, подъ фамиліей гг. Острововыхъ. Имъ поручена была миссія поднять славянскіе народы противъ турокъ, возбудить возстаніе грековъ, вооружить и нанять Венеціанскій флотъ. Затѣмъ старшій Орловъ принялъ начальство надъ Архипелажской эскадрой и стяжалъ безсмертіе, и прозвище Чесменскаго, а Федоръ не совсѣмъ удачно командовалъ десантными войсками, и успѣхи его ограничились взятіемъ нѣсколькихъ мелкихъ укрѣпленій и крѣпости Короны. При Чесмѣ онъ находился на кораблѣ „Св. Евстафій“ и вмѣстѣ съ Спиридовымъ спасся съ него въ шлюпкѣ, при островѣ Гидрѣ разбилъ 18 турецкихъ кораблей. За свои подвиги Орловъ получилъ орденъ св. Георгія 2-й ст. большого креста, шпагу съ брильянтами и чинъ генералъ-поручика. Въ 1775 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-аншефа и больше уже не служилъ, несмотря на приглашеніе Екатерины II, которая хотѣла вручить командованіе флотомъ братьямъ Орловымъ во время второй Турецкой войны. Поселившись въ Москвѣ, Орловъ жилъ въ своемъ домѣ около Калужской заставы, рядомъ съ Нескучнымъ, или въ своемъ Подольскомъ имѣніи „Неразстанномъ“, недалеко отъ „Отрады“.

Орловъ не былъ женатъ, но имѣлъ отъ дочери Московскаго купца Елизаветы Михайловны Гусятниковой († 1791 г.), выданной замужъ за придворнаго камердинера Попова, и отъ Татьяны Федоровны Ярославовой—6 сыновей и 2 дочерей, изъ коихъ: Владиміръ и Елизавета умерли въ дѣтствѣ, Алексѣй достигъ высокаго положенія, былъ близкимъ лицомъ къ Николаю I, пожаловавшему ему графскій и княжескій титулъ, Михаилъ, генералъ-майоръ, извѣстный по капитуляціи Парижа, Григорій и Федоръ, раненые оба въ одинъ день въ 1812 г., и Анна, вышедшая замужъ за Безобразова.

Графъ Ф. Г. Орловъ умеръ въ Москвѣ 17 Мая 1796 г. и похороненъ въ селѣ Отрадѣ. Когда къ умирающему привели шестерыхъ его „воспитанниковъ“, онъ сказалъ имъ: „Живите дружно, мы дружно жили съ братьями, и насъ самъ Потемкинъ не сломилъ“. И дѣйствительно, графъ Ф. Г. Орловъ отличался упорствомъ и упрямымъ характеромъ; эгоистъ и большой честолюбецъ, онъ настойчиво стремился къ цѣли, и братья сравнивали его съ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Высокій, красивый силачъ, онъ бывалъ изъ первыхъ „красавцъ“ на маскарадахъ при дворѣ, когда мужчины наряжались женщинами, а дамы кавалерами. Весельчакъ и жуиръ, онъ былъ любимецъ братьевъ, которые прозвали его „Дунайкой“. „Изъ всѣхъ Орловыхъ“, говоритъ современникъ, „Федоръ былъ самый умный, тонкій, наиболѣе свѣдущій, но, быть-можетъ, и наиболѣе злой; его храбрость презирала всякое сопротивленіе“. По другому свидѣтельству, Орловъ „имѣлъ сердце доброе, нравъ веселый, былъ обходителенъ, чрезвычайно учтивъ со всѣми, отличался высокимъ станомъ, любезностью обхожденія, красотою и бѣлизною лица“.

(Съ портрета Рокотова; находится въ селѣ Дугинѣ, Смоленской губ., у князей Мещерскихъ.)

Le comte THÉODORE GRIGORIEWITCH ORLOFF, 1741—1796, le quatrième des cinq frères Orloff, naquit le 8 février 1741. Il entra en 1749 au Corps des Cadets, puis prit part à la Guerre de Sept-Ans, où il „manifesta des preuves de sa bravoure“. Son habileté et son audace se révélèrent dans l'affaire de l'élévation au trône de Catherine II, où il joua un rôle marquant, bien que secondaire en comparaison de celui de ses frères. Après le coup d'état du 28 juin 1762, il fut fait capitaine au régiment Sémenowsky, et, le jour du couronnement de l'Impératrice, élevé avec ses frères à la dignité de comte et fait gentilhomme de la chambre, puis, deux ans après, le 22 septembre 1764, chambellan. Catherine remarqua ses capacités et sa souplesse d'esprit particulière, et le destina au service civil: un oukaze du 20 août 1763 lui ordonna „d'assister en permanence au Sénat Dirigeant à l'expédition des affaires courantes, et de siéger à la table du haut procureur“. En 1764, il fut nommé haut procureur au 4e département du Sénat et décoré de St-Alexandre Newsky. Il fut membre de la commission de 1767 comme député de la noblesse d'Orel. La guerre de Turquie le fit rentrer dans la carrière militaire: son frère Alexis et lui traversèrent l'Autriche et passèrent en Italie, sous le nom d'Ostrovoff. Ils avaient mission de soulever les nationalités slaves contre les Turcs, de fomenter une révolte des Grecs et d'armer, pour le compte de la Russie, la flotte vénitienne. Ce fut alors que l'aîné des Orloff, à la tête de l'escadre de l'Archipel, s'assura l'immortalité et le surnom de Tchesmensky, tandis que Théodore était moins heureux avec le corps de descente, et ne put qu'enlever quelques menus retranchements et la forteresse de Korona: à Tchesmé, il était sur le Saint-Eustache, d'où il se sauva en chaloupe avec Spiridoff; il tailla en pièces dix-huit vaisseaux turcs en vue d'Hydra. Les exploits d'Orloff lui valurent la grand croix de St-Georges de 2e classe, une épée enrichie de diamants et le grade de général lieutenant. Il prit sa retraite en 1775 avec rang de général en chef, et ne rentra pas au service, malgré l'invitation de Catherine II, qui voulut, lors de la seconde guerre de Turquie, donner aux frères Orloff le commandement de la flotte. Il se fixa à Moscou, dans sa maison de la barrière de Kalouga, ou dans sa propriété de Nérazstanny, non loin de son Otrada.

Orloff ne fut pas marié, mais il eut, de la fille Elisabeth († 1791) du négociant moscovite Michel Goussiatnikoff, mariée au valet de chambre de la Cour Popoff, et de Tatiana Féodorowna Yaroslavoff, six fils et deux filles, parmi lesquels: Vladimir et Elisabeth morts en bas âge, Alexis, parvenu à une situation élevée et intime de Nicolas Ier, qui lui conféra les titres de comte et de prince, Michel, général major, connu par la capitulation de Paris, Grégoire et Théodore, blessés le même jour en 1812, et Anne, mariée à Bezobrazoff.

Le comte Orloff mourut à Moscou, le 17 mai 1796, et fut inhumé à Otrada. Il rassembla à son lit de mort ses six „pupilles“ et leur dit: „Soyez unis; mes frères et moi, nous étions unis, et nous avons tenu tête à Potemkine même“. Et effectivement, il était d'un entêtement et d'une opiniâtreté remarquables; égoïste et grand ambitieux, tenace à la poursuite de son but, ses frères le comparaient à Alexis Grigoriewitch. Grand, bel homme et d'une force colossale, c'était une des premières „beautés“ aux bals masqués de la Cour, quand les hommes se déguisaient en femmes et les dames en cavaliers. Bon vivant et jouisseur, il était le préféré de ses frères, qui l'appelaient Dounaïka. „De tous les Orloff“, dit un contemporain, „Théodore était le plus intelligent, le plus fin, le plus capable, mais peut-être aussi le plus mauvais; sa bravoure ne connaissait aucune résistance“. Au témoignage d'un autre, „il avait le cœur bon, l'humeur gaie, de l'affabilité et une extrême courtoisie pour tout le monde; il se faisait remarquer par sa haute taille, son amabilité, sa beauté et la blancheur de son teint“.

(D'après un original se trouvant à Douguino, gouv. de Smolensk, chez les princes Mechtchersky.)

Графъ ГРИГОРІЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1777—1826, младшій сынъ графа Владиміра Григорьевича отъ брака съ баронессой Елизаветой Ивановной Штакельбергъ; отецъ заботился о его воспитаніи, писалъ ему наставительныя письма, но отношенія были къ нему не такія нѣжныя, какъ къ старшему брату, рано умершему Александру. Отецъ между прочимъ укорялъ его за „дурачества“, которыя истекали изъ его легкомыслія и склонности къ расточительности. Увлекшись собираніемъ картинъ, эстамповъ и разныхъ художественныхъ рѣдкостей, сынъ надѣлалъ долговъ и писалъ отцу: „О сколь жалѣю я о непріятностяхъ, которыя я Вамъ причиняю; проклятая скорость и легкомысліе суть оному источники, но ни сердце, ни душа въ ономъ не участвовали, и Вы въ ономъ увѣрены“... При этомъ молодой графъ рѣшился разстаться съ своими коллекціями, чтобы заплатить долги. Чуждый Орловской расчетливости, онъ заключалъ свое письмо словами: „Обѣщать не хочу, а стараться буду сдѣлаться достойнымъ Васъ и Вашего имени“... Въ 1794 г. Орловъ былъ пожалованъ камеръ-юнкеромъ къ Великой Княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, а 12 Апрѣля 1798 г.— камергеромъ. 3 Февраля 1800 г. онъ женился на графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Салтыковой. Здоровье графини скоро потребовало поѣздки за границу, и графъ Орловъ, оставивъ службу, до самой кончины жены († 1824 г.) почти постоянно жилъ за границей, въ Италіи, Швейцаріи и больше всего въ Парижѣ, гдѣ въ его домѣ собиралось большое общество, преимущественно ученыхъ, литераторовъ и художниковъ. Самъ графъ сдѣлался авторомъ нѣсколькихъ сочиненій на французскомъ языкѣ, въ видѣ писемъ его къ графинѣ С. В. Строгановой; таковы: „Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples“, „Essai sur l'histoire de la musique en Italie“, „Essai sur l'histoire de la peinture en Italie“, „Voyage dans une partie de la France“. Кромѣ того, имъ роскошно изданы, съ превосходными гравюрами, басни Крылова на французскомъ языкѣ, при чемъ надъ переводомъ ихъ трудился цѣлый рядъ извѣстныхъ французскихъ литераторовъ и выдающихся людей того времени. Съ 1812 г. Орловъ состоялъ сенаторомъ 5-го департамента Сената и по смерти жены вернулся въ Россію. Однако, службѣ его вредила постепенно развивавшаяся глухота, съ нимъ трудно было разговаривать, но особенно обнаруживалось это, когда онъ, со свойственной ему страстью къ музыкѣ, начиналъ самъ дирижировать домашнимъ оркестромъ въ Отрадѣ. При этомъ старикъ отецъ и музыканты старались не показывать вида, что „результаты утреннихъ репетицій“ были далеко не удовлетворительны. Страдая какими-то нервными припадками, иногда обмороками, графъ Г. В. Орловъ казался въ общемъ здоровымъ, ему было всего 49 лѣтъ, и смерть его была неожиданной. Онъ скончался 23 Іюня 1826 г., поднимаясь по лѣстницѣ въ зданіи Сената. Дѣтей у него не было, и съ нимъ прекратился родъ Екатерининскихъ Орловыхъ.

Въ некрологѣ его въ „Отечественныхъ запискахъ“ (за 1826 г.) было сказано, что одинъ уже коллективный переводъ Крылова цѣлой группой иностранныхъ литераторовъ „свидѣтельствуетъ всеобщее къ нему уваженіе и любовь, кои заслуживалъ онъ добротою души и любовью ко всему изящному“, а князь П. А. Вяземскій такъ характеризовалъ графа Г. В. Орлова: „Въ немъ была европейская благонамѣренность въ умѣ и обращеніи; пожалуй говори, что не онъ писалъ свои книги; спасибо ему и за то, что русскій графъ, русскій баринъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, искалъ онъ отличія авторскаго и, слѣдовательно, признавалъ его въ душѣ“.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю П. П. Голицыну, село Марьино, Новгородской губ.)

Le comte GRÉGOIRE VLADIMIROWITCH ORLOFF, 1777—1826, le plus jeune fils du comte Vladimir Grigoriewitch Orloff et de la baronne Elisabeth Ivanowna Stackelberg. Son père prit soin de son éducation, lui écrivant des lettres de bons conseils, mais sans avoir pour lui la même tendresse que pour son aîné Alexandre, mort de bonne heure. Il lui reprochait, entre autres choses, des „folies", dues à sa légèreté et à son goût pour la dépense. Pris de la passion des tableaux, estampes et autres objets d'art, le fils avait fait des dettes et écrivait à son père: „O, combien je regrette les ennuis que je vous cause! Une maudite précipitation et ma légèreté en sont seules coupables, mais ni le cœur ni l'âme n'y sont pour rien, vous en êtes sûr"... En même temps le jeune comte prenait le parti de se défaire de ses collections pour payer ses dettes. Il n'avait pas l'esprit intéressé des Orloff et concluait par ces mots: „Je ne veux rien promettre, mais je m'efforcerai d'être digne de vous et de votre nom"... En 1794, Orloff fut fait gentilhomme de la chambre de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna et, le 12 avril 1798, devint chambellan. Le 5 février 1800, il épousa la comtesse Anna Ivanowna Saltykoff, que sa santé obligea bientôt à partir pour l'étranger: il quitta le service, et, jusqu'à la mort de sa femme († 1824), habita presque constamment l'Italie, la Suisse et surtout Paris, où il s'entoura d'une nombreuse société, principalement de savants, de littérateurs et d'artistes. Le comte lui-même composa en français un certain nombre d'ouvrages, sous forme de lettres à la comtesse S. Stroganoff: Mémoires historiques, politiques et littéraires sur le royaume de Naples, Essai sur l'histoire de la musique en Italie, Essai sur l'histoire de la peinture en Italie, Voyage dans une partie de la France. En outre, il publia, en édition de luxe, avec de magnifiques gravures, les Fables de Kryloff en français, traduites avec le concours de nombreux écrivains français connus et d'autres personnages éminents. En 1812, il fut sénateur au 3e département du Sénat, et, après la mort de sa femme, rentra en Russie. Pourtant sa carrière eut à souffrir de sa surdité toujours croissante, qui rendait pénible une conversation avec lui, mais se faisait surtout sentir quand il se mettait, avec sa passion pour la musique, à diriger lui-même son orchestre d'Otrada, et son vieux père et les musiciens s'efforçaient de ne pas laisser paraître combien „le résultat des répétitions du matin" était loin d'être satisfaisant. Sujet à des attaques nerveuses, parfois à des syncopes, le comte Orloff paraissait en général d'une bonne santé. Il avait 49 ans, et sa mort fut inopinée: il mourut subitement le 23 juin 1826 en montant l'escalier du Sénat. Il n'avait pas d'enfants, et avec lui s'éteignit la race des Orloff du temps de Catherine.

Dans sa nécrologie (Otetchestvennyia Zapiski, 1826), il est dit que le seul fait d'avoir fait traduire Kryloff par toute une réunion d'écrivains étrangers „lui assure l'estime et l'affection générales, qu'il méritait pour sa bonté d'âme et son amour du beau". Le prince P. Viazemsky dit de lui: „Il avait dans l'esprit et dans les manières une droiture à l'européenne. On dira qu'il ne faisait pas ses livres lui-même, soit! Bien heureux encore qu'un comte russe, un russe propriétaire de plusieurs milliers de têtes de paysans recherche la distinction d'être auteur et, par conséquent, l'apprécie dans l'âme"!

(D'après une miniature appartenant au prince P. Golitzyne, Maryino, gouv. de Novgorod.)

Графиня АННА ИВАНОВНА ОРЛОВА, 1777—1824, третья дочь фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова и жены его, графини Дарьи Петровны, рожденной Чернышевой, родилась въ 1777 году. Получивъ подъ руководствомъ матери тщательное воспитаніе, она хорошо знала иностранные языки и литературу и имѣла репутацію очень образованной женщины. Будучи фрейлиною Екатерины II, она была помолвлена въ Москвѣ 9 Ноября 1799 г., съ соизволенія Императора Павла, за „отставного камергера“ графа Григорія Владиміровича Орлова, сына младшаго изъ пяти братьевъ Орловыхъ. Получить это разрѣшеніе при извѣстной нелюбви Павла I къ Орловымъ стоило немалаго труда, и графиня Д. П. Салтыкова, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ Императора, сама ѣздила въ Петербургъ, чтобы уладить дѣло. Семейство же Орловыхъ было очень обрадовано этой свадьбой, состоявшейся 3 Февраля 1800 года. „Графинею Анною Ивановною мы всѣ чрезвычайно довольны; ласкова и внимательна, любить насъ, и мы ее любимъ; начало очень благое, слава Богу“, писалъ старый графъ В. Г. Орловъ графу Панину на другой день послѣ свадьбы. Но слабое здоровье графини Анны Ивановны, „Нины“, какъ ее звали въ семьѣ, скоро потребовало перемѣны климата и лѣченія за границею. Оставивъ службу, графъ Орловъ объѣхалъ съ женою Германію, Швейцарію, Италію и Англію въ тщетныхъ поискахъ за облегченіемъ мучившей ее жестокой болѣзни сердца, отъ которой она и скончалась въ Парижѣ 5 Декабря 1824 года. Тѣло ея было перевезено мужемъ въ Россію и предано землѣ въ семейномъ склепѣ въ селѣ Отрадѣ.

Графиня А. И. Орлова, говоритъ Арндтъ въ своихъ воспоминаніяхъ, была „прелестная женщина, полная ума и въ то же время самой милой простоты и наивности. Голубые глаза ея, глаза настоящей Гуснельды, испускали губительные лучи; она умѣла „флиртировать“ самымъ очаровательнымъ образомъ“. Въ 1812 г. въ Петербургѣ за нею очень ухаживалъ Штейнъ, нашедшій у нея, при ея горячемъ патріотизмѣ и ненависти къ Наполеону, самый радушный пріемъ. Поселившись съ мужемъ въ Парижѣ въ 1815 г., она вошла въ близкое соприкосновеніе съ умственной жизнью Франціи, и въ ея салонѣ собирались многіе писатели и ученые, привлекаемые литературными занятіями ея мужа. Графиня Орлова сама принимала участіе въ его трудахъ, какъ, напримѣръ, въ предпринятомъ имъ, при содѣйствіи 86 французскихъ и итальянскихъ писателей, переводѣ на французскій языкъ басенъ Крылова. „Въ домѣ Орловыхъ“, говоритъ Плетневъ, „открылся какъ бы турниръ поэзіи. Участникамъ хотѣлось не только понять смыслъ басни, но, такъ сказать, къ сердцу приложить каждый ея стихъ, каждое слово. Гостепріимные хозяева работали для нихъ неусыпно“.— Одинъ изъ гостей, Лемонте, посвятилъ графинѣ Орловой, послѣ смерти ея, замѣтку, въ которой превозноситъ „ея ангельскія черты, кроткую религіозность, ея широкую благотворительность и обширныя познанія“. „Въ Россію“, говоритъ онъ своимъ напыщеннымъ, академическимъ слогомъ, „вернется прахъ этой женщины, которая была украшеніемъ своего пола и своего отечества и заставляла любить Провидѣніе, коего являлась на землѣ совершеннѣйшимъ созданіемъ и лучшимъ служителемъ“. Итальянецъ Ламиреди также посвятилъ ея памяти оду, въ которой описываетъ ея долгія страданія и обращается къ ней на языкѣ, на которомъ говорилъ съ ней при жизни:

„Sul labro suo gentile
„In puro e colto stile
„Sonor parea piu bella
„L'Italica favella“.

(Съ миніатюры 1819 г., принадлежащей князю П. П. Голицыну, с. Марьино, Новгородской губ.)

La comtesse **ANNA IVANOWNA ORLOFF**, 1777—1824, troisième fille du feld-maréchal comte Ivan Pétrowitch Saltykoff et de Daria Pétrowna, née Tchernycheff, naquit en 1777. Ayant reçu, sous la direction de sa mère, une éducation soignée, elle savait bien les langues et la littérature étrangères et avait la réputation d'une personne fort instruite. Demoiselle d'honneur de Catherine II, elle fut fiancée à Moscou, le 9 novembre 1799, avec la permission de l'Empereur Paul, au plus jeune des cinq frères Orloff, le comte Grégoire Vladimirowitch Orloff, „chambellan retraité". Ce ne fut pas sans peine qu'on put obtenir cette permission, étant donné l'inimitié bien connue de Paul Ier pour les Orloff, et la mère, que l'Empereur tenait en grande estime, dut aller elle-même à Pétersbourg pour arranger la chose. Du côté des Orloff, tout le monde fut très content de ce mariage, qui fut célébré le 5 février 1800. „Nous sommes tous extrêmement satisfaits de la comtesse Anna Ivanowna; aimable et prévenante, elle nous aime, et nous l'aimons. Excellent début, Dieu merci!" écrivait le comte V. Orloff au comte Panine le lendemain de la cérémonie. Mais la santé délicate de la jeune femme, Nini, comme l'appelait la famille, l'obligea bientôt à changer de climat et à aller se soigner à l'étranger. Son mari quitta le service pour parcourir avec elle l'Allemagne, la Suisse, l'Italie et l'Angleterre, et chercher, mais sans succès, un soulagement aux souffrances d'une cruelle maladie de cœur, dont elle mourut du reste à Paris le 5 décembre 1824. Son corps fut ramené par son mari en Russie et inhumé dans la sépulture de famille d'Otrada.

La comtesse Orloff, dit Arndt dans ses souvenirs, était „une charmante personne, pétrie d'esprit, douée en même temps de la plus aimable simplicité et de la naïveté la plus naturelle. Elle lançait de ses yeux bleus, les yeux bleus d'une Thusnelda, des éclairs dangereux et savait flirter de la manière la plus charmante avec notre chevalier" (Stein): en 1812, à Pétersbourg, elle fut fort courtisée par Stein, qui trouva près de son ardent patriotisme et de sa haine de Napoléon l'accueil le plus empressé. A Paris, où elle était en 1815 avec son mari, elle se mêla de près à la vie intellectuelle de la France: elle eut dans son salon nombre de savants et d'écrivains, attirés par les travaux littéraires de son mari, auxquels elle-même prenait part, entre autres la traduction française des Fables de Kryloff avec la collaboration de quatre-vingt-six écrivains français et italiens. „Chez les Orloff", dit Pletneff, „c'était comme un tournoi de poésie. On s'ingéniait non seulement à comprendre le sens de la fable, mais même à pénétrer l'esprit de chaque vers, de chaque mot. Les accueillants maîtres de la maison étaient eux-mêmes infatigables". Un des invités, Lemontey, consacra à la comtesse, après sa mort, une notice où il exalte „sa physionomie angélique, sa piété douce, son inépuisable charité, ses vastes connaissances". „La Russie", dit-il dans le style académique de l'époque, „possédera les cendres de cette femme qui honora son sexe et sa patrie et fit aimer la Providence, dont elle parut sur la terre le meilleur ouvrage et le meilleur ministre". L'italien Lampredi consacra également à sa mémoire une ode, où il retrace ses longues souffrances et l'interpelle dans la langue qu'il lui parlait jadis:

„Sul labro suo gentile
„In puro e colto stile
„Sonor parea piu bella
„L'italica favella".

(D'après une miniature, 1819, appartenant au prince P. Golitzyne, Maryino, gouv. de Novgorod.)

135

Пис. Ф[illegible], 1812 — *Peint par Vogel, 1812*

Графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ,
1743 — 1831

Le Comte Vladimir Grigoriewitch Orloff,
1743 — 1831

136

Пис. Рокотовъ — *Peint par Rokotoff*

Графъ Федоръ Григорьевичъ Орловъ,
1741 — 1796

Le Comte Théodore Grigoriewitch Orloff,
1741 — 1796

137

Подпись «Дюнъ» — *Signé «Dun»*

Графъ Григорій Владиміровичъ Орловъ,
1777 — 1826

Le Comte Grégoire Vladimirowitch Orloff,
1777 — 1826

138

Подпись «Дюнъ, 1819» — *Signé «Dun, 1819»*

Графиня Анна Ивановна Орлова,
1777 — 1824

La Comtesse Anna Ivanowna Orloff,
1777 — 1824

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ИВАНЪ МАТВѢЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ, 1768—1851, сынъ генералъ-майора Матвѣя Артамоновича Муравьева отъ брака съ внучкой гетмана Еленой Петровной Апостолъ, родился 1 октября 1768 г.; получилъ прекрасное образованіе въ нѣмецкомъ пансіонѣ, дополненное имъ самообразованіемъ. Съ дѣтства записанный въ Измайловскій полкъ, онъ былъ назначенъ въ 1792 г. Екатериной II, обратившей вниманіе на его разностороннее образованіе и отличное знаніе иностранныхъ языковъ, кавалеромъ къ ея внукамъ. Съ воцареніемъ Павла I Муравьевъ перешелъ на дипломатическое поприще, въ качествѣ министра-резидента въ Эйтенѣ при герцогѣ Ольденбургскомъ, затѣмъ въ 1799 г.—чрезвычайнаго посланника въ Даніи. Въ 1800 г., съ чиномъ тайнаго совѣтника, переведенъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ же году онъ принялъ фамилію Муравьева-Апостола: двоюродный его братъ М. Д. Апостолъ, послѣдній въ родѣ, исходатайствовалъ разрѣшеніе передать ему родовое свое имѣніе и фамилію „Апостолъ“. Въ 1802 г. Муравьевъ былъ назначенъ посланникомъ въ Мадридъ, гдѣ ему было вмѣнено въ обязанность слѣдить за дѣйствіями Наполеона, котораго онъ былъ ярымъ ненавистникомъ. Въ 1805 г. онъ вызвалъ неудовольствіе Государя, вышелъ вслѣдствіе этого въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Хомутецъ, Миргородскаго уѣзда, отдавшись всецѣло научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Опала его объяснялась интригами участниковъ заговора 1801 г., мстившихъ ему за отказъ дѣйствовать заодно съ ними. Самъ Муравьевъ считалъ себя жертвой „гнусной клеветы“. Въ 1824 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ и членомъ Главнаго Правленія училищъ, но прослужилъ недолго, успѣвъ, однако, выступить защитникомъ просвѣщенія противъ обскурантизма. Въ 1826 г. его постигло тяжкое горе: трое его сыновей замѣшаны были въ дѣлѣ декабристовъ—одинъ былъ казненъ, другой сосланъ, третій лишилъ себя жизни самъ. Муравьевъ, подъ вліяніемъ этихъ событій, оставилъ службу и Россію и уѣхалъ въ Италію, гдѣ печально прожилъ послѣднія 25 лѣтъ своей жизни, лишь изрѣдка наѣзжая въ Россію: жена его была тяжело больна, матеріальное положеніе было плохо. Шницлеръ въ своей „Histoire intime“, говоря о немъ, восклицаетъ: „Il vit encore, hélas!“ Передъ смертью Муравьевъ вернулся на родину и скончался въ Петербургѣ 12 Марта 1851 года. Могила его на Охтенскомъ кладбищѣ затерялась.

Муравьевъ-Апостолъ былъ однимъ изъ выдающихся людей своего времени, отличался умомъ и крупными способностями. Познанія его въ области классическихъ литературъ были для того времени удивительны; такимъ же выдающимся знатокомъ онъ былъ и въ исторіи всеобщей литературы. Способности его къ изученію языковъ были необыкновенныя; пріѣхавъ въ Мадридъ, онъ быстро изучилъ испанскій языкъ для облегченія сношеній съ мѣстнымъ правительствомъ. Еще въ 1793 г. онъ обратилъ на себя вниманіе переводомъ комедіи Шеридана „Школа злословія“. Поселившись въ Хомутцѣ, И. М. занялся переводами изъ Горація, Цицерона и Аристофана (наиболѣе извѣстенъ его переводъ „Облаковъ“ Аристофана). Въ 1813—15 гг. въ „Сынѣ Отечества“ печатались его „Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ“. Въ нихъ онъ старался доказать, что все зло въ русскомъ обществѣ происходитъ отъ отсутствія у него общественнаго и національнаго самосознанія, вслѣдствіе рабской привязанности къ вѣковымъ предразсудкамъ и требованіямъ минутной моды, при этомъ онъ бичуетъ русскую галломанію и высказываетъ свою ненависть къ Наполеону (хотя самъ постоянно изъяснялся на французскомъ языкѣ и сыновей воспитывалъ въ Парижѣ). Въ 1820 г. онъ совершилъ путешествіе по Крыму, къ которому основательно подготовился, изучивъ древнихъ и новыхъ авторовъ, писавшихъ объ этой странѣ. Результатомъ этого путешествія было сочиненіе „Путешествіе по Тавридѣ“ (1823 г.), до сихъ поръ не потерявшее своей научной цѣнности. Муравьевъ былъ членомъ Россійской Академіи, Бесѣды, Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ, Арзамаса, и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Олениннымъ, Карамзинымъ, Гнѣдичемъ и въ особенности Батюшковымъ. Классикъ-язычникъ въ душѣ и эпикурееецъ въ жизни, Муравьевъ любилъ жизнь со всѣми ея благами. Батюшковъ прозвалъ его „Алкивіадомъ“. Натура артистическая, онъ былъ отличнымъ музыкантомъ и пѣвцомъ.

Муравьевъ былъ женатъ дважды: съ 1790 г. на А. С. Черноевичъ и съ 1812 г. на Прасковіи Васильевнѣ Грушецкой (р. 1780 г., † 1852 г.). Отъ 1-го брака имѣлъ 3 сыновей и 4 дочерей: а отъ 2-го брака сына Василія (р. 1817) и 2 дочерей: княжну Евдокію Хованскую († 1850) и Елизавету, бывшую замужемъ за барономъ Стальтингъ и за Видбургомъ.

На портретѣ И. М. Муравьевъ-Апостолъ изображенъ съ старшей дочерью Елизаветой; внизу портретъ его отца.

(Съ портрета Монье 1799 г.; собственность М. М. Бибикова, въ С.-Петербургѣ.)

IVAN MATVÉEWITCH MOURAVIEFF-APOSTOL, 1768—1851, fils du général major Mathieu Artamonowitch Mouravieff et de la petite-fille Hélène Pétrowna de l'hetman Apostol, naquit le 1er octobre 1768, et reçut dans un pensionnat allemand une excellente éducation, qu'il compléta seul. Enrôlé tout enfant au régiment Izmaïlowsky, il attira par son instruction variée et sa connaissance parfaite des langues l'attention de Catherine II, qui le fit, en 1792, chevalier de ses petits-fils. A l'avènement de Paul Ier, il passa dans la diplomatie comme ministre résident près le duc d'Oldenbourg à Euten, et en 1799, comme envoyé extraordinaire en Danemark. En 1800, il fut appelé avec rang de conseiller privé au Collège des affaires étrangères. Il prit la même année le nom de Mouravieff-Apostol: son cousin M. Apostol, dernier du nom, se fit accorder l'autorisation de lui transmettre son patrimoine et son nom. En 1802, Mouravieff, nommé ambassadeur à Madrid, fut chargé d'y suivre les actions de Napoléon, dont il avait une haine farouche. Mis à la retraite en 1805 pour avoir provoqué le mécontentement de l'Empereur, il se fixa dans sa propriété de Khomoutetz, en Petite-Russie, et s'y consacra entièrement à la science et à la littérature. Sa disgrâce était due aux menées des conjurés de 1801, auxquels il avait refusé de se joindre. Lui-même se considérait comme victime d'une „infâme calomnie". Nommé en 1824 sénateur et membre de la Direction Générale des écoles, il n'y resta pas longtemps, mais sut pourtant se montrer défenseur de l'instruction contre l'obscurantisme. En 1826, une cruelle épreuve le frappa: ses trois fils furent impliqués dans l'affaire des décabristes; l'un fut exécuté, un autre déporté, le troisième se suicida. A la suite de ces terribles événements, il quitta le service et se retira en Italie, où il passa tristement les vingt-cinq dernières années de sa vie, avec une femme gravement malade et une situation matérielle précaire, ne venant en Russie qu'à de rares intervalles. Schnitzler, dans son Histoire intime, s'écrie en parlant de lui: „Il vit encore, hélas!" Il finit par rentrer en Russie et mourut à Pétersbourg le 12 mars 1851. Il fut inhumé au cimetière d'Okhta, où sa tombe a disparu.

Mouravieff-Apostol fut un des hommes remarquables de son temps. Doué d'une forte intelligence et de grandes capacités, il possédait pour l'époque des connaissances étonnantes en littérature classique, ainsi qu'en histoire littéraire générale. Il avait une facilité extraordinaire pour les langues: arrivé à Madrid, il apprit rapidement l'espagnol pour faciliter les rapports avec le gouvernement. Dès 1793, sa traduction de L'école de la médisance de Shéridan avait attiré l'attention. A Khomoutetz, il fit des traductions d'Horace, de Cicéron et d'Aristophane, dont la plus connue est celle des Nuées. En 1813—1815, le Syn Otetchestva publia ses Lettres de Moscou à Nijny-Novgorod, où il s'efforce de prouver que tout le mal de la société russe provient de l'absence de sentiment social et national par suite d'un attachement servile à des préjugés séculaires et aux exigences passagères de la mode: il flétrit en même temps la gallomanie russe et exhale sa haine de Napoléon, ce qui ne l'empêchait pas de parler lui-même constamment français et de faire élever ses fils à Paris. Il fit en 1820 un voyage en Crimée, qu'il avait préparé à fond par l'étude des écrits anciens et modernes publiés sur le pays, et dont il rapporta son Voyage en Tauride (1823), non encore dépourvu aujourd'hui de valeur scientifique. Mouravieff était membre de l'Académie Russe, de la Société libre des amateurs de littérature, de sciences et de beaux-arts, et d'autres sociétés; il fut en bons rapports avec Olénine, Karamzine, Gnéditch et surtout Batiouchkoff. Classique dans l'âme et épicurien en pratique, il aimait la vie dans tout ce qu'elle a de bon. Batiouchkoff l'avait surnommé Alcibiade. Nature artistique, il était excellent musicien et chanteur.

Mouravieff fut marié deux fois: en 1790, à Anna Tchernoewitch et, en 1812, à Prascovie Grouchetzky (1780—1852). Il eut du premier mariage trois fils et quatre filles, et du second un fils, Basile (né 1817), et deux filles, la princesse Eudoxie Khovansky († 1850) et Elisabeth, qui fut mariée au baron Stalting et à Widburg.

Mouravieff-Apostol est représenté ici avec sa fille aînée Elisabeth. En bas, le portrait de son père.

(D'après l'original de Monnier (1799), appartenant à M. Bibikoff, St-Pétersbourg.)

АННА СЕМЕНОВНА МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛЪ, 177.—1810, дочь генерала австрійской, потомъ русской службы, по происхожденію серба, Семена Черноевича, отъ брака съ Елизаветой Аристарховной Кашкиной, съ 19 Апрѣля 1790 г. жена Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, мать 3 декабристовъ. Принимала нѣкоторое участіе въ литературѣ: въ 1791 г. вышелъ въ свѣтъ ея переводъ съ французскаго: „Примѣръ матерямъ или приключенія маркизы де-Безиръ". Нравственный ея обликъ нѣсколько обрисовываютъ слѣдующіе дошедшіе до насъ разсказы современниковъ о ней. Когда въ 1805 г. мужъ ея вслѣдствіе непріятностей по службѣ уѣхалъ изъ Мадрида, гдѣ онъ занималъ постъ посланника, она рѣшила поселиться въ Парижѣ, гдѣ, въ одномъ изъ пансіоновъ, воспитывались ея сыновья, но, въ виду враждебныхъ отношеній между Россіей и Франціей, надо было испросить у Наполеона разрѣшеніе на ея пріѣздъ. Французскій императоръ отвѣтилъ: „Покуда во Франціи будетъ уважаться добродѣтель, до тѣхъ поръ Mme Муравьевой не будетъ никакихъ притѣсненій". Въ 1809 г. Анна Семеновна возвратилась съ сыновьями въ Россію. На русской границѣ они выразили свою радость по поводу возвращенія на родину. Мать, похваливъ ихъ за такое чувство, сказала имъ: „Я должна сообщить вамъ ужасную вѣсть: вы найдете то, чего и не знаете, въ Россіи вы найдете рабовъ". Боясь растлѣвающаго вліянія крѣпостного права, она воспитывала сыновей въ невѣдѣніи о его существованіи.

Скончалась она 28 Марта 1810 г. въ Москвѣ и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ на памятникѣ ея надпись: „S. t. t. l. Tenerrima conjunx. Optima matrum". Отъ брака съ И. М. Муравьевымъ-Апостоломъ она имѣла 3 сыновей: Матвѣя (1793—1886), Сергѣя (1796—1826) и Ипполита (1806—1826) и 4 дочерей: Елизавету (р. 1791 г., † 1814 г.; за графомъ Ожаровскимъ), Екатерину (р. 1794 г., † 1849 г.; за Бибиковымъ), Анну (р. 1797 г.; за Хрущевымъ) и Елену († 1855 г.; за Капнистомъ).

А. С. Муравьева изображена на портретѣ со старшимъ сыномъ Матвѣемъ и дочерью Екатериной.

(Съ портрета Монье 1799 г.; собственность М. М. Бибикова, С.-Петербургъ.)

ANNA SÉMENOWNA MOURAVIEFF-APOSTOL, 177 . — 1810, fille d'un serbe, Simon Tchernoewitch, général au service de l'Autriche, puis de la Russie, et d'Elisabeth Kachkine, épousa le 19 avril 1790 Ivan Matvéewitch Mouravieff-Apostol et fut mère de trois décabristes. Elle fit un peu de littérature et publia en 1791 une traduction du français, Exemple aux mères ou les aventures du marquis de Bézire. Les anecdotes suivantes donneront d'elle une certaine idée. En 1805, son mari, ambassadeur à Madrid, dut, à la suite d'ennuis dans le service, quitter son poste, et elle décida de se fixer à Paris, où ses fils étaient en pension, mais, en raison de l'état d'hostilité de la Russie et de la France, il fallut l'autorisation de Napoléon, qui répondit: „Tant que la vertu sera honorée en France, Mme Mouravieff n'y aura aucun désagrément". En 1809, elle rentra en Russie avec ses fils. A la frontière, comme ils exprimaient leur joie de revoir la patrie, elle les félicita de ce sentiment et leur dit: „J'ai une chose affreuse à vous apprendre; vous allez trouver en Russie quelque chose d'inconnu pour vous, des esclaves". Elle redoutait l'action corruptrice du servage et n'en avait jamais parlé à ses enfants.

Mme Mouravieff mourut le 28 mars 1810 à Moscou et fut inhumée au monastère Novodévitchi. Son tombeau porte l'épitaphe: „S. t. t. l. Tenerrima conjunx. Optima matrum". De son mariage avec Mouravieff-Apostol, elle eut trois fils, Mathieu (1793—1886), Serge (1796—1826) et Hippolyte (1806—1826), et quatre filles, Elisabeth (1791—1814), mariée au comte Ojarowsky, Catherine (1794—1849) à Bibikoff, Anna (née 1797) à Khrouchtcheff et Hélène († 1855) à Kapnist.

Elle est représentée ici avec son fils aîné Mathieu et sa fille Catherine.

(D'après l'original de Monnier, 1799, appartenant à M. Bibikoff, St-Pétersbourg.)

139

Ив. Моше, 1799 — Peint par Monnier 1799

Иванъ Матвѣевичъ
Муравьевъ-Апостолъ,
1765—1851

Ivan Matvéewitch
Mouravieff-Apostol,
1765—1851

140

Ив. Моше 1799 — Peint par Monnier 1799

Анна Семеновна
Муравьева-Апостолъ,
177.—1810

Anna Sémenowna
Mouravieff-Apostol,
177.—1810

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

МИХАИЛЪ НИКИТИЧЪ МУРАВЬЕВЪ, 1757—1807, сынъ сенатора Никиты Артамоновича (1721—1799) отъ брака съ Софьей Петровной Шкориной (1732—1768), родился въ Вологдѣ 25 Октября 1757 года. Образованіе онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ отличное знаніе латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ и обширныя свѣдѣнія въ философскихъ и историческихъ наукахъ. 17-и лѣтъ Муравьевъ поступилъ въ Измайловскій полкъ; но и здѣсь продолжалъ заниматься самообразованіемъ и изучалъ греческій, англійскій и итальянскій языки. Онъ былъ близокъ со многими выдающимися представителями современной литературы: И. А. Львовымъ, И. И. Хемницеромъ, В. И. Майковымъ и Карамзинымъ. Въ 1785 г. онъ былъ назначенъ наставникомъ Великихъ Князей Александра и Константина и преподавалъ имъ нравственную философію, русскую словесность и русскую исторію. Въ 1800 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ, въ 1801 г.—статсъ-секретаремъ у принятія прошеній. 21 Ноября 1803 г. Муравьевъ былъ назначенъ товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и попечителемъ Московскаго университета. Онъ принесъ много пользы университету: выхлопоталъ ему большія матеріальныя средства, учредилъ при немъ ученыя общества, въ томъ числѣ Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, вызывалъ изъ-за границы преподавателей и заботился о приготовленіи къ профессурѣ даровитыхъ русскихъ молодыхъ людей. Въ 1804 г. былъ избранъ въ члены Россійской Академіи.

М. Н. Муравьевъ скончался 29 Іюля 1807 г. и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ слѣдующая эпитафія: „Надгробіе сіе поставила въ достодолжную его память и благодарность къ нему супруга его Екатерина съ малолѣтними сыновьями Никитою и Александромъ, съ пролитіемъ горькихъ слезъ и усердныхъ молитвъ ко Всевышнему, да успокоитъ душу преставльшагося въ селеніяхъ своихъ небесныхъ“. На другой сторонѣ длинная латинская надпись, гдѣ между прочимъ сказано: „Fuit non solum vir doctus, sed etiam vir bonus, patriae amans, pauperum pater, artium litterarum protector, fidei justitiaeque tenax, modestiae comitatiisque exemplum; omnes hae virtutes in suo pectore communem sedem habebant. Ave, pia anima! Hanc lapidem tempus edax diruet, sed et nomen tuum et nominis tui memoria in aeternum manebunt. Memoriae perenni!

„Духъ кроткій, честный, просвѣщенный,
Не міра гражданинъ сего
Влетѣлъ въ селенія священны.
Здѣсь друга прахъ почіетъ моего“.

Отъ брака съ баронессой Екатериной Федоровной Колокольцовой (р. 1771 г., † 21 Апрѣля 1848 г.) онъ имѣлъ двухъ сыновей, Никиту и Александра, декабристовъ. Муравьевъ былъ плодовитый и разносторонній писатель. Отъ него остался рядъ трактатовъ по различнымъ отраслямъ знанія, каковы: „Краткое начертаніе Россійской Исторіи“, „Разсѣянныя черты землеописанія Россійскаго“, „О свойствѣ и происхожденіи языковъ“, „Совокупленіе идей“, „Разсужденіе о различіи слоговъ“. Въ качествѣ члена Россійской Академіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи Академическаго Словаря, кромѣ того, онъ написалъ много одъ, эпистолъ и дидактическихъ стихотвореній. Современники хвалили произведенія Муравьева: считали (Вигель) его „послѣ Карамзина въ прозѣ лучшимъ у насъ писателемъ своего времени“, находили (Батюшковъ), что и стихи его, „безъ сомнѣнія, будутъ стоять на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ“. Не менѣе хвалебные отзывы сохранились о Муравьевѣ, какъ о человѣкѣ. Карамзинъ признавалъ въ немъ „прекрасную, нѣжную душу, исполненную любви къ общему благу“, Вигель считалъ его „образцомъ всѣхъ добродѣтелей“, а К. Н. Батюшкову онъ представлялся „однимъ изъ сихъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Аттики для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ“.

(Съ портрета Монье изъ собраній Императорской Академіи Художествъ.)

MICHEL NIKITITCH MOURAVIEFF, 1757—1807, fils du sénateur Nikita Artamonowitch Mouravieff (1721—1799) et de Sophie Pétrowna Ijorine (1732—1768), naquit à Vologda le 25 octobre 1757. Il fit ses études à l'université de Moscou, où il apprit parfaitement le latin, l'allemand et le français, et approfondit les sciences philosophiques et historiques. Entré à 17 ans au régiment Izmaïlowsky, il continua à travailler seul et étudia le grec, l'anglais et l'italien. Il était en relations suivies avec nombre de littérateurs éminents: Lvoff, Khemnitzer, Maïkoff et Karamzine. En 1785, il fut nommé précepteur des Grands-Ducs Alexandre et Constantin, auxquels il enseigna la morale philosophique, la littérature russe et l'histoire russe. Sénateur en 1800, secrétaire d'état au bureau des requêtes en 1801, il fut nommé, le 21 novembre 1803, adjoint au ministre de l'instruction publique et curateur de l'université de Moscou. Il fit beaucoup de bien à l'université, lui procurant de grandes ressources matérielles, y fondant des sociétés scientifiques, entre autres la Société de l'Histoire et des Antiquités russes, faisant venir des maîtres de l'étranger et s'occupant de préparer au professorat de jeunes russes de talent. Il fut nommé en 1804 membre de l'Académie Russe.

Mouravieff mourut le 29 juillet 1807 et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky; son monument porte l'épitaphe suivante: „Ce tombeau lui a été élevé en souvenir et en reconnaissance par sa femme Catherine et ses jeunes fils, Nikita et Alexandre, avec des larmes amères et la fervente prière au Tout-Puissant de donner la paix à son âme passée dans les célestes régions". De l'autre côté, une longue inscription latine, où il est dit entre autres choses: „Fuit non solum vir doctus, sed etiam vir bonus, patriae amans, pauperum pater, artium, litterarum protector, fidei justitiaeque tenax, modestiae comitatiisque exemplum; omnes hae virtutes in suo pectore communem sedem habebant. Ave, pia anima! Hanc lapidem tempus edax diruet, sed et nomen tuum et nominis tui memoria in aeternum manebunt. Memoriae perenni!

„Esprit doux, honnête, éclairé,
„Il n'était pas de notre monde.
„Il s'est envolé aux régions sacrées.
„Ici repose la cendre de mon ami".

De son mariage avec la baronne Catherine Féodorowna Kolokoltzoff (1771—21 avril 1848), il eut deux fils, Nikita et Alexandre, décabristes. Mouravieff fut un écrivain fécond et varié. On a de lui une série de traités sur différentes branches de la science: Brève Esquisse de l'Histoire Russe, Notes détachées de géographie russe, Propriétés et origine des langues, Assemblage des idées, Dissertation sur la différence des styles. Comme membre de l'Académie, il prit une part active à la rédaction du Dictionnaire, et écrivit en outre une quantité d'odes, d'épîtres et de poésies didactiques. Il était estimé des contemporains: Wiegel le considère comme „le meilleur prosateur du temps après Karamzine", et Batiouchkoff trouve que ses vers „seront sans contredit appréciés à l'égal de ses meilleures compositions en prose". Les jugements sur l'homme ne sont pas moins flatteurs. Karamzine lui reconnaît „une belle âme, tendre et remplie d'amour pour le bien commun"; Wiegel le déclare „un modèle de toutes les vertus", et Batiouchkoff voit en lui „un des ces astres de la philosophie qui naissaient jadis sous l'heureux ciel de l'Attique pour consoler et édifier l'humanité par une parole éloquente et un exemple encore plus éloquent".

(D'après l'original de Monnier, Académie Impériale des Beaux-Arts.)

МАТВѢЙ ИВАНОВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ, 1793—1886, сынъ сенатора Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола отъ перваго его брака съ Анной Семеновной Черноевичъ († 1810), родился въ С.-Петербургѣ 25 Апрѣля 1793 г.; дѣтство провелъ въ Гамбургѣ и Мадридѣ, гдѣ отецъ его былъ посланникомъ, учился первоначально въ Парижѣ и въ 1809 г. возвратился съ матерью въ Россію. Поступивъ въ 1812 г. въ Семеновскій полкъ, принималъ участіе въ кампаніяхъ 1812—14 годовъ, при чемъ за Бородино получилъ Георгіевскій крестъ, а подъ Кульмомъ былъ тяжело раненъ въ бедро на вылетъ. Въ 1817 г. Муравьевъ сдѣлался, вмѣстѣ съ братомъ, основателемъ „Союза благоденствія“, а также членомъ масонской ложи „Трехъ добродѣтелей“. Послѣ Семеновской исторіи, Муравьевъ вышелъ въ отставку подполковникомъ. Членъ „Южнаго общества“, привлеченный къ процессу декабристовъ, Верховнымъ уголовнымъ судомъ былъ признанъ виновнымъ „въ умыслѣ на цареубійство, къ совершенію котораго самъ готовился; въ участіи возстановленія дѣятельности Сѣвернаго общества, съ знаніемъ умысловъ Южнаго общества во всемъ ихъ пространствѣ, въ дѣйствіи въ мятежѣ, въ которомъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ“. Отнесенъ къ I разряду и приговоренъ къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы, но помилованъ и сначала, „по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія“, опредѣленъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ, а когда изъ переписки его открылось, что онъ „удерживалъ брата Сергѣя и тайное общество отъ кровопролитія и покушенія противъ Высочайшихъ особъ“, Муравьевъ былъ сосланъ въ Сибирь, въ г. Вилюйскъ, прямо на поселеніе. Прибывъ въ Вилюйскъ, онъ купилъ себѣ якутскую юрту, гдѣ и жилъ въ совершенномъ уединеніи, занимаясь чтеніемъ. Въ 1829 г., по просьбѣ сестры, С. И. Бибиковой, былъ переведенъ въ Бухтарминскую крѣпость, Омской области, такъ какъ „не могъ перенести суровости климата и совершенно разстроилъ здоровье“. Уѣзжая изъ Вилюйска, онъ „подарилъ одну юрту казаку, за нимъ ухаживавшему, а другую, служившую вмѣсто кухни, предоставилъ для помѣщенія несчастныхъ прокаженныхъ, которыхъ въ той странѣ весьма много“. Поселившись въ Бухтарминскѣ, Муравьевъ обзавелся тутъ домомъ и хозяйствомъ и нѣсколькими знакомыми изъ числа чиновниковъ, что не разъ влекло за собой доносы и различныя притѣсненія, а затѣмъ послабленія въ виду безукоризненнаго поведенія Муравьева. 5 Февраля 1832 г. онъ женился на дочери умершаго священника Маріи Константиновнѣ Константиновой (или Посовой). Проживъ 7 лѣтъ здѣсь, Муравьевъ былъ переведенъ на поселеніе въ Ялуторовскъ въ концѣ 1836 года. Здѣсь онъ встрѣтился съ своимъ другомъ И. Д. Якушкинымъ, поселеннымъ тутъ, и съ нѣкоторыми другими декабристами. Имѣя домъ, занимаясь хозяйствомъ на 15 десятинахъ, Муравьевъ свободное время посвящалъ воспитанію и обученію двухъ бѣдныхъ дѣвочекъ, воспитанницъ, и лѣченію мѣстныхъ жителей. По манифесту 26 Августа 1856 г. Муравьевъ возвратился въ Россію и поселился въ Москвѣ, при чемъ онъ не прерывалъ связей съ Сибирью и съ удовольствіемъ вспоминалъ о своей тихой 20-лѣтней жизни въ Ялуторовскѣ.

Человѣкъ необыкновенно мягкій и общительный, Муравьевъ любилъ общество, музыку. Сохранивъ до конца жизни поразительную душевную и тѣлесную свѣжесть, онъ много читалъ, интересовался новой русской исторіей, слѣдилъ за газетами и журналами. Имѣя хорошія средства, помогалъ много нуждающимся. Въ 1883 г. Муравьевъ былъ порадованъ возвращеніемъ ему Георгіевскаго креста по случаю 200-лѣтняго юбилея Семеновскаго полка; на одномъ изъ послѣднихъ портретовъ (Р. Стар. 1886 г.) онъ изображенъ со всѣми своими знаками отличія.

М. И. Муравьевъ-Апостолъ, „ветеранъ 1812 года“, какъ сказано въ надгробной надписи, умеръ въ Москвѣ 21 Февраля 1886 г., въ пятницу, въ 5 ч. утра; погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Жена его, Марія Константиновна, умерла 3 Января 1883 г., 72 лѣтъ, и похоронена на Московскомъ Ваганьковскомъ кладбищѣ. Дѣтей у нихъ не было, а воспитанница П. О. Созоновичъ скончалась недавно.

(Съ акварельнаго портрета, принадлежавшаго [въ 1902 г.] П. О. Созоновичъ, въ Москвѣ.)

MATHIEU IVANOWITCH MOURAVIEFF-APOSTOL, 1793—1886, fils du sénateur Ivan Matvéewitch Mouravieff-Apostol et de sa première femme, Anna Sémenowna Tchernoewitch († 1810), naquit à St-Pétersbourg le 25 avril 1793. Il passa son enfance à Hambourg et à Madrid, où son père était ambassadeur, fit ses premières études à Paris, et, en 1809, revint en Russie avec sa mère. Enrôlé en 1812 au régiment Sémenowsky, il fit les campagnes de 1812—1814; il gagna à Borodino la croix de St-Georges et, à Kulm, eut le côté traversé d'une balle. En 1817, il devint avec son frère fondateur de l'Alliance de prospérité et membre de la loge maçonnique des Trois vertus. Après l'histoire des Sémenowsky, il prit sa retraite comme lieutenant colonel. Membre de la Société du Midi et impliqué dans le procès des Décabristes, il fut reconnu par la Haute Cour de justice coupable „de préméditation de régicide, qu'il se préparait à commettre lui-même, de tentative de rétablissement de la Société du Nord, avec connaissance des projets de la Société du Midi dans toute leur étendue, et de complicité d'émeute, où il a été pris les armes à la main". Rangé dans la 1re catégorie et condamné à avoir la tête tranchée, il fut gracié, et sa peine d'abord commuée, „en raison de son complet et sincère repentir", en 20 ans de travaux forcés; puis, lorsque sa correspondance eut révélé qu'il „détournait son frère Serge et une société secrète de répandre le sang et d'attenter à la vie de membres de la Famille Impériale", il fut déporté en Sibérie, à Viluisk, comme simple colon. Là, il acheta une hutte de yakoute, où il passa son temps dans un isolement complet, à lire. Sur la demande de sa sœur, S. Bibikoff, il fut transféré en 1829 à Boukhtarminsk, région d'Omsk, car „il ne pouvait endurer la rigueur du climat et avait la santé complètement délabrée". En quittant Viluisk, „il laissa sa hutte au cosaque qui le soignait, et une autre, qui lui servait de cuisine, aux infortunés lépreux qui abondent dans le pays". A Boukhtarminsk, il se monta une maison et un intérieur, et se fit quelques relations parmi les fonctionnaires, ce qui donna souvent lieu à des dénonciations et à diverses vexations, mais on usa ensuite de tolérance, en raison de sa conduite irréprochable. Il épousa, le 5 février 1832, la fille d'un prêtre, Marie Constantinoff (Nossoff). Au bout de 7 ans de séjour, il fut transféré à la fin de 1836 à Yaloutogorsk, où il rencontra son ami Yakouchkine, déporté avec d'autres décabristes. Il y avait une maison, 15 hectares de terre et consacrait son temps libre à s'occuper de deux fillettes pauvres qu'il avait recueillies et à soigner les indigènes. Le manifeste du 26 août 1856 le fit rentrer en Russie: il se fixa à Moscou, mais en conservant des relations avec la Sibérie, ainsi qu'un souvenir agréable des vingt années passées à Yaloutogorsk.

D'une douceur et d'une affabilité extraordinaires, Mouravieff aimait la société, la musique. Il conserva jusqu'à la fin de ses jours une fraîcheur surprenante d'esprit et de corps, lisant beaucoup, s'intéressant à l'histoire russe moderne, suivant les journaux et les revues. Possesseur d'une certaine fortune, il fit beaucoup de bien aux pauvres. Il eut en 1883 le plaisir de se voir rendre sa croix de St-Georges à l'occasion du 200e anniversaire du régiment Sémenowsky; sur un de ses derniers portraits (Rousskaïa Starina, 1886), il est représenté avec toutes ses décorations.

Mouravieff-Apostol, „vétéran de 1812", comme dit son épitaphe, mourut à Moscou le 21 février 1886, un vendredi, à 5 heures du matin, et fut inhumé au monastère Novodévitchi. Sa femme était morte le 3 janvier 1883, à 72 ans; elle fut inhumée au cimetière Vagankowsky, à Moscou. Ils n'avaient pas d'enfants, et leur fille adoptive, P. Sozonowitch, est morte dernièrement.

(D'après une aquarelle ayant appartenu en 1902 à Mlle P. Sozonowitch, Moscou.)

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АПОСТОЛЪ, 1796—1826, младшій братъ Матвѣя Ивановича, родился въ Петербургѣ, дѣтство провелъ въ Гамбургѣ и въ Парижѣ, гдѣ учился въ пансіонѣ Ніх'а, и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ; у него были даже поэтическія наклонности, и онъ писалъ французскіе и латинскіе стихи. Въ 1809 г. онъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, откуда выпущенъ прапорщикомъ. Участвуя въ кампаніяхъ 1812—14 гг., Муравьевъ заслужилъ орденъ св. Владиміра 4 ст. и золотую шпагу. Съ 1815 г. служилъ въ Семеновскомъ полку, откуда, послѣ извѣстной „Семеновской исторіи", переведенъ былъ въ армію, на югъ. Будучи подполковникомъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, какъ членъ Южнаго тайнаго общества, онъ поднялъ открытое вооруженное возстаніе, въ которое обманомъ вовлекъ часть нижнихъ чиновъ своего полка.

Признанный виновнымъ въ томъ, что „имѣлъ умыселъ на цареубійство, изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе Императорской фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія Цесаревича и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы Государя Императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ тайнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ Имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностью пролитія крови; возбуждалъ солдатъ, освобождалъ колодниковъ, подкупалъ даже священника къ чтенію передъ рядами бунтующихъ лже-катихизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ".

Поставленный внѣ разрядовъ, С. И. Муравьевъ-Апостолъ былъ приговоренъ Верховнымъ судомъ къ смерти, которую встрѣтилъ съ твердостью и спокойствіемъ. Казнь совершилась въ 5 ч. утра 13 Іюля 1826 года. По свидѣтельству И. Д. Якушкина, передъ смертью, „Сергѣй Муравьевъ, увидя М. Бестужева, просилъ у него прощенія, что погубилъ его; когда ихъ привели къ висѣлицѣ, С. Муравьевъ просилъ позволенія помолиться; онъ сталъ на колѣни и громко произнесъ: „Боже, спаси Россію и Царя!"

(Съ портрета, принадлежавшаго П. О. Созоновичъ, въ Москвѣ.)

SERGE IVANOWITCH MOURAVIEFF-APOSTOL, 1796—1826, dernier frère de Mathieu Mouravieff-Apostol, naquit à Pétersbourg et passa son enfance à Hambourg et à Paris, où il était un des meilleurs élèves de la pension Hix; il avait même du goût pour la poésie et fit des vers français et latins. Il entra en 1809 à l'école des ponts et chaussées, d'où il sortit porte-enseigne. Les campagnes de 1812—1814 lui valurent St-Vladimir de 4e classe et une épée d'or. Il passa en 1815 au régiment Sémenowsky, mais, après la fameuse histoire des Sémenowsky, il permuta à l'armée dans le midi. Lieutenant colonel d'infanterie de Tchernigoff, il fomenta, comme membre de la Société secrète du Midi, une révolte armée ouverte, dans laquelle il entraina par ruse une partie des hommes de son régiment.

Il fut reconnu coupable „de préméditation de régicide, d'en avoir recherché les moyens, de s'être, à ce même effet, choisi et désigné des complices, d'avoir consenti à l'exil de la Famille Impériale et réclamé en particulier le meurtre du Césarewitch, et d'y avoir poussé les autres, d'avoir collaboré à la direction de la Société secrète du Midi dans toute l'étendue de ses révoltants desseins, d'avoir rédigé des proclamations et poussé les autres à coopérer à l'objet de cette société, l'émeute, d'avoir pris part à un projet de démembrement de l'Empire, d'avoir, par des mesures effectives, travaillé au recrutement de cette société, d'avoir personnellement pris part à l'insurrection sans reculer au besoin devant l'effusion du sang, d'avoir excité les soldats, libéré les forçats, acheté même un prêtre pour faire lire devant les rangs des mutins un faux catéchisme rédigé par lui, d'avoir été pris les armes à la main".

Mis hors catégorie, Mouravieff-Apostol fut condamné à mort par la Haute Cour. Il marcha au supplice avec une âme ferme et tranquille, le 13 juillet 1826, à 5 heures du matin. Au témoignage de Yakouchkine, avant de mourir, „Serge Mouravieff, apercevant Bestoujeff, lui demanda pardon d'avoir causé sa perte; au pied de la potence, il désira prier, se mit à genoux et s'écria: „Dieu, sauve la Russie et le Tzar!"

(D'après un original appartenant à Mlle P. Sozonowitch, Moscou.)

141

Пис. Моньe — *Peint par Monnier*

Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, 1757 — 1807 — *Michel Nikititch Mouravieff, 1757 — 1807*

142

Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, 1793 — 1886 — *Mathieu Ivanowitch Mouravieff-Apostol, 1793 — 1886*

143

Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, 1796 — 1826 — *Serge Ivanovitch Mouravieff-Apostol, 1796 — 1826*

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ, 1768—1840, родился 15 Сентября 1768 г. въ Ригѣ, гдѣ отецъ его, Николай Ерофеевичъ Муравьевъ, былъ генералъ-губернаторомъ. Мать его Анна Андреевна, рожденная Волкова, впослѣдствіи вышла замужъ за генералъ-майора князя Александра Васильевича Урусова, человѣка всесторонне образованнаго и обладавшаго большимъ состояніемъ. Еще въ дѣтствѣ Муравьевъ обнаружилъ недюжинныя способности, поощряемый своимъ вотчимомъ, не щадившимъ средствъ, чтобы дать своему пасынку отличное образованіе. Въ 1784 г. Муравьевъ отправился за границу и слушалъ лекціи въ Страсбургскомъ университетѣ; въ 1788 г. поступилъ на морскую службу и съ чиномъ мичмана назначенъ на корабль „Саратовъ", входившій въ составъ русской эскадры, отправляемой въ Архипелагъ. Часть судовъ этой эскадры, по случаю открывшихся военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, остановилась въ Копенгагенѣ и соединилась съ Датскимъ флотомъ. Въ 1789 г., въ чинѣ лейтенанта, сражался со Шведами при Готландѣ, а въ 1790 г., командуя галерою „Орелъ", принималъ участіе въ неудачномъ для насъ сраженіи при Роченсальмѣ (28 Іюня 1790 г.), гдѣ обнаружилъ удивительное мужество, рѣшительность и отвагу. Когда, передъ самымъ началомъ боя, Муравьевъ подошелъ къ адмиральскому кораблю и спросилъ, гдѣ находится его мѣсто въ бою—адмиралъ Литта отвѣтилъ ему краснвой фразой: „Un homme d'honneur sanra trouver sa place". Тогда Муравьевъ подъ всѣми парусами пошелъ на непріятельскую линію и, ставъ между шведскими кораблями, открылъ по нимъ огонь съ двухъ бортовъ: галера его была разбита, а самъ онъ, раненый осколкомъ гранаты, былъ взятъ въ плѣнъ.

Въ началѣ царствованія Павла I (въ 1796 г.) Муравьевъ переведенъ подполковникомъ въ Гусарскій генералъ-майора Дунина (Елизаветградскій драгунскій) полкъ, въ которомъ прослужилъ годъ, послѣ чего вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ помѣстьи Лужскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Пользуясь уваженіемъ и вліяніемъ среди мѣстнаго дворянства, былъ избранъ предводителемъ, но вскорѣ (въ 1801 г.) переѣхалъ въ Москву. Въ 1807 г. при формированіи земской милиціи въ Московской губерніи Муравьевъ назначенъ адъютантомъ при гр. И. С. Мордвиновѣ, и въ это время составилъ упрощенный уставъ пѣхотной службы. Послѣ заключенія Тильзитскаго мира, онъ снова вышелъ въ отставку. Въ концѣ 1810 г. третій сынъ его Михаилъ, въ то время студентъ, основывалъ „Московское Общество Математиковъ", цѣлью котораго было распространеніе въ Россіи, посредствомъ безденежнаго преподаванія, математическихъ знаній и изданіе переводовъ съ иностранныхъ языковъ лучшихъ математическихъ сочиненій. Выбранный президентомъ вновь возникшаго общества, Муравьевъ-отецъ принималъ самое живое и горячее участіе въ этомъ дѣлѣ. Несмотря на кратковременное существованіе этого общества, оно уже успѣло подготовить нѣсколькихъ молодыхъ людей, въ томъ числѣ и трехъ братьевъ Муравьевыхъ, для службы по Квартирмейстерской части. Въ 1812 г. Муравьевъ снова возвратился на военное поприще и, въ чинѣ полковника, назначенъ начальникомъ штаба ополченій 3 округа. Въ 1813 г. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ при блокадѣ Магдебурга, Гамбурга и въ многочисленныхъ бояхъ. По окончаніи войны, въ 1815 г., онъ покинулъ службу, въ чинѣ ген.-майора, и возвратился къ преподаванію военныхъ наукъ. Въ с. Долголядевѣ, Волоколамскаго уѣзда, онъ основалъ въ 1816 г. „Московское Учебное Заведеніе для колонновожатыхъ"; въ теченіе почти 8 лѣтъ Муравьевъ на свои средства содержалъ это заведеніе, пока князь П. М. Волконскій не исходатайствовалъ разрѣшенія Государя производить его воспитанниковъ прямо въ офицеры по квартирмейстерской части. Въ 1816 г. труды Муравьева обратили на него вниманіе Государя, который пригласилъ его на службу по квартирмейстерской части и въ слѣдующемъ году наградилъ орденомъ св. Анны 1-й ст. Въ 1823 г. разстроенное здоровье и пошатнувшіяся денежныя дѣла заставили его окончательно выйти въ отставку. Въ деревнѣ онъ отдался изученію сельскаго хозяйства, издавна интересовавшаго его, и Московское Общество Сельскаго хозяйства считаетъ Муравьева однимъ изъ своихъ основателей.

Н. Н. Муравьевъ скончался 20 Августа 1840 г.; похороненъ въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Былъ женатъ на Александрѣ Михайловнѣ Мордвиновой, отъ которой имѣлъ 1 дочь и 5 сыновей.

(Съ портрета Н. Аргунова 1817 г.; собственность князя А. В. Шаховскаго, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

NICOLAS NIKOLAEWITCH MOURAVIEFF, 1768—1840, naquit le 15 septembre 1768 à Riga, où son père était général gouverneur. Sa mère, Anna Andréewna, née Volkoff, épousa dans la suite le prince Alexandre Vassiliewitch Ouroussoff, général major, fort instruit et très riche. Tout enfant, il fit preuve de capacités peu communes, encouragé par son beau-père, qui ne ménagea rien pour lui donner une excellente instruction. Il alla en 1784 suivre les cours de l'université de Strasbourg. Entré dans la marine en 1788, il fut nommé enseigne à bord du Saratoff, de l'escadre de l'Archipel, dont une partie, à l'ouverture des opérations contre la Suède, resta à Copenhague pour opérer sa jonction avec la flotte danoise. En 1789, lieutenant, il combattit les Suédois à Gothland, et, l'année suivante, à la tête de la galère Orel, prit part à la malheureuse bataille de Ruotsensalmi (28 juin 1790), où il manifesta un courage, une décision et une audace extraordinaires. Au moment du combat, il alla au vaisseau amiral demander où était sa place de bataille et reçut cette belle réponse de l'amiral Litta: „Un homme d'honneur saura trouver sa place". Il s'élança alors à toutes voiles sur la ligne ennemie et se glissa entre deux vaisseaux suédois, sur lesquels il ouvrit le feu de toutes pièces: sa galère fut coulée, et lui-même blessé d'un éclat de bombe et fait prisonnier.

Au commencement du règne de Paul Ier (1796), Mouravieff passa lieutenant-colonel aux hussards du général major Dounine (dragons d'Elisabethgrad), où il servit un an, puis prit sa retraite et se fixa dans ses terres patrimoniales des environs de Louga, gouv. de Pétersbourg. Estimé et influent dans la noblesse de la région, il fut élu maréchal de la noblesse, mais bientôt, en 1801, s'en alla à Moscou. En 1807, lors de la formation de la milice territoriale du gouvernement de Moscou, il fut nommé aide de camp du comte P. Mordvinoff, et rédigea alors le règlement simplifié du service de l'infanterie. Après Tilsitt, il reprit sa retraite. A la fin de 1810, son troisième fils Michel, alors étudiant, fondait la Société des Mathématiciens de Moscou, dont le but était la propagation en Russie par l'enseignement gratuit des connaissances mathématiques et la publication de traductions des meilleurs ouvrages de mathématiques étrangers: élu président, le père prit à l'œuvre la part la plus vive et la plus active. Malgré sa courte durée, la nouvelle société put former un certain nombre de jeunes gens, entre autres les trois frères Mouravieff, au service de l'Etat-Major. En 1812, Mouravieff reprit du service militaire et, avec le grade de colonel, fut mis à la tête de l'état-major des milices du 3e district. En 1813, il prit part aux opérations du blocus de Magdebourg et Hambourg et à de nombreux combats. A la fin de la guerre, en 1815, il quitta le service comme général major et se remit à l'enseignement des sciences militaires. Il fonda l'année suivante à Dolgoliadeff, près Moscou, une école de guides, qu'il entretint à ses frais durant près de huit ans, jusqu'au jour où le prince P. Wolkonsky obtint de l'Empereur l'autorisation de nommer directement ses élèves sortants officiers d'Etat-Major. En 1816, les travaux de Mouravieff attirèrent l'attention de l'Empereur, qui le fit entrer au service de l'Etat-Major et, l'année suivante, le décora de Ste-Anne de 1re classe. En 1823, le délabrement de sa santé et le mauvais état de ses affaires l'obligèrent à prendre définitivement sa retraite. Il se retira à la campagne et se consacra à l'exploitation rurale, qui l'avait toujours intéressé; la Société d'Agriculture de Moscou le reconnaît pour un de ses fondateurs.

Nicolas Mouravieff mourut le 20 août 1840 et fut inhumé au monastère Novodévitchi. Il avait épousé Alexandrine Mikhaïlowna Mordvinoff, dont il eut une fille et cinq fils.

(D'après l'original d'Argounoff, 1817, appartenant au prince A. Chakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ, 1792—1863, сынъ ген.-майора Николая Николаевича Муравьева отъ брака съ Александрой Михайловной Мордвиновой. Обучался въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, откуда въ 1810 г. поступилъ въ „Московское Учебное Заведеніе для колонновожатыхъ“, учрежденное его отцомъ въ с. Долголядевѣ, Волоколамскаго уѣзда. Въ 1812 г. участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ и былъ въ кампаніяхъ 1813—14 годовъ и при взятіи Парижа. Въ 1818 г. Муравьевъ вышелъ въ отставку полковникомъ. Съ 1814 г. масонъ, „намѣстный мастеръ“ въ Петербургѣ, въ ложѣ „Трехъ добродѣтелей“, Муравьевъ былъ членомъ Сѣвернаго общества. Привлеченный къ процессу декабристовъ, онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ 1817 г. изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи Тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго совершенно удалился, но о цѣли его правительству не донесъ“. Онъ былъ отнесенъ къ VI разряду и приговоренъ на 6 лѣтъ въ каторжныя работы. Когда выяснилось, что Муравьевъ имѣлъ очень отдаленное отношеніе къ Декабрьскому бунту, онъ былъ отправленъ на поселеніе въ Якутскъ, но уже съ дороги возвращенъ, помилованъ и назначенъ городничимъ въ Верхнеудинскъ. Въ 1828 г. назначенъ городничимъ въ Иркутскъ, гдѣ былъ потомъ предсѣдателемъ Губернскаго правленія, затѣмъ Тобольскимъ губернаторомъ. Вслѣдствіе доносовъ, послѣ энергичной и неудачной борьбы съ Сибирскимъ взяточничествомъ, Муравьевъ былъ переведенъ въ 1834 г. предсѣдателемъ Казенной палаты въ Вятку, затѣмъ въ Симферополь и, наконецъ, губернаторомъ въ Архангельскъ. Въ 1854 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса. Черезъ 2 года, въ 1856 г., Муравьевъ былъ назначенъ Нижегородскимъ губернаторомъ. Здѣсь ему пришлось принять участіе въ проведеніи крестьянской реформы 1861 г., при чемъ не обошлось безъ столкновенія съ сильной партіей мѣстныхъ крѣпостниковъ. Съ другой стороны встрѣчалось также противодѣйствіе и со стороны крестьянской массы, вслѣдствіе преувеличенныхъ надеждъ и ожиданій. Введеніе „Положенія“ встрѣтило цѣлый рядъ препятствій. Образованный и передовой по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, человѣкъ незауряднаго ума и непреклонной воли, Муравьевъ, однако, былъ черезчуръ прямолинеенъ, чтобы быть способнымъ на уступки и соглашенія, дающія возможность избѣжать излишнихъ столкновеній и ненужнаго обостренія животрепещущихъ вопросовъ. 16 Сентября 1861 г., произведенный въ генералъ-лейтенанты, Муравьевъ былъ назначенъ сенаторомъ въ Московскіе департаменты; умеръ въ Москвѣ 18 Декабря 1863 г. и похороненъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

А. Н. Муравьевъ былъ женатъ 2 раза: въ первомъ бракѣ на княжнѣ Прасковіи Михайловнѣ Шаховской (р. 22 Августа 1788 г., † 29 Января 1835 г.) и во второмъ, съ 1841 г., на ея сестрѣ, княжнѣ Маріи Михайловнѣ († 1885 г.). Отъ перваго брака имѣлъ 5 сыновей: Ивана (р. въ Иркутскѣ 19 Августа 1830 г., † 18 Декабря 1864 г.) и еще двоихъ, умершихъ въ младенчествѣ въ Сибири, и 2 дочерей: Софію (р. 1822 г., † 1851 г.; дѣвица) и Прасковію (р. за Байкаломъ, въ г. Верхнеудинскѣ, 22 Ноября 1827 г., † въ Тобольскѣ 20 Декабря 1853 г.; погребена въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, рядомъ съ матерью).

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

ALEXANDRE NIKOLAEWITCH MOURAVIEFF, 1792—1863, fils du général major Nicolas Nikolaewitch Mouravieff et d'Alexandrine Mikhaïlowna Mordvinoff, fit ses études à la pension de l'université de Moscou, d'où il passa en 1810 à l'école des guides fondée par son père à Dolgoliadeff, près Moscou. Il fit la guerre de 1812, les campagnes de 1813 et 1814, et fut à la prise de Paris. Il prit sa retraite en 1817 comme colonel. Franc-maçon depuis 1814, maître de la loge des Trois Vertus à Pétersbourg, il était membre de la Société du Nord. Impliqué dans le procès des Décabristes, il fut accusé „de complicité de préméditation de régicide par consentement donné en 1817, ainsi que de participation à la fondation d'une société secrète, dont il se retira bien entièrement dans la suite, mais sans en dénoncer l'objet au gouvernement". Rangé dans la 6e catégorie, il fut condamné à 6 ans de travaux forcés. Lorsqu'il fut établi qu'il n'avait eu que des rapports très éloignés avec l'affaire de Décembre, on l'envoya à Yakoutsk comme simple colon, mais avant d'arriver, il fut rappelé, gracié et nommé préfet de Verkhnéoudinsk. Il passa en 1828 à Irkoutsk, où il devint chef des Bureaux de l'administration, puis fut fait gouverneur de Tobolsk. A la suite de dénonciations, consécutives à une lutte énergique et malheureuse contre la concussion en Sibérie, Mouravieff fut envoyé en 1834 comme directeur des finances à Viatka, puis à Simféropol, et enfin comme gouverneur à Arkhangel. En 1854, il fut promu général major et nommé chef de l'état-major du 2e corps d'infanterie. Deux ans après, en 1856, il devint gouverneur de Nijny-Novgorod, où il eut à travailler à l'application de la réforme de 1861: ce ne fut pas sans conflits avec le parti puissant des partisans du servage ni avec la masse des paysans, déçus dans leurs espérances démesurées. Aussi bien, avec son instruction, ses convictions et ses idées avancées, son intelligence peu commune et sa volonté inflexible, Mouravieff était trop carré pour pouvoir consentir à des concessions et compromis permettant d'éviter les conflits superflus et de calmer les esprits surexcités. Le 16 septembre 1861, fait général lieutenant, Mouravieff fut nommé sénateur aux départements de Moscou. Il mourut à Moscou le 18 décembre 1863 et fut inhumé au monastère Novodévitchi.

Mouravieff fut marié deux fois, en premières noces à la princesse Prascovie Mikhaïlowna Chakhowskoï (22 août 1788—29 janvier 1855), et en secondes noces, en 1841, à la sœur Marthe († 1885) de sa première femme. De son premier mariage, il eut trois fils, Ivan (19 août 1830—18 décembre 1864) et deux autres morts en bas âge en Sibérie, et deux filles, Sophie (1822—1851), non mariée, et Prascovie, née à Verkhnéoudinsk le 22 novembre 1827, morte à Tobolsk le 20 décembre 1833, inhumée au monastère Simonoff, à Moscou, près de sa mère.

(D'après un original appartenant au prince A. Chakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

146

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА МУРАВЬЕВА, 1770—1809, дочь инженеръ-генерала Михаила Ивановича Мордвинова (р. 5 Ноября 1725 г., † 7 Октября 1782 г.) и его жены Екатерины Александровны Саблуковой (р. 26 Іюля 1747 г., † 20 Ноября 1823 г.), родилась 30 Мая 1770 года; 21 года, 11 Мая 1791 г., вышла замужъ за Николая Николаевича Муравьева, позднѣе генералъ-майора, извѣстнаго тѣмъ, что имъ основана была въ его имѣніи с. Долголядевѣ, Волоколамскаго уѣзда, школа колонновожатыхъ, изъ которой вышло не мало полезныхъ офицеровъ по квартирмейстерской части (Генеральный штабъ). А. М. Муравьева умерла 20 Апрѣля 1809 г., чрезъ 6 дней послѣ рожденія послѣдняго сына Сергѣя, и похоронена въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Отъ брака съ Н. И. Муравьевымъ у ней было 5 сыновей, изъ которыхъ четверо получили извѣстность, а именно: 1) Александръ (р. 1792 г., † 1863 г.; декабристъ, потомъ сенаторъ); 2) Николай (р. 14 Іюля 1793 г., † 18 Октября 1867 г.; генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, получившій прозвище „Карскій“); 3) Михаилъ (р. 24 Сентября 1796 г., † 29 Августа 1866 г.; получилъ графскій титулъ и прозвище „Виленскій“); 4) Андрей (р. 30 Апрѣля 1806 г., † 13 Августа 1874 г.; извѣстный дѣятель по духовному вѣдомству, писатель и путешественникъ по святымъ мѣстамъ); 5) Сергѣй (р. 14 Апрѣля 1809 г., † 16 Августа 1874 г.), и одна дочь Софія (р. 1804 г., † 1826 г., дѣвицей).

По описанію сына, Н. Н. Муравьева-Карскаго, въ его „Запискахъ“, „наружность ея соотвѣтствовала ея прелестнымъ качествамъ. Причиною кончины ея было то, что она хотѣла, вопреки совѣту врачей, сама кормить сына Сергѣя, дабы не обидѣть его противъ старшихъ дѣтей, которыхъ сама вскормила. Кончины ея были еще причиною заботы и труды, перенесенные почти на исходѣ беременности при постели старшаго сына Александра, находившагося при смерти. Надъ могилой, по ея желанію, посадили любимое ея дерево—акацію“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Е. И. Мордвиновой, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRINE MIKHAILOWNA MOURAVIEFF, 1770—1809, fille du général du génie Michel Ivanowitch Mordvinoff (5 novembre 1725—7 octobre 1782) et de Catherine Alexandrowna, née Sabloukoff (26 juillet 1747—20 novembre 1823), naquit le 30 mai 1770. Elle épousa à l'âge de 21 ans, le 11 mai 1791, Nicolas Nikolaewitch Mouravieff, plus tard général major, connu par l'école des guides qu'il fonda dans sa propriété de Dolgoliadeff, près Moscou, et dont sortirent nombre de précieux officiers de l'intendance (état-major général). Elle mourut le 20 avril 1809, six jours après la naissance de son dernier fils Serge, et fut inhumée à Moscou, au monastère Novodévitchi.

De son mariage avec Mouravieff, elle eut cinq fils, dont quatre sont connus, Alexandre (1792—1863), décabriste, dans la suite sénateur, Nicolas (14 juillet 1793—18 octobre 1867), surnommé Karssky, général aide de camp, membre du Conseil de l'Empire, Michel (24 septembre 1796—29 août 1866), surnommé Vilensky, devenu comte, André (30 avril 1806—13 août 1874), fonctionnaire connu de l'administration ecclésiastique, écrivain et voyageur aux Lieux Saints, Serge (14 avril 1809—16 août 1874), et une fille, Sophie (1804—1826), non mariée.

„Son physique", dit son fils Nicolas dans ses Mémoires, „était bien en harmonie avec ses charmantes qualités. Elle mourut pour avoir, contrairement aux conseils des médecins, voulu nourrir elle-même son fils Serge, comme elle avait nourri tous les autres. Il faut y ajouter les soucis et les fatigues que lui causèrent, à la veille de sa délivrance, les soins donnés à son fils aîné Alexandre en danger de mort. Selon son vœu, on a planté sur sa tombe un acacia, son arbre préféré".

(D'après une miniature appartenant à Mme E. Mordvinoff, St-Pétersbourg.)

ПРАСКОВЬЯ МИХАЙЛОВНА МУРАВЬЕВА, 1788—1835, дочь бригадира князя Михаила Александровича Шаховского отъ брака съ графиней Елизаветой Сергѣевной Головиной, родилась 22 Августа 1788 года. Вышла замужъ за полковника Александра Николаевича Муравьева 25 Сентября 1818 г. въ родовомъ селѣ князей Шаховскихъ Бѣлой Колпи, Волоколамскаго уѣзда. Вскорѣ послѣ свадьбы Александръ Николаевичъ вышелъ въ отставку, и Муравьевы поселились въ данномъ въ приданое за Прасковьей Михайловной селѣ Ботовѣ, Волоколамскаго уѣзда, гдѣ они пользовались большой любовью крестьянъ. Здѣсь прожили они до 1826 г., когда Муравьевъ, какъ членъ тайнаго общества, былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Прасковья Михайловна, съ 4-лѣтней дочерью, послѣдовала за мужемъ въ Петербургъ, а затѣмъ и въ Сибирь, куда онъ былъ сосланъ. Вскорѣ Муравьевъ получилъ разрѣшеніе вступить на службу въ Сибири, а послѣ 8-лѣтняго пребыванія тамъ былъ переведенъ предсѣдателемъ Казенной палаты въ Вятку, гдѣ лишился жены, не покидавшей его въ теченіе всего этого времени.

П. М. Муравьева скончалась отъ чахотки 29 Января 1835 г., поручивъ мужа и дѣтей сестрѣ своей, княжнѣ Маріѣ Михайловнѣ Шаховской, пріѣхавшей въ Вятку ухаживать за больной сестрой. Тѣло покойной было перевезено въ Москву и погребено въ Симоновомъ монастырѣ. Муравьевъ, сопровождавшій прахъ жены и не имѣвшій права въѣзда въ столицу, долженъ былъ остановиться въ Перовѣ и оттуда проѣхать въ монастырь. Прасковья Михайловна получила превосходное образованіе и была замѣчательной музыкантшей (ея учителемъ былъ знаменитый Фильдъ). Она отличалась, по отзывамъ современниковъ, привлекательностью и за свои душевныя качества была очень любима родными.

Дочь ея, Софія Александровна, родилась 31 Января 1822 г. и четырехлѣтней дѣвочкой послѣдовала съ матерью за отцомъ въ Сибирь. Она отличалась красотой и необыкновенными сердечностью и привѣтливостью. Скончалась незамужней 31 Августа 1851 г. въ имѣніи отца селѣ Осташевѣ и погребена въ Іосифо-Волоколамскомъ монастырѣ.

(Съ портрета, принадлежащаго князю А. В. Шаховскому, село Бѣлая Колпь, Московской губ.)

PRASCOVIE MIKHAÏLOWNA MOURAVIEFF, 1788—1835, fille du prince Michel Alexandrowitch Chakhowskoï, brigadier, et de la comtesse Elisabeth Serguéewna Golovine, naquit le 22 août 1788. Elle épousa le 25 septembre 1818, à Bélaïa Kolp, près Moscou, domaine patrimonial des princes Chakhowskoï, le colonel Alexandre Nikolaewitch Mouravieff, qui prit sa retraite peu après. Les époux allèrent se fixer dans leur propriété de Botoff, du même district, dot de la jeune femme; ils y jouissaient de la grande affection de leurs paysans, et y restèrent jusqu'à ce qu'en 1826, Mouravieff se fût fait arrêter comme membre d'une société secrète et interner à la citadelle de Pierre-et-Paul. Sa femme, avec sa petite fille âgée de 4 ans, le suivit à Pétersbourg, puis en Sibérie, dans sa déportation. Pourtant il reçut bientôt l'autorisation de prendre du service en Sibérie et, au bout de huit ans, fut fait directeur des services financiers à Viatka, où il perdit sa femme, qui ne l'avait pas quitté un instant.

Prascovie Mouravieff mourut phthisique le 29 janvier 1835, en confiant son mari et ses enfants à sa sœur Marthe, qui était venue la soigner à Viatka. Son corps fut transporté à Moscou et inhumé au monastère Simonoff: son mari, qui l'accompagnait et qui n'avait pas le droit d'entrer dans la capitale, dut s'arrêter à Pérovo pour aller de là au monastère. Elle avait reçu une excellente instruction et était une musicienne remarquable, élève de Field. Au témoignage des contemporains, elle était charmante et très aimée dans sa famille pour ses qualités.

Sa fille Sophie naquit le 31 janvier 1822 et, à l'âge de 4 ans, partit avec sa mère accompagner son père en Sibérie. Elle était belle, d'une cordialité et d'une affabilité extrêmes. Elle ne fut pas mariée et mourut le 31 août 1851 dans la propriété de son père, à Ostacheff; elle fut inhumée au monastère St-Joseph, à Volokolam, près Moscou.

(D'après un original appartenant au prince A. Chakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

144

Ник. Н. Аршевъ, 1817

Николай Николаевичъ Муравьевъ, 1768 — 1840

Peint par N. Argunoff, 1817

Nicolas Nikolaewitch Mouravieff, 1768 — 1840

145

Александръ Николаевичъ Муравьевъ, 1792 — 1863

Alexandre Nikolaewitch Mouravieff, 1792 — 1863

146

Александра Михайловна Муравьева, 1770 — 1809

Alexandra Mikhaïlowna Mouravieff, 1770 — 1809

147

Прасковья Михайловна Муравьева, 1788 — 1835

Prascovie Mikhaïlowna Mouravieff, 1788 — 1835

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ – Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня АННА АЛЕКСАНДРОВНА ПОТОЦКАЯ, 17 . . — 18 . ., дочь великаго канцлера Литовскаго и кавалера орденовъ св. Андрея Первозваннаго и Бѣлаго Орла, князя Александра Казимировича Сапѣги, женатаго на княжнѣ Любомирской, въ 1785 г. вышла замужъ за графа Северина Осиповича Потоцкаго (р. 1762 г., † 1829 г.), впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта.

Отъ этого брака у ней былъ одинъ сынъ, графъ Левъ Севериновичъ (р. 1789 г., † 1860 г.; дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта), и 2 дочери: графиня Юлія, бывшая въ замужествѣ за Каэтаномъ Урускимъ, а во второмъ бракѣ за австрійскимъ генераломъ графомъ Бернгардомъ Кабога, и графиня Паулина — за графомъ Францомъ Осиповичемъ Лубинскимъ.

Позднѣе супруги Потоцкіе разошлись и жили отдѣльно, при чемъ сынъ воспитывался у отца, а дочери оставались при матери.

(Съ миніатюры Фюгера; собственность графа Ланскоронскаго, въ Вѣнѣ.)

La comtesse **ANNE ALEXANDROWNA POTOCKI**, 17..—18.., fille du prince Alexandre Sapiega, grand chancelier de Lithuanie, chevalier de St-André et de l'Aigle Blanc, et de la princesse Lioubomirsky, épousa en 1785 le comte Séverin Ossipowitch Potocki (1762—1829), plus tard membre du Conseil de l'Empire.

Elle eut de ce mariage un fils unique Léon (1789—1860), conseiller privé actuel, membre du Conseil de l'Empire, et deux filles, Julie, mariée en premières noces à Gaétan Ourousky, et en secondes noces au général autrichien comte Bernard Kaboga, et Pauline au comte François Ossipowitch Loubinsky.

Dans la suite, les époux Potocki se séparèrent et vécurent chacun de son côté; le fils fut élevé avec son père et les filles restèrent avec leur mère.

(D'après une miniature de Füger, appartenant au comte Lanskoronsky, Vienne.)

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РОЖНЕЦКІЙ, 1774—1849, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, родился въ Варшавѣ 12 Февраля 1774 года; 14-и лѣтъ онъ поступилъ на службу „кадетомъ“ въ Польскую Конную гвардію и 1 Октября 1789 г. былъ произведенъ въ подпоручики; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 1 Февраля 1790 г.,—въ поручики, затѣмъ, въ 1791 г.—въ капитаны, въ 1793 г.—въ майоры, въ 1794 г.—въ вице-бригадиры, послѣ чего вышелъ въ отставку, вслѣдствіе полученныхъ имъ ранъ при Цехоцинѣ и подъ Варшавой. Состоя въ бригадѣ графа Потоцкаго, Рожнецкій съ 1792 г. по 1794 г. участвовалъ въ дѣлахъ въ Польшѣ „подъ личнымъ предводительствомъ“ Костюшки. Спустя 4 года, въ Мартѣ 1798 г., Рожнецкій опять поступилъ на службу въ Итальянскій легіонъ Французской арміи, гдѣ въ 1800 г. произведенъ въ полковники и назначенъ командиромъ Коннаго полка этого легіона. Въ Италіи Рожнецкій участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ, подъ командой генераловъ: Моро, Жубера, Сенъ-Сира, маршала Массена и Іосифа Бонапарта. Раненый при Сенъ-Жюльенѣ, Рожнецкій временно оставилъ службу, но затѣмъ, въ чинѣ генерала (бригадный генералъ съ 1807 г.), участвовалъ во всѣхъ Наполеоновскихъ войнахъ съ 1805 по 1813 годъ. Въ 1810 г., 20 Марта, онъ былъ сдѣланъ дивизіоннымъ генераломъ въ 4-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ генерала Латуръ-Мобура, въ 1813 г.—начальникомъ штаба 5-го корпуса арміи. Раненый при Бородинѣ, Рожнецкій въ 1813 г. подъ Лейпцигомъ опять былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. 27 Августа 1815 г., вернувшись въ Польшу, онъ былъ назначенъ командующимъ Польской кавалеріей. Въ это время онъ имѣлъ 2 ордена Почетнаго легіона, орденъ Желѣзной короны, 2 знака Военнаго ордена Царства Польскаго и Станислава 1 ст.; въ 1816 г. получилъ орд. св. Анны 1 ст., въ 1818 г.—св. Владиміра 2 ст., въ 1820 г.—Александровскую ленту и въ 1829 г.—Бѣлаго Орла.

Въ 1831 г., 25 Декабря, Высочайшимъ приказомъ Рожнецкій зачисленъ въ русскую службу генераломъ-отъ-кавалеріи, со старшинствомъ со дня производства въ этотъ чинъ по Польской арміи, т.-е. съ 22 Августа 1826 г., „съ назначеніемъ состоять при особѣ Его Величества“. Въ слѣдующемъ году, 14 Февраля 1832 г., назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и Совѣта управленія Царства Польскаго. Въ 1836 г. былъ награжденъ звѣздой св. Владиміра 1 ст. и въ этомъ же году „находился“ при Государѣ въ Варшавѣ. А. А. Рожнецкій исключенъ изъ списковъ умершимъ 13 Іюля 1849 года.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

ALEXANDRE ALEXANDROWITCH ROJNIEZKY, 1774—1849, général de cavalerie, membre du Conseil de l'Empire, naquit à Varsovie le 12 février 1774. A l'âge de 14 ans, il fut enrôlé comme cadet à la Garde Polonaise à cheval, où il fut, le 27 octobre 1789, sous-lieutenant, le 1er février 1790 lieutenant, en 1791 capitaine, en 1793 major, en 1794 vice-brigadier, après quoi ses blessures reçues à Ciechocin et sous Varsovie l'obligèrent à prendre sa retraite. Dans la brigade du comte Potocki, il fit de 1792 à 1794 les campagnes de Pologne „sous la direction personnelle" de Kosciuszko. Quatre ans après, en mars 1798, il reprit du service à la Légion Italienne de l'armée française, où il fut, en 1800, promu colonel et nommé commandant du régiment de cavalerie de la Légion. Il prit part à toutes les batailles de la campagne d'Italie, sous les ordres de Moreau, Joubert, Saint-Cyr, Masséna et de Joseph Bonaparte. Blessé à St-Julien, il quitta temporairement le service, mais ensuite fit avec le grade de général (général de brigade en 1807) toutes les guerres de Napoléon de 1805 à 1813. Le 20 mars 1810, il fut fait général de division au 4e corps de cavalerie de réserve du général Latour-Maubourg et, en 1813, chef de l'état-major du 5e corps. Blessé à Borodino, il fut une seconde fois blessé à Leipzig en 1813 et fait prisonnier. A son retour en Pologne, il fut nommé le 27 août 1815 commandant de la cavalerie polonaise; il avait alors deux grades dans la Légion d'Honneur, la Couronne de Fer, l'Ordre Militaire polonais et St-Stanislas de 1re classe. Il reçut en 1816 Ste-Anne de 1re classe, en 1818 St-Vladimir de 2e classe, en 1820 St-Alexandre et en 1829 l'Aigle Blanc.

En 1831, le 25 décembre, par ordre de S. M. l'Empereur, Rojniezky fut admis au service russe avec le grade de général de cavalerie et l'ancienneté à compter du jour de sa promotion à ce grade dans l'armée polonaise (22 août 1826), et attaché à la personne de S. M. Le 14 février de l'année suivante, il fut nommé membre du Conseil de l'Empire et du Conseil d'administration du Royaume de Pologne. En 1836, il fut décoré de l'étoile de St-Vladimir de 1re classe; il se trouvait la même année attaché à l'Empereur à Varsovie.

Rojniezky fut rayé des cadres pour cause de décès le 13 juillet 1849.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ СЕВЕРИНЪ ОСИПОВИЧЪ ПОТОЦКІЙ, 1762—1829, сынъ короннаго крайчаго графа Іосифа Станиславовича отъ брака съ графиней Терезой Оссолинской, въ дѣтствѣ былъ отправленъ въ Швейцарію, гдѣ получилъ образованіе; въ 1779 г. вернулся на родину. Въ 1787 г. Потоцкій былъ въ числѣ польскихъ дворянъ, представлявшихся Екатеринѣ II въ Кіевѣ, въ 1788—92 гг. былъ депутатомъ на сеймѣ отъ Брацлавскаго воеводства, въ 1791 г. назначенъ ротмистромъ національной кавалеріи коронныхъ войскъ и получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Послѣ паденія Польши онъ примкнулъ къ русской партіи и пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь Потоцкій сблизился съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ и по воцареніи Павла I назначенъ камергеромъ, но въ 1799 г. отрѣшенъ отъ должности за открытое высказываніе взглядовъ, противорѣчившихъ направленію политики Павла I. При Александрѣ I онъ сдѣлался членомъ интимнаго кружка Государя, гдѣ не скрывалъ своихъ конституціонныхъ стремленій. Въ 1801 г. Потоцкій назначенъ сенаторомъ. Въ Сенатѣ онъ выступилъ защитникомъ правъ дворянства по поводу возстановленія закона, запрещавшаго нижнимъ чинамъ изъ дворянъ, не достигшимъ офицерскаго званія, выходить въ отставку раньше 12-и лѣтъ. Хотя ему и не удалось добиться отмѣны закона, но своимъ образомъ дѣйствій онъ пріобрѣлъ сочувствіе общества, и въ провинціи ему устраивали овація, а въ Москвѣ ходила по рукамъ ода, гдѣ его сравнивали съ княземъ Яковомъ Долгорукимъ. Въ 1802 г. Потоцкій назначенъ членомъ Училищной комиссіи и въ 1803 г. попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Онъ ревностно принялся за устройство вновь основаннаго Харьковскаго университета, много заботился какъ о приглашеніи иностранныхъ профессоровъ, такъ и о замѣщеніи каѳедръ русскими учеными. Въ день открытія университета Потоцкій произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ „о благодѣтельной цѣли устройства народнаго просвѣщенія и учрежденія университетовъ въ Россіи“. Стараясь возбудить въ мѣстномъ населеніи любовь къ просвѣщенію, онъ не оставлялъ невознагражденными ничьихъ заслугъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Свободный отъ всякаго рода предразсудковъ, чуждый сословной исключительности и религіознаго фанатизма, онъ являлся усерднымъ ходатаемъ за православное духовенство, потрудившееся для народнаго просвѣщенія. По своему разностороннему образованію и обширной начитанности Потоцкій „не вмѣшивался въ мелочи управленія и не нарушалъ автономіи университета, но открывалъ ему всѣ способы къ развитію ученой дѣятельности“. Въ 1817 г., когда князь А. Н. Голицынъ сталъ вводить новые порядки, Потоцкій оставилъ свой постъ. Еще въ 1810 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и присутствовалъ въ Департаментѣ духовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Въ 1827 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Потоцкій былъ сторонникомъ сближенія поляковъ съ русскими и убѣждалъ своихъ соплеменниковъ отдавать дѣтей въ русскія учебныя заведенія, придавая важное значеніе для поляковъ занятію ими государственныхъ должностей и родственнымъ связямъ съ русскими. Потоцкій былъ пріятный собесѣдникъ и утонченно вѣжливый человѣкъ, большой любитель игры въ вистъ.

Въ 1785 г. онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Великаго канцлера Литовскаго Александра Сапѣги, княжной Анной; впослѣдствіи супруги разошлись. При отцѣ остался сынъ Левъ (1789—1860), потомъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ Государственнаго Совѣта, а при матери 2 дочери. Потоцкій имѣлъ значительное состояніе и обширныя помѣстья на Украйнѣ, въ Новороссіи и Крыму (Ливадія, близъ Ялты), но, будучи очень скупъ, принималъ участіе въ разныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Потоцкій скончался 5 Сентября 1829 года, въ одиночествѣ, въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ лѣчиться, и въ перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ можно найти нѣсколько теплыхъ словъ объ умершемъ.

(Съ портрета С. Щукина; Императорскій Харьковскій университетъ.)

Le comte **SÉVERIN OSSIPOWITCH POTOCKI**, 1762 — 1829, fils du comte Joseph Stanislavowitch Potocki, échanson de la couronne, et de la comtesse Thérèse Ossolinsky, alla faire ses études en Suisse et rentra dans son pays en 1779. Il fut de la députation de la noblesse polonaise qui alla se présenter à Catherine II à Kieff en 1787. De 1788 à 1792, il siégea à la diète comme député de la voïévodie de Braclav, et, en 1791, fut nommé capitaine à la cavalerie nationale de la couronne et décoré de l'Aigle Blanc. Après la chute de la Pologne, il fut du parti russe et vint à Pétersbourg, où il entra en relations avec le Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. A l'avènement de Paul Ier, il fut nommé chambellan, mais se fit destituer en 1799 pour avoir émis ouvertement des opinions opposées à la politique de l'Empereur. Sous Alexandre Ier, il se fit admettre dans le cercle des intimes du Souverain, et n'y cacha pas ses tendances constitutionnelles. Nommé sénateur en 1801, il s'érigea en défenseur des droits de la noblesse lors de la discussion sur le rétablissement de la loi refusant la retraite aux militaires nobles non officiers comptant moins de douze ans de service. Il ne put la faire rejeter, mais son attitude lui avait conquis les sympathies de la société: en province, on lui organisa des ovations; à Moscou, circula une ode où il était comparé au prince Jacob Dolgorouky. En 1802, il fut nommé membre de la commission des écoles, et, l'année suivante, curateur de l'arrondissement scolaire de Kharkoff. Il travailla activement à l'organisation de la nouvelle université de Kharkoff, et s'occupa de recruter des maîtres, tant parmi les savants russes que parmi ceux de l'étranger. Le jour de l'inauguration, il prononça un discours en latin sur „les avantages de la propagation de l'instruction et de l'ouverture d'universités en Russie". S'efforçant de provoquer dans la population l'amour de l'instruction, il ne laissa sans récompense aucun des services rendus à la cause de l'instruction publique. Libre de toute espèce de préjugés, exempt d'exclusivisme de classes et de fanatisme religieux, il ne ménagea pas son entremise au clergé orthodoxe, qui avait tant fait pour cette cause. Avec ses connaissances étendues et variées, et ses lectures considérables, „il ne s'ingéra pas dans les détails d'administration et ne toucha pas à l'autonomie de l'université, mais fit tout pour lui permettre de développer son activité scientifique". Lorsque, en 1817, le prince A. Golitzyne inaugura un régime nouveau, Potocki se retira. Depuis 1810, il était membre du Conseil de l'Empire et siégeait au département des affaires ecclésiastiques et civiles. En 1827, il fut fait conseiller privé actuel. Il était partisan du rapprochement des Polonais et des Russes, et conseillait instamment à ses compatriotes de mettre leurs enfants aux établissements d'instruction russes, attribuant une grande importance à leur accès aux fonctions de l'Etat et à la formation de liens de famille avec les Russes. Potocki avait une conversation agréable; c'était un homme d'une courtoisie raffinée et un grand amateur de whist.

Il avait épousé en 1795 la fille Anne du prince Alexandre Sapiéga, grand chancelier de Lithuanie, dont il se sépara ensuite. Il garda son fils Léon (1789—1860), plus tard conseiller privé actuel et membre du Conseil de l'Empire, et les filles restèrent avec la mère. Il possédait une fortune considérable et d'immenses domaines en Ukraine, en Nouvelle-Russie et en Crimée (Livadia, près Yalta); mais il était très avare et se lança dans des entreprises commerciales.

Potocki mourut le 3 septembre 1829, sans personne autour de lui, à Moscou, où il était venu se soigner. On trouve dans la correspondance des frères Boulgakoff quelques paroles de sympathie à l'occasion de sa mort.

(D'après l'original de S. Chtchoukine, Université Impériale de Kharkoff.)

Графъ ВИКЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ КРАСИНСКІЙ, 1783—1858, происходилъ изъ древняго Польскаго дворянскаго рода, имѣвшаго владѣнія въ Люблинской и Плоцкой губ., воспитывался онъ дома, въ Лембергѣ и Варшавѣ, и въ 1791 г. былъ зачисленъ въ войска Царства Польскаго; 26 Ноября 1806 г. былъ полковникомъ въ штабѣ Наполеона и 18 Марта 1807 г. полковымъ командиромъ 4 коннаго полка. Свое боевое поприще онъ началъ въ войну 1806 г., участвуя въ сраженіяхъ подъ Пултускомъ, Прейсишъ-Эйлау и Гейльсбергомъ; 17 Апрѣля 1807 г. назначенъ командиромъ Польско-французскаго гвардейскаго Легко-Коннаго полка (1er régiment des chevau-légers-lanciers de la garde), съ которымъ принималъ участіе въ Испанской войнѣ 1808 г., гдѣ этотъ полкъ прославился знаменитою атакою подъ Сомо-Сіеррою, а самъ Красинскій, на улицахъ Мадрида, раненъ былъ штыкомъ въ колѣно. Въ 1809 г. участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Эслингомъ и Ваграмомъ, гдѣ раненъ пикой въ шею и саблей въ правую руку и затылокъ. Въ 1811 г. произведенъ въ бригадные генералы и пожалованъ, 11 Іюня, графомъ Французской имперіи. Человѣкъ необычайной храбрости и беззавѣтной отваги (изъ 10 полученныхъ имъ ранъ—9 нанесены холоднымъ оружіемъ въ рукопашномъ бою), онъ обратилъ на себя вниманіе Наполеона, который осыпалъ почестями и наградами: онъ сдѣлалъ его камергеромъ, а жену его статсъ-дамой. Продолжая командовать Легко-Коннымъ полкомъ, графъ Красинскій совершилъ съ нимъ всю кампанію 1812 г. и участвовалъ во всѣхъ главнѣйшихъ сраженіяхъ, при чемъ особенно отличился, состоя при Наполеонѣ, подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Краснымъ и въ бояхъ на Березинѣ. Въ 1813 г. произведенъ въ дивизіонные генералы и снова совершилъ рядъ боевыхъ подвиговъ, сражаясь въ этомъ году при Бауценѣ, Гоххирхенѣ, Лейпцигѣ, Фрейбургѣ, гдѣ раненъ пикой въ лѣвый бокъ и саблей въ лѣвую руку, а въ слѣдующемъ году—подъ Бріеномъ, Сенъ-Дизіе и Арсисюръ-Объ, при чемъ снова получилъ двѣ раны пикою въ лѣвую руку и лѣвый бокъ.

Послѣ отреченія Наполеона, Красинскій привелъ остатки Польскаго корпуса на родину. Славное боевое прошлое сохранило ему почетное положеніе въ рядахъ Польской арміи, и въ Январѣ 1815 г. графъ Красинскій былъ назначенъ командиромъ Польской гвардіи, а 22 Марта 1818 г. назначенъ генералъ-адъютантомъ Александра I и маршаломъ сейма. Онъ принадлежалъ къ правительственной партіи и былъ ненавидимъ поляками. Въ 1830 г., когда въ ночь съ 18 на 19 Ноября въ Варшавѣ вспыхнуло возстаніе, Красинскій, въ то время сенаторъ Царства Польскаго и командиръ резервнаго корпуса, находился въ числѣ немногихъ лицъ, оставшихся вѣрными своему долгу, и послѣдовалъ за Цесаревичемъ въ Вержбу. Будучи отпущенъ Великимъ Княземъ, онъ вернулся въ Варшаву, гдѣ едва не былъ убитъ чернью и спасся, лишь благодаря заступничеству диктатора Хлопицкаго. Красинскій остался на службѣ, и, когда вскорѣ послѣ возстанія пріѣхалъ въ Петербургъ, Императоръ Николай I, узнавъ, что онъ не знаетъ какую носить ему форму, прислалъ ему свой собственный Польскій генеральскій мундиръ, а 14 Февраля 1832 г. назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта. Во время пребыванія въ Петербургѣ онъ велъ интересныя записки, хранящіяся теперь въ знаменитой библіотекѣ Красинскихъ въ Варшавѣ. Графъ Красинскій умеръ 3 Декабря 1858 г. въ званіи члена Государственнаго Совѣта и Совѣта управленія Царства Польскаго, имѣя всѣ русскіе ордена и много иностранныхъ, въ томъ числѣ Сардинскій—свв. Маврикія и Лазаря, въ орденскомъ одѣяніи котораго онъ и изображенъ на портретѣ. Красинскій былъ женатъ на княжнѣ Радзивиллъ, женщинѣ „высокихъ качествъ сердца и выдающагося воспитанія“, рано умершей († 1822 г.; погребена въ костелѣ въ имѣніи Опиногура, Плоцк. губ.). Сынъ ихъ, графъ Сигизмундъ, знаменитый польскій поэтъ (р. въ Парижѣ 19 Февраля 1812 г., † 1859 г.), былъ товарищемъ дѣтскихъ игръ сына Наполеона, Римскаго короля.

Графъ Красинскій любилъ науку, былъ поклонникомъ чистаго классицизма и занимался изученіемъ еврейскаго вопроса, по которому въ 1818 г. издалъ два сочиненія. По своей живости, сердечности и горячимъ чувствамъ Красинскій былъ настоящимъ французомъ. При этомъ, по отзыву князя Вяземскаго и А. О. Смирновой, онъ „принадлежалъ къ числу лгуновъ-виртуозовъ; обладая живой и увлекательной рѣчью, онъ самъ наслаждался своими импровизаціями, часто доходя до необузданной галиматьи“.

(Съ портрета Л. Каплинскаго; собственность графа А. Красинскаго, въ Варшавѣ.)

Le comte VINCENT IVANOWITCH KRASINSKY, 1783—1858, descendait d'une vieille famille noble de Pologne, qui avait des terres dans les gouvernements de Lublin et de Plotzk. Il fut élevé chez ses parents à Lemberg et à Varsovie, et en 1791, fut enrôlé dans les troupes du royaume de Pologne. Colonel à l'état-major de Napoléon le 26 novembre 1806 et commandant du 4e régiment de cavalerie le 18 mars 1807, il fit ses premières armes en 1806 aux batailles de Pultusk, Preussisch-Eylau et Heilsberg. Nommé le 17 avril 1807 commandant du 1er régiment des chevau-légers lanciers de la Garde, il fit la guerre d'Espagne en 1808, où ce régiment se distingua à la fameuse attaque de Somo-Sierra, et lui-même reçut dans les rues de Madrid un coup de baïonnette au genou. En 1809, il était à Essling et à Wagram, où il fut blessé d'un coup de lance au cou et de coups de sabre au bras droit et à la nuque. Il fut, en 1811, promu général de brigade et fait, le 11 juin, comte de l'Empire Français. D'une bravoure extraordinaire et d'une témérité sans bornes (sur ses dix blessures, il en reçut neuf à l'arme blanche et dans des corps à corps), il attira l'attention de Napoléon, qui le combla d'honneurs et de récompenses: il le fit chambellan et sa femme dame d'honneur. Toujours à la tête de ses chevau-légers, il fit toute la campagne de 1812 et prit part à toutes les grandes batailles, se distinguant notamment, aux côtés de Napoléon, à Smolensk, Borodino, Krasnoïé et sur la Bérézina. Général de division en 1813, il accomplit cette même année toute une série d'exploits à Bautzen, Hochkirchen, Leipzig, Fribourg, où il reçut un coup de lance au côté gauche et de sabre au bras gauche, et l'année suivante, à Brienne, St-Dizier et Arcis-sur-Aube, où il reçut deux nouveaux coups de lance au bras gauche et au côté gauche.

Après l'abdication de Napoléon, Krasinsky ramena les restes du corps polonais dans leur pays. Ses glorieux états de service lui assurèrent une situation brillante dans les rangs de l'armée polonaise, et en janvier 1815, il fut nommé commandant de la Garde Polonaise, puis, le 22 mars 1818, général aide de camp d'Alexandre Ier et maréchal de la diète. Membre du parti gouvernemental, il était détesté de ses compatriotes. Lorsqu'en 1830, dans la nuit du 18 au 19 novembre, l'insurrection éclata dans Varsovie, Krasinsky, alors sénateur du royaume de Pologne et commandant d'un corps de réserve, fut du petit nombre de ceux qui restèrent fidèles à leur devoir et suivit le Césarewitch à Werzba. Laissé libre par le Grand-Duc, il revint à Varsovie, où il faillit être massacré par la populace et ne dut le salut qu'à la protection du dictateur Chlopicki. Il resta au service, et, lorsqu'il vint à Pétersbourg peu après l'insurrection, l'Empereur Nicolas Ier, apprenant qu'il ne savait quel uniforme porter, lui fit envoyer sa propre tenue de général polonais, et, le 14 février 1832, le nomma membre du Conseil de l'Empire. Pendant son séjour à Pétersbourg, il rédigea d'intéressants Mémoires, conservés aujourd'hui à la célèbre Bibliothèque Krasinsky, à Varsovie. Le comte Krasinsky mourut le 3 décembre 1858 membre du Conseil de l'Empire et du Conseil d'administration du royaume de Pologne, titulaire de tous les ordres russes et de nombreux ordres étrangers, entre autres celui des SS. Maurice et Lazare de Sardaigne, avec les insignes duquel il est représenté sur le portrait ci-joint. Il avait épousé la princesse Radziwill, personne „d'un cœur élevé et d'une éducation remarquable“, qui mourut jeune en 1822 et fut inhumée dans l'église du domaine d'Opinogura, gouvernement de Plotzk. Leur fils Sigismond, le célèbre poète polonais, né à Paris le 19 février 1812, mort en 1859, fut camarade d'enfance du roi de Rome, le fils de Napoléon.

Le comte Krasinsky aimait la science; il était adepte du classicisme pur et s'occupait de la question juive, sur laquelle il publia deux ouvrages en 1818. Par sa vivacité, sa cordialité et la chaleur de ses sentiments, c'était un vrai français. Mais, au témoignage du prince Viazemsky et de Mme Smirnoff, „il était du nombre des virtuoses du mensonge: doué d'une parole vive et communicative, il se laissait gagner par sa propre improvisation et entraîner parfois à un galimatias effréné“.

(D'après l'original de Kaplinsky, appartenant au comte A. Krasinsky, Varsovie.)

148

Пис. Фюгеръ — Peint par Füger

Графиня Анна Александровна Потоцкая,
17..—18..

La Comtesse Anna Alexandrowna Potocki,
17..—18..

149

Александръ Александровичъ Рожнецкій,
1774—1849

Alexandre Alexandrowitch Rojniezky,
1774—1849

150

Пис. С. Щукинъ — Peint par Chtchoukine

Графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій,
1762—1829

Le Comte Séverin Ossipowitch Potocki,
1762—1829

151

Пис. Л. Капланскій — Peint par Kaplinsky

Графъ Викентій Ивановичъ Красинскій,
1783—1858

Le Comte Vincent Ivanowitch Krasinsky,
1783—1858

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ ИВАНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1726—1797, младшій братъ графовъ Петра и Захара, родился 24 Ноября 1726 г.; пробывъ 2 года въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, былъ назначенъ „дворяниномъ“ при посольствѣ старшаго брата въ Берлинѣ; въ 1745 г. поступилъ подпрапорщикомъ въ Семеновскій полкъ, а послѣ женитьбы на двоюродной сестрѣ Императрицы Елисаветы, графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Ефимовской, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1755 г.—въ камергеры и получилъ орденъ св. Анны 1-й ст.; въ 1760 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената и главнымъ директоромъ Комиссіи о Коммерціи. Екатерина II, въ день коронаціи, пожаловала его въ генералъ-поручики и 22 Марта 1763 г. назначила членомъ Адмиралтейской коллегіи. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ командиромъ галернаго флота, затѣмъ очень недолго былъ въ Англіи чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ. 4 Іюня 1769 г., въ чинѣ генерала по флоту, назначенъ вице-президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Въ этой должности онъ получилъ съ 1775 по 1790 г. ордена свв. Андрея, Александра Невскаго и Владиміра 1-й ст. и званіе сенатора. Проживъ 5 лѣтъ за границей для лѣченія, Чернышевъ былъ пожалованъ Павломъ I, благоволившимъ къ нему, въ фельдмаршалы по флоту и 12 Ноября 1796 г. назначенъ президентомъ Адмиралтейской коллегіи.

Графъ И. Г. Чернышевъ умеръ въ Римѣ 26 Февраля 1797 г., похороненъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Онъ былъ женатъ дважды, первымъ бракомъ на графинѣ Елизаветѣ Іосифовнѣ Ефимовской (р. 16 Апрѣля 1734 г., † 5 Октября 1755 г.; бракъ безплодный) и вторымъ—на Аннѣ Александровнѣ Исленевой († 9 Января 1794 г.), отъ которой онъ имѣлъ единственнаго сына Григорія и 4 дочерей.

Служа большую часть жизни по морской части, графъ Чернышевъ не имѣлъ понятія о морскомъ дѣлѣ, которое его ни мало и не интересовало; настоящіе моряки, какъ Чичаговъ, „ни во что его не ставили“, но зато Екатерина II дала Чернышеву дѣятельнаго и свѣдущаго помощника Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова. Послѣдній управлялъ флотомъ, а Чернышевъ заслужилъ прозвище: „Un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée“. Князь Долгорукій такъ характеризуетъ Чернышева: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acception la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé; il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela bon, loyal, honnête dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde“... И дѣйствительно, въ свое время Чернышевъ считался въ высшихъ сферахъ и юристомъ, и дипломатомъ, годнымъ на всѣ руки, для всякихъ порученій и должностей. По отзыву князя М. М. Щербатова, этотъ изящный аристократъ-европеецъ былъ, однако, человѣкъ, „не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный, и, словомъ, вмѣщалъ въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго и яко человѣкъ имѣющій вкусъ, особливо всегда уважаемъ былъ отъ Двора“... Имѣя лучшій домъ въ Петербургѣ, но живя подолгу за границей, Чернышевъ питалъ пристрастіе ко всему иностранному и „многіе примѣры во всякомъ сластолюбіи подалъ и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился“. Благодаря этому усердію къ насажденію въ Россіи заграничнаго „сластолюбія“ и моды, Чернышевъ размоталъ все свое колоссальное богатство и, несмотря на всякія спекуляціи, которыми съ помощью благоволенія придворныхъ сферъ онъ старался поправить дѣла, оставилъ сыну разоренное состояніе и громадные долги.

(Съ миніатюры, принадлежащей Я. И. Обухову, въ Москвѣ.)

Le comte **IVAN GRIGORIEWITCH TCHERNYCHEFF**, 1726 — 1797, le plus jeune frère des comtes Pierre et Zakhare, naquit le 24 novembre 1826. Il passa deux ans au Corps des Cadets, puis fut attaché à l'ambassade de son frère aîné à Berlin. Il entra en 1745 au régiment Sémenowsky, et, après son mariage avec une cousine de l'Impératrice Elisabeth, la comtesse Elisabeth Ossipowna Efimowsky, fut fait gentilhomme de la chambre. Chambellan et chevalier de Ste-Anne de 1re classe en 1755, il fut nommé en 1760 haut procureur du Sénat et directeur général de la Commission du Commerce. Catherine II, le jour de son couronnement, le promut général lieutenant et, le 22 mars 1765, le nomma membre du Collège de l'Amirauté. Mis à la tête, l'année suivante, de la flotte des galères, il fut ensuite ambassadeur extraordinaire et ministre plénipotentiaire en Angleterre, où il resta très peu de temps. Général de la flotte, il fut nommé le 4 juin 1769 vice-président du Collège de l'Amirauté; il reçut à ce poste, de 1775 à 1790, les ordres de St-André, de St-Alexandre Newsky et de St-Vladimir de 1re classe, et la dignité de sénateur. Après cinq ans passés à l'étranger pour sa santé, il fut promu par Paul Ier, dont il avait la faveur, feld-maréchal de la flotte et, le 12 novembre 1796, nommé président du Collège de l'Amirauté.

Le comte Tchernycheff mourut à Rome le 26 février 1797 et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église de l'Annonciation. Il fut marié deux fois, en premières noces à la comtesse Elisabeth Ossipowna Efimowsky (16 avril 1734—5 octobre 1755), dont il n'eut pas d'enfants, et, en secondes noces, à Anna Alexandrowna Isléneff († 9 janvier 1794), dont il eut un fils unique et quatre filles.

Malgré toute sa carrière passée dans la marine, le comte Tchernycheff n'entendait absolument rien aux choses navales, et ne s'y intéressait d'ailleurs nullement. Les vrais marins comme Tchitchagoff „n'en faisaient aucun cas"; mais aussi Catherine II lui avait donné un adjoint sérieux et compétent, Ivan Logguinowitch Golénichtcheff-Koutouzoff, qui faisait tout, et on disait de Tchernycheff: „un marin d'eau douce et un maréchal d'eau salée". Le prince Dolgorouky le caractérise ainsi: „C'était un homme du monde, un homme de salon dans l'acception la plus aimable de ce mot; esprit léger et superficiel, mais très bien cultivé, il avait beaucoup lu, il avait connu les hommes les plus distingués de son temps et vécu dans leur société; il était un causeur charmant. Avec cela, bon, loyal, honnête, dans sa vie privée comme dans sa vie politique, hospitalier, affable, gracieux avec tout le monde".... Et de fait, dans son temps, Tchernycheff était considéré dans les hautes sphères comme juriste, diplomate, bon à tout, à toutes les missions et à toutes les fonctions. Au témoignage du prince M. Chtcherbatoff, ce fin aristocrate à l'européenne était pourtant un homme „moins sérieux que vif, souple et débrouillard, réunissant, en un mot, toutes les qualités du bon courtisan, et surtout, était toujours apprécié à la Cour, comme homme de goût"... Propriétaire de la plus belle maison de Pétersbourg, mais passant tout son temps à l'étranger, il avait la passion de tout ce qui était étranger, et „donna de nombreux exemples de toute espèce de raffinements, qu'il s'efforça d'introduire dans son pays". Ce zèle pour introduire en Russie les „raffinements" et les modes de l'étranger lui fit gaspiller toute sa colossale fortune; toutes les spéculations grâce auxquelles, avec la connivence des gens de Cour, il tâcha de rétablir ses affaires ne l'empêchèrent pas de laisser à son fils une fortune délabrée et des dettes considérables.

(D'après une miniature appartenant à J. Oboukhoff, Moscou.)

Графъ **ГРИГОРІЙ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ**, 1762 — 1831, сынъ графа Ивана Григорьевича отъ второго брака съ Анной Александровной Исленьевой, родился 30 Января 1762 г.; единственный представитель рода, онъ наслѣдовалъ и майоратъ, учрежденный его дядей Захаромъ, и всѣ Чернышевскія богатства. Прослуживъ недолго въ военной службѣ, онъ перешелъ въ гражданскую и исполнялъ нѣкоторыя дипломатическія порученія, такъ, былъ съ Безбородкомъ на Ясскомъ конгрессѣ. При Высочайшемъ дворѣ онъ въ 1776 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, въ 1799 г. назначенъ въ помощь оберъ-камергеру по театральной дирекціи, затѣмъ достигъ чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, званія оберъ-шенка (съ 30 Августа 1816 г.) и кавалера ордена св. Александра Невскаго.

Несмотря на громадное состояніе, дѣла графа Чернышева были совершенно запутаны еще его отцомъ. Когда, по приказанію Павла I, была учреждена надъ его имуществомъ опека, долги его достигали до 2 милліоновъ рублей. Опека существовала до 1803 г. и, благодаря всякимъ льготамъ правительства и искусству Державина, долги были уплачены, при чемъ самъ Чернышевъ все это время ежегодно получалъ отъ опеки по 75/т. рублей, что давало возможность графу вести праздную и обезпеченную жизнь. Освобожденный отъ опеки, по словамъ Державина, Чернышевъ скоро сумѣлъ надѣлать опять долговъ чуть не вдвое больше, чѣмъ прежде.

По отзывамъ современниковъ, Чернышевъ былъ человѣкъ „весьма мягкій, любящій общество и развлеченія“, театралъ, самъ писавшій французскія пьесы и стихи; онъ былъ далеко „не безъ причудъ“, которымъ давали просторъ праздность и даровой крѣпостной трудъ. Живя большею частью въ своемъ Орловскомъ имѣніи, селѣ Тагинѣ, графъ любилъ устраивать гостямъ сюрпризы, при чемъ особенно часто въ паркѣ появлялись внезапно хижины съ надписью „Aux bons gourmands“, гдѣ самъ хозяинъ, въ видѣ гарсона, въ бланжевомъ костюмѣ и колпакѣ, предлагалъ гостямъ карту изысканныхъ кушаній и винъ.

Графъ Г. И. Чернышевъ умеръ въ Орлѣ 2 Января 1831 г. и похороненъ на кладбищѣ при архіерейскомъ домѣ.

Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, отъ которой имѣлъ одного сына Захара (р. 14 Декабря 1797 г., † 1862 г.; декабристъ), и 6 дочерей. Майоратъ, съ титуломъ и фамиліей, вслѣдствіе лишенія правъ сосланнаго въ Сибирь сына, перешелъ къ старшей его дочери, графинѣ Софьѣ Григорьевнѣ Чернышевой-Кругликовой (р. 28 Апрѣля 1799 г., † 24 Іюля 1847 г.; въ замужествѣ за тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Гавриловичемъ Кругликовымъ, р. 13 Августа 1787 г., † 30 Октября 1847 г.).

(Съ миніатюры, принадлежащей Я. И. Обухову, въ Москвѣ.)

Le comte GRÉGOIRE IVANOWITCH TCHERNYCHEFF, 1762—1831, fils du comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff et de sa seconde femme Anna Alexandrowna Isléneff, naquit le 30 janvier 1762. Dernier représentant de la famille, il hérita et du majorat fondé par son oncle Zakhare, et de tous les biens des Tchernycheff. Après une brève carrière militaire, il passa dans le civil et remplit quelques missions diplomatiques: il alla, par exemple, au congrès de Yassy avec Bezborodko. A la Cour, fait en 1776 gentilhomme de la chambre, nommé en 1799 adjoint au grand chambellan pour la direction du théâtre, il parvint ensuite au rang de conseiller privé actuel, à la dignité de grand échanson (30 août 1816) et fut décoré de St-Alexandre Newsky.

La grosse fortune du comte Tchernycheff était déjà très délabrée quand il la reçut de son père. Elle était grevée de près de deux millions de roubles de dettes, quand Paul Ier la fit mettre en séquestre; elle y resta jusqu'en 1803: grâce à des faveurs de toute espèce du gouvernement et à l'habileté de Derjavine, les dettes se trouvèrent alors payées. Le séquestre avait servi tout ce temps au comte une pension annuelle de 75.000 roubles, qui lui permettait de mener une vie oisive et insouciante. La mainlevée donnée, il trouva bientôt moyen, dit Derjavine, de refaire près de deux fois plus de dettes qu'avant.

Au témoignage des contemporains, Tchernycheff était un homme „très doux, aimant la société et les distractions“, le théâtre, auteur lui-même de pièces et de vers en français; il ne manquait pas d'idées fantasques, auxquelles donnaient carrière son oisiveté et le travail gratuit des serfs. Presque constamment dans son bien de Taguino, gouv. d'Orel, il aimait à faire des surprises à ses invités: il se plaisait surtout à faire apparaître subitement dans le parc une maisonnette portant l'enseigne: Aux bons gourmands, où lui-même, déguisé en garçon, avec un costume couleur chair et un bonnet, offrait des mets et des vins de choix.

Le comte Tchernycheff mourut à Orel le 2 janvier 1831 et fut inhumé au cimetière de l'archevêché.

Il avait épousé Elisabeth Pétrowna Kvachnine-Samarine, dont il eut un fils unique Zakhare (14 décembre 1797—1862), décabriste, et six filles. Le majorat, avec le titre et le nom, passa, par suite de la mort civile du fils, déporté en Sibérie, à l'aînée des filles, la comtesse Sophie Tchernycheff-Krouglikoff (28 avril 1799 24 juillet 1847), mariée au conseiller privé Ivan Gavrilowitch Krouglikoff (13 août 1787—30 octobre 1847).

(D'après une miniature appartenant à J. Oboukhoff, Moscou.)

Графиня ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1773—1828, младшая изъ двухъ дочерей дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и Юстицъ-коллегіи президента Петра Федоровича Квашнина-Самарина, женатаго на графинѣ Анастасіи Петровнѣ Салтыковой (р. 1731 г., † 1830 г.), родилась 29 Марта 1773 года. Во фрейлины ко двору Императрицы Екатерины II была пожалована въ 1795 г., а въ слѣдующемъ, 1796 году, вступила въ супружество съ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, впослѣдствіи дѣйствительнымъ камергеромъ и оберъ-шенкомъ. Въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины меньшаго креста принята была въ 1813 году. Скончалась 16 Февраля 1828 года.

Всѣми любимая и уважаемая, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, гдѣ она жила долгое время, графиня Чернышева, какъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Бутурлинъ, „была женщина съ сильнымъ характеромъ, граничившимъ даже со строгостью въ дѣлѣ семейнаго управленія“. Образцовая жена и мать, она въ тѣхъ же правилахъ воспитала своихъ шесть красавицъ-дочерей. Младшая изъ нихъ, Надежда, родилась, когда ей было уже подъ 50 лѣтъ, и она называла себя новою Саррою. Въ Декабрѣ 1825 г. въ деревенскомъ домѣ ея, въ селѣ Тагинѣ, Орловскаго уѣзда, были арестованы жандармами единственный сынъ ея, ротмистръ Кавалергардскаго полка, графъ Захаръ Григорьевичъ, и мужъ ея старшей дочери Александры, Никита Михайловичъ Муравьевъ, за участіе въ заговорѣ 14 Декабря. Это событіе такъ ее потрясло, что съ ней сдѣлался ударъ, и она до конца жизни лишилась употребленія ногъ. Передъ смертью ею было сдѣлано распоряженіе, чтобы изъ-за траура по ней не откладывались свадьбы двухъ ея дочерей, уже объявленныхъ невѣстами, что и было исполнено.

Изъ шести дочерей графини Е. П. Чернышевой, старшая, Софія, была замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ И. Г. Кругликовымъ, наслѣдовавшимъ впослѣдствіи Чернышевскій майоратъ и получившимъ фамилію графа Чернышева-Кругликова; вторая, Александра,—за декабристомъ Н. М. Муравьевымъ; третья, Елизавета,—за тайнымъ совѣтникомъ А. Д. Чертковымъ; четвертая, Вѣра,—за графомъ Ф. П. Паленомъ, пятая, Наталія,—за генераломъ-отъ-инфантеріи Н. Н. Муравьевымъ-Карсскимъ, и шестая, Надежда,—за княземъ Г. А. Долгорукимъ.

(Съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Чернышеву-Кругликову, с. Ярополецъ, Московской губ.)

La comtesse ÉLISABETH PÉTROWNA TCHERNYCHEFF, 1775—1828, la plus jeune des deux filles du conseiller privé actuel et président du Collège de Justice Pierre Féodorowitch Kvachnine-Samarine et de la comtesse Anastasie Pétrowna Saltykoff (1751—1830), naquit le 20 mars 1773. Demoiselle d'honneur de la Cour de Catherine II en 1795, elle épousa l'année suivante le comte Grégoire Ivanowitch Tchernycheff, plus tard chambellan actuel et grand échanson. Elle fut nommée dame de Ste-Catherine en 1813 et mourut le 16 février 1828.

Aimée et estimée de tous, aussi bien à Pétersbourg qu'à Moscou, où elle résida longtemps, la comtesse Tchernycheff, dit le comte Boutourline dans ses Souvenirs, „était d'une force de caractère poussée, dans la direction de son intérieur, jusqu'à la rigueur". Epouse et mère modèle, elle éleva dans les mêmes principes ses six jolies filles, dont elle eut la dernière, Nadejda, à près de 50 ans, nouvelle Sarah, disait-elle elle-même. En décembre 1825, elle vit arrêter par les gendarmes dans sa propriété de Taguino, près d'Orel, son fils unique le comte Zakhare, capitaine aux chevaliers-gardes, et le mari de sa fille aînée Alexandrine, Nikita Mikhaïlowitch Mouravieff, comme complices de l'affaire du 14 décembre. Son saisissement fut tel, qu'elle eut une attaque et perdit pour toujours l'usage de ses jambes. Avant de mourir, elle exprima le désir que son deuil ne retardât pas le mariage de deux de ses filles, déjà fiancées: ainsi fut fait.

Des six filles de la comtesse Tchernycheff, l'aînée, Sophie, épousa le conseiller privé I. Krouglikoff, qui hérita plus tard du majorat des Tchernycheff et reçut le nom de comte Tchernycheff-Krouglikoff, Alexandrine le décabriste N. M. Mouravieff, Elisabeth le conseiller privé A. Tchertkoff, Véra le comte Th. Pahlen, Natalie le général d'infanterie N. N. Mouravieff-Karssky, et Nadejda le prince G. Dolgorouky.

(D'après un original appartenant au comte I. Tchernycheff-Krouglikoff, Yaropoletz, gouv. de Moscou.)

155

Графиня **ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА ЧЕРНЫШЕВА**, 1715—1779, единственная дочь генералъ-аншефа графа Андрея Ивановича Ушакова (р. 1672 г., † 1747 г.) отъ второго брака его съ вдовой Еленой Степановной Апраксиной, въ дѣвичествѣ Кокошкиной, родилась 22 Октября 1715 года. Въ коронацію Императрицы Анны Іоанновны, въ 1730 г., была уже фрейлиной, а въ 1738 г. вступила въ супружество съ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Петромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ. Графиня Екатерина Андреевна была большой пріятельницей герцогини Мекленбургской Анны Леопольдовны, будущей правительницы. Вліяніемъ ея на молодую герцогиню задумалъ воспользоваться Биронъ, хотѣвшій разстроить предполагавшійся ея бракъ съ герцогомъ Антономъ Ульрихомъ Брауншвейгъ-Беверискимъ и выдать ее за своего сына Петра. Но когда, слѣдуя наущенію временщика, графиня Чернышева начала расхваливать герцога Петра, Анна Леопольдовна, ненавидѣвшая Бироновъ, была настолько „изумлена и возмущена безтолковыми рѣчами Чернышевой“, что поспѣшила дать свое согласіе герцогу Брауншвейгскому. Графиня Чернышева перебывала съ мужемъ почти во всѣхъ столицахъ Европы, и при отъѣздѣ ея къ нему въ Берлинъ послѣдовало распоряженіе Императрицы Елисаветы, чтобы она ни въ какомъ случаѣ не цѣловала руки у принцессы Цербстской, матери будущей Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. Продолжительнымъ пребываніемъ за границей графиня Чернышева воспользовалась, чтобы дать своимъ дочерямъ выдающееся европейское образованіе. Старшая изъ нихъ, графиня Дарья Петровна, была впослѣдствіи замужемъ за фельдмаршаломъ графомъ И. П. Салтыковымъ; вторая, графиня Марія Петровна, умерла въ молодости, дѣвицею, а младшая, графиня Наталья Петровна, была замужемъ за княземъ В. Б. Голицынымъ.

Свирѣпый начальникъ Тайной канцеляріи, графъ Ушаковъ, былъ нѣжнымъ отцомъ и страстно любилъ свою единственную дочь. Сохранились письма его къ зятю и дочери, гдѣ онъ называетъ ее „сердцемъ своимъ“ и извѣщаетъ о высылкѣ ей въ Лондонъ всякихъ гостинцевъ—„домашней ветчины, копченой и провѣсной, рыбы вялой и холста Камарицкаго 560 аршинъ“. О предсмертной болѣзни стараго графа сообщилъ Чернышеву пасынокъ Ушакова, будущій фельдмаршалъ, С. Ѳ. Апраксинъ, прося объявить о семъ „сестрѣ Катеринѣ Андреевнѣ искуснымъ образомъ“. Послѣдніе годы жизни графиня Чернышева, овдовѣвшая въ 1773 г., провела въ Петербургѣ и хотя держала открытый домъ и принимала попрежнему много иностранныхъ дипломатовъ, но рѣдко бывала въ обществѣ и почти никогда не показывалась при дворѣ.

Скончалась графиня Е. А. Чернышева 25 Сентября 1779 года и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Рослена 1776 г.; собственность свѣтл. князя Д. Б. Голицына, с. Большія Вяземы, Московской губ.)

155

La comtesse **CATHERINE ANDRÉEWNA TCHERNYCHEFF**, 1715—1779, fille unique du comte André Ivanowitch Ouchakoff (1672—1747), général en chef, et de sa seconde femme, Hélène Stépanowna, Vve Apraxine, née Kokochkine, naquit le 22 octobre 1715. Déja demoiselle d'honneur en 1730, au couronnement de l'Impératrice Anne, elle épousa en 1738 le comte Pierre Grigoriewitch Tchernycheff, conseiller privé actuel. Elle était grande amie de la duchesse de Mecklenbourg, Anne Léopoldowna, la future régente, sur laquelle Biron tenta de mettre à profit son influence pour faire manquer son mariage projeté avec le duc Antoine-Ulrich de Brunswick-Brewern et la donner à son fils Pierre. Mais lorsque, suivant les indications du favori, la comtesse Tchernycheff se mit à faire l'éloge du duc Pierre, Anne Léopoldowna, qui détestait les Biron, fut si „saisie et indignée de ses propos inconsidérés" qu'elle se hâta de donner son consentement au duc de Brunswick. La comtesse Tchernycheff alla avec son mari dans presque toutes les capitales de l'Europe, et lorsqu'elle partit le rejoindre à Berlin, l'Impératrice Elisabeth la fit prévenir de bien se garder de baiser la main de la princesse de Zerbst, la mère de la future Grande-Duchesse Catherine Alexéewna. Elle profita de son séjour prolongé à l'étranger pour faire donner à ses filles une brillante éducation à l'européenne. L'aînée, Daria, épousa dans la suite le feld-maréchal comte I. Saltykoff; la seconde, Marie, mourut jeune, non mariée, et la dernière, Natalie, épousa le prince V. Golitzyne.

Le comte Ouchakoff, le terrible chef de la Chancellerie secrète, fut un père tendre, qui aimait passionnément sa fille unique. On a des lettres de lui à son gendre et à elle, où il l'appelle „son cœur" et lui annonce l'envoi à Londres de toute espèce de choses: „du jambon de la maison, fumé et séché, du poisson conservé et 560 archines de toile de Kamaritz". La maladie qui emporta le vieux comte fut annoncée à son gendre par son beau-fils, le futur feld-maréchal S. Apraxine, qui lui ajoute: „Annonce-le avec des ménagements à ma sœur Catherine". Devenue veuve en 1773, la comtesse passa les dernières années de sa vie à Pétersbourg; tout en recevant beaucoup et en voyant, comme par le passé, de nombreux diplomates étrangers, elle allait peu dans le monde et ne paraissait presque jamais à la Cour.

La comtesse Tchernycheff mourut le 25 septembre 1779 et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de Roslin, 1776, appartenant au prince sérénissime D. Golitzyne, Bolchiya Viazemy, gouv. de Moscou.)

152

Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ.
1726 — 1797

Le Comte Ivan Grigoriewitch Tchernycheff,
1726 — 1797

153

Графъ Григорій Ивановичъ Чернышевъ,
1762 — 1831

Le Comte Grégoire Ivanowitch Tchernycheff,
1762 — 1831

154

Графиня Елизавета Петровна Чернышева,
1773 — 1828

La Comtesse Elisabeth Pétrowna Tchernycheff,
1773 — 1828

155

Писъ. Росленъ, 1776 — Peint par Roslin, 1776

Графиня Екатерина Андреевна Чернышева,
1715 — 1779

La Comtesse Catherine Andréewna Tchernycheff,
1715 — 1779

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

МИХАИЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1788—1842, сынъ (официально „воспитанникъ“) генералъ-аншефа графа Федора Григорьевича Орлова и вдовы придворнаго камеръ-фурьера Елиз. Мих. Поповой († 1791), дочери Московскаго купца Гусятникова, родился въ Москвѣ 25 Марта 1788 года. Дворянство и фамилія отца были пожалованы ему, съ братьями и сестрой, въ 1796 г. Получилъ образованіе въ пансіонѣ аббата Николя. Записанный въ 1801 г. юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, онъ въ 1805 г. поступилъ эстандартъ-юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ битвѣ при Аустерлицѣ. Произведенный въ корнеты въ 1806 г., Орловъ принималъ участіе въ войнахъ съ Наполеономъ, дослужился до чина полковника и получилъ званіе флигель-адъютанта и орденъ св. Георгія 4 ст. Выдающуюся роль ему пришлось сыграть въ дѣлѣ сдачи Парижа—имъ были составлены условія капитуляціи. Въ 1814 г. Орловъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ зачисленіемъ въ свиту Е. В. по квартирмейстерской части, и посланъ съ отвѣтственнымъ дипломатическимъ порученіемъ въ Копенгагенъ и Христіанію для переговоровъ по поводу уступки Норвегіи Датскимъ королемъ Швеціи. По окончаніи этой миссіи, не имѣвшей желаемаго успѣха, онъ нѣкоторое время былъ начальникомъ штаба 7-го пѣхотн. корпуса, остававшагося во Франціи, а затѣмъ состоялъ при Государѣ. Въ 1817 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го пѣх. корпуса, а съ 1820 по 1823 г. командовалъ 16-й пѣх. дивизіей. Орловъ поставилъ себѣ цѣлью распространить просвѣщеніе среди солдатъ и ввести болѣе человѣческія къ нимъ отношенія: устраивалъ для нижнихъ чиновъ Ланкастерскія школы, уничтожилъ въ своей дивизіи тѣлесныя наказанія. Но зато дивизія отстала въ фронтовомъ отношеніи, совершено было нѣсколько проступковъ противъ дисциплины, обнаружены среди офицеровъ члены тайнаго общества, въ участіи въ которомъ подозрѣвался и самъ начальникъ дивизіи; вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ Орловъ былъ отставленъ отъ должности. Дѣйствительно, онъ раздѣлялъ всѣ либеральныя стремленія того времени. Вскорѣ по возвращеніи изъ Франціи, Орловъ принялъ участіе въ составленіи адреса объ уничтоженіи крѣпостного права; сдѣлавшись членомъ литературнаго общества „Арзамасъ“, онъ задумалъ его преобразовать, расширивъ кругъ дѣятельности. Подъ вліяніемъ знакомства съ нѣмецкимъ Тугендбундомъ у Орлова возникла мысль основать тайное общество для борьбы съ лихоимствомъ и другими недостатками русской жизни, но, узнавъ, что подобное общество уже существуетъ, онъ сблизился съ основателями его, а въ 1820 г. и самъ сдѣлался членомъ этого общества, носившаго названіе Союза Благоденствія, но въ 1821 г. вышелъ изъ него, отчасти недовольный его дѣятельностью, отчасти вслѣдствіе требованій родныхъ его невѣсты (въ Маѣ 1821 г. онъ женился на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской). Несмотря на это, будущіе декабристы смотрѣли на Орлова, какъ на своего единомышленника, и разсчитывали на его содѣйствіе въ рѣшительную минуту. Послѣ 14 Декабря 1825 г., Орловъ былъ арестованъ и полгода просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Николай I, благосклонно относившійся къ брату Орлова, Алексѣю (впослѣдствіи князю), былъ милостивъ и къ Михаилу Федоровичу и замѣнилъ наказаніе увольненіемъ отъ службы и ссылкой на жительство въ имѣніе Калужской губ. Въ 1831 г. Орлову было разрѣшено поселиться въ Москвѣ. Положеніе его здѣсь было довольно затруднительно: съ одной стороны начальство смотрѣло на него косо, какъ на либерала, и подвергало его жандармскому надзору, а съ другой стороны либералы сравнивали его положеніе съ участью остальныхъ декабристовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ сдѣлаться уважаемымъ членомъ Московскаго общества, и его чтила даже молодежь, далеко ушедшая отъ него впередъ въ своихъ взглядахъ. Орловъ посвящалъ свое время литературнымъ занятіямъ, главнымъ образомъ финансовымъ вопросамъ, и бесѣдамъ съ друзьями. Онъ принималъ участіе и въ общественной жизни столицы и былъ однимъ изъ учредителей Училища живописи, ваянія и зодчества. Орловъ былъ человѣкъ выдающійся по уму, съ возвышенной душой и благороднымъ характеромъ, „рыцарь любви и чести“, по выраженію князя Вяземскаго. Его личность была такъ привлекательна, что, познакомившись съ нимъ, нельзя было не полюбить его. Но крайне увлекающійся и пылкій, онъ часто былъ невоздержанъ въ словахъ и дѣйствовалъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія. Орловъ былъ красивъ и отличался геркулесовской силой. Онъ скончался 19 Марта 1842 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Оставилъ сына Николая (1822—1886 г.) и дочь Анну (въ замужествѣ за княземъ Яшвилемъ).

(Съ акварельнаго портрета Селино; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

MICHEL FÉODOROWITCH ORLOFF, 1788—1842, fils (officiellement „pupille") du comte Théodore Grigoriewitch Orloff, général en chef, et de la veuve d'un fourrier de la chambre, Elisabeth Mikhaïlowna Popoff († 1791), fille du négociant moscovite Goussiatnikoff, naquit à Moscou le 25 mars 1788. Le titre et le nom de son père lui furent conférés, ainsi qu'à ses frères et à sa sœur, en 1796. Il fit ses études à la pension de l'abbé Nicole. Entré en 1801 au Collège des Affaires étrangères, il passa en 1805 comme porte-drapeau aux Chevaliers-Gardes, avec lesquels il fut à la bataille d'Austerlitz. Promu cornette l'année suivante, il fit les guerres de Napoléon, arriva au grade de colonel et reçut le titre d'aide de camp de Sa Majesté et la croix de St-Georges de 4e classe. Il eut un rôle marquant lors de la prise de Paris: ce fut lui qui rédigea les conditions de la capitulation. En 1814, il fut promu général major de la Suite de Sa Majesté pour le service de l'état-major, et chargé d'une importante mission diplomatique à Copenhague et Christiania, la négociation avec le roi de Danemark de la cession de la Suède et de la Norvège: elle n'aboutit pas. Ensuite il fut un certain temps chef de l'état-major du 7e corps d'infanterie resté en France, puis attaché à l'Empereur. En 1817, il fut nommé chef de l'état-major du 4e corps d'infanterie, puis, de 1820 à 1823, commanda la 16e division d'infanterie. Orloff prit à tâche de répandre l'instruction parmi les soldats et d'instituer à leur égard un traitement plus humain: il organisa des écoles de Lancastre pour les hommes et supprima dans sa division les châtiments corporels. Mais aussi la division n'était pas à la hauteur de sa tâche, la discipline avait assez à souffrir, il se trouvait des officiers affiliés à une société secrète, et le chef lui-même n'était pas à cet égard au-dessus du soupçon: Orloff fut en conséquence destitué. Il partageait effectivement les idées libérales du temps. Peu après son retour de France, il prit part à la rédaction d'une adresse pour la suppression du servage, et, devenu membre de la société littéraire Arzamas, il entreprit de la transformer et d'élargir le cercle de ses attributions. La connaissance du Tugendbund allemand lui donna l'idée de fonder une société secrète destinée à lutter avec la vénalité et les autres défauts de la vie russe, mais il apprit qu'il existait déjà une société de ce genre, et se mit en relations avec ses fondateurs; en 1820, il devint lui-même membre de cette Alliance de Prospérité, mais il en sortit l'année suivante, mécontent d'elle, et d'ailleurs pressé par la famille de sa fiancée (il épousa en mai 1821 Catherine Nikolaewna Raewsky). Les futurs Décabristes regardaient pourtant Orloff comme un des leurs et comptaient sur son concours au moment décisif. Au 14 décembre 1825, il fut arrêté et passa six mois à la Citadelle Pierre-et-Paul. Nicolas Ier, bien disposé à l'égard de son frère Alexis (plus tard prince), se montra généreux et commua sa peine: il fut révoqué et dut se retirer dans sa propriété du gouvernement de Kalouga. Il obtint en 1831 l'autorisation de se fixer à Moscou. Il s'y trouva dans une position assez difficile: d'un côté, les autorités le regardaient de travers comme un libéral, et le tenaient sous la surveillance de la police, et de l'autre, les libéraux comparaient son sort avec celui des autres Décabristes. Néanmoins, il sut se faire apprécier dans la société moscovite: il était estimé même de la jeunesse, qui le dépassait de beaucoup dans ses idées. Il consacra son temps à des travaux littéraires, surtout en matière de finances, et à des causeries avec ses amis. Il se mêla également à la vie de la société et fut un des fondateurs de l'Ecole de peinture, de sculpture et d'architecture. C'était un esprit éminent, une âme élevée et un caractère noble, „un chevalier d'amour et d'honneur", comme dit le prince Viazemsky. Sa personnalité avait tant de charme, que, quand on le connaissait, on ne pouvait s'empêcher de l'aimer. Mais, enthousiaste et ardent à l'excès, il manquait souvent de retenue dans ses propos et obéissait à sa première impression. C'était un bel homme, d'une force herculéenne. Il mourut le 19 mars 1842 à Moscou et fut inhumé au monastère Novodévitchi. Il laissa un fils, Nicolas (1822—1886), et une fille, Anne, mariée au prince Yachvil.

(D'après une aquarelle de Selino collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА, 1797—1885, старшая дочь генерала Николая Николаевича Раевскаго отъ брака съ Софіей Алексѣевной Константиновой, по матери правнучка Ломоносова, родилась 10 Апрѣля 1797 г. „подъ стѣнами Дербента“ (какъ гласитъ надгробная надпись). Получила прекрасное образованіе въ домѣ родителей. Пушкинъ, познакомившійся съ ней въ Гурзуфѣ въ 1820 г. во время совмѣстнаго путешествія съ Раевскими по Кавказу и Крыму, часто бесѣдовалъ съ ней и спорилъ о литературѣ. Въ своихъ письмахъ Пушкинъ отзывался о ней съ большимъ уваженіемъ и называлъ ее „женщиной необыкновенной“. Она умѣла покорять людей твердостью и прямотой своего характера, и за эти качества друзья называли ее въ шутку „Марѳой Посадницей“. Въ Маѣ 1821 г. Екатерина Николаевна вышла замужъ за начальника 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-майора Михаила Федоровича Орлова, бывшаго передъ тѣмъ начальникомъ штаба у ея отца, командовавшаго корпусомъ. Черезъ 4 года Орловыхъ постигло несчастье: послѣ 14 Декабря 1825 г. Михаилъ Федоровичъ былъ арестованъ и 6 мѣсяцевъ просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Отставленный отъ службы и лишенный права въѣзда въ столицы, Орловъ долженъ былъ поселиться въ своемъ Калужскомъ имѣніи и только черезъ 5 лѣтъ получилъ возможность жить въ Москвѣ.

Въ 1842 г. Екатерина Николаевна овдовѣла. Она пережила мужа на много лѣтъ и до глубокой старости сохранила всю свѣжесть своего живого ума, ясность души и привѣтливость общительнаго нрава, интересовалась литературой и внимательно слѣдила за всѣмъ, что писалось о Пушкинѣ, который когда-то, по словамъ Тургенева (въ письмѣ къ Вяземскому 25 Февраля 1821 г.), „вздыхалъ“ по ней.

Е. Н. Орлова скончалась на 88 году жизни, въ Царскомъ Селѣ, 22 Января 1885 г. и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

(Съ миніатюры Лагренэ; собственность С. В. Уваровой, въ С.-Петербургѣ.)

CATHERINE NIKOLAEWNA ORLOFF, 1797—1885, fille aînée du général Nicolas Nikolaewitch Raêwsky et de Sophie Alexéewna Konstantinoff, et petite-fille de Lomonossoff par sa mère, naquit le 10 avril 1797 „sous les murs de Derbent“, comme dit son épitaphe. Elle reçut chez ses parents une excellente éducation. Pouchkine, qui fit sa connaissance à Gourzouf en 1829, au cours d'un voyage avec les Raewsky au Caucase et en Crimée, causait souvent avec elle et discutait littérature. Il en parle dans ses lettres avec une grande considération et la déclare „une femme extraordinaire“. Sa fermeté et sa droiture de caractère lui donnaient de l'ascendant et lui valurent l'appellation plaisante de Marthe Possadnitza (Marthe la Bourgmestre). Elle épousa en mai 1821 le général major Michel Féodorowitch Orloff, chef de la 16e division d'infanterie et ancien chef d'état-major de son père, commandant de corps. Quatre ans plus tard, un malheur les frappa: au 14 décembre 1825, Michel Orloff fut arrêté et passa six mois à la citadelle Pierre-et-Paul. Révoqué et frappé d'interdiction de séjour dans les capitales, il dut se retirer dans ses terres de Kalouga, et ce ne fut que cinq ans plus tard qu'il put revenir à Moscou.

En 1842, Catherine Orloff devint veuve. Elle survécut de nombreuses années à son mari, mais conserva jusque dans une profonde vieillesse sa fraîcheur et sa vivacité d'esprit, sa sérénité d'âme et son affabilité de caractère, s'intéressant à la littérature et suivant tout ce qui paraissait sur Pouchkine, qui, au témoignage de Tourguéneff (Lettre à Viazemsky du 23 février 1821), „soupira“ dans un temps pour elle.

Mme Orloff mourut dans sa 88e année, le 22 janvier 1885, à Tzarskoïé-Sélo, et fut inhumée au monastère Novodévitchi.

(D'après une miniature de Lagrené, appartenant à Mme S. Ouvaroff, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ, 1771—1829, сынъ полковника Николая Семеновича Раевскаго и жены его Екатерины Николаевны, рожденной Самойловой, племянницы князя Потемкина и сестры гр. А. Н. Самойлова, родился въ Москвѣ 14 Сентября 1771 года; оставшись вдовою (мужъ умеръ отъ ранъ въ Яссахъ на 30 году), Екатерина Николаевна въ слезахъ дала жизнь сыну Николаю. Ребенокъ былъ хилъ и слабъ, и силы его развивались настолько медленно, что долгое время опасались за его жизнь. На 15-мъ году, произведенный въ офицеры, онъ уже вступилъ на боевое поприще и участвовалъ при осадѣ Бендеръ. По желанію князя Потемкина, онъ вслѣдъ затѣмъ былъ прикомандированъ къ казачьимъ полкамъ для изученія аванпостной и партизанской службы и вскорѣ получилъ въ командованіе конный полкъ булавы Великаго гетмана. Произведенный въ полковники, онъ отправился въ дѣйствующую армію въ Польшу, получилъ ордена свв. Владиміра и Георгія и отсюда переведенъ на Кавказъ командиромъ Нижегородскаго драгунскаго полка, съ которымъ принималъ участіе въ Персидскомъ походѣ подъ начальствомъ Валеріана Зубова.

Послѣ кончины Екатерины, оклеветанный передъ Императоромъ Павломъ, онъ былъ исключенъ изъ службы. Послѣ вступленія на престолъ Александра I былъ принятъ обратно съ чиномъ генералъ-майора, но по семейнымъ обстоятельствамъ скоро снова вышелъ въ отставку.

Въ войнахъ 1806 и 1807 гг. онъ командовалъ авангардомъ князя Багратіона подъ Альткирхеномъ, Гутштадтомъ, Гейльсбергомъ и Фридландомъ. Въ это время началась и укрѣпилась его тѣсная дружба съ Багратіономъ, продолжавшаяся до самой смерти князя. Въ послѣдующихъ затѣмъ войнахъ съ Швеціей и Турціей Раевскій участвовалъ съ успѣхомъ и за боевыя отличія произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Во время войны 1812 г. онъ командовалъ 7 пѣхотнымъ корпусомъ. Въ бою при Дашковкѣ (или Салтановкѣ) Раевскій съ своимъ корпусомъ съ утра 11-го до вечера 12 Іюля сражался съ вчетверо сильнѣйшимъ непріятелемъ, перейдя изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, чѣмъ далъ возможность Багратіону перейти Днѣпръ, занять Смоленскую дорогу и тѣмъ осуществить соединеніе обѣихъ армій подъ Смоленскомъ. Къ этому бою относится эпизодъ, увѣковѣченный въ гравюрахъ, но опровергнутый самимъ Раевскимъ: разсказывали будто Раевскій на Салтановской плотинѣ шелъ впереди Смоленскаго полка, ведя за руки обоихъ своихъ сыновей. Подъ Смоленскомъ онъ спасъ соединенную уже армію отъ явной гибели. Подъ Бородинымъ Раевскій защищалъ ключъ нашей позиціи, центральный редутъ, сохранившій имя его въ военной исторіи. Видное участіе принималъ онъ затѣмъ въ сраженіяхъ при Малоямъ-Ярославцѣ и Краснымъ, но вскорѣ затѣмъ заболѣлъ нервной горячкой, едва не сведшей его въ могилу. Оправившись отъ болѣзни, онъ появляется снова въ арміи за нѣсколько дней до Бауценскаго сраженія. Подъ Лейпцигомъ, гдѣ Раевскій съ гренадерскимъ корпусомъ занималъ часть центра нашей линіи, онъ былъ тяжело раненъ картечью въ лѣвое плечо, но остался на лошади, продолжая командовать своимъ корпусомъ до конца сраженія. За Лейпцигскую битву онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Едва оправившись отъ раны, онъ снова спѣшитъ къ арміи и въ сраженіи при Баръ-сюръ-Объ командуетъ войсками раненаго Витгенштейна. Когда началось движеніе союзниковъ на Парижъ, Раевскій послѣ кровопролитной битвы при Арси преслѣдовалъ непріятеля до Витри, перемѣнивъ затѣмъ фронтъ, онъ атаковалъ корпуса маршаловъ Мармона и Мортье у Фершампенуаза и послѣ нѣсколькихъ переходовъ первымъ явился у стѣнъ Парижа.

При восшествіи на престолъ Императора Николая I онъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта. Пушкинъ даетъ слѣдующую характеристику Раевскаго, какъ дѣятеля и человѣка: „Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12-го года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привлекаетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества“. Женатъ Раевскій былъ на внучкѣ Ломоносова Софьѣ Алексѣевнѣ Константиновой (р. 1769 г., † 1844 г.); скончался 16 Сентября 1829 г. въ своемъ имѣніи, селѣ Болтышкѣ, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

(Съ акварельнаго портрета П. Соколова 1826 г.; принадлежитъ М. Г. Раевской, С.-Петербургъ.)

NICOLAS NIKOLAEWITCH RAEWSKY, 1771—1829, fils du colonel Nicolas Sémenowitch Raewsky et de Catherine Nikolaewna, née Samoïloff, nièce du prince Potemkine et sœur du comte A. Samoïloff, naquit à Moscou le 14 septembre 1771; sa mère lui donna le jour toute éplorée de la perte de son mari, mort dans sa 30e année des suites de ses blessures à Yassy. C'était un enfant maladif et délicat, dont les forces se développèrent si lentement qu'on craignit longtemps pour ses jours. Promu officier dans sa 15e année, il alla tout de suite au feu et prit part au siège de Bender. Sur le désir de Potemkine, il fut ensuite détaché dans les régiments de cosaques pour y apprendre le service d'avant-postes et de partisans et reçut bientôt le commandement du régiment de cavalerie du grand hetman. Promu colonel, il alla à l'armée d'opérations de Pologne, fut décoré de St-Vladimir et de St-Georges, puis passa au Caucase comme chef du régiment de dragons de Nijni-Novgorod, avec lequel il fit la campagne de Perse sous les ordres de Valérien Zouboff.

Après la mort de Catherine II, victime de calomnies près de Paul Ier, il fut exclu du service. L'avènement d'Alexandre Ier l'y fit rentrer avec le grade de général major, mais des raisons de famille lui firent bientôt reprendre sa retraite.

Dans les guerres de 1806 et 1807, il commanda l'avant-garde de Bagration à Altenkirchen, Gutstadt, Heilsberg et Friedland. C'est de cette époque que date son étroite amitié avec Bagration, toujours croissante, et qui ne fut interrompue que par la mort du prince. Aux campagnes de Suède et de Turquie, il remporta de nombreux succès, et ses exploits lui valurent le grade de général lieutenant.

En 1812, il était à la tête du 7e corps d'infanterie, avec lequel, au combat de Dachkovka (Saltanovka), il tint tête depuis le matin du 11 juillet jusqu'au lendemain soir à un ennemi quatre fois plus fort, puis passa de la défensive à l'offensive, donnant ainsi à Bagration la possibilité de passer le Dnièper, d'occuper la route de Smolensk et par suite d'effectuer la jonction des deux armées sous Smolensk. C'est à ce combat que se rapporte l'épisode immortalisé par la gravure, mais réfuté par son héros même, de Raewsky s'avançant sur la digue de Saltanovka à la tête du régiment de Smolensk et tenant ses deux fils par la main. A Smolensk, il sauva l'armée, après la jonction, d'une perte certaine. A Borodino, sa défense de la redoute centrale, clé de la position russe, assura à son nom une place dans l'histoire. Il joua ensuite un rôle marquant à Malo-Yaroslavetz et à Krasnoïé, mais fut peu après atteint d'une fièvre nerveuse qui faillit le conduire au tombeau. Il se remit pourtant et reprit son poste de combat quelques jours avant Bautzen. A Leipzig, où ses grenadiers formaient une partie du centre russe, il fut grièvement atteint d'un coup de mitraille dans l'épaule gauche, mais resta à cheval et continua de donner ses ordres jusqu'à la fin de la bataille, qui lui valut le grade de général de cavalerie. A peine remis de sa blessure, il court de nouveau à l'armée, et, à Bar-sur-Aube, commande les troupes de Wittgenstein blessé. Lorsque commença le mouvement des Alliés sur Paris, Raewsky, après la sanglante bataille d'Arcis, poursuivit l'ennemi jusqu'à Vitry, puis changea de front pour attaquer le corps de Marmont et Mortier à La Fère-Champenoise et, en quelques étapes, parut le premier sous les murs de Paris.

A l'avènement de l'Empereur Nicolas Ier, Raewsky fut fait membre du Conseil de l'Empire. Pouchkine donne de lui la caractéristique suivante: „Témoin du siècle de Catherine, héros de 1812, exempt de préjugés, unissant la force de caractère à la sensibilité, on se sent involontairement attiré vers lui, pourvu qu'on soit digne de comprendre et d'apprécier ses hautes qualités". Il avait épousé Sophie Alexéewna Konstantinoff (1769—1844), nièce de Lomonossoff. Il mourut le 16 septembre 1829, dans son domaine de Boltychka, gouvernement de Kieff.

(D'après l'aquarelle de P. Sokoloff, 1826, appartenant à Mme M. Raewsky, St-Pétersbourg.)

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА РАЕВСКАЯ, 1806—1883, младшая дочь извѣстнаго героя 1812 г., генерала-отъ-кавалеріи, члена Государственнаго Совѣта Николая Николаевича Раевскаго отъ брака съ Софьей Алексѣевной Константиновой, съ 1826 г. фрейлина Императрицы Александры Ѳеодоровны, въ 1851 г. ѣздила въ Сибирь для свиданія съ сестрой княгиней М. Н. Волконской.

Получивъ прекрасное воспитаніе въ семьѣ, она, какъ и старшая ея сестра Е. Н. Орлова, отличалась большимъ природнымъ умомъ; С. Н. Раевская не разъ выступала въ историческихъ журналахъ съ разными замѣтками и разъясненіями, касающимися біографіи ея знаменитаго отца и другихъ членовъ семьи Раевскихъ.

С. Н. Раевская умерла 13 Февраля 1883 года въ имѣніи Сумкахъ, гдѣ и погребена.

(Съ портрета, принадлежащаго М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

SOPHIE NIKOLAEWNA RAEWSKY, 1806—1883, demoiselle d'honneur, fille cadette du héros de 1812, le général de cavalerie Nicolas Nikolaewitch Raewsky, membre du Conseil de l'Empire, et de Sophie Alexéewna Konstantinoff, fut faite en 1826 demoiselle d'honneur de l'Impératrice Alexandra Féodorowna, et alla en 1851 en Sibérie voir sa sœur la princesse M. Wolkonsky.

Elle avait reçu, comme sa sœur aînée C. Orloff, une excellente éducation dans sa famille, et était douée d'un grand esprit naturel. Elle fit insérer à plusieurs reprises dans les revues d'histoire des notés et des explications relatives à la biographie de son célèbre père et d'autres membres de la famille Raewsky.

Elle mourut le 13 février 1883 dans la domaine de Soumky, où elle fut inhumée.

(D'après un original appartenant à Mme M. Raewsky, St-Pétersbourg.)

156

Пис. Селино — Peint par Selino

Михаилъ Федоровичъ Орловъ, 1788 — 1842

Michel Féodorowitch Orloff, 1788 — 1842

157

Пис. Лагрене — Peint par Lagrenée

Екатерина Николаевна Орлова, 1797 — 1885

Catherine Nikolaewna Orloff, 1797 — 1885

158

Пис. Соколовъ, 1826 — *Peint par Sokoloff, 1826*

Николай Николаевичъ Раевскій, 1771 — 1829

Nicolas Nikolaewitch Raewski, 1771 — 1829

159

Софья Николаевна Раевская, 181 . — 1883

Sophie Nikolaewna Raewski, 181 . — 1883

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des paplers de l'Etat

СОФЬЯ АЛЕКСѢЕВНА РАЕВСКАЯ, 1769—1844, дочь библіотекаря Екатерины II, грека Алексѣя Алексѣевича Константинова (1728—1808), и единственной дочери Ломоносова, Елены Михайловны (1749—1772), была замужемъ за извѣстнымъ героемъ 1812 г., генераломъ-отъ-кавалеріи и членомъ Государственнаго Совѣта Николаемъ Николаевичемъ Раевскимъ.

Отъ этого брака у ней было 6 человѣкъ дѣтей, а именно: два сына—Александръ (р. 1795 г., † 1868 г.) и Николай (р. 1801 г., † 1843 г.), и четыре дочери—Екатерина (р. 1797 г., † 1885 г.; за М. Ф. Орловымъ), Елена (р. 1803 г., † 1853 г.), Марія (р. 24 Декабря 1804 г., † 1865 г.; за декабристомъ княземъ С. Г. Волконскимъ), и Софья (р. 1806 г., † 1885 г.).

С. А. Раевская умерла 16 Декабря 1844 г. въ Римѣ, гдѣ и похоронена.

Вигель, не любившій молодыхъ Раевскихъ, приписывалъ греческому происхожденію матери всѣ несимпатичныя ему черты ихъ характера, тогда какъ князь П. М. Долгорукій даетъ о Раевской такой отзывъ: „Она дама весьма вѣжливая, пріятной бесѣды и самаго превосходнаго воспитанія; обращеніе ея уловляетъ каждаго, хотя она уже не молода и не пригожа, но разговоръ ея такъ занимателенъ, что ни на какую красавицу большого свѣта ее не промѣняешь; одна изъ тѣхъ любезныхъ женщинъ, съ которой часъ свиданія можетъ почесться пріобрѣтеніемъ; она обогащаетъ полезными свѣдѣніями умъ жизни свѣтской, проста въ обращеніи, со всѣми ласкова въ обхожденіи, но не кидается на шею ко всякой дамѣ; съ легкостью разсуждаетъ о самыхъ даже слабостяхъ ея пола; разговоръ ея кротокъ, занимателенъ, привѣтствія отборны, въ нихъ нѣтъ поминутныхъ „душа моя“ и „ma chère“; ей извѣстны иностранные языки, но она ими не хвастаетъ и слушаетъ охотно чужой разговоръ, не старалась одна болтать безъ умолку; природа отказала ей въ пригожествѣ, но взамѣнъ обогатила такими дарованіями, при которыхъ забывается наружный видъ лица“.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

160

SOPHIE ALEXÉEWNA RAEWSKY, 1769—1844, fille du grec Alexis Alexéewitch Konstantinoff (1728—1808), bibliothécaire de Catherine II, et de la fille unique de Lomonossoff Hélène (1749—1772), épousa le général de cavalerie Nicolas Nikolaewitch Raewsky, membre du Conseil de l'Empire et connu comme héros de 1812.

Elle eut de ce mariage six enfants, deux fils, Alexandre (1795—1868) et Nicolas (1801—1843), et quatre filles, Catherine (1797—1885), mariée à M. Orloff, Hélène (1803—1853), Marie (24 décembre 1804—1863), mariée au prince S. Wolkonsky, le décabriste, et Sophie (1806—1883).

Elle mourut le 16 décembre 1844 à Rome, où elle fut inhumée.

Wiegel, qui n'aimait pas les jeunes Raewsky, attribuait à l'origine grecque de la mère tous ceux de leurs traits de caractère qui lui déplaisaient, tandis que le prince I. Dolgorouky donne de Sophie Raewsky l'appréciation suivante: „C'est une dame d'une grande affabilité, d'une conversation agréable et d'une éducation tout à fait supérieure. Ses manières sont captivantes; elle n'est ni jeune ni belle, mais elle a une conversation si intéressante qu'elle vaut toutes les beautés du grand monde. C'est une de ces personnes aimables, avec lesquelles une heure de société est un vrai profit; elle enrichit de connaissances utiles l'esprit de la vie mondaine. De manières simples, elle a un abord gracieux, sans se jeter pourtant au cou de toutes les dames. Elle sait raisonner facilement sur les faiblesses mêmes de son sexe. Sa conversation est douce et intéressante, ses expressions choisies, mais sans être agrémentées à chaque minute de „mon âme“ et de „ma chère“. Elle sait les langues et n'en tire pas vanité, et écoute volontiers la conversation des autres sans vouloir jacasser sans trève à elle seule. La nature lui a refusé la beauté, mais lui a accordé en échange des avantages qui font oublier le physique“.

(D'après l'original de Borovikowsky, appartenant à M. M. Raewsky, St-Pétersbourg.)

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ, 1801—1843, сынъ Николая Николаевича Раевскаго, героя 1812 года, отъ брака съ Софьей Алексѣевной Константиновой, родился 14 Сентября 1801 г.; на 9 году зачисленъ въ военную службу подпрапорщикомъ и участвовалъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Александромъ, въ знаменитомъ бою при Салтановкѣ (Дашковкѣ), гдѣ его отецъ, ставъ во главѣ Смоленскаго пѣхотнаго полка, упорно отстаивалъ мостъ отъ французовъ. Атакующій непріятель былъ въ составѣ пяти дивизій, т.-е. въ четыре раза сильнѣе отряда Раевскаго, а между тѣмъ маршалъ Мортье думалъ и донесъ Наполеону, что онъ отбросилъ всю 2-ю армію Багратіона. Въ томъ же 1812 г. Николай Раевскій за отличіе произведенъ въ подпоручики и зачисленъ въ 5-й Егерскій полкъ, а въ слѣдующемъ — переведенъ въ Лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ П. В. Васильчикову. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ походахъ 1813 и 1814 гг. и за отличіе при взятіи Парижа награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени. По окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, Раевскій перешелъ на службу на Кавказъ, командовалъ Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, съ которымъ принималъ участіе въ кампаніи 1827 г., былъ при взятіи Эривани и Карса и заслужилъ орденъ св. Георгія 4 степени. Въ 1832 г. назначенъ командиромъ второй бригады 2-й Конно-Егерской дивизіи, въ 1837 г. — начальникомъ 1-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, а черезъ 2 года командиромъ всей линіи, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Одинъ изъ фортовъ линіи получилъ названіе „форта Раевскаго“. Въ 1841 г. онъ вышелъ въ отставку.

Несмотря на указанія декабриста барона Розена, Н. Н. Раевскій никогда не состоялъ членомъ тайнаго общества и былъ арестованъ исключительно по ошибкѣ, такъ какъ близкое участіе въ заговорѣ принимали его родственники, князь С. Г. Волконскій и В. Л. Давыдовъ, но, будучи на Кавказѣ, онъ покровительствовалъ разжалованнымъ въ солдаты и сосланнымъ на Кавказъ декабристамъ, за что даже претерпѣлъ непріятности по службѣ. Служа въ Царскомъ Селѣ въ Лейбъ-Гусарскомъ полку, Раевскій познакомился тутъ съ Пушкинымъ, въ то время воспитанникомъ Царскосельскаго лицея, и вскорѣ съ нимъ подружился. Геніальный поэтъ часто съ нимъ переписывался, и изъ сохранившихся писемъ (1823—1829) видно, что Пушкинъ высоко цѣнилъ его природный умъ и широкую образованность. Между прочимъ, пользуясь своими связями, Раевскій много содѣйствовалъ напечатанію „Бориса Годунова“, и поэтъ всегда съ любовью относился ко всѣмъ членамъ семьи Раевскихъ.

Въ письмѣ къ В. Л. Давыдову Пушкинъ говоритъ:

„Тебя, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова“...

Раевскій „страстно любилъ литературу, музыку, живопись (такъ, онъ покровительствовалъ Айвазовскому, который изобразилъ его на картинѣ „Высадка въ Субаши“, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ); онъ самъ писалъ стихи и довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературы, и его литературные взгляды, насколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, отличались глубиной, оригинальностью и вѣрностью“. „Н. Н. Раевскій былъ типичнымъ представителемъ героической эпохи русскаго владычества на Кавказѣ. Лихой воинъ, горячо любимый подчиненными и солдатами, но часто ссорившійся съ начальствомъ, онъ соединялъ съ умомъ и военными способностями прекрасное образованіе и качества любезнаго свѣтскаго человѣка“. Онъ былъ большимъ любителемъ садоводства, которымъ съ успѣхомъ занимался въ Крыму, состоя въ перепискѣ съ директоромъ Ботаническаго сада въ С.-Петербургѣ Фишеромъ и другими ботаниками.

Умеръ Н. Н. Раевскій 24 Іюля 1843 года. Въ Январѣ 1839 г. онъ женился на дочери генерала Аннѣ Михайловнѣ Бороздиной (р. 29 Декабря 1819 г., † 10 Декабря 1883 г.) и имѣлъ отъ этого брака 2 сыновей: Николая (р. въ Керчи 5 Ноября 1839 г.; въ чинѣ полковника убитъ подъ Алексинацемъ 20 Августа 1876 г., во время возстанія въ Сербіи, куда отправился въ качествѣ добровольца) и Михаила (р. 15 Февраля 1841 г., † 10 Октября 1895 г., въ чинѣ генералъ-майора), женатаго на фрейлинѣ княжнѣ Маріи Григорьевнѣ Гагариной.

(Съ портрета Тропинина; собственность М. Г. Раевской, въ С.-Петербургѣ.)

NICOLAS NIKOLAEWITCH RAEWSKY, 1801—1843, fils de Nicolas Nikolaewitch Raewsky, le héros de 1812, et de Sophie Alexéewna Konstantinoff, naquit le 14 septembre 1801. Enrôlé dans sa 9e année comme porte-enseigne, il prit part, ainsi que son frère aîné Alexandre, au fameux combat de Saltanovka (Dachkovka), où son père, à la tête du régiment d'infanterie de Smolensk, défendit le pont avec une résistance opiniâtre contre les Français, forts de cinq divisions, soit quatre fois supérieurs en nombre; et cependant le maréchal Mortier crut avoir culbuté toute la 2e armée de Bagration, comme il le dit dans son rapport à Napoléon. Le jeune Raewsky fut la même année promu sous-lieutenant en récompense de sa bravoure et envoyé au 5e chasseurs; l'année suivante, il passa aux hussards de la Garde comme aide de camp de Vassiltchikoff. Il fit ensuite les campagnes de 1813 et 1814, où son courage à la prise de Paris lui valut St-Vladimir de 4e classe. Les guerres avec Napoléon terminées, il alla au Caucase commander les dragons de Nijny-Novgorod, à la tête desquels il fit la campagne de 1827, le siège de Kars et d'Erivan, et gagna St-Georges de 4e classe. Il fut nommé en 1832 commandant de la 2e brigade de la 2e division de chasseurs à cheval, en 1837, chef de la première section de la ligne de défense des côtes de la mer Noire, et, deux ans plus tard, avec le grade de général lieutenant, de toute la ligne, dont un fort reçut son nom. Il prit sa retraite en 1841.

Quoi qu'en ait dit le décabriste baron Rosen, Raewsky ne fut jamais affilié à une société secrète, et s'il fut arrêté, c'était par erreur, car les complices de la conspiration ne furent que ses parents, le prince S. Wolkonsky et B. Davydoff; mais, au Caucase, il protégea les décabristes cassés de leur grade et déportés comme simples soldats, ce qui lui causa même des ennuis. A Tzarskoïé-Sélo, étant aux hussards de la Garde, il fit connaissance avec Pouchkine, alors élève au Lycée de Tzarskoïé, et devint bientôt son ami. Ils s'écrivaient souvent, et la partie de leur correspondance qui nous est restée (1825—1829) montre que le poète faisait grand cas de son esprit et de son instruction étendue. Grâce à ses relations, Raewsky contribua largement à l'impression de Boris Godounoff, et Pouchkine conserva toujours son affection à la famille Raewsky.

Raewsky „aimait passionnément la littérature, la musique, la peinture (c'est ainsi qu'il protégea Aïvazowsky, qui l'a représenté sur sa Descente de Soubachi actuellement au Palais d'Hiver), lui-même fit des vers et resta assez longtemps un des conseillers de Pouchkine en matière de littérature: ses opinions littéraires, autant qu'on peut en juger par quelques données, se distinguaient par la profondeur, l'originalité et l'exactitude". „Raewsky fut un représentant typique de l'époque héroïque de la domination russe au Caucase. Brillant homme de guerre, très aimé de ses inférieurs et des soldats, mais souvent en démêlés avec ses supérieurs, il unissait à l'esprit et aux talents militaires une excellente instruction et les aimables qualités d'un homme du monde". Grand amateur de jardinage, il en fit avec succès en Crimée, et fut en correspondance avec le directeur du jardin botanique de St-Pétersbourg Fischer et d'autres botanistes.

Raewsky mourut le 24 juillet 1843. Il avait épousé en janvier 1839 Anne Mikhaïlowna Borozdine (29 décembre 1819 — 10 décembre 1883), fille du général, dont il eut deux fils, Nicolas (5 novembre 1839—20 août 1876), né à Kertch, tué colonel à Alexinatz lors de l'insurrection de Serbie, où il était allé comme volontaire, et Michel (15 février 1841 — 10 octobre 1893), général-major, marié à la princesse Marie Grigoriewna Gagarine, demoiselle d'honneur.

(D'après l'original de Tropinine, appartenant à Mme M. Raewsky, St-Pétersbourg.)

160

Пи. Боровиковскій — Peint par Borovikowski

Софья Алексѣевна
Раевская,
1769 — 1844

Sophie Alexéewna
Raewski,
1769 — 1844

161

Пи. Тропининъ — Peint par Tropinine

Николай Николаевичъ
Раевскій,
1801 — 1843

Nicolas Nikolaewitch
Raewski,
1801 — 1843

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ КАРЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОЦЦО-ди-БОРГО, 1764—1842, происходилъ изъ древняго корсиканскаго рода и родился 8 Марта 1764 г. въ Алатѣ, близъ Аяччіо. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Королевской коллегіи въ Аяччіо, а высшее въ Пизанскомъ университетѣ, по окончаніи котораго занялся адвокатурой на родинѣ. Семья Поццо была въ дружественныхъ отношеніяхъ съ семьей Бонапартовъ, и молодой Поццо былъ близокъ съ будущимъ императоромъ. Въ 1789 г. Поццо былъ выбранъ въ секретари дворянскаго избирательнаго собранія и составилъ наказъ депутатамъ въ Генеральные штаты, а потомъ былъ въ числѣ депутатовъ, представившихъ Національному собранію петицію о включеніи Корсики въ территорію Франціи въ качествѣ департамента. Избранный въ депутаты въ Законодательное собраніе, онъ примкнулъ къ партіи монархистовъ и послѣ провозглашенія республики удалился на родину, гдѣ продолжалъ играть видную роль въ качествѣ генеральнаго прокурора-синдика. Въ это время отношенія между Бонапартами и Поццо совершенно испортились: первые примкнули къ якобинцамъ, а послѣдній образовалъ партію, въ 1794 г. отдавшую Корсику подъ покровительство Англіи. Когда же въ 1796 г. одержали верхъ сторонники Франціи, Поццо, бывши предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, вышелъ въ отставку и покинулъ навсегда родину. Онъ жилъ то въ Англіи, то въ Вѣнѣ, агитируя въ пользу коалиціи противъ Франціи. Въ 1804 г. Поццо принятъ на русскую службу съ чиномъ статскаго совѣтника (въ 1806 г.—полковникъ) и исполнилъ нѣсколько дипломатическихъ порученій. Послѣ Тильзитскаго мира онъ уже не могъ дѣйствовать въ прежнемъ духѣ и съ 1810 до конца 1812 г. былъ въ отставкѣ. Въ Декабрѣ 1812 г. Александръ I пригласилъ его снова на службу, въ 1813 г. произвелъ въ генералъ-майоры, а въ 1814 г. пожаловалъ въ генералъ-адъютанты и назначилъ посланникомъ въ Парижъ. Участіе въ битвѣ при Ватерлоо доставило Поццо орденъ св. Георгія 4-й ст.; въ 1826 г. онъ былъ возведенъ въ графское Россійской имперіи достоинство (еще раньше, въ 1818 г. Людовикъ XVIII пожаловалъ ему титулъ графа и пэра Франціи), въ 1827 г. получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи, въ 1830 г.—Андреевскую ленту. Съ окончаніемъ Наполеоновскихъ войнъ начинается новый періодъ въ дѣятельности Поццо: насколько раньше онъ былъ врагомъ Франціи, настолько теперь онъ всѣ усилія направлялъ къ укрѣпленію мира и заключенію франко-русскаго союза. Хотя въ Петербургѣ не во всемъ соглашались съ Поццо, но тамъ высоко ставили его, какъ дипломата, и всегда считалось необходимымъ узнать его мнѣніе по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ международной политики. На всѣхъ конгрессахъ онъ являлся уполномоченнымъ Россіи и былъ руководителемъ ея политики на Западѣ. Неоднократно исполнялъ онъ важныя порученія сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей. Благодаря Поццо, вліяніе Россіи на правительство Франціи было такъ велико, что Людовикъ XVIII не предпринималъ ничего безъ согласія Александра I. Послѣ Іюльской революціи положеніе Поццо стало затруднительнымъ. Николай I сначала не хотѣлъ признавать новаго короля, но Поццо убѣдилъ его въ необходимости признать Людовика-Филиппа. Въ 1835 г., къ крайнему своему огорченію, онъ былъ переведенъ въ Лондонъ; въ 1839 г., по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и поселился въ Парижѣ, гдѣ и скончался 15 Февраля 1842 года.

Поццо достигъ высокаго положенія, исключительно благодаря своимъ выдающимся способностямъ. Главнымъ его правиломъ въ политикѣ было дѣйствовать открыто и откровенно, такъ какъ „дипломаты, прибѣгающіе къ хитрости, обыкновенно сами попадаютъ въ сѣти, которыя разставляютъ для другихъ“. Чрезвычайно наблюдательный, одаренный богатой памятью и яснымъ, точнымъ, строго-логическимъ умомъ, онъ обладалъ, можно сказать, даромъ предвидѣнія и часто безошибочно предсказывалъ событія. Какъ человѣкъ, Поццо отличался благороднымъ и добрымъ характеромъ. Вполнѣ независимый, онъ говорилъ прямо то, что считалъ правдой. Чрезвычайно остроумный, онъ былъ блестящимъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Его обвиняли въ мстительности, въ особенности по отношенію къ Бонапартамъ, но сестры и братья Наполеона, послѣ его паденія, обращались именно къ Поццо за покровительствомъ, и онъ не отказывалъ имъ въ помощи. Въ частной жизни онъ былъ человѣкъ расчетливый и оставилъ значительное состояніе своему племяннику, къ которому перешелъ и его титулъ.

(Съ миніатюры Изабе; собственность графини Поццо-ди-Борго, въ Парижѣ.)

Le comte CHARLES POZZO-di-BORGO, 1764—1842, originaire d'une vieille famille corse, naquit le 8 mars 1764 à Alata, près Ajaccio. Il commença ses études au Collège Royal de sa ville natale et les acheva à l'université de Pise, au sortir de laquelle il revint être avocat dans son pays. Sa famille était en bonnes relations avec celle des Bonaparte, et le jeune homme fut ami du futur empereur. En 1789, il fut élu secrétaire du collège électoral de la noblesse et rédigea les instructions aux députés des Etats-Généraux, puis fut de ceux qui déposèrent à l'Assemblée Nationale une pétition tendant à l'annexion de la Corse et à son érection en département français. Membre de l'Assemblée Législative, il adhéra au parti monarchiste, et, à la proclamation de la République, rentra dans son pays, où il continua à jouer un rôle marquant comme procureur-syndic général. A ce moment, les rapports des Bonaparte et de Pozzo changèrent complètement: tandis que les premiers furent jacobins, Pozzo forma le parti qui fit mettre en 1794 la Corse sous la protection anglaise. Mais lorsque, en 1796, ce fut les partisans de la France qui prirent le dessus, il donna sa démission de président du Conseil de l'Empire et quitta pour toujours sa patrie. Il vécut tantôt en Angleterre, tantôt à Vienne, faisant de l'agitation en faveur de la coalition contre la France. En 1804, il entra au service russe avec rang de conseiller d'état, fut colonel en 1806, et remplit plusieurs missions diplomatiques. Après la paix de Tilsitt, il dut changer de ligne de conduite, et, de 1810 à la fin de 1812, resta à l'écart. En décembre 1812, Alexandre Ier le fit rentrer au service; en 1813, il fut promu général major, et en 1814, général aide de camp, puis nommé ambassadeur à Paris. Waterloo lui valut St-Georges de 4e classe; en 1826, il fut élevé à la dignité de comte de l'Empire russe: Louis XVIII lui avait déjà conféré en 1818 celle de comte et pair de France. En 1827, il fut fait général d'infanterie et, en 1830, chevalier de St-André. La fin des guerres Napoléoniennes marque le commencement d'une nouvelle période de sa carrière: autant il avait été ennemi de la France, autant il s'employa dès lors à l'affermissement de la paix et à la conclusion d'une alliance franco-russe. A Pétersbourg, sans être toujours de son avis, on faisait grand cas de ses talents de diplomate et on tenait toujours à connaître son opinion sur les questions les plus importantes de politique internationale. Il alla à tous les congrès comme représentant de la Russie, et fut le guide de sa politique européenne. Il remplit à plusieurs reprises d'importantes missions en dehors de ses attributions strictes. Grâce à lui, l'influence de la Russie sur le gouvernement français fut si grande, que Louis XVIII n'entreprenait rien sans le consentement d'Alexandre Ier. Après la Révolution de Juillet, sa position devint difficile. Nicolas Ier ne voulut pas reconnaître tout de suite Louis-Philippe, mais Pozzo lui en fit comprendre la nécessité. En 1835, il fut, à son grand désespoir, envoyé à Londres, et, en 1839, sa santé lui fit prendre sa retraite; il se fixa à Paris, où il mourut le 15 février 1842.

Pozzo-di-Borgo ne dut qu'à ses éminentes capacités la haute situation à laquelle il parvint. Il avait pour grande règle politique d'agir ouvertement et franchement, car „en diplomatie, quand on veut user de ruse, on tombe souvent soi-même dans les pièges qu'on tendait aux autres“. Extrêmement observateur, doué d'une riche mémoire et d'un esprit net, précis et rigoureusement logique, on peut dire qu'il avait bien la faculté de prévoir: il lui arriva souvent de prédire les événements sans se tromper. Comme homme, il se distinguait par la noblesse et la bonté de son caractère. Entièrement indépendant, il disait carrément ce qu'il considérait comme la vérité. Très spirituel, il avait une conversation agréable et brillante. On lui reprochait son humeur vindicative, notamment à l'égard des Bonaparte: or les frères et sœurs de Napoléon, après sa chute, s'adressèrent justement à lui, et il ne leur refusa pas sa protection. Dans la vie privée, c'était un homme intéressé, et il laissa une fortune assez considérable à son neveu, qui hérita également de son titre.

(D'après une miniature d'Isabey, appartenant à la comtesse Pozzo-di-Borgo, Paris.)

Графъ ИВАНЪ АНТОНОВИЧЪ КАПОДИСТРІА, 1776—1851, родился въ Корфу. Послѣ обученія въ Падуанскомъ университетѣ, онъ съ 1803 по 1809 годъ былъ статсъ-секретаремъ въ республикѣ Іоническихъ острововъ. Недовольный переходомъ протектората надъ островами къ французамъ, онъ поступилъ въ русскую службу и, съ чиномъ статскаго совѣтника, причисленъ къ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1811 г. назначенъ сверхштатнымъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ, а затѣмъ исполнялъ обязанности дипломатическаго агента при главнокомандующихъ Чичаговѣ, на Дунаѣ, и Барклаѣ-де-Толли, во время Отечественной войны. Затѣмъ онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Швейцарію и вызванъ на Вѣнскій конгрессъ въ качествѣ одного изъ русскихъ представителей. Во время второго похода во Францію онъ находился при Императорѣ Александрѣ. Будучи горячимъ греческимъ патріотомъ, Каподистріа на конгрессѣ помѣшалъ Меттерниху внести въ трактатъ гарантію неприкосновенности Турціи и настоялъ на признаніи независимости Іоническихъ острововъ. Въ 1815 г. онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ и съ того времени, въ теченіе 6 лѣтъ, усердно отстаивалъ интересы Россіи противъ коварныхъ посягательствъ князя Меттерниха, являясь противникомъ Священнаго Союза и сторонникомъ франко-русскаго сближенія. Возстаніе грековъ въ 1821 г. поставило его въ крайне двусмысленное положеніе. Желая помочь своимъ соотечественникамъ, онъ въ то же время видѣлъ, что Александръ I, слишкомъ преданный дѣлу европейскаго легитимизма, не выступитъ открыто противъ Турціи. Вслѣдствіе этого онъ въ 1822 г. взялъ безсрочный отпускъ и уѣхалъ въ Женеву. Въ 1827 г. онъ былъ избранъ на 7 лѣтъ президентомъ Греціи. Каподистріа употребилъ много энергіи на то, чтобы возродить страну, опустошенную и обнищавшую отъ войны съ турками. Онъ старался улучшить финансы, создать правильную администрацію, насадить просвѣщеніе, обезпечить порядокъ и безопасность. Преслѣдуя разбойниковъ и казнокрадовъ, онъ иногда прибѣгалъ къ самымъ крутымъ мѣрамъ. Поэтому враги его рѣшились устранить президента насильственнымъ образомъ, и 27 Сентября 1831 г. онъ былъ убитъ братьями Мавромихали на паперти церкви св. Спиридона, въ Навпліи.

Безупречный, по признанію самихъ враговъ своихъ, въ частной жизни, Каподистріа „съ неограниченной преданностью природнаго русскаго“ служилъ своему второму отечеству, истинные интересы котораго, по его убѣжденію, совпадали съ интересами угнетенныхъ христіанъ Востока. Не будучи сторонникомъ широкихъ либеральныхъ реформъ, онъ былъ правителемъ скорѣе въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма XVIII вѣка. „Цѣлью всѣхъ его усилій, размышленій и трудовъ“, по его признанію, было прежде всего поднятіе греческаго крестьянства и надѣленіе его землями, „купленными цѣною греческой крови“, и греческіе простолюдины оплакивали „Барба-Янн“, т.-е. „Дядю Ивана“, какъ своего защитника и покровителя.

(Съ миніатюры изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.)

Le comte **JEAN CAPO D'ISTRIA**, 1776—1831, naquit à Corfou. Il fit ses études à l'université de Padoue, et fut de 1803 à 1809 secrétaire d'état de la République des Iles Ioniennes. Mécontent du passage des Iles sous le protectorat français, il entra au service russe et fut attaché au Collège des Affaires étrangères avec rang de conseiller d'état. Il fut nommé en 1809 secrétaire surnuméraire à l'ambassade de Vienne, puis remplit les fonctions d'agent diplomatique près de Tchitchagoff, commandant en chef sur le Danube, et de Barclay-de-Tolly pendant la Guerre Patriotique. Il devint ensuite ministre de Russie en Suisse et fut un des représentants de la Russie au congrès de Vienne. Lors de la seconde campagne de France, il fut attaché à l'Empereur Alexandre Ier. Ardent patriote grec, il empêcha au congrès Metternich de faire porter sur les traités la garantie de l'intégrité de la Turquie et réussit à faire reconnaître l'indépendance des Iles Ioniennes. Nommé en 1815 secrétaire d'état pour les affaires étrangères, il ne cessa pas, six ans durant, de défendre chaleureusement les intérêts de la Russie contre les tentatives perfides de Metternich, ni de se montrer adversaire de la Sainte-Alliance et partisan de l'alliance franco-russe. L'insurrection de Grèce, en 1821, le mit dans une situation extrêmement ambiguë: avec tout son désir de venir en aide à ses compatriotes, il voyait pourtant Alexandre Ier trop dévoué à la cause du légitimisme européen pour se déclarer ouvertement contre la Turquie. Aussi prit-il en 1822 un congé illimité pour aller à Genève. Elu en 1827 président de la Grèce pour sept ans, il employa toute son énergie à restaurer le pays, dévasté et ruiné par la guerre avec les Turcs. Il s'efforça d'améliorer les finances, de créer une administration régulière, d'organiser l'instruction, d'assurer l'ordre et la sécurité. Dans son acharnement contre le brigandage et la concussion, il eut parfois recours aux mesures les plus impitoyables: aussi ses ennemis décidèrent-ils de se défaire de lui par la violence, et, le 27 septembre 1831, il fut assassiné par les frères Mavromichali sur le parvis de l'église St-Spiridon, à Nauplie.

D'une vie privée irréprochable, comme le reconnaissaient ses ennemis mêmes, Capo d'Istria „déploya le dévouement sans bornes d'un russe de souche“ au service de sa seconde patrie, dont il considérait les vrais intérêts comme d'accord avec ceux des Chrétiens opprimés en Orient. Opposé aux réformes largement libérales, l'esprit de sa politique était plutôt celui de l'absolutisme éclairé du XVIIIe siècle. „Le but de ses efforts, de ses pensées et de ses travaux“ était avant tout, de son propre aveu, de relever le paysan grec et de lui donner la terre, „achetée au prix de sang grec“: aussi l'homme du peuple pleura son Père Jean, son défenseur et son protecteur.

(D'après une miniature de l'Ermitage Impérial.)

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ фонъ-БУДБЕРГЪ, 1750—1812, изъ старшей Курляндской линіи этого рода, сынъ Якова-Фридриха фонъ-Будберга, служилъ въ военной службѣ, куда поступилъ 22 Мая 1759 г. прапорщикомъ; 1 Января 1766 г. былъ произведенъ въ подпоручики, въ 1770 г.—въ поручики и капитаны; въ 1773 г., 1 Января, за болѣзнью, назначенъ въ Рижскій гарнизонъ, откуда въ концѣ того же года переведенъ вновь въ полевые полки, затѣмъ назначенъ „капитаномъ“ въ Сухопутный Шляхетскій корпусъ и произведенъ, 5 Сентября 1776 г., въ премьеръ-майоры. Во время 1-й Турецкой войны участвовалъ во взятіи Хотина. Произведенный въ 1779 г. въ подполковники Сибирскаго пѣх. полка, а въ 1784 г., 22 Апрѣля, „сверхъ комплекта“ въ полковники, фонъ-Будбергъ былъ назначенъ въ число кавалеровъ при Великомъ Князѣ Александрѣ Павловичѣ. Въ этой должности онъ состоялъ до 1794 г. и за это время, 24 Апрѣля 1789 г., пожалованъ былъ въ бригадиры и 25 Марта 1791 г.—въ генералъ-майоры.

Въ 1797 г. Будбергъ перешелъ на дипломатическое поприще и, съ чиномъ тайнаго совѣтника, назначенъ посланникомъ въ Швецію. Отозванный, по собственному его желанію, изъ Стокгольма, въ 1802 г. онъ состоялъ при арміи въ Италіи и 28 Декабря (1802 г.) произведенъ въ генералъ-отъ-инфантеріи, а 13 Января 1803 г. назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а затѣмъ членомъ Государственнаго Совѣта (1803—1806); наконецъ, 17 Іюня 1806 г. Будбергъ былъ назначенъ Министромъ Иностранныхъ дѣлъ, а товарищемъ его—графъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ. Министромъ Будбергъ пробылъ всего годъ. Хотя графъ С. Р. Воронцовъ и бранилъ его, какъ виновника и творца Тильзитскаго соглашенія, но Будбергъ именно былъ противникомъ этого трактата и настаивалъ на продолженіи войны съ Наполеономъ. Тильзитское свиданіе и было причиной крушенія Будберга; онъ былъ устраненъ отъ переговоровъ, и имени его нѣтъ на союзномъ договорѣ 27 Іюня 1807 года. Получивъ тѣмъ не менѣе орденъ Почетнаго легіона и 22 Іюня 1807 г. звѣзду св. Андрея Первозваннаго, 30 Августа 1807 г. онъ былъ уволенъ „отъ всѣхъ дѣлъ, въ безсрочный отпускъ до излѣченія болѣзни“. Мѣсто его было занято графомъ Н. П. Румянцевымъ. Бездарный и безцвѣтный остзеецъ Будбергъ не могъ оставаться во главѣ русской дипломатіи, когда, по убѣжденію всѣхъ, будто бы искренно зарождались франко-русскія симпатіи. Препятствіемъ тому было нѣмецкое его происхожденіе, не говоря уже о томъ, насколько не у мѣста былъ рядомъ съ блестящимъ Государемъ этотъ малообразованный, устарѣвшій человѣкъ, который „по-россійски и по-нѣмецки читать и писать умѣетъ, а другимъ наукамъ не обучался“.

Фонъ-Будбергъ умеръ 20 Августа 1812 г.; онъ былъ женатъ на Аннѣ-Еленѣ-Шарлоттѣ Меккъ, отъ которой имѣлъ 2 дочерей, Екатерину и Елену, изъ которыхъ послѣдняя была замужемъ за барономъ Ф. О. Будбергомъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей барону Ф. фонъ-Будбергу, въ Вѣнѣ.)

ANDRÉ YAKOVLEWITCH von BUDBERG, 1750—1812, issu de la branche aînée de Courlande de la famille de ce nom, fils de Jacques-Frédéric von Budberg, entra au service militaire le 22 mai 1759 comme porte-enseigne; sous-lieutenant le 1er janvier 1766, lieutenant, puis capitaine, en 1770, il fut, le 1er janvier 1775, envoyé pour raisons de santé à la garnison de Riga, d'où il revint à la fin de l'année dans les régiments de campagne, puis fut nommé „capitaine" au Corps des Cadets et promu premier major le 3 septembre 1776. Pendant la première guerre de Turquie, il prit part à la prise de Khotine. Lieutenant-colonel au régiment d'infanterie de Sibérie en 1779 et colonel „hors cadres" le 22 avril 1784, il fut au nombre des chevaliers attachés au Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. Dans cette fonction, qu'il conserva jusqu'en 1794, il fut fait brigadier le 24 avril 1789 et général major le 25 mars 1791.

En 1797, Budberg passa dans la carrière diplomatique, et fut nommé ambassadeur en Suède avec rang de conseiller privé. Rappelé de Stockholm sur sa demande, il alla en 1802 à l'armée d'Italie; ensuite, général d'infanterie le 28 décembre de la même année, il fut nommé gouverneur militaire de St-Pétersbourg le 13 janvier suivant, puis membre du Conseil de l'Empire (1803—1806). Enfin, le 17 juin 1806, il devint ministre des affaires étrangères, avec le comte Alexandre Nikolaewitch Saltykoff pour adjoint. Il ne resta qu'un an au ministère. Bien que le comte S. Worontzoff le molestât comme auteur et créateur de l'entente de Tilsitt, Budberg au contraire s'en était justement montré l'adversaire, insistant pour la continuation de la guerre avec Napoléon. Ce fut l'entrevue de Tilsitt qui fut cause de sa chute; il fut tenu à l'écart des négociations, et son nom ne figure pas sur la convention d'alliance du 27 juin 1807. Décoré cependant de la Légion d'Honneur et, le 22 juin 1807, de l'étoile de St-André, il fut, le 30 août suivant, mis à la retraite et envoyé „en congé illimité pour raisons de santé". Il fut remplacé au ministère par le comte Roumiantzeff. Cet allemand des provinces baltiques insignifiant et terne ne pouvait rester à la tête de la diplomatie russe, à un moment où germaient, on le disait du moins, de sincères sympathies franco-russes, tant en raison de son origine allemande que parce qu'il n'y avait pas place à côté du brillant Empereur pour cet homme sans instruction et hors d'âge, qui „savait lire et écrire le russe et l'allemand, mais n'avait rien appris de plus".

Von Budberg mourut le 20 août 1812; il avait épousé Anne-Hélène-Charlotte Meck, dont il eut deux filles, Catherine, et Hélène mariée au baron Th. Budberg.

(D'après une miniature appartenant au baron Th. de Budberg, Vienne.)

162

Пис. Изабе — Peint par Isabey

Графъ Карлъ Андреевичъ Поццо-ди-Борго, 1764 — 1842

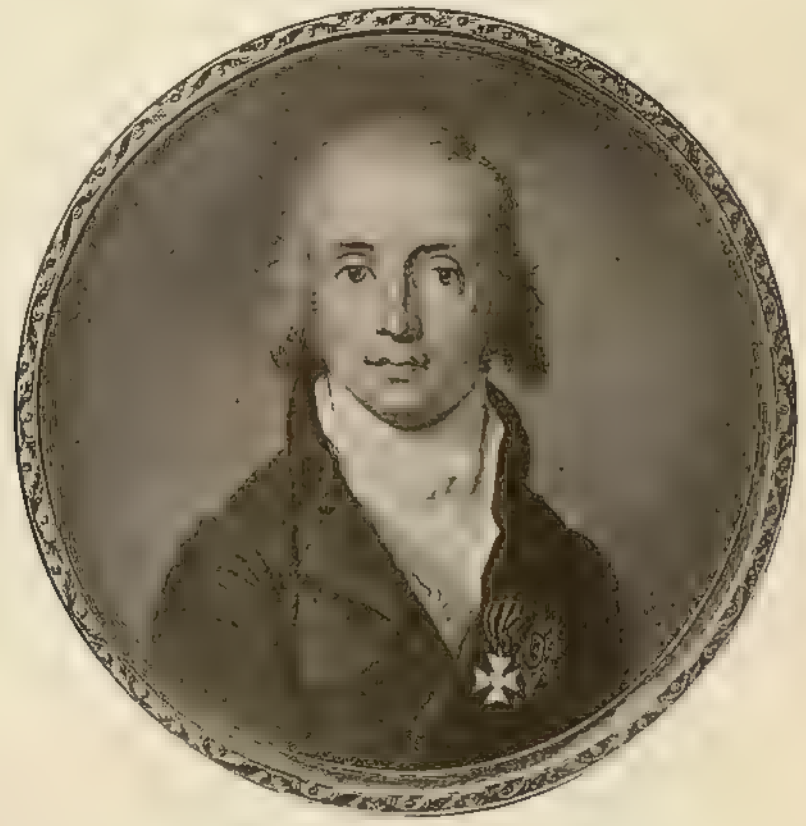
Le Comte Charles Andréewitch Pozzo di Borgo, 1764 — 1842

164

163

Графъ Иванъ Антоновичъ Каподистріа, 1776 — 1831

Le Comte Ivan Antonowitch Capo d'Istria, 1776 — 1831



Баронъ Андрей Яковлевичъ Будбергъ, 1750 — 1812

Le Baron André Yakovlewitch Budberg, 1750 — 1812

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ, 1754—1841, сынъ Семена Никифоровича Шишкова отъ брака съ Прасковіей Николаевной Денисьевой, родился 9 Марта 1754 г.; въ 1772 г. произведенъ въ мичманы и, послѣ 3-лѣтняго плаванія, въ 1779 г. назначенъ преподавателемъ въ Морской корпусъ. Во время войны со Швеціей командовалъ фрегатомъ „Николай“, а послѣ состоялъ по морской части при князѣ Зубовѣ. Павелъ I пожаловалъ его генералъ-адъютантомъ и, несмотря на нѣкоторое охлажденіе, назначилъ въ 1798 г. членомъ Адмиралтействъ-коллегіи, произвелъ въ вице-адмиралы и наградилъ орденомъ Анны 1-й степени. 16 Декабря 1796 г. онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи и скоро сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ ея членовъ: трудился надъ составленіемъ славянскаго словаря, комментировалъ древніе памятники: „Слово о полку Игоревѣ“, Краледворскую рукопись... 9 Апрѣля 1812 г. Шишковъ былъ назначенъ Государственнымъ секретаремъ. Во время Отечественной войны онъ составлялъ всѣ манифесты, а въ 1813 г. сопровождалъ Александра I за границу; въ 1814 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ 1813 г. Шишковъ былъ президентомъ Россійской Академіи. Графъ Аракчеевъ намѣтилъ въ немъ подходящаго преемника кн. А. Н. Голицыну, поэтому Шишкову поручено было разобрать русскій переводъ книги Госнера „Geist des Lebens“, разрѣшеніемъ котораго враги воспользовались для низверженія Голицына. Книга эта была признана Шишковымъ „злоязычной хулой и поруганіемъ всего того, что мы почитать привыкли“. 15 Мая 1824 г. онъ былъ назначенъ, вмѣсто Голицына, министромъ Народнаго Просвѣщенія и велъ дѣла въ духѣ крайней реакціи. Воцареніе Николая Павловича не пошатнуло служебнаго положенія Шишкова: Государь даже одобрилъ составленный имъ уставъ о цензурѣ, но дряхлый Шишковъ не могъ уже долго занимать своего поста. „Вы много и доблестно трудились, не пора ли вамъ и успокоиться“, сказалъ, наконецъ, Николай I министру, который отъ слабости не былъ въ состояніи при докладѣ отпереть портфеля съ бумагами. 25 Апрѣля 1828 г. онъ былъ уволенъ отъ службы.

Шишковъ умеръ 9 Апрѣля 1841 г. и погребенъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. Былъ женатъ два раза: 1) на Дарьѣ Алексѣевнѣ Шельтингъ († 7 Сентября 1825 г.), и 2) на вдовѣ Юліи Осиповнѣ Лобаржевской, рожденной Парбутъ; дѣтей у него не было.

Вся ученая дѣятельность Шишкова была направлена къ опроверженію „неосновательной мысли, что славенскій и русскій языки различны между собою“, и противодѣйствію „неисцѣлимой и лишающей разсудка страсти“ выдумывать и ковать новыя слова „на скудномъ основаніи французскаго языка“. Руководимая Шишковымъ Академія стремилась къ тому, „чтобы красоты славенскаго языка въ подробности разсматриваемы были“, и онъ съ членами Академіи усердно занимался „изслѣдованіемъ корней, съ объясненіемъ деревьевъ словъ“. Стремленіе найти въ каждомъ словѣ какую-либо мысль приводило ихъ къ фантастическимъ и курьезнымъ взводамъ, въ родѣ того, что слово „ястребъ“ означаетъ птицу, которая „яству теребитъ“, а слово „пѣшкомъ“ или „пихкомъ“ произведено отъ „пиханія себя ногами“. По словамъ историка Россійской Академіи, Шишковъ „свободно разгуливалъ въ созданномъ его воображеніемъ филологическомъ лѣсу, извлекалъ изъ него и корни, и деревья словъ, ломалъ и пересаживалъ ихъ по своему произволу“.

Филологическія воззрѣнія Шишкова въ значительной степени были причиной того, что онъ не могъ простить Библейскому Обществу перевода Библіи съ „высокаго“ языка на „простой, въ общежитіи употребляемый“, и видѣлъ въ этомъ „поколебаніе вѣры“. Какъ министръ, Шишковъ поставилъ себѣ задачей „и скорое, и тихое потушеніе“ всякаго „карбонарства“, съ помощью устройства цензуры, и искалъ поддержки въ Аракчеевѣ: восхвалялъ въ письмахъ временщика и благодарилъ его за „показаніе чудесныхъ красотъ“ военныхъ поселеній; нельзя, однако, не сказать, что Шишковъ дѣйствовалъ всегда искренно, дорожа больше всего „именемъ усерднаго царю и отечеству слуги“, не изъ корыстолюбія или честолюбія. „Я безъ нихъ прожилъ на свѣтѣ 70 лѣтъ“, говорилъ онъ, „остатокъ дней моихъ кратокъ, но собственно для меня надобенъ одинъ только Богъ“. Въ частной жизни Шишковъ отличался добродушіемъ и привѣтливостью. По странной иронія судьбы этотъ ревнитель старорусскихъ традицій былъ женатъ сначала на нѣмкѣ, потомъ на полькѣ, и на склонѣ дней былъ окруженъ разными Пржецлавскими, Оленцкими и Лясковичами.

(Съ портрета О. Кипренскаго, 1825 г.; находится въ Императорской Академіи Наукъ.)

ALEXANDRE SÉMENOWITCH CHICHKOFF, 1754—1841, fils de Siméon Nikiforowitch Chichkoff et de Prascovie Nikolaewna Dénissieff, naquit le 9 mars 1754. Enseigne de vaisseau en 1772, il fut nommé, au retour d'une croisière de trois ans, professeur à l'Ecole Navale. Il eut, à la guerre de Suède, le commandement de la frégate Nicolas, et fut ensuite attaché au prince Zouboff pour la partie navale. Paul Ier le fit général aide de camp, et, malgré un certain refroidissement, le nomma en 1798 membre du Collège de l'Amirauté, le promut vice-amiral et lui conféra Ste-Anne de 1re classe. Elu le 16 décembre 1796 à l'Académie Russe, il en devint bientôt un des membres les plus influents: il collabora au Dictionnaire Slave, et commenta le Chant d'Igor et le Manuscrit de Kraledvor.... Le 9 avril 1812, il fut nommé secrétaire de l'Empire. Lors de la Guerre Patriotique, ce fut lui qui rédigea tous les manifestes, et, en 1813, il accompagna Alexandre Ier à l'étranger. Il devint, la même année, président de l'Académie Russe et, l'année suivante, membre du Conseil de l'Empire. Le comte Araktchéeff, voyant en lui l'homme qu'il fallait pour remplacer le prince Golitzyne, lui fit confier l'examen de la traduction russe du livre de Gossner Geist des Lebens, dont l'autorisation avait servi de prétexte aux ennemis du ministre pour le renverser. Il déclara l'ouvrage „une calomnieuse et injurieuse réprobation de tout ce que nous sommes habitués à respecter“, et, le 15 mai 1824, fut nommé ministre de l'Instruction publique; là, il se signala par son esprit de réaction à outrance. L'avènement de Nicolas Pavlowitch ne lui fit aucun tort: l'Empereur approuva son règlement de la censure, mais Chichkoff, épuisé par l'âge, n'était plus guère à la hauteur de ses fonctions. „Vous avez fourni une longue et vaillante carrière: n'est-il pas temps de vous reposer?“ finit par lui dire le Souverain un jour qu'au rapport il n'avait pas la force d'ouvrir son portefeuille. Il fut mis à la retraite le 25 avril 1828.

Chichkoff mourut le 9 avril 1841, et fut inhumé à l'église St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Il fut marié deux fois: en premières noces à Daria Alexéewna Schelting († 7 Septembre 1825), et en secondes noces à Julie Ossipowna Narbout, Vve Lobarzewsky. Il n'eut pas d'enfants.

En matière scientifique, Chichkoff mit tous ses efforts à réfuter „l'idée dénuée de fondement que le slavon et le russe sont des langues différentes“, et à combattre „la rage incurable et aveuglante“ d'imaginer et de forger des mots nouveaux „sur le piètre modèle du français“. Sous sa direction, l'Académie s'attacha „à l'examen détaillé des beautés du slavon“, „à la recherche des racines et à l'explication des arbres de mots, mais, pour avoir voulu trouver à la base de chaque mot une idée, on en vint à des résultats fantaisistes à force d'arbitraire étymologique. Comme dit l'historien de l'Académie Russe, Chichkoff „circulait en liberté dans la forêt philologique créée par son imagination, en arrachant les racines et les arbres de mots, pour les briser et les transplanter à sa guise“.

Les idées de Chichkoff en matière de philologie furent en grande partie cause qu'il ne put pardonner à la Société Biblique d'avoir traduit la Bible de la langue „élevée“ dans le langage „simple de la vie ordinaire“, et l'accusa d'avoir „ébranlé la foi“. Comme ministre, il prit à tâche „d'étouffer vivement et sans bruit“ tout „carbonarisme“: il réglementa à cet effet la censure et rechercha l'appui d'Araktchéeff, faisant son éloge dans ses lettres et le remerciant d'avoir „montré les merveilleuses beautés“ des colonies militaires. Il convient cependant de reconnaître que Chichkoff agit toujours sincèrement, soucieux avant tout de son „renom de dévouement au tzar et de zèle pour la patrie“, et non pas par intérêt ou par ambition: „J'ai déjà vécu 70 ans sans en avoir“, disait-il; „il ne me reste plus guère de temps, mais, à vrai dire, je n'ai besoin que de Dieu“. Dans la vie privée, Chichkoff ne manquait ni de mansuétude ni d'affabilité. Par une étrange ironie du sort, cet ami des vieilles traditions russes fut marié d'abord à une allemande, puis à une polonaise, et, au déclin de ses jours, fut entouré de toute espèce de Przeclawsk, d'Okęcki et de Laskowicz.

(D'après un original de O. Kiprensky, Académie Impériale des Sciences.)

ФЕДОРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГОЛУБЦОВЪ, 1758—1829, государственный казначей и министръ финансовъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Федоровича († 10 Августа 1796 г.) отъ брака съ Анной Ивановной Васильевой (р. 1741, † 1816 г.), родной сестрой министра финансовъ графа А. И. Васильева, подъ руководствомъ котораго и началъ свою служебную карьеру въ канцеляріи генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго. Графиня Васильева, рожденная княжна Урусова, была родственница княгини Е. Н. Вяземской, что не мало способствовало успѣшному движенію по службѣ какъ самого графа Васильева, такъ и Ф. А. Голубцова. Когда А. И. Васильевъ перешелъ изъ Сената на службу въ Штатсъ-контору, вѣдавшую финансовое управленіе, то съ собой перевелъ туда же и племянника, неизмѣнно повышая его по мѣрѣ собственнаго возвышенія, такъ что ко времени назначенія Васильева министромъ финансовъ, Голубцовъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и управляющимъ экспедиціями Казначейства. Вскорѣ по назначеніи графа Васильева министромъ, въ томъ же 1802 г., Голубцовъ былъ назначенъ государственнымъ казначеемъ на мѣсто дяди. Въ 1806 г., годъ кончины графа Васильева, Голубцовъ былъ пожалованъ въ сенаторы, а два года спустя, въ 1808 г.—министромъ финансовъ, каковой постъ занималъ въ теченіе двухъ лѣтъ, до 1 Января 1810 г., когда былъ неожиданно уволенъ въ отставку по докладу Сперанскаго. Остальныя 19 лѣтъ жизни онъ прожилъ частнымъ человѣкомъ.

Ф. А. Голубцовъ долгое время былъ, по выраженію Вигеля, „полуженатымъ“; только 2 Іюня 1805 г. онъ повѣнчался съ Меланіей Ивановной Галлеръ (р. 25 Декабря 1777 г., † 3 Ноября 1827 г.); дѣтей у нихъ не было. Скончался Голубцовъ 1 Марта 1829 г. и похороненъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры, рядомъ съ женой.

Время управленія Голубцовымъ финансами Россіи было безцвѣтно и не оставило замѣтныхъ слѣдовъ. Очень осторожный и даже робкій во всемъ, что касалось финансовой политики, онъ твердо отстаивалъ свои права и прерогативы самостоятельнаго министра, особенно противъ поползновеній въ этомъ отношеніи Сперанскаго. Боясь болѣе всего всякаго рода займовъ, онъ особенно упорно отказывался прибѣгать къ нимъ, несмотря на плачевное состояніе тогда финансовъ Имперіи и на настойчивыя приставанія и даже требованія Сперанскаго, постоянно ставившаго ему въ примѣръ Англію, лишь богатѣвшую, по мнѣнію Сперанскаго, отъ „неоплатныхъ долговъ“. На всѣ требованія денегъ, Голубцовъ отвѣчалъ усиленными выпусками ассигнацій, упавшихъ вскорѣ до 25-26 коп. за рубль на серебро и уже не поднимавшихся болѣе выше 30 коп. до реформы 1843 года. Это противодѣйствіе требованіямъ Сперанскаго и самостоятельность въ финансовыхъ операціяхъ возстановили противъ Голубцова этого всесильнаго тогда человѣка, и Федоръ Александровичъ былъ уволенъ отъ службы въ 1810 г. безъ всякаго предупрежденія.

Вигель между прочимъ описываетъ его внѣшность, какъ „хилаго, желтенькаго, опрятнаго старичка“, очень тихаго и скромнаго по виду, но невозмутимаго и упрямаго въ дѣловыхъ сношеніяхъ.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность П. М. Романова, въ С.-Петербургѣ.)

THÉODORE ALEXANDROWITCH GOLOUBTZOFF, 1758—1829, trésorier de l'Empire et ministre des finances, était fils du conseiller d'état actuel Alexandre Féodorowitch Goloubtzoff († 10 août 1796) et d'Anne Ivanowna Vassilieff (1741—1816), sœur du comte A. Vassilieff, ministre des finances, sous la direction duquel il fit ses débuts dans la carrière à la chancellerie du procureur général prince A. Viazemsky. La parenté de la comtesse Vassilieff, née princesse Ouroussoff, avec la princesse Viazemsky ne fut pas sans efficacité tant pour l'avancement de son frère que pour celui de son fils. En passant du Sénat aux Bureaux de l'administration des finances, Vassilieff y prit avec lui son neveu, et le fit avancer régulièrement au fur et à mesure de son propre avancement, de sorte que, lorsqu'il fut nommé, en 1802, ministre des finances, Goloubtzoff, déjà conseiller privé et gérant des bureaux du Trésor, le remplaça la même année comme trésorier de l'Empire. En 1806, l'année de la mort de son oncle, il devint sénateur, et, deux ans après, ministre des finances. Il le resta deux ans: le 1er janvier 1810, il était inopinément destitué sur un rapport de Spéransky. Il passa ensuite dix-neuf ans, le reste de sa vie, dans la vie privée.

Goloubtzoff fut longtemps, suivant l'expression de Wiegel, „à moitié marié"; ce ne fut que le 2 juin 1805 qu'il épousa Mélanie Ivanowna Haller (25 décembre 1777—3 novembre 1827), dont il n'eut pas d'enfants. Il mourut le 1er mars 1829 et fut inhumé à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky, près de sa femme.

L'administration de Goloubtzoff fut incolore et ne laissa pas de traces notables. D'une prudence poussée jusqu'à la timidité dans sa politique financière, il fit preuve de fermeté dans la défense de ses droits et prérogatives personnelles de ministre, en particulier contre les empiétements de Spéransky. Il redoutait par-dessus tout les emprunts de toute nature, et refusa avec une opiniâtreté particulière d'y avoir recours, en dépit du triste état des finances de l'Empire, en dépit aussi des instances répétées et des exigences mêmes de Spéransky, qui lui citait l'exemple de l'Angleterre, que son insolvabilité ne faisait, prétendait-il, qu'enrichir. A toutes les demandes d'argent, Goloubtzoff répondait par des émissions sans fin d'assignats, qui ne tardèrent pas à tomber à 25 ou 26% de leur valeur nominale, pour ne plus dépasser 30 jusqu'à la réforme de 1843. Ce furent cette résistance aux exigences de Spéransky et cette liberté d'actions en matière financière qui soulevèrent contre lui ce personnage alors tout-puissant et entraînèrent la brusque révocation de 1810.

Au physique, Wiegel, entre autres, le représente comme „un petit vieux bien net, valétudinaire et tout jaune", à l'air bien tranquille et bien simple, mais imperturbable et opiniâtre en affaires.

(D'après un original de Borovikowsky, appartenant à P. Romanoff, St-Pétersbourg.)

165

Александръ Семеновичъ
Шишковъ,
1754 1841

Alexandre Sémenowitch
Chichkoff,
1754 1841

166

Федоръ Александровичъ
Голубцовъ,
1758—1829

Théodor Alexandrowitch
Goloubtzoff,
1758—1829

Графъ ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КИСЕЛЕВЪ, 1788—1872, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Ивановича отъ брака съ княжной Прасковьей Петровной Урусовой, родился въ Москвѣ 8 Января 1788 г.; получивъ поверхностное домашнее образованіе, онъ въ 1806 г. поступилъ, съ чиномъ корнета, въ Кавалергардскій полкъ и принималъ участіе въ войнахъ 1807 г., Отечественной и въ заграничныхъ походахъ 1813 и 14 гг. Съ Сентября 1812 г. Киселевъ состоялъ адъютантомъ у Милорадовича и, благодаря этому, сдѣлался хорошо извѣстенъ Государю, назначившему его въ 1814 г. флигель-адъютантомъ. Въ 1817 г. Киселевъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ состоять при Особѣ Е. И. В., а въ 1819 г. назначенъ начальникомъ штаба 2-й арміи и занималъ эту должность въ теченіе 10 лѣтъ. Въ 1823 г. былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты, а въ 1828 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты за устройство переправы черезъ Дунай и за участіе въ бояхъ съ турками получилъ золотое оружіе. Въ 1829 г. онъ былъ назначенъ командиромъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и въ томъ же году полномочнымъ предсѣдателемъ диванов княжествъ Молдавіи и Валахіи. При немъ былъ выработанъ „Органическій регламентъ“, долго остававшійся основнымъ закономъ для обоихъ княжествъ, и между прочимъ проведена крестьянская реформа, на которую обратилъ вниманіе Императоръ Николай I. Въ 1834 г. Киселевъ, произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ привлеченъ къ участію въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Киселевъ принадлежалъ къ немногимъ изъ сановниковъ сторонникамъ ограниченія и постепеннаго уничтоженія крѣпостного права и, начиная еще съ 1816 г., не разъ обращалъ вниманіе правительства на крестьянскій вопросъ. Николай I, избравъ его своимъ „начальникомъ штаба по крестьянской части“, въ виду трудности дѣла, рѣшилъ начать съ устройства казенныхъ крестьянъ, для чего въ 1836 г. учреждено было V отдѣленіе Собств. Е. И. В. канцеляріи, съ Киселевымъ во главѣ, а въ 1837 г.—Министерство Государственныхъ имуществъ. Киселевъ оставался министромъ въ теченіе всего царствованія Николая I. Дѣятельность его вызвала много нареканій со стороны крѣпостниковъ, находившихъ Киселева человѣкомъ опаснымъ, и со стороны либераловъ, находившихъ его реформы недостаточными. Николай I, очень цѣнившій Киселева, наградилъ его титуломъ графа (1839 г.), орденомъ св. Андрея Первозваннаго (1841 г.) и своимъ портретомъ (1852 г.). Въ началѣ новаго царствованія (1856 г.) Киселеву пришлось покинуть созданное имъ министерство и занять постъ посла въ Парижѣ. Главной задачей его на новомъ мѣстѣ было возстановленіе дружественныхъ отношеній съ Франціей. Когда, въ началѣ 60-хъ годовъ, эти отношенія измѣнились, Киселевъ, какъ сторонникъ франко-русскаго союза, въ 1862 г. оставилъ свой постъ, но остался жить въ Парижѣ. Крестьянская реформа совершилась безъ его непосредственнаго участія, но главные ея дѣятели часто совѣщались со старымъ поборникомъ освобожденія крестьянъ. Киселевъ скончался въ Парижѣ 14 Ноября 1872 г.; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Въ 1821 г. Киселевъ женился по любви на гр. Софіи Станиславовнѣ Потоцкой, дочери красавицы „Фанаріотки“, но уже въ 1829 г. супруги разстались.

Точный исполнитель воли своего Государя, Киселевъ былъ неутомимымъ, энергичнымъ, умнымъ, истинно-государственнымъ человѣкомъ; дѣйствія его отличались всегда осторожностью, обдуманностью и систематичностью. Блестящій умъ соединялся въ немъ съ даромъ слова. Безусловно честный, онъ заботился о благѣ людей, ввѣренныхъ его попеченію, и умѣлъ личные интересы подчинять общему благу. Александръ I уважалъ его за откровенность и правдивость; Николаю никто такъ смѣло не говорилъ истины, потому что при своемъ тонкомъ умѣ онъ зналъ, когда и что слѣдовало говорить. Отъ природы горячій, своими рѣзкостями нажившій много враговъ, онъ въ концѣ концовъ сумѣлъ подчинить сердце уму. Очень честолюбивый, онъ никогда не заискивалъ ни въ комъ, однако, служебные успѣхи развили въ немъ нѣсколько преувеличенное мнѣніе о своихъ достоинствахъ, мѣшавшее ему иногда критически относиться къ себѣ. Съ людьми онъ умѣлъ быть мягкимъ и обходительнымъ, но при своей величавой наружности многимъ казался надменнымъ, и враги его создали ему репутацію безсердечнаго деспота и хитраго эгоиста.

(Съ акварельнаго портрета Крюгера, 1851 г.; изъ собранія принцессы Е. Г. Саксенъ-Альтенбургской.)

Le comte PAUL DMITRIEWITCH KISSÉLEFF, 1788—1872, fils de Dmitri Ivanowitch Kisséleff, conseiller d'état actuel, et de Prascovie Pétrowna, née princesse Ouroussoff, naquit à Moscou le 8 janvier 1788. Après une instruction superficielle reçue dans sa famille, il entra en 1806 comme cornette aux Chevaliers-Gardes et fit les guerres de 1807, la Guerre Patriotique et les campagnes d'Europe de 1813 et 1814. Aide de camp de Miloradowitch en septembre 1812, il vint ainsi à être bien connu de l'Empereur et devint en 1814 aide de camp de Sa Majesté. Promu en 1817 général major et attaché à la personne de Sa Majesté, il fut mis en 1819 à la tête de l'état-major de la 2e armée, où il resta dix ans. Général aide de camp en 1823, le passage du Danube en 1828 lui valut le grade de général lieutenant et la campagne de Turquie une épée d'or. L'année suivante, il fut nommé commandant du 4e corps de cavalerie de réserve, puis président, avec pleins pouvoirs, des divans de Moldavie et de Valachie. C'est sous sa direction que fut élaboré le Règlement Organique qui resta longtemps la loi fondamentale des principautés, et que fut, en particulier, accomplie la réforme du servage, qui attira l'attention de Nicolas Ier. En 1834, il fut promu général d'infanterie et nommé membre du Conseil de l'Empire. Appelé, à son retour en Russie, à travailler à la solution de la question du servage, il fut du petit nombre des dignitaires qui étaient partisans de la restriction et de l'abolition graduelle: depuis 1816, il avait plusieurs fois appelé l'attention du gouvernement sur la question. Nicolas Ier le fit son „chef d'état-major pour les affaires des paysans", et, en raison de la difficulté du problème, décida de s'occuper d'abord des serfs de la Couronne, et fonda en conséquence en 1836 une Ve Section, à la tête de laquelle il le mit, de la Chancellerie particulière de Sa Majesté, puis, l'année suivante, un ministère des Domaines. Ministre pendant tout le règne de Nicolas Ier, Kisséleff souleva à la fois les récriminations des partisans du servage, qui le trouvaient dangereux, et celles des libéraux, auxquels ses réformes semblaient insuffisantes. L'Empereur, qui faisait grand cas de lui, lui conféra en 1839 le titre de comte, en 1841 l'ordre de St-André, et en 1852 son portrait. Au début du nouveau règne (1856), il dut quitter le ministère qu'il avait créé, pour occuper le poste d'ambassadeur à Paris, et là, prit surtout à tâche de rétablir les relations d'amitié avec la France. Aussi, à la suite du changement qui s'opéra dans cet ordre d'idées au commencement des années 60, se retira-t-il, comme partisan d'une alliance franco-russe, en 1862, mais sans cesser d'habiter Paris. La réforme du servage s'était accomplie sans son concours immédiat, mais les principaux auteurs avaient souvent eu recours aux conseils du vieux champion de la libération des serfs. Kisséleff mourut à Paris le 14 novembre 1872, et fut inhumé au monastère Donskoï, à Moscou. Il avait épousé par amour en 1821 la comtesse Sophie Stanislavowna Potocki, fille de la Belle Fanariote, mais, dès 1829, les époux se séparèrent.

Rigoureux exécuteur de la volonté de son Souverain, Kisséleff, infatigable, énergique et intelligent, était un véritable homme d'état, prudent, réfléchi et méthodique dans tous ses actes. A un esprit brillant il joignait le don de la parole. D'une parfaite honnêteté, il prenait soin de la prospérité de ceux qui lui étaient confiés et savait faire passer son intérêt personnel après le bien général. Alexandre Ier l'estimait pour sa franchise et sa véracité. Nicolas n'avait personne qui lui dît si hardiment la vérité, personne qui unît à la finesse d'esprit l'art de savoir ce qu'il faut dire et quand il faut le dire. Avec son caractère vif et sa brusquerie qui lui fit beaucoup d'ennemis, il finit pourtant par réussir à plier son cœur à son esprit. Tout ambitieux qu'il était, il ne flagorna jamais personne; ses succès de carrière lui avaient fait prendre de ses mérites une opinion un peu exagérée qui l'empêchait parfois de se critiquer objectivement. Dans ses rapports personnels, il savait être doux et affable, mais la majesté naturelle de son physique était souvent interprétée comme un air de hauteur, et ses ennemis lui avaient fait une réputation de despote sans cœur et de rusé égoïste.

(D'après une aquarelle de Krüger, 1851, collection de la princesse H. de Saxe-Altenbourg.)

Графъ АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ЛАНЖЕРОНЪ, 1763—1831, изъ знатной дворянской фамиліи, родился въ Парижѣ 13 Января 1763 г. и 17 лѣтъ былъ зачисленъ въ полкъ графа Дама. Въ 1782 г. отправился въ Америку, въ армію Рошамбо́, гдѣ принималъ участіе въ войнѣ противъ Англичанъ; 7 Мая 1790 г. былъ принятъ на русскую службу полковникомъ и зачисленъ въ Сибирскій гренад. полкъ. Во время Шведской войны, командуя дивизіей гребного флота, Ланжеронъ награжденъ орд. Георгія 4-й ст., который получилъ изъ рукъ самой Императрицы. Затѣмъ онъ участвовалъ въ штурмѣ Измаила и въ Мачинскомъ сраженіи, и пожалованъ золотою шпагою. Въ 1791 г. вступилъ въ корпусъ французскихъ эмигрантовъ, участвовалъ во всѣхъ сраженіяхъ противъ республиканскихъ войскъ, а въ 1795 г. снова вернулся въ Россію. Въ 1796 г., былъ пожалованъ бригадиромъ; въ 1797 г.—генералъ-майоромъ; въ 1798 г.—генералъ-лейтенантомъ; въ 1799 г. награжденъ орд. св. Анны 1-й ст.; съ 12 Августа 1800 г. по 1805 г. онъ былъ инспекторомъ инфантеріи Брестской инспекціи, при чемъ Павелъ I, расположенный къ Ланжерону и лично переписывавшійся съ нимъ, пожаловалъ его въ Россійскіе графы и командорскимъ Мальтійскимъ крестомъ. Въ кампанію 1805 г., недовольный дѣйствіями Ланжерона въ Аустерлицкомъ бою, гдѣ его колонна была разбита, Александръ I велѣлъ ему подать въ отставку, но вскорѣ затѣмъ снова принялъ его на службу. Въ 1809 г. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ резервныхъ войскъ Молдавской арміи, награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст., въ Сентябрѣ принялъ начальство надъ корпусомъ Милорадовича; въ 1810 г. за взятіе Рущука награжденъ Георгіемъ 3 кл. и звѣздою Александра Невскаго; въ 1811 г. командовалъ Молдавской арміей до пріѣзда Кутузова. Послѣдній поручилъ Ланжерону начальство надъ центромъ арміи; за Турецкую кампанію онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и награжденъ Владиміромъ 1-й ст. Въ Отечественную войну командовалъ корпусомъ въ арміи Чичагова и затѣмъ принималъ участіе въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг.; подъ Парижемъ получилъ изъ рукъ Александра I Андреевскую звѣзду. По окончаніи войнъ вернулся въ Россію, и въ концѣ 1815 г. назначенъ Херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, въ 1822 г.—Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, но уже въ слѣдующемъ году уволенъ и уѣхалъ за границу. Въ 1826 г. Ланжеронъ, по желанію Николая I, былъ назначенъ членомъ Верховнаго уголовнаго суда и въ Декабрѣ того же года пожалованъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго. Въ Турецкую войну 1828 г. состоялъ при Государѣ, а въ 1829 г. покинулъ службу и поселился въ Одессѣ. Находясь въ Петербургѣ, 4 Іюля 1831 г. скончался отъ холеры.

Графъ Ланжеронъ былъ женатъ два раза: 1) на вдовѣ майора Наталіи Петровнѣ Кашницовой, рожд. княжнѣ Трубецкой, и 2) на дочери полковника Елизаветѣ Адольфовнѣ Бриммеръ, которая была пожалована въ кавалерственныя дамы меньшаго креста. „Мнѣ не случалось видѣть“, пишетъ Вигель, „красиваго лица, столь угрюмаго, какъ у графини Ланжеронъ; холодна, какъ ледъ, она рѣдко съ кѣмъ открывала уста; довольствуясь наружнымъ уваженіемъ, она ничего болѣе не требовала“. Дѣтей отъ обоихъ браковъ не было, но у Ланжерона былъ сынъ отъ Анжели Джержановской, Федоръ Александровичъ Андро (р. въ Брестѣ 16 Марта 1804 г., † 1885 г.).

„Вѣтреннѣйшій и болтливѣйшій изъ французовъ“, человѣкъ минуты, слабохарактерный, Ланжеронъ былъ ревностнымъ почитателемъ Людовика XVI и Бурбоновъ; убѣжденный роялистъ, онъ въ то же время сражался въ Америкѣ, въ арміи Вашингтона. Храбрый и невѣроятно разсѣянный, онъ способенъ былъ забывать, что находится въ бою среди огня. Вѣчно веселый, онъ любилъ блеснуть остроуміемъ, а когда говорилъ серіозно на своемъ ломаномъ русско-французскомъ языкѣ, у него выходили невольно еще болѣе смѣшные и удачные каламбуры. Вигель такъ характеризуетъ его: „Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, неосновательнѣе гр. Ланжерона еще ничего видно не было. Добрый и честный человѣкъ, храбрый на войнѣ, любезный балагуръ, французъ по превосходству, онъ созданъ былъ, чтобы находиться посланникомъ при какомъ-нибудь нѣмецкомъ или итальянскомъ дворѣ, или управлять гдѣ-нибудь придворнымъ театромъ. Революціонной бурей выброшенный изъ отечества, онъ беззаботно и весело прожилъ вѣкъ въ чужой землѣ и дослужился у насъ до голубой ленты. Доживъ почти до 70 лѣтъ, онъ все сохранялъ легкій тонъ Версальскаго царедворца. Нашли, что онъ не годится командовать корпусомъ, и дали ему въ управленіе цѣлый край... Какъ при немъ шли дѣла, этого не нужно уже спрашивать!“

(Съ портрета Г. Дау; Зимній Дворецъ, галлерея 1812 года.)

Le comte **ALEXANDRE FÉODOROWITCH LANGERON**, 1763—1831, originaire d'une famille de la meilleure noblesse, naquit à Paris le 13 janvier 1763, et fut enrôlé à l'âge de 17 ans au régiment du comte de Damas. En 1782, il alla en Amérique à l'armée de Rochambeau, avec laquelle il combattit les Anglais. Admis le 7 mai 1790 au service russe, il fut fait colonel des grenadiers de Sibérie. La guerre de Suède, où il commanda une division de la flottille à rames, lui valut St-Georges de 4e classe, qu'il reçut des propres mains de l'Impératrice. Il fut ensuite à l'assaut d'Izmaïl et à la bataille de Matchine, et gagna une épée d'or. Entré en 1791 au corps des émigrés français, il prit part à tous les combats livrés aux troupes républicaines, puis rentra en Russie en 1795. Brigadier en 1796, général major en 1797, général lieutenant en 1798, décoré de Ste-Anne de 1re classe en 1799, il fut, du 12 août 1800 à 1805, inspecteur de l'infanterie de la circonscription de Brest, et Paul Ier, de la faveur duquel il jouissait, et qui était en correspondance personnelle avec lui, le fit comte de l'Empire Russe et commandeur de l'ordre de Malte. Dans la campagne de 1805, Alexandre Ier, mécontent de ses opérations à Austerlitz, où sa colonne fut taillée en pièces, lui fit donner sa démission, mais le reprit bientôt au service. En 1809, il fut nommé commandant en chef des réserves de l'armée de Moldavie, décoré de St-Vladimir de 2e classe, et prit en septembre le commandement du corps de Miloradowitch; l'année suivante, la prise de Rouchtchouk lui valut St-Georges de 3e classe et l'étoile d'Alexandre Newsky. En 1811, il commanda l'armée de Moldavie en attendant l'arrivée de Koutouzoff, qui le mit ensuite à la tête du centre: la campagne de Turquie lui rapporta le grade de général d'infanterie et St-Vladimir de 1re classe. Pendant la Guerre Patriotique, il eut sous ses ordres un corps de l'armée de Tchitchagoff; il fit ensuite les campagnes de 1813 et 1814, et reçut à Paris des propres mains d'Alexandre Ier l'étoile de St-André. De retour en Russie après la guerre, il devint, à la fin de 1815, gouverneur militaire de Kherson et, en 1822, général gouverneur de la Nouvelle-Russie, mais, dès l'année suivante, il fut mis à la retraite et partit pour l'étranger. En 1826, Nicolas Ier le fit nommer membre de la Haute Cour de justice et lui conféra en décembre les insignes en brillants de St-André. Attaché à l'Empereur pendant la guerre de Turquie de 1828, il quitta le service l'année suivante pour se fixer à Odessa. Il était à Pétersbourg, lorsqu'il mourut du choléra le 4 juillet 1831.

Le comte Langeron fut marié deux fois. Il épousa en premières noces Natalie Pétrowna, née princesse Troubetzkoï, veuve du major Kachintzoff, et en secondes noces la fille Elisabeth du colonel Adolphe Brümmer, dans la suite dame de Ste-Catherine. „Je n'ai jamais vu", dit Wiegel, „un beau visage aussi morose que celui de la comtesse Langeron; d'une froideur glaciale, il n'y avait guère personne à qui elle ouvrît la bouche: les formes de la déférence lui suffisaient, elle ne demandait rien autre chose". Langeron n'eut d'enfants d'aucun de ces deux mariages, mais il eut d'Angèle Djerjanowska un fils, Théodore Alexandrowitch Andrault, né à Brest le 16 mars 1804, mort en 1885.

„Le plus frivole et le plus bavard des français", homme du moment, caractère faible, Langeron était admirateur fervent de Louis XVI et des Bourbons; royaliste convaincu, il alla cependant combattre en Amérique dans les rangs de Washington. D'une grande bravoure et d'une distraction invraisemblable, il était homme, au cœur de l'action, à oublier qu'il était au feu. Toujours gai, il aimait faire de l'esprit, et, dans sa conversation sérieuse, avec son mauvais russe mâtiné de français, il laissait échapper des calembours encore plus risibles et mieux réussis. Wiegel donne de lui la caractéristique suivante: „Depuis que le monde est monde, jamais on n'a rien vu de plus inconsistant que le comte Langeron. Bon et honnête homme, brave au combat, beau parleur, français par excellence, il était fait pour être ambassadeur à une cour d'Allemagne ou d'Italie, ou régisseur de quelque théâtre de Cour. Jeté hors de sa patrie par la vague révolutionnaire, il passa sa vie insouciante et gaie sur la terre étrangère et obtint au service russe jusqu'aux plus hautes distinctions. Presque septuagénaire, il conserva toujours le ton léger de la Cour de Versailles. On avait trouvé qu'il ne valait rien comme commandant de corps, et on lui confia l'administration de tout un pays.... La manière dont les choses marchèrent avec lui, il vaut mieux ne pas en parler!"

(D'après l'original de G. Dawe, Palais d'Hiver, Galerie 1812.)

167

Ин. К[illegible], 1831 г. Peint par K[illegible], 1831

Графъ Павелъ Дмитріевичъ
Киселевъ,
1788 — 1872

Le comte Paul Dmitriewitch
Kisséleff,
1788 — 1872

168

Ин. Г. Дл[illegible] Peint par G. D.

Графъ Александръ Федоровичъ
Ланжеронъ,
1763 — 1831

Le comte Alexandre Féodorowitch
Langeron,
1763 — 1831

Экспед. Заго[illegible]. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня СОФІЯ СТАНИСЛАВОВНА КИСЕЛЕВА, 1801—18.., дочь генералъ-аншефа графа Станислава Потоцкаго, отъ второй жены его, красавицы гречанки Софіи (графиня Виттъ), появилась въ 1818 г. въ Петербургскомъ свѣтѣ. „Софія хороша, какъ Минерва въ часъ похоти", писалъ князь Вяземскій Тургеневу. „Въ ней все нездѣшнее, кромѣ взгляда, въ которомъ горитъ искра земныхъ желаній. Счастливъ тотъ, кто эту искру раздуетъ: въ ней тлѣетъ пожаръ поэзіи". Въ 1821 г. „похотливая Минерва", по выраженію князя Вяземскаго, вышла замужъ за П. Д. Киселева, начальника штаба 2-й арміи. Въ 1822 г. у нихъ родился сынъ Владиміръ, умершій черезъ 2 года. Супружеское счастье Киселевыхъ было непродолжительно; если вѣрить Вигелю, первый ударъ ему былъ нанесенъ сестрою Киселевой, Ольгой, вскружившей голову ея мужу. Болѣе вѣроятно, однако, что причиною разрыва послужило вѣтреное поведеніе жены, а также нескрываемыя симпатіи ея къ Польшѣ, возмущавшія патріотическія чувства ея мужа, „не созданнаго, чтобы въ своей домашней жизни препираться о политическихъ мнѣніяхъ". При самомъ началѣ семейнаго разлада, въ концѣ 1829 г., онъ писалъ женѣ: „Твое поведеніе, настоящее и прошедшее, налагаетъ на меня долгъ быть осторожнымъ и не дать себя обмануть возвышенностью души и принциповъ; они нѣкогда мнѣ внушали довѣріе и привязанность, которыя я оплакиваю доселѣ". Позднѣе, въ 1833 г., онъ опять писалъ ей: „Вспомни наше прощаніе въ Кишиневѣ (въ 1828 г.): я плакалъ тогда о нашей разлукѣ, я оставлялъ тебя съ растерзаннымъ сердцемъ, я предугадывалъ, что это было прощаніе съ моей внутренней жизнью, съ жизнью частнаго человѣка, которою я пожертвовалъ обязанностямъ общественнаго дѣятеля". Со стороны Киселевой были сдѣланы, однако, неоднократныя попытки къ примиренію. „Съ сердцемъ добрымъ, горячимъ и великодушнымъ", она грустила о томъ, что судьба ее разъединила съ мужемъ, уважала его „щепетильность" и, сознавая свою вину передъ нимъ, чистосердечно объясняла свое политическое настроеніе тѣмъ, что она „полька". Безъ формальнаго развода Киселева уѣхала за границу, послѣ того какъ мужъ устроилъ ея денежныя дѣла такъ, „чтобы она не могла разориться, даже если бъ хотѣла". Главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ она избрала Парижъ, гдѣ жила весело и открыто; интересуясь громкими процессами, она проводила „цѣлые дни въ Palais de Justice". Въ Россію Киселева пріѣзжала лишь изрѣдка, для устройства своихъ денежныхъ дѣлъ, при чемъ видѣлась съ мужемъ. Въ 1846 г. пріѣздъ ея находился въ связи съ переходомъ въ православіе ея брата, графа Мечислава Потоцкаго, котораго она пыталась вновь обратить въ католичество. Участіе ея въ этой исторіи скомпрометировало ее въ глазахъ правительства, и дѣло уладилось, лишь благодаря вліянію ея мужа; между супругами состоялось нѣчто въ родѣ примиренія, и графиня Киселева, пріѣхавъ въ Петербургъ, поселилась у мужа, много выѣзжала въ свѣтъ и была даже на придворныхъ балахъ. Киселевъ съ удовольствіемъ сообщалъ графу М. С. Воронцову: „Enfin la bourrasque est finie, et les choses se sont arrangées convenablement. Il y a dans tout cela une confusion d'idées qui tiennent du prêtre catholique et du Journal des Débats. La Russie est autrement faite et impose d'autres principes d'actions. Je crois qu'en ce moment Mme Sophie en a acquis la certitude et s'y conforme. Rien de tout cela ne serait arrivé si elle m'avait écouté et qu'elle ne vînt pas en Russie pour convertir son frère et le replacer dans le giron de l'église, après l'avoir fait rentrer dans ses domaines de Toultchine". Но примиреніе продолжалось не долго. Отказываясь отъ посольства въ Парижѣ, графъ Киселевъ указывалъ Государю, что „семейное положеніе его къ женѣ несогласно съ званіемъ посла". Брату своему онъ писалъ: „Одно изъ самыхъ щекотливыхъ затрудненій для меня — это пребываніе въ Парижѣ Софьи; съ ея надменнымъ и иногда отважнымъ характеромъ, я опасаюсь столкновеній, которыя при моемъ официальномъ положеніи могутъ быть болѣе чѣмъ непріятны. Послѣ 25-и лѣтъ разлуки сближеніе между нами невозможно, и я рѣшительно его не хочу". Ольгѣ Нарышкиной было поручено передать сестрѣ, что, если она не сообразуется съ желаніями мужа, „онъ предоставитъ правительству принять мѣры, ему предложенныя: отказать ей въ паспортѣ для пребыванія въ Парижѣ". Однимъ изъ условій было то, чтобы встрѣчи между супругами „были какъ можно рѣже и только въ чужихъ домахъ". Но графиня Киселева больше проживала въ Ниццѣ, Монте-Карло, Гомбургѣ и другихъ курортахъ, гдѣ процвѣтала рулетка, и, предавшись на старости страсти къ игрѣ, проводила за игорными столами дни и ночи. Скончалась она еще при жизни мужа.

(Съ портрета Г. Гейтера, 1831 г.; собственность графини Е. В. Шуваловой, С.-Петербургъ.)

La comtesse SOPHIE STANISLAVOWNA KISSÉLEFF, 1801—18.., fille du comte Stanislas Potocki, général en chef, et de sa seconde femme, la belle grecque Sophie, comtesse Witt, fit en 1818 son entrée dans le monde pétersbourgeois. „Sophie est belle comme Minerve à l'heure de la concupiscence", écrivait le prince Viazemsky à Tourguéneff. „Tout en elle est d'un autre monde, sauf le regard, embrasé de l'étincelle des désirs terrestres. Heureux celui qui attisera cette étincelle, où couve le feu de la poésie". La „Minerve concupiscente" du prince Viazemsky épousa en 1821 P. Kisséleff, chef d'état-major de la 2e armée. Il leur naquit l'année suivante un fils Vladimir, qui ne vécut que deux ans, mais leur bonheur conjugal ne fut pas de longue durée: s'il faut en croire Wiegel, le premier coup y fut porté par la sœur de la jeune femme, Olga, qui aurait tourné la tête au mari. Il est cependant probable que la rupture était plutôt due à la conduite légère de Sophie, ainsi qu'à ses sympathies polonaises, bien propres à révolter les sentiments patriotiques de Kisséleff, „qui n'était pas homme à avoir dans son intérieur des discussions politiques". Tout au début de la mésintelligence, il écrivait à sa femme, à la fin de 1829: „Ta conduite présente et passée m'impose le devoir d'être prudent et de ne pas me laisser donner le change par de la noblesse de sentiments et de principes: tout cela m'a inspiré jadis une confiance et un attachement que je déplore jusqu'à présent". Plus tard, en 1833, il lui écrit encore: „Rappelle-toi nos adieux de Kichineff" (en 1828): „je pleurais alors sur notre séparation, le cœur brisé en te quittant, et pressentant la fin de ma vie intime, de ma vie privée, dont je faisais le sacrifice à mes obligations d'homme public". Elle, de son côté, fit pourtant plusieurs tentatives de réconciliation. „Son cœur bon, ardent et généreux" était navré de la séparation; elle appréciait la „susceptibilité" de son mari, et, se reconnaissant coupable envers lui, expliquait de bonne foi ses dispositions politiques par sa qualité de „polonaise". Elle partit pour l'étranger sans divorce formel, après que son mari lui eut arrangé ses affaires de manière à ce qu'elle „ne pût se ruiner, même exprès". Elle choisit comme principale résidence Paris, où elle mena la vie gaie et large; s'intéressant aux causes retentissantes, elle passait „des journées entières au Palais de Justice". Elle ne venait en Russie qu'à de rares intervalles, pour affaires d'argent, et alors elle voyait son mari. En 1846, elle fit le voyage à l'occasion de la conversion à l'orthodoxie de son frère le comte Métchislas Potocki, qu'elle tenta de ramener au catholicisme. Son rôle dans cette histoire la compromit aux yeux du gouvernement, et l'affaire ne s'arrangea que grâce à l'influence de Kisséleff. Il y eut alors comme une réconciliation dans le ménage, et la comtesse, venue à Pétersbourg, habita chez son mari, allant beaucoup dans le monde et même aux bals de la Cour. Lui écrivait avec bonheur au comte M. Worontzoff: „Enfin la bourrasque est finie, et les choses se sont arrangées convenablement. Il y a dans tout cela une confusion d'idées qui tiennent du prêtre catholique et du Journal des Débats. La Russie est autrement faite et impose d'autres principes d'actions. Je crois qu'en ce moment Mme Sophie en a acquis la certitude et s'y conforme. Rien de tout cela ne serait arrivé si elle m'avait écouté et qu'elle ne vînt pas en Russie pour convertir son frère et le replacer dans le giron de l'église, après l'avoir fait rentrer dans ses domaines de Toultchine". Mais la réconciliation ne dura pas longtemps. En donnant sa démission d'ambassadeur à Paris, Kisséleff indiquait à l'Empereur que „sa situation de famille vis-à-vis de sa femme était incompatible avec la dignité d'ambassadeur". Il écrivait aussi à son frère: „Une difficulté des plus délicates pour moi, c'est la présence de Sophie à Paris; avec son caractère arrogant et parfois audacieux, je redoute des ennuis qui, en raison de ma situation officielle, peuvent être plus que désagréables. Après vingt-cinq ans de séparation, un rapprochement entre nous est impossible, et je n'en veux absolument pas". Olga Narychkine fut chargée de dire à sa sœur que, si elle ne se conformait pas au désir de son mari, „il laisserait le gouvernement faire ce dont il avait déja été question, lui refuser un passeport pour Paris". Une des conditions était qu'il n'y eût d'entrevues entre le mari et la femme „que le plus rarement possible, et seulement chez des tiers". Mais la comtesse était le plus souvent à Nice, Monte-Carlo, Hombourg et autres villégiatures où florissait la roulette: elle s'était prise sur ses vieux jours de la passion du jeu, et restait jour et nuit installée au tapis vert. Elle mourut du vivant de son mari.

(D'après un original de Hayter, 1831, appartenant à la comtesse E. Chouvaloff, St-Pétersbourg.)

Графиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА ВОРОНЦОВА, 17..—1784, жена посла въ Лондонѣ, графа Семена Романовича Воронцова, была дочь адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина и жены его, рожденной фонъ-Брадке. Вторая изъ четырехъ красавицъ сестеръ Сенявиныхъ, которыхъ Завадовскій называлъ нимфами, она была любимой фрейлиной Екатерины II. Состоявшаяся въ Маѣ 1780 г. помолвка ея съ гр. С. Р. Воронцовымъ была встрѣчена съ радостью его отцомъ и всею Воронцовскою роднею. Крайне довольный тѣмъ, что его сынъ рѣшился „соединить судьбу свою съ столь достойной партіею, какъ Катерина Алексѣевна, и предпочелъ взаимную склонность всему другому“, старый графъ Романъ Ларіоновичъ уступилъ молодымъ „свой домъ, приморскія дачи и Муринскую фабрику со всѣми ихъ доходами“, а старшему своему сыну поручилъ купить для невѣсты „хорошій цугъ“. Послѣ свадьбы, состоявшейся въ Августѣ 1780 г., въ Муринѣ, молодые зажили счастливо, и семья ихъ увеличилась рожденіемъ въ 1782 г. сына Михаила, а въ слѣдующемъ году дочери Екатерины. Графиня Екатерина Алексѣевна сама кормила дѣтей, что ставилось ея родными въ примѣръ другимъ, зато, поглощенная уходомъ за дѣтьми, она пренебрегала собственнымъ здоровьемъ. „Жена моя, по своей горячности къ сыну, всѣ сіи ночи не спитъ“, писалъ графъ Семенъ Романовичъ отцу, „я опасаюсь, чтобъ и она не занемогла, какъ во время осны Мишинькиной“. Назначенный въ 1783 г. посланникомъ въ Венецію, графъ Семенъ Романовичъ уѣхалъ съ женою и дѣтьми въ Италію. Обстановка, въ которой пришлось имъ жить по пріѣздѣ въ Венецію, гдѣ они поселились въ домѣ, имѣвшемъ „только однѣ стѣны, безъ двойныхъ рамъ въ окнахъ и трубъ въ комнатахъ“, при сильныхъ холодахъ зимой 1783 г. („такъ что каналы замерзали“) и полное отсутствіе комфорта не могли не отозваться пагубно на слабомъ здоровьѣ графини: здѣсь она почувствовала первые приступы рокового недуга—чахотки. Съ радостью узнали Воронцовы о предстоящемъ переводѣ графа Семена Романовича посланникомъ въ Англію и начали готовиться къ переѣзду въ Лондонъ. Но болѣзнь графини дѣлала быстрые шаги, и въ Іюнѣ 1784 г. ея положеніе было очень серіознымъ. Почувствовавъ, однако, облегченіе и думая, что опасность миновала, она говорила мужу: „En vérité, mon cher Сенюша, Dieu aurait été trop cruel s'Il nous avait séparés“. Вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Лондонъ, Воронцовъ поселился съ женою въ Пизѣ, въ надеждѣ, что болѣе мягкій, чѣмъ въ Венеціи, климатъ принесетъ ей пользу, но всѣ мѣры оказались тщетными, и графиня Екатерина Алексѣевна скончалась 25 Августа 1784 года. Глубокаго драматизма полны тѣ письма ея мужа, гдѣ онъ описываетъ послѣдніе дни ея жизни. „Quelle femme, quelle amie, quel caractère d'ange qu'était ma chère Катерина Алексѣевна. Mon malheur n'a pas de pareil, mais rassurez-Vous, je ne mourrai jamais, car si des inquiétudes et des veilles de près de 3 mois, si des veilles absolues et un désespoir qu'il fallait étouffer en moi pendant 12 jours ne m'ont rien fait, croyez que je vivrai éternellement. Je Vous dirai plus: la phthisie est contagieuse en Italie, et j'ai couché toujours à 4 pas de ma femme; tous les 3 jours nous changions de lits, parce qu'elle n'avait plus la force pour se lever quand on faisait le sien: ainsi on approchait le mien à côté d'elle, elle y passait, et dans 3 jours elle faisait la même chose en repassant sur le sien, sur lequel j'avais couché, et je dors à présent même sur une peau sur laquelle elle a couché trois jours avant sa mort, et je ne me ressens aucunement la poitrine affaiblie“.

Тѣло графини Воронцовой было положено въ свинцовый гробъ и предано землѣ въ Венеціи, въ Греческой церкви, у лѣваго клироса. Завѣтною мечтою графа Воронцова было перевезти ея прахъ въ Россію и похоронить въ Муринѣ, въ выстроенной тамъ сейчасъ же послѣ кончины графини церкви и самому быть схороненнымъ рядомъ съ нею; однако, этой его волѣ не суждено было осуществиться; онъ умеръ и похороненъ былъ въ Англіи, но на мѣстѣ послѣдняго упокоенія графини Екатерины Алексѣевны Воронцовой, въ Венеціи, ежегодно служится въ день ея смерти панихида.

(Съ портрета Левицкаго, 1783 г.; собственность графини Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірской губ.)

La comtesse CATHERINE ALEXÉEWNA WORONTZOFF, 17. . — 1784, femme du comte Siméon Romanowitch Worontzoff, ambassadeur à Londres, était fille de l'amiral Alexis Naoumowitch Séniavine et de sa femme, née von Bradke. Seconde de quatre sœurs renommées pour leur beauté et que Zavadowsky appelait des nymphes, elle fut la demoiselle d'honneur préférée de Catherine II. Ses fiançailles avec le comte Worontzoff, célébrées en mai 1780, furent une grande joie pour le père du comte et toute la famille Worontzoff. Particulièrement heureux de voir son fils „unir sa destinée à un aussi digne parti et préférer un penchant réciproque à toute autre considération", le vieux comte céda au jeune couple „sa maison, ses villas du bord de la mer et sa fabrique de Mourino, avec tous leurs revenus", et chargea son fils aîné d'acheter pour la fiancée „un bel équipage". Le mariage fut célébré à Mourino en août 1780, et l'heureux ménage s'accrut en 1782 d'un fils Michel et, l'année suivante, d'une fille Catherine. La comtesse nourrissait elle-même, et ses parents la donnaient en exemple à cet égard, mais aussi, tout entière à ses enfants, elle négligeait sa propre santé. „Ma femme, dans son ardeur pour son fils, a passé toutes ces nuits-ci sans dormir", écrivait le comte à son père; „j'ai peur qu'elle ne tombe également malade, comme pendant la petite vérole de notre Michel". Nommé en 1783 ambassadeur à Venise, le comte partit pour l'Italie avec sa femme et ses enfants. L'installation qui les attendait à Venise, dans une maison qui n'avait „que les murs, sans doubles fenêtres ni cheminées", pendant les froids rigoureux de 1783, où „les canaux gelaient", et le manque absolu de confort ne pouvaient qu'avoir une influence pernicieuse sur la santé délicate de la comtesse: elle ressentit là les premières atteintes de sa fatale maladie, la phtisie. C'est avec joie que fut accueillie la nouvelle du prochain transfert du comte à l'ambassade de Londres, et qu'on se prépara à partir pour l'Angleterre. Mais le mal faisait des progrès rapides, et, en 1784, la situation était fort sérieuse. A la suite d'une amélioration, pourtant, la comtesse, croyant le danger passé, disait à son mari: „En vérité, mon cher ami, Dieu aurait été trop cruel s'Il nous avait séparés". Au lieu d'aller à Londres, Worontzoff se fixa avec sa femme à Pise, dans l'espoir que le climat, plus doux qu'à Venise, lui ferait du bien, mais tout fut inutile, et la comtesse Worontzoff mourut le 25 août 1784. Profondément dramatiques sont les lettres où son mari décrit ses derniers jours. „Quelle femme, quelle amie, quel caractère d'ange qu'était ma chère Catherine! Mon malheur n'a pas de pareil, mais rassurez-Vous, je ne mourrai jamais, car, si des inquiétudes et des veilles de près de trois mois, si des veilles absolues et un désespoir qu'il fallait étouffer en moi pendant douze jours ne m'ont rien fait, croyez que je vivrai éternellement. Je Vous dirai plus: la phtisie est contagieuse en Italie, et j'ai couché toujours à quatre pas de ma femme; tous les trois jours nous changions de lits, parce qu'elle n'avait plus la force pour se lever quand on faisait le sien: ainsi on approchait le mien à côté d'elle, elle y passait, et dans trois jours elle faisait la même chose en repassant sur le sien sur lequel j'avais couché, et je dors à présent même sur une peau sur laquelle elle a couché trois jours avant sa mort, et je ne me ressens aucunement la poitrine affaiblie".

La dépouille de la comtesse Worontzoff fut mise dans un cercueil de plomb et livrée à la terre dans l'église grecque de Venise, près du chœur de gauche. Le rêve intime du comte était de la ramener en Russie pour l'inhumer à Mourino, dans l'église qu'il y avait fait élever aussitôt après sa mort, et où il voulait être, le moment venu, déposé près d'elle; pourtant ce désir ne devait pas se réaliser: il mourut et fut inhumé en Angleterre. Mais à l'église où repose la comtesse Worontzoff, à Venise, un service commémoratif est célébré tous les ans, le jour anniversaire de sa mort.

(D'après un original de Lévitzky, 1783, appartenant à la comtesse E. Worontzoff-Dachkoff, Andréewskoïé, gouvernement de Vladimir.)

Княгиня ЕЛИЗАВЕТА КСАВЕРІЕВНА ВОРОНЦОВА, 1792—1881, дочь графа Ксаверія Петровича Браницкаго († 1819), женатаго на племянницѣ Потемкина Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, родилась 8 Сентября 1792 года. Дѣтство и молодость она провела въ Бѣлой Церкви и, пожалованная фрейлиной въ 1807 г., „долго, когда другимъ могъ надоѣсть бы свѣтъ, жила при строгой матери въ деревнѣ". Ей уже было 23 года, когда, во время путешествія съ матерью за границею, она встрѣтила въ Парижѣ графа Михаила Семеновича Воронцова, командовавшаго русскимъ корпусомъ въ Мобежѣ. „Она не могла ему не понравиться: нельзя сказать, чтобы она была хороша собою, но такой пріятной улыбки, кромѣ ея, ни у кого не было, а быстрый, нѣжный взглядъ ея миленькихъ небольшихъ глазъ пронзалъ насквозь. Къ тому же польское кокетство пробивалось въ ней сквозь большую скромность, къ которой съ малолѣтства пріучила ее русская мать, что дѣлало ее еще привлекательнѣе". Свадьба состоялась въ Парижѣ 20 Апрѣля 1819 г.; графиня Браницкая принесла мужу огромное состояніе, но все-таки не безъ колебаній рѣшился графъ М. С. Воронцовъ соединить судьбу свою съ дочерью польскаго магната, по крайней мѣрѣ сохранилось письмо новобрачнаго къ графу Ф. В. Ростопчину съ торжественнымъ обѣщаніемъ не допускать къ себѣ въ государственной дѣятельности ни одного поляка. Послѣ свадьбы молодые остались нѣкоторое время за границей, посѣтили въ Англіи графа С. Р. Воронцова и вернулись въ Россію въ 1823 г., когда графъ М. С. Воронцовъ былъ назначенъ Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. 22 Іюня того же года графиня Воронцова была пожалована въ кавалерственныя дамы меньшаго креста.

Время управленія Воронцовымъ Новороссіей (1823—1844 гг.) было золотымъ вѣкомъ Одессы. Жизнь Воронцовыхъ во дворцѣ на берегу моря, по словамъ Вигеля, можно было сравнить съ житьемъ „владѣтельнаго Нѣмецкаго герцога". Двери Воронцовскаго дворца были широко открыты для мѣстнаго общества, и на ихъ роскошные балы и пріемы допускались не только представители Одесской аристократіи и чиновничества, но и иностранные негоціанты и банкиры. Своею неизмѣнною привѣтливостью, роскошью нарядовъ и драгоцѣнностей графиня Воронцова затмила бывшихъ „царицъ" Одессы, графинь Гурьеву и Ланжеронъ, и была для нихъ „острымъ ножомъ въ сердцѣ".

Жизнь Воронцовыхъ въ Тифлисѣ, во время Кавказскаго намѣстничества графа Михаила Семеновича, представляла тоже сочетаніе невиданной до того времени на Кавказѣ офиціальной роскоши представительства съ крайней простотою и патріархальностью домашняго обихода. Графиня здѣсь скоро снискала любовь широкой благотворительностью и покровительствомъ просвѣщенію. Пожалованная въ 1838 г. статсъ-дамою, а въ 1850 г. получивъ Екатерининскую ленту, графиня Воронцова, съ возведеніемъ ея мужа въ 1852 г. въ княжеское достоинство, сдѣлалась, въ 60 лѣтъ, по словамъ шутниковъ, „самой молодой княгиней въ Россіи", и названіе это къ ней шло, благодаря долго сохранившейся ея свѣжести и моложавости.

Похоронивъ мужа въ 1856 г. въ Одессѣ, княгиня Воронцова осталась тамъ до конца своей жизни и скончалась, 89 лѣтъ отъ роду, 15 Апрѣля 1881 г.; погребена рядомъ съ мужемъ въ Одесскомъ соборѣ. Кромѣ дочери Александры и сына Михаила, умершихъ въ дѣтствѣ, она имѣла дочь Софію (1825—1879; за гр. А. П. Шуваловымъ) и сына кн. Семена Михайловича (1823—1882), умершаго бездѣтнымъ.

„Небольшого роста, тучная, съ чертами нѣсколько крупными и неправильными", говоритъ гр. Соллогубъ, „княгиня Е. К. Воронцова была тѣмъ не менѣе одною изъ привлекательнѣйшихъ женщинъ своего времени. Все ея существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною женственною граціею, такою привѣтливостью, такимъ неукоснительнымъ щегольствомъ, что легко себѣ объяснить, какъ такіе люди, какъ Пушкинъ, Раевскій и многіе, многіе другіе безъ памяти влюблялись въ княгиню Воронцову". Незабвенную память о себѣ она оставила и на Кавказѣ, гдѣ ея попеченіями и пожертвованіями основано было Воспитательное заведеніе св. Нины, въ Тифлисѣ, для образованія дочерей служащихъ на Кавказѣ.

(Съ портрета Рейтерна, 1832 г.; находится въ Одесскомъ Воронцовскомъ дворцѣ.)

La princesse ÉLISABETH XAVÉRIEWNA WORONTZOFF, 1792—1881, fille du comte Xavier Pétrowitch Branicki († 1819) et de la nièce de Potemkine, Alexandrine Vassiliewna Engelhardt, naquit le 8 septembre 1792. Elle passa son enfance et sa jeunesse à Bélaïa Tzerkov, et, faite demoiselle d'honneur en 1807, „menait encore, au moment où d'autres pouvaient être fatiguées du monde, la vie de campagne en compagnie d'une mère austère". Elle avait déjà 23 ans quand, au cours d'un voyage à l'étranger avec sa mère, elle fit à Paris la rencontre du comte Michel Sémenowitch Worontzoff, qui commandait un corps russe à Maubeuge. „Elle ne pouvait ne pas lui plaire: sans doute, elle n'était pas belle, mais personne n'avait un sourire aussi agréable qu'elle, et le regard furtif et tendre de ses gentils petits yeux vous pénétrait. A cela s'ajoutait une coquetterie polonaise, qui, perçant sous la profonde modestie à laquelle l'avait habituée dès l'enfance une mère russe, lui donnait un charme de plus". Le mariage eut lieu à Paris le 20 avril 1819; la comtesse avait apporté une grosse fortune, et pourtant son mari n'avait pas été sans hésitations pour unir son sort à la fille d'un magnat polonais: au moins a-t-on une lettre de lui au comte Th. Rostoptchine, où il promet solennellement de ne pas admettre au service de l'Etat dans son entourage un seul polonais. Après le mariage, les jeunes époux restèrent quelque temps à l'étranger, allèrent voir le comte S. Worontzoff en Angleterre, et rentrèrent en Russie lorsque, en 1823, le comte fut nommé général gouverneur de la Nouvelle-Russie. Le 22 juin de la même année, la comtesse fut faite dame de Ste-Catherine.

Le temps de l'administration de Worontzoff en Nouvelle-Russie (1823—1844) fut l'âge d'or d'Odessa. La vie des Worontzoff dans leur palais du bord de la mer était comparable, dit Wiegel, à celle „d'un prince régnant d'Allemagne". Leurs portes étaient largement ouvertes à la société du pays, et ils invitaient à leurs bals et à leurs réceptions splendides non seulement les représentants de l'aristocratie et des fonctionnaires d'Odessa, mais aussi des négociants et banquiers étrangers. Par son inaltérable affabilité, par le luxe de ses toilettes et de ses bijoux, la comtesse Worontzoff éclipsait les anciennes „reines" d'Odessa, les comtesses Gourieff et Langeron, pour lesquelles elle était „un poignard aigu dans le cœur".

La vie des Worontzoff à Tiflis, lors de la lieutenance du comte, fut de même l'alliance d'un luxe de représentation officielle jusqu'alors inconnu au Caucase avec une simplicité extrême et une allure patriarcale de la vie d'intérieur. La comtesse eut vite fait de se concilier les sympathies par sa généreuse charité et par la protection qu'elle accorda à l'instruction. Dame d'honneur en 1838, gratifiée du cordon de Ste-Catherine en 1850, elle devint à 60 ans, lorsque son mari eut été élevé à la dignité de prince en 1852, „la plus jeune princesse de Russie", comme on disait alors en plaisantant, et cette appellation lui allait bien, conservée comme elle l'était avec sa fraîcheur et son air de jeunesse.

Devenue veuve à Odessa en 1856, la comtesse Worontzoff y resta jusqu'à la fin de ses jours et mourut à l'âge de 89 ans, le 15 avril 1881; elle fut inhumée près de son mari à la cathédrale d'Odessa. Outre une fille Alexandrine et un fils Michel morts en bas âge, elle eut une fille Sophie (1825—1879), mariée au comte A. Chouvaloff, et un fils Siméon (1823—1882), qui ne laissa pas de postérité.

„Petite, replète, avec des traits un peu gros et irréguliers", dit le comte Sollogoub, „la princesse Worontzoff n'en était pas moins une des femmes les plus captivantes de son temps. Toute sa personne était pénétrée d'une grâce féminine si suave et si ravissante, d'une telle aménité, d'un chic si dégagé, qu'il est facile de s'expliquer comment des hommes comme Pouchkine, Raewsky, et beaucoup, beaucoup d'autres devinrent amoureux fous d'elle". Elle laissa également un souvenir ineffaçable au Caucase, où fut fondée par ses soins et à ses frais la maison d'éducation de Ste-Nina à Tiflis, pour les filles des employés de l'Etat au Caucase.

(D'après un original de Reutern, Palais Worontzoff, Odessa.)

169

Пис. Г. Гейтеръ, 1831

Peint par G. Hayter, 1831

Графиня Софья Станиславовна Киселева,
1801 — 18 . .

La Comtesse Sophie Stanislavowna Kisséleff,
1801 — 18 . .

170

Пис. Лемицкій, 1785

Peint par Le..ky, 1785

Графиня Екатерина Алексѣевна Воронцова,
17 . . — 1784

La Comtesse Catherine Alexiewna Worontzoff,
17 . . — 1784

171

Пис. Рейтернъ, 1832

Peint par Reutern, 1832

Княгиня Елизавета Ксаверіевна Воронцова,
1792 — 1881

La Princesse Elisabeth Xavérievna Worontzoff,
1792 — 1881

Архимандритъ ФОТІЙ, 1792—1838, сынъ сельскаго дьячка Новгородской епархіи, въ мірѣ Петръ Спасскій, по окончаніи курса семинаріи, въ 1814 г. поступилъ въ Петербургскую Академію, но черезъ годъ, по болѣзни, вышелъ изъ нея и былъ назначенъ учителемъ Александро-Невскаго училища. Въ 1817 г. онъ постригся въ монахи и назначенъ законоучителемъ 2-го Кадетскаго Корпуса. Вскорѣ Фотій выступилъ противъ сильныхъ въ то время мистиковъ и „возвысилъ вопль свой, яко трубу“, противъ „масоновъ, вѣрующихъ въ антихриста, діавола и сатану“. За проповѣдь, произнесенную 27 Апрѣля 1820 г., противъ мистиковъ, онъ былъ удаленъ изъ Петербурга подъ предлогомъ назначенія его игуменомъ Новгородскаго Деревяницкаго монастыря. Ревность Фотія обратила на него вниманіе благочестивыхъ людей. Черезъ нѣсколько дней послѣ произнесенія Фотіемъ проповѣди, 2 Мая 1820 г. графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская убѣдила его сдѣлаться ея духовникомъ. На средства графини Фотій привелъ въ благоустройство свой „самый разоренный“ монастырь. Новый митрополитъ Серафимъ перевелъ Фотія въ Сковородскій монастырь съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Въ 1822 г. Фотій былъ вызванъ митрополитомъ въ Петербургъ, познакомился съ княземъ А. Н. Голицынымъ и 5 Іюня былъ принятъ Александромъ I, съ которымъ бесѣдовалъ „объ опасности, угрожающей церкви со стороны ея враговъ, явныхъ и тайныхъ“. 25 Іюня Фотій получилъ изъ Кабинета драгоцѣнный крестъ, а 21 Августа былъ назначенъ настоятелемъ первокласснаго Юрьева монастыря. Князь А. Н. Голицынъ, наравнѣ съ графиней Орловой, почиталъ въ это время Фотія „златоустомъ“ и „великимъ угодникомъ Божіимъ“. Но скоро измѣнились отношенія между Фотіемъ и княземъ Голицынымъ. Въ 1824 г. противники князя Голицына, съ митрополитомъ Серафимомъ и графомъ Аракчеевымъ во главѣ, выдвинули Фотія, какъ орудіе для низверженія А. Н. Голицына. Въ нѣсколькихъ письмахъ къ Государю Фотій обличалъ „тайныя общества, еретиковъ и карбонаріевъ“ и излагалъ „планъ разоренія Россіи и способъ оный планъ вдругъ уничтожить тихо и счастливо“; въ это время (20 Апрѣля) онъ имѣлъ трехчасовую бесѣду съ Императоромъ. Весь планъ Фотія сводился къ тому, чтобы „Министерство Духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ настоящей особы“, т.-е. отъ князя Голицына, уничтожить Библейское общество и изгнать главнѣйшихъ мистиковъ. Благодаря стараніямъ враговъ Голицына, 15 Мая 1824 г. Министерство Духовныхъ дѣлъ было уничтожено, и князю оставлено было лишь управленіе почтами. Послѣ этого Фотій еще два раза видѣлся съ Государемъ и подалъ ему нѣсколько записокъ о „мѣрахъ къ прекращенію революціи, готовимой втайнѣ“.

Послѣ смерти Александра I Фотій потерялъ значеніе. Послѣдніе годы онъ провелъ въ Новгородѣ, украшая свой Юрьевъ монастырь на богатыя пожертвованія графини Орловой. Крайній аскетизмъ и фанатизмъ Фотія нерѣдко доводили его до странныхъ выходокъ, навлекавшихъ на него неудовольствіе начальства, такъ что покровитель его, митрополитъ Серафимъ, вынужденъ былъ иногда обуздывать „гордость и своенравіе“ Юрьевскаго архимандрита. Самая близость его къ А. А. Орловой служила темой для неосновательныхъ сплетенъ и, по выраженію Фотія, „человѣкъ, въ дѣвствѣ сый“, былъ „оглаголуемъ, якоже блудница“. Здоровье Фотія, всегда слабое, разрушалось все болѣе и болѣе отъ его аскетическаго образа жизни; онъ скончался 26 Февраля 1838 г. и погребенъ въ Юрьевскомъ монастырѣ. Позднѣе графиня Орлова-Чесменская завѣщала похоронить себя рядомъ, и двѣ одинаковыя гробницы покрываютъ ихъ прахъ.

(Съ миніатюры, находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

L'archimandrite **PHOTIUS** (Pierre Spassky), 1792—1838, fils d'un chantre de village du diocèse de Novgorod, entra en 1814, à sa sortie du séminaire, à l'Académie Ecclésiastique de St-Pétersbourg, mais n'y resta qu'un an pour raisons de santé, et fut nommé maître à l'école St-Alexandre Newsky. Il entra en religion en 1817 et fut fait aumônier du 2e Corps des Cadets. Il s'éleva bientôt contre les mystiques alors puissants et „fit retentir comme une trompette ses lamentations" contre „les maçons, qui croient à l'Antéchrist, au diable et à Satan". Un sermon qu'il prononça contre les mystiques le 27 avril 1820 le fit éloigner de Pétersbourg pour être soi-disant nommé supérieur du monastère Dérévianitzky à Novgorod. Mais son zèle avait attiré l'attention de personnes pieuses: quelques jours plus tard, le 2 mai, la comtesse Anne Alexéewna Orloff-Tchesmensky le décida à être son confesseur, et dans la suite, elle lui donna les moyens de remettre en état son monastère, qu'il avait reçu „dans le dernier délabrement". Le nouveau métropolite Séraphin le fit passer au monastère Skovorodsky avec la dignité d'archimandrite, puis, en 1822, l'appela à Pétersbourg, où il fit la connaissance du prince A. Golitzyne: le 5 juin, il était reçu par Alexandre Ier, qu'il entretint „du danger que faisaient courir à l'Eglise ses ennemis, déclarés et cachés". Le Cabinet lui fit présent le 25 juin d'une croix précieuse, et, le 21 août, il fut nommé supérieur du monastère Yourieff, à Novgorod. Le prince Golitzyne, comme la comtesse Orloff, l'appelait alors „Chrysostôme" et le considérait comme un „Grand Saint". Mais tout changea bientôt: en 1824, les ennemis du ministre, le métropolite Séraphin et le comte Araktchéeff en tête, se servirent pour le renverser de Photius, qui, dans des lettres à l'Empereur, démasqua „les sociétés secrètes, hérétiques et carbonaristes", et exposa „leur plan de ruiner la Russie et le moyen d'anéantir ce plan d'un coup, sans bruit et sûrement"; il eut à cette époque, le 20 avril, un entretien de trois heures avec l'Empereur. Tout revenait, dans son idée, à „supprimer le ministère des Affaires ecclésiastiques et changer le titulaire de deux autres" (le prince Golitzyne), à fermer la Société Biblique et à expulser les principaux mystiques. Les ennemis du ministre réussirent effectivement à faire supprimer le ministère en question le 15 mai suivant et à ne lui faire laisser que la direction des Postes. Après quoi Photius eut encore deux entrevues avec l'Empereur et lui remit un certain nombre de notes sur „les mesures à prendre contre la révolution qui couve".

A la mort d'Alexandre Ier, Photius perdit toute importance. Il passa ses dernières années à Novgorod, faisant profiter son monastère Yourieff des généreuses donations de la comtesse Orloff. Son ascétisme outré et son fanatisme l'entraînaient parfois à d'étranges sorties, qui lui attiraient le mécontentement de ses supérieurs: le métropolite Séraphin lui-même, son protecteur, fut souvent obligé de tenir en bride „son humeur orgueilleuse et capricieuse". Son intimité avec la comtesse servit de thème à des commérages sans fondement, et, selon sa propre expression, „une personne en état de virginité" fut „traitée comme une pécheresse". Son ascétisme délabrait de plus en plus sa santé, toujours délicate; il mourut le 26 février 1838 et fut inhumé au monastère Yourieff. La comtesse Orloff-Tchesmensky se fit à son tour inhumer à ses côtés, et deux tombes identiques recouvrent leurs dépouilles.

(D'après une miniature du Musée Historique de Moscou.)

Графиня АННА АЛЕКСѢЕВНА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ, 1785—1848, единственная дочь графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго отъ брака съ Авдотьей Николаевной Лопухиной, родилась 2 Мая 1785 г. „Къ несчастью“, писала Екатерина II, „у Орлова родилась дочь: я не считаю его особенно способнымъ воспитывать дѣвочекъ и поэтому желала ему сына, которому онъ могъ служить примѣромъ“. Но Екатерина ошиблась: попеченія и заботы о дочери, лишившейся матери 20 Августа 1786 г., сдѣлались цѣлью жизни отца; отношенія его, облеченныя въ грубоватую форму, отзываются необыкновенной нѣжностью къ его „ненаглядной“ дочери, которая платила отцу тѣмъ же. На 8-мъ году Орлова была сдѣлана фрейлиной, а весной 1796 г. представлена Государынѣ, которая „приласкала ее рукой за подбородокъ, похвалила и въ щечку поцѣловала“, сказавъ: „Эта дѣвушка много добраго обѣщаетъ“. Вступленіе на престолъ Павла I заставило Орлова съ дочерью уѣхать за границу. Дочь писала нехитрый „журналъ“ о путешествіи, отмѣчая, что „ночевали въ харчевнѣ“, „ѣли щи кресьянскіе изъ ихъ посуды“, или „нашли хозяйку довольно піяною“, а отецъ писалъ своимъ друзьямъ: „Нинушка моя повытянулась, выкряжила, о комъ жалѣютъ, что дурочка будетъ, за сожалѣніе благодарю, а мнѣ кажется, что и теперь дура, да вѣдь я люблю дуръ и дураковъ—по пословицѣ: рыбакъ рыбака далеко узнаетъ“... О смерти Павла, Орловъ писалъ: „У меня-жъ большой камень съ сердца свалился: за дочь мою я всегда опасался, чтобы покойный Государь не приказалъ ее выдать противу желанія ея, а теперь оной снѣдающей мысли совершенно освобожденъ“. Однако ни теперь, ни послѣ графиня А. А. Орлова не вышла замужъ. У ней было много знатныхъ женіховъ, но сама она питала нѣжныя чувства только къ одному графу И. М. Каменскому, тѣмъ не менѣе и онъ получилъ отказъ. Окружающіе, въ особенности ея побочный братъ Чесменскій, человѣкъ невысокихъ нравственныхъ качествъ, внушили ей, что она некрасива и что искателей ея руки привлекаетъ больше ея колоссальное богатство... Вмѣстѣ съ добрымъ сердцемъ и кристаллически чистой душой, наслѣдованныхъ отъ матери, графиня Орлова, вмѣстѣ съ физической силой, получила отъ отца его подозрительность и недовѣріе къ людямъ. Графиня была высокаго роста, прекрасная наѣздница, поражавшая силой и ловкостью. Въ общемъ, „Нинушка была предметомъ всеобщаго расположенія, привлекала сердца очаровательностью, ко всѣмъ равною привѣтливостью; весь ея обликъ былъ полонъ какого-то обаянія“. Въ 1807 г., 24 Декабря, скончался нѣжно любимый ею отецъ, единственный ея другъ. Графъ В. Г. Орловъ предложилъ ей переѣхать жить къ нему, но Орлова, къ удивленію и огорченію дяди, отказалась: „Это милое, нѣжное существо, доселѣ извѣстное только своею покорностью, нынѣ самостоятельно впечатлительное и уже окруженное вліятельными лицами, явило неожиданную силу воли“. Такими вліятельными лицами были ея духовники; разочарованная въ людяхъ и свѣтѣ, она путешествовала по святымъ мѣстамъ и искала утѣшенія въ религіи, особенно среди монашества. Послѣ благодушнаго старца Амфилохія, духовникомъ ея сдѣлался знаменитый архимандритъ Фотій. Узкій фанатикъ, человѣкъ хитрый и лукавый, изувѣръ и аскетъ, Фотій своей желѣзной волѣ сумѣлъ скоро всецѣло подчинить слабую волю графини. Высокомѣрный, презирающій условія свѣтской жизни, въ вериахъ и власяницѣ на тѣлѣ съ гноящимися ранами, Фотій, казалось, ни въ чемъ земномъ не нуждался, и Орлова была увѣрена, что, щедро благотворя монастырямъ, она дѣлала это не по волѣ человѣка, а для самого Бога. Суровый архимандритъ изъ всѣхъ земныхъ страстей таилъ въ глубинѣ своей души только необузданное честолюбіе, почему и не позволялъ своей „дщери Аннѣ“ порывать съ обществомъ. Связи и вліяніе графини при дворѣ нужны были Фотію, а для Орловой это было монашеское „послушаніе“. При дворѣ графиня Орлова пользовалась расположеніемъ: въ 1817 г. она была пожалована въ камеръ-фрейлины, во время коронаціи Николая I—въ кавалерственныя дамы орд. св. Екатерины 2 кл.; въ 1828 г. сопровождала Императрицу въ ея поѣздкѣ по Россіи и за границу. Покинувъ Петербургъ и свое Нескучное, въ Москвѣ, Орлова поселилась около Юрьева монастыря, проводя время въ постѣ и молитвѣ. Относясь несочувственно къ крѣпостному праву, графиня обратила часть своихъ крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, а другую часть передала въ Удѣльное вѣдомство. Графиня Орлова умерла скоропостижно 5 Октября 1848 г., переживъ Фотія на 10 лѣтъ. Прахъ ея покоится въ Юрьевѣ монастырѣ, рядомъ съ могилой Фотія.

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

La comtesse ANNE ALEXÉEWNA ORLOFF-TCHESMENSKY, 1785—1848, fille unique du comte Alexis Grigoriewitch Orloff-Tchesmensky et d'Eudoxie Nikolaewna Lopoukhine, naquit le 2 mai 1785. „Malheureusement", écrivait Catherine II, „c'est une fille qu'a Orloff: je ne le trouve guère capable d'élever des filles, et aussi je lui souhaitais un fils, auquel il aurait pu servir d'exemple". Mais Catherine se trompait: l'enfant, qui perdit sa mère le 20 août 1786, fut l'objet de toute la sollicitude et de tous les soins de son père, et devint le but de sa vie: sa manière d'agir, en dépit d'apparences un peu rudes, témoigne d'une tendresse sans égale pour sa fille chérie, qui le payait de retour. Demoiselle d'honneur à l'âge de huit ans à peine, elle fut, au printemps de 1796, présentée à l'Impératrice, qui „lui passa la main sous le menton, lui fit des compliments et l'embrassa" en disant: „Cette petite promet beaucoup de bon". L'avènement de Paul Ier obligea Orloff à partir pour l'étranger avec sa fille. Elle tenait un petit „Journal" de voyage tout simple, où on lit: „Passé la nuit dans une auberge", „Mangé de la soupe de paysans dans la même vaisselle qu'eux", „Trouvé la femme passablement ivre", et lui écrivait à ses amis: „Ma Ninouchka devient grande et forte! Il y a des gens qui ont peur qu'elle ne fasse qu'une imbécile: bien obligé! Moi, je la trouve une imbécile telle qu'elle est. Et puis, je les aime, les imbéciles; comme dit le proverbe, les loups ne se mangent pas entre eux".... A propos de la mort de Paul, il écrit: „J'ai un grand poids de moins sur le cœur: j'ai toujours eu peur pour ma fille que le défunt Empereur ne l'obligeât à se marier contre son gré; maintenant, je suis tout à fait délivré de cette idée qui me rongeait". Mais ni alors ni dans la suite la comtesse Orloff ne se maria. Elle eut de nombreux prétendants de distinction, mais elle-même n'éprouva d'inclination que pour le comte N. Kamensky, qui, lui non plus, ne fut pas agréé. Son entourage, surtout son frère naturel Tchesmensky, homme d'un niveau moral peu élevé, lui avait insinué qu'elle était laide et que ses prétendants n'étaient attirés que par sa colossale fortune.... En même temps qu'elle avait reçu de sa mère un bon cœur et une âme d'une pureté cristalline, elle tenait de son père, avec la force physique, son caractère soupçonneux et défiant. Grande, excellente amazone, elle était d'une force et d'une adresse merveilleuses. D'une manière générale, „Ninouchka avait toutes les sympathies, elle gagnait les cœurs par son charme et par l'affabilité qu'elle témoignait également à tous; toute sa personne avait quelque chose d'enchanteur". En 1807, le 24 décembre, elle perdit son père tendrement aimé, son unique ami. Son oncle le comte V. Orloff lui proposa de venir vivre chez lui, mais, à son grand étonnement et à son grand regret, elle refusa: „Cet être doux et sensible, qui avait été jusque-là toute obéissance, libre maintenant de ses impressions et entouré déjà de personnages influents, fit preuve d'une force de volonté inattendue". Les personnages influents en question, c'étaient ses confesseurs; désabusée de l'homme et du monde, elle allait aux saints lieux, et cherchait une consolation dans la religion, et en particulier chez les moines. Après le bon vieux Amphiloque, son confesseur devint le célèbre archimandrite Photius. Malin et astucieux, d'un fanatisme étroit et d'un ascétisme rigide, il sut bientôt faire prendre à sa volonté de fer l'ascendant sur la faible volonté de la comtesse. Avec son caractère altier et dédaigneux des formes de la vie mondaine, avec ses chaînes, son cilice et ses plaies suppurantes, il paraissait détaché des biens de la terre, et la comtesse était convaincue que les largesses qu'elle faisait aux monastères, elle les faisait, non par la volonté d'un homme, mais pour Dieu lui-même. De toutes les passions terrestres, l'austère archimandrite ne recélait au fond de son âme qu'une ambition effrénée, qui le retenait justement de laisser rompre avec la société „sa fille Anne", dont les relations et l'influence à la Cour lui servaient: pour elle, c'était „de l'obéissance" claustrale. A la Cour, la comtesse Orloff était en faveur: demoiselle de la chambre en 1817, dame de Ste-Catherine au couronnement de Nicolas Ier, elle accompagna en 1828 l'Impératrice dans son voyage en Russie et à l'étranger. Elle quitta Pétersbourg et son Néskoutchnoïé, à Moscou, pour se retirer près du monastère Yourieff, et consacrer tout son temps au jeûne et à la prière. Opposée au servage, elle convertit une partie de ses paysans en agriculteurs libres, et céda le reste à l'administration des Domaines. La comtesse Orloff mourut subitement le 5 octobre 1848, dix ans après Photius. Sa dépouille repose au monastère Yourieff, près de celle de l'archimandrite.

(D'après un original des Archives du ministère des Affaires étrangères, Moscou.)

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА БАЛАШОВА, 1779—1823, дочь полковника Петра Аѳанасьевича Бекетова отъ брака съ старшей дочерью крупнаго заводовладѣльца на Уралѣ, милліонера купца Мясникова, Ириной Ивановной (р. 1745 г., † 31 Октября 1823 г.), на долю которой пришлось получить 2 завода и 19/т. душъ крестьянъ. Въ 1808 г. Елена Петровна Бекетова вышла замужъ за извѣстнаго министра полиціи Александра Дмитріевича Балашова, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшаго. Отъ этого брака у ней было трое сыновей: Петръ (флигель-адъютантъ, камергеръ, род. 13 Января 1811 г., † 1844 г.; женатъ на графинѣ А. И. Паскевичъ), Александръ (капитанъ, род. 7 Апрѣля 1812 г., † 14 Апрѣля 1854 г.; женатъ на графинѣ А. В. Левашовой, род. 1821 г., † 1880 г.) и Иванъ (шт.-ротмистръ Кавалергардскаго полка, род. 1806 г., убитъ на Кавказѣ въ 1841 г.).

Е. П. Балашова умерла лѣтомъ 1823 г. въ Рязани, гдѣ и погребена.

Елена Петровна при выходѣ замужъ, какъ и ея сестра Кушникова, получила отъ матери большое приданое, но кромѣ того Прина Ивановна Бекетова, умирая и оставляя своимъ холостымъ сыновьямъ состояніе, приносившее 500/т. чистаго дохода, и на милліонъ мѣди, словесно завѣщала раздать дочерямъ и ихъ потомству 4500 душъ, въ томъ числѣ 3 сыновьямъ и мужу умершей Е. П. Балашовой по 500 душъ каждому. Завѣщаніе это, однако, не было признано сыномъ ея, камергеромъ Петромъ, тѣмъ не менѣе позднѣе, когда всѣ братья Бекетовы умерли холостыми, все ихъ состояніе перешло къ ихъ племянникамъ.

(Съ портрета Г. Дау; собственность Н. П. Балашова, въ С.-Петербургѣ.)

HELÈNE PETROWNA BALACHOFF, 1779—1823, fille du colonel Pierre Afanassiewitch Békétoff et de la fille aînée du marchand millionnaire et gros usinier dans l'Oural Ivan Miasnikoff, Irène (1745—31 octobre 1823), qui reçut pour sa part deux usines et 19.000 têtes de paysans. Elle épousa en 1808 Alexandre Dmitriewitch Balachoff, bien connu comme ministre de la police, alors veuf depuis peu. Elle eut de ce mariage trois fils: Pierre (13 janvier 1811—1844), chambellan, aide de camp de Sa Majesté, marié à la comtesse A. Paskewitch, Alexandre (7 avril 1812—14 avril 1854), capitaine, marié à la comtesse A. Lévachoff (1821—1880), et Ivan (1806—1841), capitaine en second aux Chevaliers-Gardes, tué au Caucase.

Hélène Balachoff mourut l'été de 1823 à Riazan, où elle fut inhumée. Sa mère, qui lui avait donné une grosse dot, ainsi qu'à sa sœur Mme Kouchnikoff, laissa en mourant à ses fils célibataires une fortune rapportant 500.000 roubles liquides et pour un million de cuivre, et fit en outre un legs nuncupatif de 4500 têtes de paysans à répartir entre ses filles et leur descendance, dont 500 à chacun des trois fils et au mari d'Hélène Balachoff. Cette disposition fut contestée par son fils Pierre, le chambellan, mais toute la fortune des frères Balachoff, morts célibataires, n'en revint pas moins plus tard à leurs neveux.

(D'après un original de G. Dawe, appartenant à N. Balachoff, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ БАЛАШОВЪ, 1770—1837, сынъ извѣстнаго Екатеринѣ II своимъ безкорыстіемъ сенатора Дмитрія Ивановича Балашова, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1791 г. выпущенъ въ Измайловскій полкъ; въ 1795 г. разстроенное состояніе имущественныхъ дѣлъ заставило его перейти въ армію, подполковникомъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ. Затѣмъ, въ 1797 г., онъ командовалъ Казанскимъ гарнизоннымъ полкомъ, въ 1799 г. былъ уже генералъ-майоромъ и Омскимъ комендантомъ, а въ Ноябрѣ 1800 г.—Ревельскимъ военнымъ губернаторомъ; въ 1804 г. Балашовъ былъ назначенъ Московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, въ 1807 г.—генералъ-кригсъ-комиссаромъ, въ 1808 г.—Петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, въ 1809 г.—Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-адъютантомъ. Въ день учрежденія Государственнаго Совѣта, 1 Января 1810 г., назначенъ членомъ его, а 25 Іюля того же года—Министромъ полиціи. Въ 1812 г., находясь при Государѣ, онъ получаетъ историческую командировку къ Наполеону, имѣвшую видъ какъ бы послѣдней попытки со стороны стремившагося къ разрыву Александра I къ примиренію, послѣ чего Русскій Императоръ могъ сложить окончательно вину и отвѣтственность за послѣдствія на своего противника; во время этой командировки Балашовъ прославился и своей знаменитой фразой, что на Москву „il y a plusieurs chemins, il y a un qui passe par Poltava“, и своимъ вызывающимъ поведеніемъ, объясняющимся вышесказаннымъ характеромъ его миссіи. Вмѣстѣ съ Аракчеевымъ и Шишковымъ онъ состоялъ при Александрѣ I въ походѣ и, вмѣстѣ съ ними, убѣдилъ Государя уѣхать изъ арміи; съ 1813 по 1815 г. онъ все время сопровождалъ Императора. Въ 1820 году былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской и въ этой должности находился до 1825 года. Уволенъ былъ въ отставку въ 1832 году. Скончался 8 Мая 1837 г. въ Кронштадтѣ; погребенъ въ своемъ имѣніи, въ церкви с. Покровскаго, Шлиссельбургскаго уѣзда.

Балашовъ былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ на Наталіи Антипатровнѣ Коновницыной, отъ которой имѣлъ сына Дмитрія и дочь Анну (княгиня Волконская); вторымъ—на Еленѣ Петровнѣ Бекетовой.

Вигель даетъ интересную характеристику личности Балашова: „Природа дала ему все взамѣнъ пріятности наружной, въ которой ему отказала; дала все, что нужно для успѣховъ: хитрость грека, смѣтливость и смѣлость русскаго, терпѣніе и скромность нѣмца. Въ ученомъ смыслѣ, какъ всѣ тогда въ Россіи, получилъ онъ плохое образованіе; по мѣрѣ возвышенія въ мѣстахъ и чинахъ болѣе чувствовалъ потребность въ познаніяхъ, кидался на нихъ съ жадностью и съ быстротою все пожиралъ. Заронись одна благородная искра въ этотъ необыкновенный умъ, воспламени его, и—отечество гордилось бы имъ. Рѣчи Балашова были столь же ясны, какъ его разсудокъ, и столь же холодны, какъ его душа“.

По словамъ М. А. Дмитріева, „онъ разсказывалъ очень умно, краснорѣчиво и иногда очень забавно“. Хитрый и пронырливый царедворецъ, Балашовъ, по мнѣнію Кочубея, сдѣлалъ изъ министерства полиціи только „un ministère d'espionnage“. Не обладая широкимъ политическимъ умомъ, онъ бралъ изворотливостью и смѣтливостью, но не сумѣлъ заслужить расположенія преемника Александра Павловича, который его не любилъ.

(Съ портрета Г. Дау; принадлежитъ Н. П. Балашову, въ С.-Петербургѣ.)

ALEXANDRE DMITRIEWITCH BALACHOFF, 1770—1837, fils de Dmitri Ivanowitch Balachoff, le sénateur connu de Catherine II pour son désintéressement, fit ses études au Corps des Pages, d'où il sortit en 1791 pour entrer au régiment Izmaïlowsky; quatre ans plus tard, le délabrement de sa fortune le fit passer à l'armée, comme lieutenant-colonel aux grenadiers d'Astrakhan. Commandant du régiment de garnison de Kazan en 1797, il était déjà en 1799 général major et commandant d'Omsk, et en novembre 1800 gouverneur militaire de Rével. Il devint ensuite successivement: en 1804 grand-maître de police de Moscou, en 1807 commissaire général de la guerre, en 1808 grand-maître de police de St-Pétersbourg et en 1809 gouverneur militaire de St-Pétersbourg et général aide de camp. Le jour de la fondation du Conseil de l'Empire (1er janvier 1810), il en fut fait membre et fut nommé le 25 juillet de la même année ministre de la police. En 1812, attaché à l'Empereur, il est chargé près de Napoléon de la mission historique destinée à figurer une dernière tentative de conciliation, après laquelle le Souverain Russe, en réalité pressé de rompre, pût définitivement rejeter sur son adversaire la responsabilité et les suites de la rupture; ce fut à cette occasion qu'il se rendit célèbre par sa fameuse phrase: Pour aller à Moscou, „il y a plusieurs chemins, il y en a un qui passe par Poltava", ainsi que par son attitude provocante, qui s'explique par le caractère de la mission. Pendant la campagne, attaché à l'Empereur, ainsi qu'Araktchéeff et Chichkoff, il contribua avec eux à lui faire quitter l'armée; de 1813 à 1815, il fut sans cesse à ses côtés. Nommé en 1820 général gouverneur des gouvernements de Riazan, Toula, Orel, Voronèje et Tamboff, il conserva cette fonction jusqu'en 1825. Il prit sa retraite en 1832 et mourut à Cronstadt le 8 mai 1837; il fut inhumé dans son bien, à l'église du bourg de Pokrowskoïé, district de Schlüsselbourg.

Balachoff fut marié deux fois, en premières noces à Natalie Antipatrowna Konovnitzyne, dont il eut un fils Dmitri et une fille Anne, princesse Wolkonsky, et en secondes noces à Hélène Pétrowna Béketoff.

Wiegel donne de la personnalité de Balachoff une intéressante caractéristique: „La nature lui avait tout donné en échange des avantages physiques qu'elle lui avait refusés; elle lui avait donné tout ce qui fait le succès: la ruse d'un grec, la sagacité et la hardiesse d'un russe, la patience et la modestie d'un allemand. En fait d'instruction, comme tout le monde alors en Russie, il n'en avait qu'une assez mauvaise: sentant davantage le besoin de lumières à mesure qu'il s'élevait dans la carrière, il se jetait sur tout avec avidité et le dévorait avec précipitation. Qu'une noble étincelle vînt à se déposer sur cet esprit extraordinaire et à l'enflammer: la patrie pouvait s'enorgueillir de lui. Il avait une parole lucide comme sa raison et froide comme son âme".

Balachoff faisait, dit M. Dmitrieff, „des récits pleins d'esprit et de verve, et parfois très amusants". Rusé et intrigant courtisan, il avait fait du ministère de la police, au témoignage de Kotchoubey, un simple „ministère d'espionnage". Esprit politique sans portée, il s'en tirait à force de sagacité et d'expédients, mais il ne sut se concilier la faveur du successeur d'Alexandre Ier, qui ne l'aimait pas.

(D'après un original de G. Dawe, appartenant à N. Balachoff, St-Pétersbourg.)

172

Архимандритъ Фотій (Спасскій), 1792 — 1838

L'Archimandrite Photius (Spassky), 1792 — 1838

173

Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, 1785 — 1848

La Comtesse Anna Alexéevna Orloff-Tchesmensky, 1785 — 1848

174

Пис. Г. Дау

Peint par G. Dawe

Елена Петровна Балашова, 1799 — 1823

Hélène Pétrowna Balachoff, 1799 — 1823

175

Пис. Г. Дау

Peint par G. Dawe

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ, 1770 — 1837

Alexandre Dmitriewitch Balachoff, 1770 — 1837

Князь МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1757—1827, второй сынъ гвардіи капитана князя Николая Сергѣевича (р. 1712 г., † 1773 г.) отъ второго его брака съ Екатериной Михайловной Бобрищевой-Пушкиной (р. 1725 г., † 1758 г.), родился 19 Мая 1757 г.; въ 1774 г. пожалованъ въ пажи, позднѣе, былъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и съ 1801 по 1811 годъ Ярославскимъ губернаторомъ.

Князь М. Н. Голицынъ былъ женатъ 3 раза: первымъ бракомъ, съ 30 Января 1783 г., на Прасковіи Петровнѣ Бёмъ (р. 17 Октября 1763 г., † 20-и лѣтъ и 10-и дней, чрезъ 9 мѣсяцевъ послѣ брака; погребена подъ папертью собора въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ); отъ нея имѣлъ сына Николая, убитаго въ 1812 г. при Бородинѣ; во второмъ бракѣ—на одной изъ смолянокъ, увѣковѣченныхъ на портретѣ знаменитымъ Левицкимъ, Ѳедосьѣ Степановнѣ Ржевской, отъ которой былъ сынъ Степанъ (умеръ въ дѣтствѣ), и въ 3-й разъ—на Наталіи Ивановнѣ Толстой (р. 18 Іюля 1774 г., † 24 Ноября 1841 г.; похоронена въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ); отъ этого брака было 3 сына: Александръ (прозвище „Серебряный“; р. 1798 г., † 1859 г.), Валеріанъ (декабристъ; р. 1802 г., † 1859 г.) и Леонидъ (камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ; р. 1806 г., † 1860 г.), и одна дочь, Екатерина (за тайнымъ совѣтникомъ, егермейстеромъ графомъ Л. Г. Салтыковымъ).

Князь М. Н. Голицынъ умеръ въ 1827 году, 3 Апрѣля, въ день Пасхи; похороненъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince MICHEL NIKOLAEWITCH GOLITZYNE, 1757—1827, second fils du prince Nicolas Serguéewitch Golitzyne (1712—1775), capitaine de la Garde, et de sa seconde femme Catherine Mikhaïlowna Bobrichtcheff-Pouchkine (1725—1758), naquit le 19 mai 1757. Page en 1774, il devint dans la suite conseiller d'état actuel, et, de 1801 à 1811, gouverneur de Yaroslavl.

Le prince Golitzyne fut marié trois fois. Il épousa en premières noces, le 30 janvier 1783, Prascovie Pétrowna Böhm, née le 17 octobre 1763, morte après neuf mois de mariage, à l'âge de 20 ans et 10 jours, et inhumée sous le parvis de la cathédrale du monastère Donskoï à Moscou; il eut d'elle un fils Nicolas, tué en 1812 à Borodino. Sa seconde femme fut une des élèves de Smolna immortalisées dans le tableau du célèbre Lévitzky, Théodosie Stépanowna Rjewsky, dont il eut un fils Stéphane, mort en bas âge. Il se remaria enfin à Natalie Ivanowna Tolstoï (18 juillet 1774—24 novembre 1841, inhumée à Moscou, au monastère Daniloff); il eut de ce troisième mariage trois fils, Alexandre (1798—1859), dit Sérébriany, Valérien (1802—1859), décabriste, et Léonide (1806—1860), chambellan et conseiller d'état actuel, et une fille, Catherine, mariée au comte L. Saltykoff, conseiller privé et veneur.

Le prince Golitzyne mourut en 1827, le 5 avril, jour de Pâques, et fut inhumé au monastère Daniloff, à Moscou.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь СЕРГІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1774 — 1859, дѣйствительный тайный совѣтникъ 1 класса (съ 1852 г.), сынъ генералъ-поручика князя Михаила Михайловича отъ брака съ баронессой Анной Александровной Строгановой, началъ службу въ Измайловскомъ полку въ 1789 г., а въ 1797 г. пожалованъ въ дѣйствительные камергеры. Назначенный въ 1807 г. почетнымъ опекуномъ, онъ болѣе полувѣка прослужилъ въ Москвѣ, занимая должности попечителя учебнаго округа (1830 г.), предсѣдателя Московскихъ Опекунскаго совѣта и отдѣленія Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній. Въ теченіе своей службы, князь Голицынъ получилъ всѣ ордена до алмазовъ къ Андрею Первозванному включительно. Какъ попечитель, онъ былъ противникомъ дарованнаго университетамъ избирательнаго права, „заимствованнаго изъ германскихъ университетовъ, кои извѣстны не столько ученой славой, сколько вольнодумствомъ и своевольствомъ“, и ручался, что, въ случаѣ утвержденія его проекта „о назначеніи, вмѣсто ректора, директора изъ посторонннихъ университету чиновниковъ“, Московскій университетъ „пріобрѣтетъ должную степень совершенства“. Имѣя много другихъ обязанностей, Голицынъ мало занимался дѣлами округа, предоставивъ ихъ своимъ помощникамъ. Къ студентамъ онъ относился очень гуманно и щедро помогалъ нуждающимся (казенно-коштнымъ), вслѣдствіе чего среди нихъ пользовался любовью и уваженіемъ.

Не отличаясь большимъ и глубокимъ умомъ, Голицынъ тѣмъ не менѣе сумѣлъ создать себѣ въ Москвѣ весьма почетное положеніе и былъ однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ Московскихъ старожиловъ: его сердечная доброта и всегдашнее радушіе привлекали къ нему; проникнутый благочестіемъ, онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ митрополитомъ Филаретомъ; будучи близокъ ко Двору и опытенъ въ придворной жизни, Голицынъ часто руководилъ митрополитомъ въ его сношеніяхъ съ Петербургомъ. Наружность Голицына была очень некрасива. Въ 1799 г. онъ женился на Евдокіи Ивановнѣ Измайловой (р. 4 Августа 1780 г., † 18 Января 1850 г.), извѣстной подъ именемъ „Princesse Nocturne“, но очень скоро послѣ свадьбы супруги навсегда разъѣхались. Позднѣе Голицынъ былъ увлеченъ А. О. Россетъ (Смирновой), но безуспѣшно. Отъ матери онъ унаслѣдовалъ большое состояніе, дававшее ему средства для широкой благотворительной дѣятельности. По субботамъ къ нему въ домъ со всѣхъ сторонъ сходились нищіе и получали отъ него милостыню. Очень заботливо относился онъ къ питомцамъ находившагося въ его вѣдѣніи Воспитательнаго дома и, по выходѣ ихъ оттуда, не лишалъ ихъ своего покровительства, а многіе, благодаря ему, получили возможность попасть въ университетъ. Дѣятельность его по Воспитательному дому высоко цѣнила Императрица Марія Ѳеодоровна, которая находилась съ нимъ въ оживленной перепискѣ. Голицынъ оставилъ до 25.000 душъ крестьянъ, заводы, соляныя варницы, цѣнные брильянты и огромную движимость. Онъ являлся какъ бы главою рода Голицыныхъ и платилъ пенсіи многимъ изъ нуждающихся своихъ родственниковъ, въ томъ числѣ семейнымъ князя П. М. Долгорукаго, который въ своемъ „Капищѣ сердца“ такъ пишетъ о князѣ Сергіи Михайловичѣ: „Говоря о семъ достойномъ человѣкѣ, я собираю въ одну точку памяти все его семейство, старушку-мать, отца, сестеръ, брата, ибо кто изъ нихъ не полагалъ себѣ въ обязанность добро творить ближнему!“

Умеръ князь С. М. Голицынъ 7 Февраля 1859 г. и погребенъ въ своемъ селѣ Кузьминкахъ или „Влахернскомъ“, какъ любилъ называть эту свою Подмосковную старый князь — „послѣдній Московскій вельможа“.

(Съ портрета К. Ляшъ, 1851 г.; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

Le prince SERGE MIKHAÏLOWITCH GOLITZYNE, 1774—1859, conseiller privé actuel de 1re classe depuis 1852, fils du prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne, général lieutenant, et de la baronne Anne Alexandrowna Stroganoff, entra au service au régiment Izmaïlowsky en 1789, mais passa en 1797 chambellan actuel. Tuteur honoraire en 1807, il resta plus d'un demi-siècle en fonctions à Moscou, comme curateur de l'arrondissement scolaire (1830) et président du Conseil de Tutelle et de la section du Conseil Général des établissements scolaires de jeunes filles. Il fut, au cours de sa carrière, décoré de tous les ordres, jusqu'à St-André en diamants inclusivement. Comme curateur, il se montra ennemi du droit de suffrage conféré aux universités, „à l'exemple des universités allemandes, moins connues pour leur renom scientifique que pour leur esprit de libre pensée et de licence", et se porta garant que, dans le cas où serait ratifié son projet de remplacer le recteur par un directeur pris parmi les fonctionnaires étrangers à l'université, l'université de Moscou „acquerrait le degré voulu de perfection". En raison de ses multiples obligations, il ne s'occupa guère des affaires de l'arrondissement scolaire, et en laissa le soin à ses adjoints. Plein de sentiments humanitaires à l'égard des étudiants, il accorda aux nécessiteux (boursiers de l'Etat) une aide généreuse: aussi jouit-il de leur affection et de leur estime.

Sans rien de particulier comme étendue ni comme profondeur d'esprit, le prince Golitzyne sut néanmoins se faire à Moscou une situation fort honorable, et fut un des plus estimés parmi les vieux moscovites: sa bonté cordiale et toujours accueillante attirait vers lui; pénétré de piété, il était en relations d'amitié avec le métropolite Philarète, à qui ses attaches à la Cour et son expérience de la vie de Cour servirent souvent dans ses rapports avec Pétersbourg. Physiquement, le prince Golitzyne était très laid. Il épousa en 1799 Eudoxie Ivanowna Izmaïloff (4 août 1780—18 janvier 1850), connue sous le nom de Princesse Nocturne, mais, au bout de très peu de temps de mariage, les époux se séparèrent pour toujours. Golitzyne s'éprit plus tard de Mlle A. Rosset (Mme Smirnoff), mais sans succès. Il avait hérité de sa mère une grosse fortune, qui fournissait à son immense charité; il recevait chez lui le samedi des mendiants venus de toutes parts et leur faisait l'aumône. Il témoignait la plus grande sollicitude aux pupilles des Enfants Trouvés de son ressort: à leur sortie, il leur continuait sa protection, et en fit même entrer beaucoup à l'université. Son administration dans cette partie était hautement appréciée par l'Impératrice Marie Féodorowna, qui entretenait avec lui une correspondance suivie. Il laissa en mourant près de 25.000 têtes de paysans, des usines, des sauneries, des bijoux de grand prix et une immense quantité de biens meubles. Il était comme le chef des Golitzyne et servait des pensions à nombre de parents pauvres, entre autres à la famille du prince I. Dolgorouky, qui s'exprime ainsi à son sujet dans son Sanctuaire de mon Cœur: „En parlant de ce digne homme, je ne fais qu'un en pensée de toute sa famille, sa vieille mère, son père, ses sœurs, son frère, car qui d'entre eux n'a pas considéré comme une obligation de faire le bien à son prochain!"

Le prince Golitzyne mourut le 7 février 1859 et fut inhumé dans son domaine des environs de Moscou, à Kouzminki ou Vlakhernskoïé, comme aimait à l'appeler le vieux prince, „le dernier grand seigneur moscovite".

(D'après un original de Ch. Lasch, 1851, appartenant au prince S. Golitzyne, Kouzminki, gouv. de Moscou.)

Князь СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1753—1827, сынъ гвардіи капитана князя Николая Сергѣевича (р. 1712 г., † 1773 г.) и 2-й его жены Екатерины Михайловны Бобрищевой-Пушкиной (р. 1725 г., † 1758 г.), родился 9 Января 1753 г.; онъ былъ старшимъ братомъ извѣстнаго министра Духовныхъ дѣлъ князя Александра Николаевича Голицына, родившагося отъ 3-го брака ихъ отца.

Князь С. Н. Голицынъ дослужился до чина гвардіи капитана и затѣмъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ полковника.

Онъ былъ женатъ два раза, въ 1-мъ бракѣ на Аннѣ Ивановнѣ Зотовой (дѣтей не было), во 2-мъ—съ Ноября 1797 г. на княжнѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ Барятинской (р. 20 Декабря 1768 г., † 9 Января 1833 г.; погребена въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ), отъ которой имѣлъ сына Николая (р. 9 Іюля 1800 г., † 3 Января 1848 г. въ Москвѣ; статскій совѣтникъ и камергеръ).

Умеръ князь С. Н. Голицынъ 22 Іюля 1827 года и похороненъ въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ.

(Съ миніатюры Колла, 1811 г.; собственность А. А. Бахрушина, въ Москвѣ.)

Le prince SERGE NIKOLAEWITCH GOLITZYNE, 1753—1827, fils du prince Nicolas Serguéewitch Golitzyne (1712—1773), capitaine de la Garde, et de sa seconde femme Catherine Mikhaïlowna Bobrichtcheff-Pouchkine (1725—1758), naquit le 9 janvier 1753. Il était le frère aîné du prince Alexandre Nikolaewitch Golitzyne, connu comme ministre des Affaires ecclésiastiques, né d'un troisième lit.

Le prince S. Golitzyne servit dans la Garde jusqu'au grade de capitaine, puis prit sa retraite comme colonel.

Il fut marié deux fois: en premières noces à Anne Ivanowna Zotoff, dont il n'eut pas d'enfants, et en secondes noces (novembre 1797) à la princesse Catherine Serguéewna Bariatinsky (20 décembre 1768—9 janvier 1833, inhumée à Moscou, au monastère Daniloff), dont il eut un fils Nicolas (9 juillet 1800—3 janvier 1848), conseiller d'état et chambellan, mort à Moscou.

Le prince S. Golitzyne mourut le 22 juillet 1827 et fut inhumé à Moscou, au monastère Daniloff.

(D'après une miniature de Collas, 1811, appartenant à A. Bakhrouchine, Moscou.)

Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1772—1821, тайный совѣтникъ, сынъ генералъ-поручика князя Михаила Михайловича отъ брака съ баронессой Анной Александровной Строгановой, старшій братъ „послѣдняго Московскаго вельможи“, князя Сергія Михайловича Голицына. Въ царствованіе Екатерины II былъ камеръ-пажомъ и выказывалъ Императрицѣ безграничную преданность; Государыня также благоволила къ нему. Назначенный затѣмъ камеръ-юнкеромъ къ Великому Князю Александру Павловичу, Голицынъ, благодаря своему уму и умѣнью быть пріятнымъ собесѣдникомъ, пріобрѣлъ его благосклонность и довѣріе. Въ 1799 году онъ былъ удаленъ отъ двора, какъ говорили, за то, что былъ посредникомъ между Александромъ Павловичемъ и актрисой Шевалье, фавориткой Кутайсова.

Впослѣдствіи онъ былъ гофмейстеромъ при дворѣ Великой Княгини Екатерины Павловны. Голицынъ отличался веселымъ характеромъ и сатирическимъ умомъ. Красивый лицомъ, небольшого роста, онъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ „le Petit Golitzyne“.

Князь Голицынъ былъ женатъ на фрейлинѣ княжнѣ Наталіи Федоровнѣ Шаховской (р. 1779 г., † 1807 г.) и имѣлъ 2 сыновей: Михаила (р. 21 Мая 1804 г., † 17 Марта 1860 г.; тайный совѣтникъ, писатель) и Ѳедора (р. 1805 г., † 1847 г.; католикъ, іезуитъ и волонтеръ папскихъ войскъ).

Скончался князь А. М. Голицынъ 31 Іюля 1821 года въ Парижѣ.

(Съ миніатюры Сенъ; принадлежитъ князю Н. П. Оболенскому, въ Москвѣ.)

Le prince ALEXANDRE MIKHAÏLOWITCH GOLITZYNE, 1772—1821, conseiller privé, était fils du prince Michel Mikhaïlowitch Golitzyne, général lieutenant, et de la baronne Anne Alexandrowna Stroganoff, et frère aîné du prince Serge, „le dernier grand seigneur moscovite". Page de la chambre sous le règne de Catherine II, il avait un dévouement sans bornes pour l'Impératrice, qui, de son côté, lui témoignait sa faveur. Devenu ensuite gentilhomme de la chambre du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, il sut, par son esprit et l'agrément de sa conversation, se concilier ses bonnes grâces et sa confiance. Il dut quitter la Cour en 1799, pour avoir, dit-on, servi d'intermédiaire entre le Grand-Duc et l'actrice Chevalier, favorite de Koutaïssoff. Il devint plus tard maître de la Cour de la Grande-Duchesse Catherine Pavlowna. Il avait le caractère gai et l'esprit satirique. Beau de visage et petit de taille, il était connu sous le sobriquet du Petit Golitzyne.

Le prince Golitzyne épousa la princesse Natalie Féodorowna Chakhowskoï (1779—1807), demoiselle d'honneur, dont il eut deux fils, Michel (21 mai 1804—17 mars 1860), conseiller privé, écrivain, et Théodore (1805—1847), catholique, jésuite et volontaire du pape.

Le prince Golitzyne mourut à Paris le 31 juillet 1821.

(D'après une miniature de Saint, appartenant au prince N. Obolensky, Moscou.)

176

Князь Михаилъ Николаевичъ Голицынъ,
1757 — 1827

Le Prince Michel Nikolaewitch Golitzyne,
1757 — 1827

177

Инс. Лашъ, 1851 — *Peint par Lasch, 1851*

Князь Серій Михайловичъ Голицынъ,
1774 — 1859

Le Prince Serge Mikhaïlowitch Golitzyne,
1774 — 1859

178

Инс. Колла, 1811 — Peint par Collas, 1811

Князь Серпій Николаевичъ Голицынъ,
1753 — 1827

Le Prince Serge Nikolaewitch Golitzyne,
1753 — 1827

179

Инс. Сенъ — Peint par Sant

Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ,
1772 — 1821

Le Prince Alexandre Mikhaïlowitch Golitzyne,
1772 — 1821

ЕЛИЗАВЕТА НИКИТИЧНА ВСЕВОЛОЖСКАЯ, 177.—1812, побочная дочь извѣстнаго своимъ кратковременнымъ „случаемъ“ при дворѣ Елисаветы Петровны Никиты Аѳанасьевича Бекетова, впослѣдствіи Астраханскаго губернатора, человѣка очень богатаго, владѣльца обширныхъ рыбныхъ ловлей на Волгѣ. Все свое большое состояніе Бекетовъ оставилъ двумъ побочнымъ дочерямъ, изъ которыхъ Елизавета вышла замужъ за бывшаго въ то время Астраханскимъ вице-губернаторомъ богача Всеволода Андреевича Всеволожскаго (р. 1769 г., † 1836 г.). Позднѣе она сама купила у князя Вяземскаго болѣе 100/т. десятинъ земли (за 100/т. рублей) на Кавказѣ, въ Кизлярскомъ уѣздѣ, по берегу Каспійскаго моря.

У Е. И. Всеволожской было два сына: Александръ (дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 14 Сентября 1793 г., † 1 Мая 1864 г.; женатъ на княжнѣ Софіи Ивановнѣ Трубецкой, р. 1800 г., † 1852 г.) и Никита (дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 1799 г., † 28 Іюля 1862 г., извѣстный въ свое время острословъ, женатый первымъ бракомъ на княжнѣ В. П. Хованской, а вторымъ на Е. А. Жеребцовой), и дочь Марія (р. 1800 г., † 1822 г.), въ замужествѣ за генералъ-адъютантомъ П. М. Спиягинымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. В. Всеволожскому, въ Москвѣ.)

ÉLISABETH NIKITITCHNA VSÉVOLOJSKY, 177.—1812, était fille naturelle de Nikita Afanassiewitch Békétoff, connu pour sa faveur éphémère à la Cour d'Elisabeth Pétrowna, et plus tard gouverneur d'Astrakhan. Très riche et possesseur d'immenses pêcheries sur le Volga, il laissa sa grosse fortune à deux filles naturelles, dont l'une était Elisabeth, qui épousa le riche Vsévolode Andréewitch Vsévolojsky (1769—1836), alors vice-gouverneur d'Astrakhan. Elle acheta elle-même dans la suite au prince Viazemsky, pour 100.000 roubles, plus de 100.000 hectares de terrain au Caucase, dans le district de Kizliar, sur la côte de la mer Caspienne.

Mme Vsévolojsky eut deux fils, Alexandre (14 septembre 1793—1er mai 1864), conseiller d'état actuel, qui épousa la princesse Sophie Ivanowna Troubetzkoï (1800—1852), et Nikita (1799—28 juillet 1862), connu dans son temps comme bel esprit, marié en premières noces à la princesse V. Khovansky, et en secondes noces à Mlle E. Jérebtzoff, et une fille, Marie (1800—1822), mariée au général aide de camp N. Sipiaguine.

(D'après une miniature appartenant à A. Vsévolojsky, Moscou.)

Княгиня НАТАЛІЯ ПЕТРОВНА КУРАКИНА, 1758—1825, жена князя Степана Борисовича Куракина, родилась 28 Октября 1758 г. отъ брака отца ея Петра Петровича Нарышкина (р. 1726 г., † 1782 г.), гвардіи-майора, съ княжной Прасковіей Васильевной Репниной († 1793 г.). Выйдя замужъ въ 1775 г., она была очень родственно принята въ семьѣ мужа, отзывавшейся о ней, что „довольно ее знать, чтобъ полюбить". Первые годы ея супружества, проведенные въ Москвѣ, въ великолѣпномъ домѣ князя А. Б. Куракина, на Мясницкой (нынѣ зданіе Почтамта), были счастливы, и никто не ожидалъ скорой измѣны „Наталки Петровны" (такъ называлъ ее мужъ) своему супругу.

Грустная исторія ея жизни подробно разсказана близко ее знавшимъ княземъ П. М. Долгорукимъ въ его „Воспоминаніяхъ": „Получа, согласно съ ея рожденіемъ, воспитаніе и отъ природы одарена будучи отличными свойствами ума и сердца, при способности ко всѣмъ пріятнымъ талантамъ, выдана она замужъ въ сущей молодости за князя С. Б. Куракина, который ни по качествамъ характера, ни по склонностямъ своимъ не былъ ея достоинъ и стоялъ гораздо ниже въ оцѣнкѣ моральныхъ совершенствъ. Княгиня заплатила общую дань слабости, естественной ея полу: она страстно влюбила въ себя и сама влюбилась въ перваго красавца своего времени Апраксина (Степ. Степ.), и связь ея съ нимъ скоро сдѣлалась извѣстной всей публикѣ. Могъ ли не примѣтить ее мужъ? Будучи только матеріаленъ, князь не умѣлъ пріобрѣсти ея сердца. Интрига усилилась и дошла до того, что Куракинъ приступилъ къ гласному съ женой разрыву; влюбясь вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ въ дѣвицу Измайлову (Екатерину Дмитріевну; † 1843 г.), воспользовался случаемъ своей фамиліи у двора Павла и требовалъ формальнаго развода. Княгиня въ сіе злосчастное время тяжкаго для нея искушенія оставила мужа, жила при матери своей, удалилась отъ свѣта, не хотѣла видѣть и любить ничего, а по смерти матери своей жила у дяди, князя Н. В. Репнина, который цѣнилъ и уважалъ ея достоинства, но ничего не сдѣлалъ ни при жизни своей въ защиту чести ея и свободы отъ публичнаго нареканія, ни по смерти своей, завѣщая что-либо въ пользу ея, кромѣ бѣднѣйшаго пенсіона. Настоянія князя Куракина получили желаемый успѣхъ: разводъ его съ женой, на самыхъ гнилыхъ основаніяхъ, въ Консисторіи Владимірской приговоренъ, утвержденъ Синодомъ (въ 1799 г.), и Куракинъ тотчасъ на Измайловой женился. Еще не доставало послѣдняго и жесточайшаго удара для пораженія княгини, и онъ скоро нанесенъ ей судьбою: Апраксинъ, измѣняя ей, влюбился въ красоту лица княжны Голицыной, Екатерины Владимировны, выѣхавшей изъ Парижа, опутанъ ею и обвѣнчался. Такимъ образомъ княгиня, принеся все въ жертву идолу своего сердца, поругана мужемъ, обманута въ любви, отвержена міромъ и, съ мужествомъ испивъ чашу прискорбій человѣческихъ до дна, заключилась въ Владимірской своей деревнѣ; тамъ устроила себѣ жилище и въ немъ, посвятя остатокъ дней своихъ молитвѣ, смиренію, раскаянію, присягу дала уединенію строжайшему и схоронилась, можно сказать, заживо, и безъ схимы успѣла стать подвигами вѣры и добродѣтели выше всѣхъ отшельницъ міра".

Княгиня П. П. Куракина явила собою рѣдкій въ ея время примѣръ женщины, пренебрегшей мнѣніемъ свѣта и подъ вліяніемъ сильной страсти добровольно отказавшейся отъ блестящаго положенія, почестей и богатства. „Гнилыя основанія" ея развода, допущеннаго Синодомъ, согласно дѣйствовавшимъ въ то время снисходительнымъ въ дѣлахъ о разводѣ правиламъ „Кормчей книги", состояли въ томъ, что княгиня, по собственному ея показанію, отлучилась отъ своего мужа „по неизлѣчимой болѣзни для жительства въ уединеніи" и о болѣзни своей представила свидѣтельство какого-то штабъ-лѣкаря Сентъ-Мора. Интересно, что при вопросѣ о разводѣ Великаго Князя Константина Павловича случай развода князя Куракина былъ принятъ во вниманіе, въ виду аналогичныхъ обстоятельствъ формальной стороны дѣла.

Княгиня П. П. Куракина скончалась 1 Мая 1825 г.; ей посвящены княземъ П. М. Долгорукимъ стихи, напечатанные въ „Сумеркахъ жизни", подъ названіемъ „Дружба", а описаніе Софіевки въ книгѣ „Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда въ 1810 г." взято изъ его переписки съ ней.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La princesse **NATALIE PÉTROWNA KOURAKINE**, 1758—1825, femme du prince Stéphane Borissowitch Kourakine, était fille de Pierre Pétrowitch Narychkine (1726—1782), major de la Garde, et de la princesse Prascovie Vassiliewna Repnine († 1793), et naquit le 28 octobre 1758. Mariée en 1775, elle trouva un accueil tout familial chez les Kourakine, qui disaient: „Il suffit de la connaître pour l'aimer". Ses premières années de mariage, passées à Moscou, dans la magnifique maison du prince A. Kourakine, à la Miasnitzkaïa, sur l'emplacement de la Poste actuelle, furent parfaitement heureuses, et personne ne s'attendait à l'infidélité dont elle se rendit bientôt coupable.

La triste histoire de sa vie est racontée tout au long dans les Souvenirs du prince I. Dolgorouky, qui la connut de près: „Pourvue d'une éducation conforme à sa naissance, douée des plus brillantes qualités de l'esprit et du cœur et d'aptitudes pour tous les talents d'agrément, elle fut mariée toute jeune au prince S. Kourakine, bien indigne d'elle, tant par son caractère que par ses penchants, et bien inférieur à elle au moral. Elle paya le tribut général de faiblesse naturel à son sexe, en inspirant une vive passion au plus bel homme de l'époque, S. Apraxine, dont elle devint elle-même amoureuse. Leur liaison n'était plus un secret pour personne: le mari pouvait-il l'ignorer? Cet homme matériel n'avait pas su gagner le cœur de sa femme; l'intrigue se corsa, et il en vint à une rupture ouverte. Devenu, de son côté, amoureux de Catherine Izmaïloff († 1843), il profita de la faveur de sa famille à la Cour de Paul pour demander un divorce formel. En cette funeste et pénible épreuve, la princesse quitta son mari pour se retirer, loin du monde et sans vouloir voir ni aimer personne, chez sa mère, à la mort de laquelle elle alla chez son oncle, le prince N. Repnine, qui, tout en rendant justice et hommage à ses mérites, ne fit rien, ni de son vivant pour défendre son honneur et son indépendance contre les jugements du monde, ni après sa mort en lui laissant autre chose qu'une misérable pension. Le prince en arriva à ses fins: son divorce, prononcé sur des bases inexistantes par le Consistoire de Vladimir, fut confirmé par le Synode (1799), et il épousa immédiatement Mlle Izmaïloff. Il ne manquait plus qu'une suprême et cruelle épreuve pour accabler définitivement la princesse, et le sort ne tarda pas à la lui infliger: Apraxine la trahit pour l'amour de la belle princesse Catherine Vladimirowna Golitzyne, retour de Paris, qui l'enjôla et se fit épouser. C'est ainsi qu'après avoir tout sacrifié à l'idole de son cœur, outragée par son mari, trompée dans son amour, réprouvée par le monde, et après avoir courageusement épuisé la coupe des douleurs humaines, elle se confina dans sa campagne de Vladimir; elle s'y organisa une demeure, et là, consacra le reste de ses jours à la prière, à l'humilité et au repentir, se voua par serment à l'isolement le plus rigoureux, s'enterra, pour ainsi dire, vivante, et, sans habit d'ermite, put s'élever par ses exploits de piété et de vertu au-dessus de toutes les ermites du monde".

La princesse Kourakine fut un exemple, rare pour l'époque, d'une femme qui méprise l'opinion du monde pour renoncer, sous l'influence d'une violente passion, à une position brillante, aux honneurs et à la fortune. Les „bases inexistantes" de son divorce, admises par le Synode en vertu des dispositions du Nomocanon en vigueur à l'époque et assez coulantes en la matière, consistaient en ce qu'elle s'était, de son propre aveu, séparée de son mari „en raison d'une maladie incurable pour la vie en commun", en foi de quoi elle avait oduit un certificat d'un certain Saint-Maur, médecin-major. Particularité intéressante: lors du divorce du Grand-Duc Constantin Pavlowitch, le cas du prince Kourakine fut invoqué en raison des analogies du côté formel de la cause.

La princesse Kourakine mourut le 1er mai 1825. Le prince I. Dolgorouky lui consacra dans Le Crépuscule de ma Vie une pièce de vers intitulée Amitié, et la description de Sofiewka, dans A beau mentir qui vient de loin ou Mon Voyage par-ci par-là en 1810, est empruntée à sa correspondance avec elle.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

НИКИТА АѲАНАСЬЕВИЧЪ БЕКЕТОВЪ, 1729—1794, сынъ полковника Аѳанасія Алексѣевича, женатаго на шведкѣ, учился въ Шляхетскомъ корпусѣ; тогда тамъ часто устраивались спектакли, и Бекетовъ, отличавшійся нѣжнымъ цвѣтомъ лица и красотой, исполнялъ въ нихъ женскія роли. Посѣтивъ однажды такой спектакль, Елисавета Петровна, пройдя на сцену до начала представленія, нашла тамъ Бекетова, спящимъ между декораціями. Пораженная его дѣвической красотой, она велѣла опустить занавѣсъ и играть музыкѣ, а сама осталась на сценѣ. Въ тотъ же вечеръ Бекетовъ былъ сдѣланъ сержантомъ, а въ послѣдующіе спектакли Императрица всегда пріѣзжала сама одѣвать его въ женское платье. Въ 1750 г. Бекетовъ произведенъ въ поручики, въ 1751 г.—въ премьеръ-майоры и назначенъ адъютантомъ къ графу А. Г. Разумовскому. Молодой, 20-лѣтній фаворитъ „возгордился, началъ представлять изъ себя вельможу и принимать другихъ вельможъ и старыхъ придворныхъ въ шлафрокѣ“. Со дня выпуска въ офицеры, онъ почти неотлучно находился при Императрицѣ. Такое расположеніе къ нему Елисаветы Петровны не на шутку испугало Шуваловыхъ, и, по преданію, кто-то изъ нихъ далъ Бекетову ядовитое притиранье, будто бы для сохраненія хорошаго цвѣта лица, на дѣлѣ вызвавшее сыпь и прыщи. Тотчасъ же гр. Мавра Егоровна Шувалова донесла Императрицѣ, что болѣзнь Бекетова слѣдствіе его зазорнаго поведенія. Цѣль была достигнута: Бекетовъ былъ удаленъ отъ двора. Позднѣе онъ принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, былъ въ сраженіяхъ при Гроссъ-Эгернсдорфѣ и Кенигсбергѣ, а въ несчастной битвѣ при Цорндорфѣ былъ взятъ пруссаками въ плѣнъ, гдѣ и оставался до 1760 года. Вернувшись изъ плѣна, онъ одно время оставался не у дѣлъ, а затѣмъ, въ 1762 г., Императоръ Петръ III произвелъ его въ генералъ-майоры, а Императрица Екатерина II назначила въ 1763 г. Астраханскимъ губернаторомъ; въ этой должности онъ оставался до 1780 г., года отставки. Удалясь на покой, Бекетовъ поселился въ своемъ имѣніи „Отрада“, Саратовской губ.; здѣсь онъ „развелъ виноградные сады, съ мраморными водоемами и роскошной мельницей, въ которой не было ни малѣйшаго стука, ни малѣйшей пыли, и стоялъ ломберные столы для игры въ карты; тутъ же ему принадлежали богатыя рыбныя ловли на Волгѣ, отъ которыхъ произошла Бекетовская икра, нѣкогда знаменитая“. Бекетовъ скончался въ 1794 г. въ Отрадѣ; погребенъ въ другомъ своемъ имѣніи—Черепахѣ, около Астрахани. Женатъ онъ не былъ, но у него были двѣ дочери—„воспитанницы“, изъ которыхъ одна вышла замужъ за Смирнова, а другая, Елизавета Никитична,—за В. А. Всеволожскаго.

Выборъ Екатериною II Бекетова для Астраханской губ. оказался удачнымъ, и время его управленія этимъ краемъ оставило замѣтные слѣды. Онъ выказалъ много энергіи, наблюдательности и пониманія нуждъ края: имъ основана существующая до сихъ поръ колонія гернгутеровъ Сарепта, организованы и установлены рыбные промыслы, создано Астраханское винодѣліе, развито по всему краю земледѣліе и урегулированы торговыя сношенія съ Персіей. Кромѣ того, имъ основана Енотаевская крѣпость и установлены лучшія отношенія между правительствомъ и калмыками. Его дѣятельность не осталась безъ награды: въ 1771 г. онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1773 г. пожалованъ въ сенаторы.

П. А. Бекетовъ не чуждъ былъ литературѣ. Его стихотворенія напечатаны въ „Сборникѣ разныхъ писемъ 1769 и 1770 гг.“, и, сверхъ того, имъ была написана, но не напечатана, драма изъ ассирійской жизни подъ названіемъ „Никаноръ“; самому ему посвящены П. П. Дмитріевымъ, его племянникомъ, такіе стихи:

„Воспитанникъ любви и счастія богини
Онъ сердца своего отъ нихъ не развратилъ;
Другихъ обогащалъ, а самъ, какъ стонкъ, жилъ,
И умеръ посреди безмолвныя пустыни!“

(Съ портрета Рокотова; собственность А. В. Всеволожскаго, с. Александровское, Московской губ.)

NIKITA AFANASSIEWITCH BÉKÉTOFF, 1729—1794, fils du colonel Athanase Alexéewitch Békétoff, marié à une suédoise, fit ses études au Corps des Cadets. On y organisait fréquemment des spectacles, où le jeune homme, remarquable par la fraîcheur de son teint et la beauté de son visage, remplissait des rôles de femme. En passant un jour sur la scène avant la représentation, l'Impératrice Elisabeth Pétrowna le trouva là, endormi au milieu des décors. Frappée de sa beauté virginale, elle fit baisser le rideau et jouer la musique, et elle-même resta sur la scène. Le soir même, il était fait sergent, et, aux représentations suivantes, elle vint régulièrement l'aider à mettre ses costumes féminins. Lieutenant en 1750, il fut nommé l'année suivante, avec le grade de premier major, aide de camp du comte A. Razoumowsky. Le jeune favori de 20 ans „se gonfla d'orgueil, se mit à faire le grand seigneur et à recevoir les autres grands seigneurs et les vieux courtisans en robe de chambre". Du jour où il avait été promu officier, il se trouva presque sans interruption attaché à la personne de l'Impératrice. Une telle faveur ne laissa pas d'effrayer tout de bon les Chouvaloff, qui lui firent passer, prétend une tradition, sous couleur d'une composition pour la préservation du teint, un onguent toxique destiné à provoquer des rougeurs et des boutons. La comtesse Mavra Egorowna Chouvaloff s'empressa alors de déclarer à l'Impératrice que c'étaient là les suites de sa honteuse conduite. Le but était atteint: Békétoff fut chassé de la Cour. On le retrouve plus tard à la Guerre de Sept-Ans, à Gross-Egernsdorf, Königsberg, et à la malheureuse bataille de Zorndorf, où les Prussiens le firent prisonnier: il resta en captivité jusqu'en 1760. A son retour, après quelque temps passé dans la vie privée, il fut promu général major par Pierre III en 1762 et nommé l'année suivante par Catherine II gouverneur d'Astrakhan, où il resta jusqu'à sa retraite, en 1780. Il se retira ensuite dans sa propriété d'Otrada, gouvernement de Saratoff; là il „organisa des vignobles, avec des bassins de marbre, et un moulin splendide, sans le moindre bruit ni la moindre poussière à l'intérieur, garni de tables de jeu. La propriété comportait également de riches pêcheries sur le Volga, qui fournissaient le caviar dit Békétoff, jadis renommé". Békétoff mourut en 1794 à Otrada, et fut inhumé dans son autre propriété de Tchérépakha, près Astrakhan. Il n'était pas marié, mais il avait deux „pupilles", dont l'une épousa Smirnoff, et l'autre, Elisabeth, fut mariée à V. Vsévolojsky.

Le choix de Békétoff pour le gouvernement d'Astrakhan était heureux, et son administration laissa des traces sensibles, en raison de l'énergie considérable qu'il déploya, de son esprit d'observation et de son intelligence des intérêts du pays: il fonda Sarepta, la colonie de Frères Moraves qui existe encore aujourd'hui, organisa et fixa les pêcheries, créa l'industrie vinicole d'Astrakhan, développa partout l'agriculture et régularisa les relations commerciales avec la Perse. En outre, il fonda la forteresse d'Enotaevsk et améliora les rapports du gouvernement et des Kalmoucks. Son activité ne resta pas sans récompense: général lieutenant en 1771, il devint sénateur en 1773.

Békétoff ne fut pas étranger à la littérature. Il y a des poésies de lui dans le Recueil de lettres diverses de 1769 et 1770, et il composa en outre un drame tiré de la vie assyrienne, Nicanor, qui ne fut pas imprimé. C'est à lui que sont dédiés les vers suivants de son neveu I. Dmitrieff:

„Pupille de l'Amour, de déesse Fortune,
„Il ne leur permit pas de corrompre son cœur;
„Il enrichit autrui, mais vécut en stoïque,
„Et mourut au milieu de son calme ermitage".

(D'après un original de Rokotoff, appartenant à A. Vsévolojsky, Alexandrowskoïé, gouv. de Moscou.)

НИКОЛАЙ МАРТЬЯНОВИЧЪ СИПЯГИНЪ, 1785—1828, сынъ вице-адмирала Мартьяна Яковлевича, женатаго на Евдокіи Федоровнѣ Купреяновой, 10-и лѣтъ былъ опредѣленъ въ Морской корпусъ. Чрезъ годъ Сипягинъ перешелъ въ гражданскую службу въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, но затѣмъ, 22 Февраля 1800 г., поступилъ рядовымъ въ Семеновскій полкъ; 15 Августа былъ произведенъ въ подпрапорщики, въ 1804 г.—въ прапорщики. Чрезъ годъ началась его боевая служба: подъ Аустерлицемъ онъ былъ раненъ пулей въ руку и ядромъ контуженъ въ бокъ; за сраженіе при Гутштадтѣ и Фридландѣ награжденъ золотой шпагой и произведенъ въ поручики. Въ мирный промежутокъ Наполеоновской эпопеи, съ Тильзита до 1812 г., Сипягинъ, служа въ Семеновскомъ полку, усердно занялся самообразованіемъ, много читалъ и изучалъ военныя науки, составилъ первый краткій очеркъ исторіи своего полка и, какъ адъютантъ, завелъ полковую библіотеку. Въ чинѣ штабсъ-капитана, 11 Іюня 1811 г. Сипягинъ былъ пожалованъ во флигель-адъютанты и произведенъ въ капитаны. Во время Отечественной войны онъ участвовалъ во всѣхъ крупныхъ дѣлахъ, состоя сначала при Багратіонѣ, затѣмъ при самомъ Кутузовѣ и, наконецъ, при Милорадовичѣ, въ авангардномъ корпусѣ котораго въ 1813 г. былъ назначенъ начальникомъ штаба. Подъ Бауценомъ, въ чинѣ полковника, онъ командовалъ двумя егерскими полками и отрядомъ казаковъ, при чемъ въ жестокомъ огнѣ остался невредимымъ, но фуражка и сюртукъ его были простѣлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ. За участіе въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ и при Лейпцигѣ произведенъ въ генералъ-майоры, а подъ Парижемъ, 18 Марта 1814 г., пожалованъ въ генералъ-адъютанты и получилъ Георгія 3 степени. По возвращеніи въ Россію, Сипягинъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Гвардейскаго корпуса, а въ 1819 г.—начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи. Въ день коронаціи Императора Николая I, 22 Августа 1826 г., произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ слѣдующемъ году, 27 Марта 1827 г., назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Тифлисъ. Несмотря на короткое пребываніе его въ Тифлисѣ, имъ многое было сдѣлано какъ для украшенія и благоустройства города, такъ и въ дѣлѣ просвѣщенія края: онъ устроилъ женскій институтъ, открылъ гимназію, школу земледѣлія, заботился объ учрежденіи въ Тифлисѣ Кадетскаго корпуса. За свою дѣятельность на Кавказѣ Сипягинъ получилъ орд. св. Владиміра 2 ст. и Александра Невскаго, а его супруга сдѣлана кавалерственной дамой. Послѣ экспедиціи противъ персіанъ для защиты Эчміадзина, особенно замѣчательны дѣйствія Сипягина по устройству карантиновъ отъ чумы, при чемъ онъ самъ посѣщалъ чумныя отдѣленія. Смерть Сипягина была неожиданной: онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ, ему было всего только 42 года. Онъ простудился 4 Октября 1828 г., долго ожидая на мосту чрезъ Куру пріѣзда Паскевича, а 10 Октября уже скончался; погребенъ въ Тифлисѣ, въ соборѣ. Сипягинъ былъ женатъ 2 раза: первымъ бракомъ на Маріи Всеволодовнѣ Всеволожской, отъ которой имѣлъ 2 сыновей: Всеволода (р. 1818 г.) и Мартьяна (р. 1819 г.), вторымъ—на Маріи Сергѣевнѣ Кушниковой (р. 13 Іюля 1800 г.), которая умерла въ Москвѣ 31 Октября 1828 г. (похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ), не узнавъ о смерти мужа. Послѣ нея осталось двое маленькихъ спротъ, сынъ Сергѣй (р. 1826 г.) и дочь Екатерина.

По отзыву современника, Сипягинъ былъ высокаго роста, стройный, крѣпкаго сложенія, здоровый, бодрый и веселый, обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова. „Съ подчиненными своими обращался чрезвычайно ласково, но въ отношеніи къ старшимъ велъ себя съ холодной вѣжливостью. Съ 7 часовъ утра до ночи былъ онъ въ трудахъ. Гибкій и образованный умъ его не зналъ покоя: вездѣ находилъ онъ пищу дѣятельности своей. Новыя предположенія, преобразованія, улучшенія безпрестанно роились въ его головѣ". Гдѣ ни служилъ Сипягинъ, онъ всюду заводилъ библіотеки, типографіи, Ланкастерскія школы, собиралъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ для занятій, стараясь внушить имъ любовь къ наукѣ. Одаренный чувствомъ изящнаго, онъ „любилъ живопись и хотѣлъ казаться знатокомъ въ картинахъ, зато музыкальнаго слуха вовсе не имѣлъ, хотя и увѣрялъ въ своей страсти къ музыкѣ. Поэзія составляла истинное наслажденіе Сипягина. Онъ зналъ наизусть множество стиховъ и прекрасно читалъ ихъ... Щедрость его не имѣла границъ, Сипягинъ былъ врагъ денегъ"... Сипягинъ умеръ черезчуръ молодымъ, и его другъ, графъ Дибичъ, „почиталъ смерть Сипягина потерею государственною".

Художникъ изобразилъ на портретѣ Н. М. Сипягина вмѣстѣ съ его первой женой, Маріей Всеволодовной.

(Съ портрета Дезарно; собственность А. В. Всеволожскаго, с. Александровское, Московской губ.)

NICOLAS MARTIANOWITCH SIPIAGUINE, 1785—1828, fils du vice-amiral Martien Yakovlewitch Sipiaguine et d'Eudoxie Féodorowna Koupréianoff, fut mis à l'Ecole navale à l'âge de 10 ans. Au bout d'un an, il passa au service civil, au Collège des Affaires étrangères, mais ensuite fut enrôlé, le 22 février 1800, simple soldat au régiment Sémenowsky, où il devint le 15 août suivant sous-officier, et, en 1804, porte-enseigne. L'année suivante, commence son service devant l'ennemi: à Austerlitz, il reçoit une balle au bras et un boulet lui fait une contusion au flanc; Gutstadt et Friedland lui valent une épée d'or et le grade de lieutenant. Dans la trève de l'épopée napoléonienne, de Tilsitt à 1812, il travailla avec zèle, au régiment Sémenowsky, à compléter son instruction, lisant beaucoup et étudiant les sciences militaires, composa une première et brève esquisse de l'histoire de son régiment, et, comme aide de camp, le pourvut d'une bibliothèque. Capitaine en second, il fut fait, le 11 juin 1811, aide de camp de Sa Majesté et promu capitaine. A la Guerre Patriotique, il fut de toutes les affaires importantes, attaché d'abord à Bagration, puis à Koutouzoff lui-même, et enfin à Miloradowitch, au corps d'avant-garde duquel il fut nommé en 1813 chef d'état-major. A Bautzen, où, colonel, il avait sous ses ordres deux régiments de chasseurs et un détachement de cosaques, il resta exposé à un feu terrible sans être blessé, mais eut sa casquette et sa tunique traversées en plusieurs endroits. Les batailles de Dresde, Kulm et Leipzig lui valurent le grade de général major, et à Paris, il reçut le 18 mars 1814 celui de général aide de camp et St-Georges de 5e classe. De retour en Russie, il fut fait chef de l'état-major de la Garde, et, en 1819, de la 6e division d'infanterie. Général lieutenant le jour du couronnement de Nicolas Ier, 22 août 1826, il devint, le 27 mars de l'année suivante, gouverneur militaire de Tiflis. Malgré le peu de temps qu'il y resta, il fit beaucoup, tant pour l'embellissement et l'amélioration de la ville que pour le développement de l'instruction dans le pays: il ouvrit un institut de jeunes filles, un gymnase, une école d'agriculture, et s'occupa de la fondation d'un Corps de Cadets à Tiflis. Son activité au Caucase lui valut St-Vladimir de 2e classe et St-Alexandre Newsky, ainsi que le cordon de Ste-Catherine pour sa femme. Après l'expédition contre les Persans pour la défense d'Etchmiadzine, il se fait particulièrement remarquer par son organisation des quarantaines contre la peste, et par les visites qu'il fit lui-même aux baraquements de pestiférés. La mort de Sipiaguine fut toute inopinée: il jouissait d'une excellente santé et n'avait que 42 ans. Il avait pris froid sur le pont de la Koura, où il resta longtemps, le 4 octobre 1828, à attendre l'arrivée de Paskewitch: le 10, il n'était plus; il fut inhumé à la cathédrale de Tiflis. Sipiaguine fut marié deux fois. Il épousa en premières noces Marie Vsévolodowna Vsévolojsky, dont il eut deux fils, Vsévolode, né en 1818, et Martien, né en 1819, et, en secondes noces, Marie Serguéewna Kouchnikoff (née 13 juillet 1800), qui mourut à Moscou (inhumée au monastère Novospassky) le 31 octobre 1828, sans avoir appris la mort de son mari, et en laissant deux petits orphelins, Serge, né en 1826, et Catherine.

Au témoignage d'un contemporain, Sipiaguine était grand, élégant, bien bâti, solide, alerte et gai, et possédait le don de la parole à un degré remarquable. „Extrêmement affable avec ses subordonnés, il ne témoignait à ses supérieurs qu'une politesse froide. De sept heures du matin à la nuit, il était au travail. Son esprit souple et cultivé ne connaissait point de repos: partout il trouvait un aliment à son activité. Innovations, transformations, améliorations pullulaient incessamment dans sa tête". Partout où il était en service, il organisait des bibliothèques, des imprimeries, des écoles de Lancastre, il réunissait les sous-officiers et élèves officiers pour les faire travailler et leur inspirer le goût de la science. Doué du sentiment du beau; „il aimait la peinture et se donnait l'air connaisseur en tableaux, mais était absolument dépourvu d'oreille, tout en se prétendant une passion pour la musique. La poésie était pour lui une véritable jouissance: il en savait beaucoup par cœur, qu'il récitait à merveille.... Sa générosité était sans bornes, il détestait l'argent".... Sa fin fut vraiment prématurée, et son ami le comte Dibitch la déplore comme „une perte pour l'Etat".

Sipiaguine est représenté ici avec sa première femme.

D'après un original de Désarnod, appartenant à A. Vsévolojsky, Alexandrowskoïé, gouv. de Moscou.)

180

Елизавета Никитишна Всеволожская,
177 . — 18 . .

Elisabeth Nikitichna Vsévolojsky,
177 . — 18 . .

181

Княгиня Наталія Петровна Куракина,
1758 — 1825

La Princesse Natalie Pétrowna Kourakine,
1758 — 1825

182

Пис. Рокотовъ

Никита Ивановичъ Бекетовъ,
1729 — 1794

Peint par Rokotoff

Nikita Afanassiewitch Békétoff,
1729 — 1794

183

Пис. Десарно

Николай Мартьяновичъ Сипягинъ,
1785 — 1828,
съ женою, Маріей Всеволодовной

Peint par Desarnod

Nicolas Martianowitch Sipiaguine,
1785 — 1828,
et sa femme, Marie Vsévolodowna

ВСЕВОЛОДЪ АНДРЕЕВИЧЪ ВСЕВОЛОЖСКІЙ, 1769—1836, отставной гвардіи ротмистръ, Астраханскій вице-губернаторъ, дѣйствительный камергеръ, былъ сынъ Пензенскаго воеводы, надворн. совѣтн. Андрея Алексѣевича, сгорѣвшаго въ своемъ домѣ, защищаясь противъ полчищъ Пугачева, и женатаго на Маріи Ивановнѣ Нечаевой. Обладатель колоссальнаго состоянія, частью наслѣдованнаго отъ дяди сенатора Всеволода Алексѣевича Всеволожскаго († 1796 г.) и увеличеннаго еще женитьбой на Елизаветѣ Никитичнѣ Бекетовой, Всеволожскій—этотъ „Петербургскій Крезъ"—считался однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи: его знаменитые желѣзодѣлательные, мѣдно и чугуноплавильные заводы на Уралѣ, его соляные промыслы и рыбныя ловли, золотоносные пески въ Верхотурьѣ, давали ему годового дохода болѣе милліона рублей. Человѣкъ необыкновенно дѣятельный и энергичный, онъ первый въ Россіи устроилъ на Волгѣ пароходы и первый совершилъ на одномъ изъ нихъ поѣздку со своихъ заводовъ въ Казань; онъ также завелъ выдѣлку желѣза англійскимъ способомъ, занялся разработкой каменнаго угля на Уралѣ и открылъ золотыя розсыпи по рѣкѣ Сосвѣ. Позднѣе онъ занялся рафинированіемъ свекловичнаго сахара у себя на дачѣ, за Охтой, и радовался, что въ своемъ домашнемъ обиходѣ не употреблялъ ни фунта привознаго сахару. Въ 1830-хъ гг., когда въ Петербургѣ возникло газовое общество, онъ устроилъ въ Рябовѣ чугунолитейный заводъ, на которомъ трубы отливались вдвое дешевле выписныхъ англійскихъ. Рябово было куплено Всеволожскимъ у оберъ-полиціймейстера Эртеля и стоило ему нѣсколько милліоновъ рублей: онъ расчистилъ рощи и обратилъ ихъ въ паркъ, при чемъ провелъ дорогъ болѣе чѣмъ на 25 верстъ; его оранжереи славились своими рѣдкостями, и ежегодно, въ Новый годъ, онъ поздравлялъ Императрицу, поднося ей фрукты на золотомъ блюдѣ. Изящный домъ-дворецъ Всеволожскаго, среди обширнаго французскаго парка съ подстриженными аллеями, каналами, фонтанами и замысловатыми бесѣдками, состоялъ изъ 160 комнатъ въ двухъ этажахъ. Ко дню именинъ хозяина, въ Рябово съѣзжалось болѣе 500 человѣкъ гостей, которые помѣщались въ „гостиницѣ", въ 2-хъ флигеляхъ, при чемъ были приняты мѣры, чтобы привычки каждаго гостя не встрѣтили ни малѣйшаго стѣсненія; празднество продолжалось трое сутокъ. Обѣды Всеволожскаго славились, и даже въ обыкновенные дни за столъ нерѣдко садилось 100 человѣкъ. Меню обѣдовъ полны были каламбуровъ и гастрономическихъ остротъ, гости кушали въ Декабрѣ свѣжую землянику или полученнаго по почтѣ съ Урала осетра, котораго подавали прямо въ котлѣ 4 кухонныхъ мужика въ бѣлыхъ рубахахъ. Крѣпостные музыканты, пѣвчіе и актеры составляли большую труппу, а прислуги считалось до 400 человѣкъ. Драматурги—Хмельницкій, Ѳ. Глинка, кн. Шаховской и самъ Крыловъ—писали комедіи и сцены для крѣпостного театра; Верстовскій писалъ музыку къ куплетамъ, которые сочинялъ Мятлевъ, на гитарѣ игралъ извѣстный виртуозъ Аксеновъ. Спектакли обыкновенно заканчивались „прологомъ" въ честь хозяина, разыгрывавшимся родными и гостями; съ особеннымъ всегда оживленіемъ исполнялись всякіе шарады, загадки, каламбуры, омонимы, логогрифы, анаграммы и т. п., а въ день именинъ устраивалась „ярмарка" во всѣхъ комнатахъ: тутъ гуляли разные типы и народности Россіи среди лавочекъ съ товарами и замысловатыми вывѣсками; во всемъ этомъ особенно дѣятельное участіе принималъ сынъ Всеволожскаго, Никита, извѣстный гастрономъ, каламбуристъ и острословъ своего времени... Тогдашніе знаменитости-художники также бывали гостями Всеволожскаго: Босси, Дау, Дезарно, позднѣе Тропининъ, увѣковѣчили на портретахъ изображеніе хозяина, всей его семьи и цѣлыя сцены изъ жизни въ Рябовѣ, гдѣ теперь даже и „слѣдовъ былого великолѣпія и былой роскоши уже не существуетъ: дворецъ обвалился, паркъ заросъ и проданъ по частямъ".

(Съ портрета Г. Дау; собственность А. В. Всеволожскаго, с. Александровское, Московской губ.)

VSÉVOLODE ANDRÉEWITCH VSÉVOLOJSKY, 1769 — 1836, capitaine de cavalerie de la Garde en retraite, vice-gouverneur d'Astrakhan, chambellan actuel, était fils du voïévode de Penza, conseiller de cour, qui périt brûlé dans sa maison en se défendant contre les bandes de Pougatcheff, et de Marie Ivanowna Nétchaeff. Possesseur d'une fortune colossale qu'il tenait en partie de son oncle, le sénateur Vsévolode Alexéewitch Vsévolojsky († 1796), et qu'il avait encore accrue par son mariage avec Elisabeth Nikititchna Békétoff, ce Crésus pétersbourgeois était considéré comme un des premiers richards de Russie: ses célèbres usines métallurgiques de l'Oural, forges et fonderies de cuivre et de fonte, ses sauneries et ses pêcheries, ses mines d'or de Verkhotourié lui donnaient un revenu annuel de plus d'un million de roubles. D'une activité et d'une énergie extraordinaires, il fut le premier à avoir des bateaux à vapeur sur le Volga, et fit le premier sur l'un d'eux le voyage de ses usines à Kazan; ce fut également lui qui inaugura le travail du fer par le procédé anglais, l'exploitation du charbon de terre dans l'Oural et la mise en œuvre des sables aurifères de la Sosva. Dans la suite, il fit le raffinage du sucre de betteraves à sa villa d'Okhta, et se flattait de ne pas consommer une livre de sucre étranger. Lorsque fut fondée à Pétersbourg la compagnie du gaz, peu après 1830, il ouvrit à Riabovo une fonderie qui fournit des tuyaux à moitié prix de ceux d'Angleterre. Il avait acheté Riabovo au grand maître de police Ertel, et l'avait payé plusieurs millions de roubles; les bois furent nettoyés et transformés en parc, et il y perça plus de 25 verstes de routes. Ses serres étaient renommées pour leurs espèces rares, et, au Jour de l'An, il en envoyait régulièrement des fruits à l'Impératrice sur un plateau d'or massif. Sa maison, un magnifique palais qui s'élevait au milieu d'un vaste parc à la française, aux allées soignées, avec des canaux, des fontaines et des kiosques aux formes ingénieuses, était à deux étages et contenait cent soixante pièces. Le jour de sa fête, il réunissait plus de cinq cents invités, qu'il logeait dans un „hôtel“ comportant deux corps de bâtiment, et où chacun trouvait identiquement ses aises de chez soi; la fête durait trois jours. Il donnait des dîners renommés, et, même les jours ordinaires, il avait souvent cent convives à sa table. Les menus étaient assaisonnés de calembours et de pointes gastronomiques; on mangeait en plein décembre des fraises fraîches, ou de l'esturgeon venu de l'Oural en poste, et servi tel quel dans sa marmite par quatre marmitons en blanc. Il y avait toute une troupe de serfs musiciens, acteurs et chanteurs, et plus de quatre cents domestiques. Les comédies et les pièces de ce théâtre de serfs étaient spécialement écrites par les dramaturges Khmelnitzky, Th. Glinka, le prince Chakhowskoï et Kryloff lui-même; Verstowsky faisait la musique des couplets composés par Miatleff, et la guitare était tenue par le célèbre virtuose Aksenoff. Le spectacle se terminait ordinairement par un „prologue“, joué par les parents et invités en l'honneur du maître de la maison; une animation particulière présidait toujours à l'exécution de toute espèce de charades, devinettes, calembours, homonymes, logogriphes, anagrammes, etc., et, le jour de la fête, on organisait dans toute la maison une „foire“, où des types russes et de toute sorte d'allogènes circulaient au milieu de boutiques garnies de marchandises et portant des enseignes ingénieuses. Tout se faisait avec le concours particulièrement actif du fils de la maison, Nikita, réputé dans son temps comme gastronome et amateur de calembours et de jeux d'esprit.... Les célébrités artistiques de l'époque étaient également des invités habituels: Bossi, Dawe, Désarnod, et plus tard Tropinine, perpétuèrent par leur pinceau le souvenir du maître, de sa famille et de scènes entières de la vie de Riabovo, où il ne reste même plus aujourd'hui „de traces de la splendeur passée et du luxe d'autrefois: le palais est en ruines, le parc est revenu à l'état de nature et a été vendu par lots“.

(D'après un original de G. Dawe, appartenant à A. Vsévolojsky, Alexandrowskoïé, gouv. de Moscou.)

ГЛАФИРА ИВАНОВНА АЛЫМОВА, 1758—1826, дочь полковника Ивана Акинфіевича Алымова, умершаго до ея рожденія, явилась 19-мъ ребенкомъ въ семьѣ и не была любима матерью. Отданная въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, она окончила воспитаніе съ первымъ выпускомъ въ 1776 г. первою и награждена золотой медалью первой величины и „знакомъ отмѣны“ — золотымъ вензелемъ Екатерины на бѣлой лентѣ съ тремя золотыми полосками. Во время своего 11-лѣтняго пребыванія въ Смольномъ, „Алимушка“, какъ ее называла Екатерина, благодаря своему живому и веселому характеру, была всеобщей любимицей. Императрица хвалила ее за то, что она „умѣетъ выманивать монахинь изъ келій своею игривостью“. Не менѣе любила ее и Великая Княгиня Наталія Алексѣевна, занимавшаяся съ Алымовой музыкой; она обѣщала даже ее взять къ себѣ въ качествѣ „друга“ и, будучи уже больной, посылала ей съ графомъ Разумовскимъ записочки и цвѣты. Подъ конецъ своего пребыванія въ Смольномъ, 17-лѣтняя Алымова сдѣлалась предметомъ старческой страсти 75-лѣтняго Бецкаго, скрывавшаго это подъ маской отеческой привязанности. „Было время“, говоритъ Алымова, „когда вліяніе его на меня походило на очарованіе. Исполненная уваженія къ его почтенному возрасту, я не только была стыдлива передъ нимъ, но даже застѣнчива, посреди постоянныхъ любезностей, вниманія, ласкъ, нѣжныхъ заботъ, которыя окончательно околдовали меня. Имѣя возможность сдѣлаться женою Бецкаго“, она предпочла быть въ качествѣ „удочереннаго передъ свѣтомъ любимѣйшаго дитяти“ и поселилась, по выходѣ изъ Смольнаго, у него въ домѣ. Въ это же время Алымова была назначена Екатериной для встрѣчи прибывавшей въ Россію невѣсты Великаго Князя Павла Петровича и затѣмъ приставлена была компаньонкою къ Великой Княгинѣ. Съ этихъ поръ начинаются крайне сложныя и запутанныя отношенія Алымовой къ Великокняжескому двору, въ которыхъ съ ея стороны главную роль играли честолюбіе и личный расчетъ, отдалившіе отъ нея Великую Княгиню Марію Ѳеодоровну, будто бы ипревновавшую ее къ своему супругу. Появленіе на сцену фрейлины Нелидовой положило конецъ, быть-можетъ дѣйствительно, зарождавшейся интригѣ; Алымова „влюбилась“ въ дѣйств. тайнаго совѣтника Алексѣя Андреевича Ржевскаго, немолодого уже вдовца, и, отказавъ графу Брюлю, вышла замужъ, несмотря на интриги и сопротивленіе дряхлаго Бецкаго. Проживъ нѣсколько времени въ домѣ послѣдняго, Ржевскіе вскорѣ переѣхали въ Москву. Глафира Ивановна, однако, не упускала случая пользоваться выгодами своей прежней близости ко двору: дочь ея была пожалована фрейлиной, а сама она въ кавалерственныя дамы меньшаго креста. Но, играя двойную роль въ придворныхъ интригахъ, перессорившись одинаково и съ Нелидовой, и съ Бенкендорфъ, она своими претензіями скоро испортила эти отношенія, и въ концѣ царствованія Павла I Ржевскіе подверглись опалѣ Императора. Потерявъ мужа въ 1804 г., получивъ пенсію въ 4/т. руб. и 63/т. руб. на уплату долговъ, Ржевская вышла вторично замужъ за савойца Ипполита Петровича Маскле, учителя французскаго языка въ Москвѣ, переводчика басенъ Хемницера и Крылова, и выхлопотала ему дворянство и камергерскій ключъ.

Скончалась Г. И. Маскле (Ржевская) въ Москвѣ въ 1826 году, на 68 году отъ роду, и похоронена на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Отъ брака съ Ржевскимъ она имѣла трехъ сыновей: Александра, Павла и Николая, и дочь Марію (за П. П. Свистуновымъ).

Несимпатичная личность Ржевской тѣмъ ярче выступаетъ въ ея „Запискахъ“, чѣмъ болѣе она старается объяснять свои поступки высокими побужденіями. Завистливая и неблагодарная, тщеславная и мелочная, она, не стѣсняясь, позднѣе жалуется на то, что благоволеніе, оказываемое ей и ея мужу Великимъ Княземъ и Великой Княгиней, пріѣзжавшими къ нимъ, „то завтракать, то обѣдать“, „порождало толки“, и что „милость эта, при ихъ скромныхъ средствахъ, обходилась весьма дорого“. Несмотря на свое „отвращеніе“ ко двору и свое „безкорыстіе“, Ржевская, какъ могла, пользовалась своимъ положеніемъ и сама въ этомъ себя уличаетъ: „Я носила цѣпи, налагаемыя рабствомъ, только до тѣхъ поръ, пока положеніе это могло быть полезно дѣтямъ моимъ, когда же они перестали въ немъ нуждаться, я покинула Дворъ“.

(Съ портрета Левицкаго, 1776 г.; Большой Петергофскій дворецъ.)

GLAPHYRE IVANOWNA ALYMOFF, 1758—1826, fille d'un colonel mort avant sa naissance, naquit la dernière de dix-neuf enfants et ne fut pas aimée par sa mère. Elle fit ses études à Smolna, d'où elle sortit en 1776 première de la première promotion, avec la grande médaille d'or et l'Insigne de distinction, chiffre en or de Catherine sur un ruban blanc à trois bandes dorées. Pendant ses onze ans d'études, Alimouchka, comme l'appelait Catherine, se concilia l'affection générale par sa vivacité et sa gaîté. L'Impératrice prétendait qu'elle „était d'un enjouement à faire sortir des recluses de leur cellule". Elle n'était pas moins aimée de la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, qui faisait de la musique avec elle, lui promit même de la prendre chez elle comme „amie", et, déjà malade, lui envoyait par le comte Razoumowsky des petits mots avec des fleurs. Vers la fin de son séjour à Smolna, à l'âge de 17 ans, elle devint pour le vieux Betzky, âgé de 75 ans, l'objet d'une passion sénile, cachée sous le masque d'un attachement paternel. „Il fut", dit-elle, „un temps où son influence sur moi tenait de l'enchantement. Remplie de déférence pour sa vénérable vieillesse, j'éprouvais avec lui un sentiment non seulement de pudeur, mais même de timidité, au milieu des continuelles amabilités, des égards, des caresses, des tendres attentions qui me fascinèrent définitivement. Tout en ayant la possibilité de devenir sa femme", elle préféra le rôle de „son enfant chéri d'adoption devant le monde", et, à sa sortie de Smolna, se fixa chez lui. Elle fut à ce moment désignée par Catherine pour aller au-devant de la fiancée du Grand-Duc Paul Pétrowitch à son arrivée en Russie, et ensuite, attachée à la Grande-Duchesse comme compagne. Ici commence son rôle, fort compliqué et obscur, à la Cour Grand-Ducale; elle y fut surtout guidée par l'ambition et le calcul personnel, s'aliénant ainsi la Grande-Duchesse Marie Féodorowna, soi-disant blessée dans sa susceptibilité d'épouse. L'entrée en scène de la demoiselle d'honneur Nélidoff mit un terme à cette amorce peut-être réelle d'intrigue; Mlle Alymoff „s'éprit" du conseiller privé actuel Alexis Andréewitch Rjewsky, veuf d'un certain âge déjà, et l'épousa, après avoir refusé le comte Brühl, en dépit des intrigues et de l'opposition du vieux Betzky. Les jeunes époux restèrent encore quelque temps dans sa maison, puis allèrent habiter Moscou. Mme Rjewsky ne manqua cependant pas de tirer parti de ses anciennes attaches à la Cour: sa fille devint demoiselle d'honneur et elle-même dame de Ste-Catherine. Mais son double rôle dans les intrigues de Cour la brouilla à la fois avec Mlle Nélidoff et avec Benkendorff, et la position fut vite gâtée: à la fin du règne de Paul Ier, les Rjewsky étaient en disgrâce. Veuve en 1804, titulaire d'une pension de 4000 roubles et d'une indemnité de 63.000 roubles pour ses dettes, elle se remaria à un savoyard, Hippolyte Masclet, maître de français à Moscou et traducteur des fables de Khemnitzer et de Kryloff, auquel elle fit conférer la noblesse et la clé de chambellan.

Mme Masclet mourut à Moscou en 1826 dans sa 68e année, et fut inhumée au cimetière Vagankowsky. Elle avait eu, de son premier mariage, trois fils, Alexandre, Paul et Nicolas, et une fille, Marie, qui épousa N. Svistounoff.

La nature peu sympathique de la personnalité de Mme Rjewsky est bien soulignée dans ses Mémoires, par la manière dont elle s'efforce de donner à ses actes des mobiles élevés. Envieuse et ingrate, vaniteuse et vétilleuse, elle ne craint pas dans la suite de se plaindre „des commentaires auxquels donnait lieu" la faveur que leur faisaient le Grand-Duc et la Grande-Duchesse de venir chez eux „tantôt déjeuner, tantôt dîner", „honneur qui, en raison de leurs modestes ressources, leur revenait fort cher". Avec son „dégoût" de la Cour et son „désintéressement", elle fit tout son possible pour tirer parti de sa position, et, à cet égard, se démasque elle-même: „Je n'ai gardé les chaînes de l'esclavage que tant que ma position était utile à mes enfants; quand elle a cessé de l'être, j'ai quitté la Cour".

(D'après l'original de Lévitzky, 1776, Grand Palais, Péterhof.)

184

Пис. Г. Дау — Peint par G. Dow

Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій,
1769 — 1836

Vsévolode Andréewitch Vsévolojsky,
1769 — 1836

185

Пис. Тишбейнъ, 1771 — Peint par Lewitzky, 1771

Глафира Ивановна Алымова,
1758 — 1826

Glaphire Ivanowna Alymoff,
1758 — 1826

Баронетъ ЯКОВЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВИЛЛІЕ, 1765—1854, дѣйствительный тайный совѣтникъ, лейбъ-медикъ, родился въ Шотландіи и учился медицинѣ въ Эдинбургскомъ и Абердинскомъ университетахъ. Пріѣхалъ онъ на службу въ Россію полковымъ врачомъ въ 1790 году. Удачное излѣченіе Аракчеева отъ болѣзни обратило на Вилліе вниманіе Императора Павла, который въ 1799 г. назначилъ его своимъ лейбъ-хирургомъ. При Императорѣ Александрѣ I Вилліе, какъ придворный врачъ, получилъ первенствующее значеніе и пользовался особымъ довѣріемъ Государя, котораго онъ сопровождалъ во всѣхъ его поѣздкахъ. Въ 1809 г. Вилліе назначенъ былъ президентомъ Медико-хирургической академіи и въ этомъ званіи сдѣлалъ очень много для развитія медицинскихъ знаній въ Россіи; между прочимъ онъ создалъ для Россіи фармакопею, дѣйствовавшую до начала 60-хъ годовъ XIX вѣка. Въ царствованіе Императора Николая Павловича Вилліе до смерти своей исполнялъ обязанности главнаго инспектора Военно-медицинской части.

Вилліе былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ иностранцевъ, которые, прибывъ въ Россію бѣдняками, умѣли полюбить ее и видѣли въ ней вторую свою родину. Нажитое имъ въ Россіи во время долговременной своей службы большое состояніе онъ пожертвовалъ въ пользу любимой своей Медико-хирургической академіи, клиника которой въ С.-Петербургѣ до сихъ поръ носитъ имя Вилліе. Къ сожалѣнію, пока трудно установить, насколько Вилліе пользовался своимъ значеніемъ при дворѣ въ пользу первой своей родины, Англіи.

(Съ портрета, принадлежащаго М. Я. Вилліе, въ С.-Петербургѣ.)

Le baronnet JACOB VASSILIEWITCH WYLIE, 1765—1854, conseiller privé actuel, médecin ordinaire de la Cour, naquit en Ecosse et fit sa médecine aux universités d'Edimbourg et d'Aberdeen. Il entra au service russe en 1790 comme médecin de régiment. Le succès avec lequel il soigna Araktchéeff attira sur lui l'attention de l'Empereur Paul, qui le nomma en 1799 son chirurgien ordinaire. Il obtint comme médecin de la Cour sous Alexandre Ier une importance prépondérante, et jouit de la confiance particulière de l'Empereur, qu'il accompagnait dans tous ses voyages. Président en 1809 de l'Académie Médico-chirurgicale, il fit beaucoup pour le développement des connaissances médicales en Russie: c'est à lui qu'on doit le formulaire qui fut en usage en Russie jusqu'après 1860. Sous le règne de l'Empereur Nicolas, il remplit jusqu'à sa mort les fonctions d'inspecteur principal de santé militaire.

Wylie fut un des rares étrangers qui, accueillis pauvres par la Russie, surent la prendre en affection et voir en elle une seconde patrie. La grosse fortune qu'il acquit pendant ses longues années de service, il la légua à sa chère Académie Médico-chirurgicale, dont la clinique à St-Pétersbourg porte encore son nom. Il est malheureusement encore difficile d'établir dans quelle mesure il employa sa situation à la Cour au profit de sa vraie patrie, l'Angleterre.

(D'après un original appartenant à M. Wylie, St-Pétersbourg.)

Графъ СЕРГѢЙ КОЗЬМИЧЪ ВЯЗМИТИНОВЪ, 1744 — 1819, изъ древняго, но не знатнаго русскаго дворянскаго рода, сынъ Рыльскаго помѣщика Козьмы Семеновича, родился въ Октябрѣ 1744 г.; поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ 22 Іюня 1759 г. въ обсерваціонный корпусъ, находившійся въ Пруссіи во время Семилѣтней войны; въ 1761 г., съ чиномъ прапорщика, опредѣленъ въ Украинскій полкъ. Чрезъ 10 лѣтъ, въ чинѣ полковника, былъ адъютантомъ графа Румянцева и принималъ участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, командуя Екатеринославскимъ егерскимъ полкомъ. Въ 1790 г. Вязмитиновъ, женившійся на Александрѣ Николаевнѣ Энгельгардтъ, пользуясь могущественнымъ покровительствомъ Потемкина, родственника жены, былъ назначенъ Могилевскимъ губернаторомъ и командиромъ Бѣлорусскаго корпуса. Посланный въ 1795 г. въ Киргизъ-Кайсацкую орду для прекращенія волненій по случаю смерти хана и для выбора новаго, онъ съ успѣхомъ исполнилъ эту миссію и былъ пожалованъ въ сенаторы, съ назначеніемъ Симбирскимъ и Уфимскимъ генералъ-губернаторомъ. Павелъ I назначилъ Вязмитинова Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, затѣмъ перевелъ его въ Подольскую губернію, а 3 дня спустя, назначилъ Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ Январѣ 1797 г. онъ былъ назначенъ комендантомъ С.-Петербургской крѣпости и присутствующимъ въ Военной коллегіи, а 22 Апрѣля—управляющимъ Комиссаріатскимъ департаментомъ. Въ 1798 г. онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи, пожалованъ орденомъ св. Александра Невскаго и отставленъ отъ службы. Въ 1801 г., 9 Сентября, Александръ I назначилъ Вязмитинова Малороссійскимъ губернаторомъ, 1 Января 1802 г. вице-президентомъ Военной коллегіи и членомъ Государственнаго Совѣта, а 10 Сентября того же года онъ былъ назначенъ первымъ Военнымъ министромъ. Въ 1805 г. ему поручено было, въ отсутствіе Государя, управленіе столицей, съ званіемъ главнокомандующаго; 10 Января 1808 г. онъ былъ уволенъ въ отставку, а 3 года спустя, вызванъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ 1812 г., 28 Марта, Вязмитинову было поручено Министерство полиціи и управленіе Петербургомъ, 9 Сентября повелѣно быть предсѣдателемъ Комитета министровъ, а 30 Августа 1814 г. пожалована Андреевская лента; въ 1816 г. онъ сдѣланъ С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ и пожалованъ графскимъ достоинствомъ.

Въ молодости Вязмитиновъ не чуждъ былъ литературы и написалъ оперу „Новое семейство“, а въ старости (10 Іюля 1818 г.) избранъ въ члены Россійской Академіи. Вигель такъ отзывается о немъ: „Покорность къ предержащей власти была девизомъ старика. Его доброта и честность были столь же извѣстны, какъ умъ его и дѣятельность: трудолюбіемъ и долгою безпорочною службою единственно попалъ онъ, наконецъ, въ люди. Къ сожалѣнію, нахожденіе его въ малыхъ чинахъ при лицахъ строгихъ и не весьма вѣжливыхъ начальниковъ оставило въ немъ какое-то раболѣпство, несогласное съ достоинствомъ, которое необходимо для человѣка, поставленнаго на высокую степень. Ни англійскаго, ни какого-либо другого иностраннаго въ немъ рѣшительно ничего не было; въ немъ также никто не могъ бы узнать и древняго русскаго барина, а стариннаго, честнаго, вѣрнаго и преданнаго русскаго холопа“.

Графъ Вязмитиновъ скончался 15 Октября 1819 г.; „въ самый день возвращенія Государя“, пишетъ Вигель, „престарѣлый графъ Вязмитиновъ совсѣмъ одѣлся, чтобы ѣхать во дворецъ, а пока присѣлъ и сталъ подписывать бумаги; вдругъ рука его остановилась: въ одну минуту прекратились всѣ жизненныя его движенія“. Погребенъ онъ въ Александро-Невской лаврѣ, въ Лазаревой церкви. Рядомъ похоронена его жена († 9 Іюля 1848 г.). Дѣтей у нихъ не было.

На памятникѣ графа надпись: „Служилъ отечеству и государямъ съ честью и славою 60 лѣтъ“, а современникъ такъ характеризовалъ его въ стихахъ:

„Почти столѣтіе служилъ Россіи съ честью,
Пронырства былъ врагомъ, усердья образцомъ
И жизнь, какъ праведникъ, окончилъ тихой смертью:
Вязьмитиновъ, вотъ твой отчетъ передъ Творцомъ!“

(Съ портрета, принадлежащаго П. Ф. Тютчеву, въ Москвѣ.)

Le comte SERGE KOZMITCH VIAZMITINOFF, 1744—1819, de vieille, mais de petite noblesse russe, fils d'un propriétaire de Rylsk, naquit en octobre 1744. Entré au service le 22 juin 1759 comme sous-officier au corps d'observation envoyé en Prusse pendant la Guerre de Sept-Ans, il passa en 1761 porte-enseigne au régiment d'Ukraine. Dix ans plus tard, colonel, il fut aide de camp du comte Roumiantzeff et fit la 1re campagne de Turquie à la tête des chasseurs d'Ekatérinoslav. En 1790, grâce à la protection puissante de Potemkine, dont il avait épousé une parente, Alexandrine Nikolaewna Engelhardt, il fut nommé gouverneur de Mohileff et commandant du corps de Russie Blanche. Envoyé en 1795 à la horde des Kirghizes-Kaïsaks pour réprimer les troubles survenus à la mort du khan et en élire un nouveau, il remplit sa mission avec succès et fut fait sénateur et général gouverneur de Simbirsk et d'Oufa. Paul Ier le nomma gouverneur militaire d'Orenbourg, d'où il l'envoya en Podolie, puis, trois jours plus tard, le fit général gouverneur de Petite-Russie. Commandant de la citadelle de St-Pétersbourg et membre du Collège Militaire en janvier 1797, il devint le 22 avril suivant gérant du Commissariat de la Guerre. L'année suivante, il fut promu général d'infanterie, décoré d'Alexandre Newsky et mis à la retraite. Alexandre Ier le nomma, le 9 septembre 1801, gouverneur de la Petite-Russie, le 1er janvier 1802 vice-président du Collège Militaire et membre du Conseil de l'Empire, et le fit, le 10 septembre de la même année, le premier ministre de la Guerre. En 1805, il fut chargé, en fonctions de commandant en chef, de l'administration de la capitale en l'absence de l'Empereur. Mis à la retraite le 10 janvier 1808, il revint, trois ans plus tard, siéger au Conseil de l'Empire. Ministre de la Police et chargé de l'administration de Pétersbourg le 28 mars 1812, président du Comité des ministres le 9 septembre suivant, décoré de St-André le 30 août 1814, il fut, en 1816, nommé général gouverneur de St-Pétersbourg et élevé à la dignité de comte.

Viazmitinoff, étant jeune, ne fut pas étranger à la littérature: il composa un opéra Nouvelle Famille, et devint sur ses vieux jours, le 10 juillet 1818, membre de l'Académie Russe. Wiegel dit de lui: „La soumission à l'autorité existante était la devise du vieillard. Sa bonté et son honnêteté étaient aussi connues que son intelligence et son activité: ce n'est qu'à force de labeur et de services irréprochables qu'il finit par arriver. Malheureusement, la sévérité et même la grossièreté des supérieurs sur lesquels il était tombé au début de sa carrière lui avaient laissé une sorte de servilité incompatible avec la dignité d'un fonctionnaire haut placé. Sans rien absolument d'anglais ni d'étranger à aucun titre, il n'avait non plus aucun des traits du russe d'ancienne souche, mais ceux du vieux serf russe, honnête, fidèle et dévoué".

Le comte Viazmitinoff mourut le 15 octobre 1819. „Le jour même du retour de l'Empereur", écrit Wiegel, „le vieux comte Viazmitinoff était tout prêt pour aller au Palais; en attendant, il s'était installé à signer des papiers: tout à coup sa main s'arrête, et, au bout d'un instant, il ne donnait plus signe de vie". Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église St-Lazare. Près de lui repose sa femme († 9 juillet 1848). Ils n'eurent pas d'enfants.

Son monument porte l'épitaphe: „Il servit la patrie et les Souverains avec honneur et gloire 60 ans". Un contemporain lui consacre les vers suivants:

„Près d'un siècle avec gloire il servit la Russie,
„Ennemi de l'intrigue et modèle de zèle,
„Il vécut comme un juste et la mort lui fut douce:
„Tel est au Créateur le compte qu'il peut rendre!"

(D'après un original appartenant à I. Tioutcheff, Moscou.)

МИХАИЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ФИЛОСОФОВЪ, 1732 — 1811, сынъ генералъ-лейтенанта и Александровскаго кавалера Михаила Матвѣевича († 1748 г.), изъ древняго Смоленскаго дворянскаго рода, съ младенчества былъ зачисленъ въ ряды гвардіи и 15-и лѣтъ былъ уже поручикомъ. Въ Семилѣтнюю войну онъ отличился храбростію и, тяжело раненый въ сраженіи при Куннерсдорфѣ, 1 Августа 1759 г. произведенъ въ полковники. Въ 1762 г. Философовъ произведенъ въ генералъ-майоры, а затѣмъ назначенъ директоромъ Сухопутнаго Шляхетскаго корпуса. Но уже въ 1768 г. Императрица Екатерина, замѣтивъ въ Философовѣ дипломатическія способности, назначила его посланникомъ при Датскомъ дворѣ, на одинъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ постовъ въ то время, такъ какъ Россія вела тогда переговоры съ Даніей объ обмѣнѣ Голштиніи и старалась помѣшать ея союзу съ враждебной Россіи Швеціей. Въ Копенгагенѣ Философовъ достигъ намѣченныхъ ему цѣлей, умѣло вмѣшавшись въ борьбу придворныхъ партій, окружавшихъ слабаго короля Христіана VII, и содѣйствуя гибели знаменитаго Струэнзе. По неизвѣстнымъ, однако, причинамъ Философовъ навлекъ на себя неблаговоленіе Императрицы и въ 1774 г., особенно тяжело огорченный потерей друга А. И. Бибикова, вышелъ въ отставку. Въ уединеніи, занимаясь науками, онъ переводилъ съ французскаго языка „Инструкціи или воинское наставленіе Фридриха, короля Прусскаго, его генералитету“. Зато Павелъ I, по восшествіи на престолъ, произвелъ его въ генералы-отъ-инфантеріи и назначилъ Смоленскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ бытность губернаторомъ, Философовъ заботился объ улучшеніи сельской промышленности и представилъ въ Государственный Совѣтъ нѣсколько докладовъ, какъ-то: о необходимости заведенія въ Псковской губерніи полотняной фабрики для заготовки холста на армію, о заведеніи казенныхъ фабрикъ въ Польскихъ губерніяхъ для производства солдатскаго сукна, и другіе. Императоръ Александръ I назначилъ Философова членомъ Государственнаго Совѣта. Живя въ деревнѣ, въ селѣ Котельнѣ, Островской округи, Псковской губ., Философовъ письмомъ отъ 22 Августа 1810 г. просилъ Государя разрѣшить ему „по болѣзненнымъ припадкамъ“ оставаться въ „уединенной и покойной деревенской жизни“. Чрезъ нѣсколько дней Александръ I въ милостивомъ рескриптѣ писалъ: „Зная ревность и усердіе ваше къ общему благу, не полагаю я опредѣлительнаго срока вашему отсутствію, бывъ удостовѣренъ, что, какъ скоро дѣла Государственныя потребуютъ вашего здѣсь пребыванія, то по первому воззванію не умедлите сюда прибыть“. Но годъ спустя, 27 Сентября 1811 г., М. М. Философовъ скончался въ глубокой старости.

Имѣя умъ быстрый и глубокій, характеръ независимый и рѣзкій, Философовъ нажилъ себѣ немало враговъ, но пользовался всегда репутаціей честнаго и вѣрнаго служаки. Онъ былъ достаточно искусный дипломатъ и дѣятельный администраторъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

MICHEL MIKHAÏLOWITCH FILOSOFOFF, 1732—1811, fils de Michel Matvéewitch Filosofoff († 1748), général lieutenant et chevalier de St-Alexandre, d'une famille de la vieille noblesse de Smolensk, fut enrôlé tout enfant à la Garde, où il était déja lieutenant à l'âge de 15 ans. Il se signala par sa bravoure à la Guerre de Sept-Ans, et, grièvement blessé à la bataille de Kunnersdorf le 1er août 1759, fut promu colonel. Général major en 1762, il devint ensuite directeur du Corps des Cadets. Mais, dès 1768, l'Impératrice Catherine, lui reconnaissant des aptitudes pour la diplomatie, le nomma ambassadeur en Danemark, un des postes les plus importants à ce moment, en raison des négociations engagées pour l'échange du Holstein et de la nécessité d'empêcher une alliance danoise avec la Suède, hostile à la Russie. Filosofoff s'acquitta avec succès de sa mission, en se mêlant habilement à la lutte de partis déchaînée à la Cour du faible monarque qu'était Christian VII, et en contribuant à la chute du fameux Struensée. Pour des raisons inconnues, toutefois, il encourut la défaveur de l'Impératrice, et, en 1774, particulièrement affecté par la mort de son ami A. Bibikoff, il donna sa démission. Dans sa retraite, il se livra à l'étude, et traduisit l'ouvrage français Instructions ou préceptes militaires de Frédéric, Roi de Prusse, à ses généraux. Mais Paul Ier, dès son avènement, le fit général d'infanterie et gouverneur militaire de Smolensk. Là il donna tous ses soins à l'amélioration de l'industrie régionale, et déposa au Conseil de l'Empire un certain nombre de rapports, par exemple, sur la nécessité de l'installation dans le gouvernement de Pskoff d'une manufacture de toile pour les besoins de l'armée, sur l'installation par l'Etat de fabriques de drap militaire en Pologne, etc. Retiré dans sa propriété de Kotelna, district d'Ostroff, gouvernement de Pskoff, il écrivait le 22 août 1810 à Alexandre Ier, qui l'avait nommé membre du Conseil de l'Empire, de lui permettre, „pour raisons de santé", de rester dans „l'isolement et le repos de la vie de campagne". Quelques jours après, il recevait un Rescrit où il était dit: „Connaissant votre ardeur et votre zèle pour le bien général, je ne fixe pas de délai déterminé à votre rentrée, convaincu que, dès que les affaires de l'Etat l'exigeront, vous ne manquerez pas de vous rendre au premier rappel". Mais, un an après, le 27 septembre 1811, Filosofoff mourait dans une vieillesse avancée.

Esprit rapide et profond, caractère indépendant et rude, Filosofoff se fit un grand nombre d'ennemis, mais jouit toujours d'une réputation de fonctionnaire intègre et loyal. Il fut assez habile diplomate et administrateur actif.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

МИХАИЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ СОЙМОНОВЪ, 1730—1804, сынъ сенатора Федора Ивановича (р. 1682 г., † 1780 г.), сосланнаго въ Сибирь по дѣлу Волынскаго, отъ перваго его брака съ Дарьей Ивановной Отяевой, родился 15 Мая 1730 г.; воспитывался въ домѣ дѣда по матери, который отдалъ его на 8 году учиться въ Академію Наукъ. Въ 1742 г., по желанію принца Гессенъ-Гомбургскаго, записанъ бомбардиромъ въ артиллерію и зачисленъ въ Артиллерійскую школу. Произведенный въ 1753 г. въ штыкъ-юнкера, былъ отправленъ въ Сибирь къ „Секретной комиссіи“ для описанія въ Нерчинскомъ уѣздѣ „хлѣбопахотныхъ земель и измѣренія фарватера р. Шилки и сочиненія плановъ“. По возвращеніи въ С. Петербургъ, пожалованъ въ поручики и затѣмъ снова посланъ въ Сибирь для описанія Китайской границы и укрѣпленія г. Нерчинска; въ 1757 г. произведенъ въ капитаны, въ 1761 г.—въ майоры артиллеріи, съ повелѣніемъ состоять при отцѣ, въ то время Тобольскомъ губернаторѣ. Съ назначеніемъ послѣдняго сенаторомъ въ Москву, онъ оставленъ при немъ („въ помощь родителю“). Въ 1762 г. Соймоновъ засѣдалъ въ Петербургѣ въ особой комиссіи по устройству крѣпостей и расположенію войскъ въ Сибири, а въ слѣдующемъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 3 департамента Сената, съ пропзводствомъ въ генералъ-майоры. Переведенный затѣмъ въ Москву въ 6 Департаментъ, Соймоновъ здѣсь былъ занятъ приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ Рязряднаго архива, гнившихъ въ подвалахъ подъ Архангельскимъ соборомъ. Въ 1771 г. Соймоновъ былъ назначенъ директоромъ Берг-коллегіи и монетныхъ дворовъ, при чемъ ему поручено было также устройство пришедшихъ въ совершенный упадокъ Олонецкихъ заводовъ Петра Великаго. 25 Октября 1773 г., по докладу Соймонова, была учреждена Горная школа (нынѣ Горный Институтъ) при Берг-коллегіи, при чемъ учениковъ онъ лично набралъ изъ студентовъ Московскаго университета. Усиленные труды разстроили его здоровье, и онъ просилъ увольненія отъ службы, но Государыня дала ему безсрочный отпускъ и 10/т. р. на лѣченіе за границей. Пробывъ $1^1/_2$ года въ Парижѣ и въ Спа, Соймоновъ вновь вернулся на службу, но, 3 года спустя, вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ (въ своемъ домѣ, съ садомъ, на М. Дмитровкѣ, купленномъ у Еврешновыхъ, нынѣ Кузнецова), при чемъ, „по просьбѣ членовъ Благороднаго собранія, принялъ на себя званіе директора и старался построить домъ на Б. Дмитровкѣ, отдѣлавъ оный и внутри“ (нынѣ домъ Благороднаго собранія, купленный у князя Долгорукаго-Крымскаго). На это дѣло онъ потратилъ много энергіи и труда, зато и сейчасъ въ особомъ „Соймоновскомъ“ залѣ находится портретъ М. Ф. Соймонова въ натуральную величину, въ ростъ, въ орденскомъ одѣяніи Андреевскаго кавалера. Вступленіе на престолъ Павла I заставило Соймонова явиться въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ обласканъ Государемъ, цѣнившимъ его спеціальныя познанія въ горномъ дѣлѣ: Павелъ пожаловалъ его въ тайные совѣтники, Александровской лентой, сенаторомъ и назначилъ директоромъ горныхъ и монетныхъ дѣлъ, съ повелѣніемъ присутствовать въ Совѣтѣ Государя. Однако, обиліе дѣла и „строгость петербургскаго сырого климата ослабили его силы“. Соймоновъ сталъ проситься въ отставку, но, вмѣсто того, 31 Іюля 1799 г. получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и вслѣдъ затѣмъ порученіе проэктировать постройку Монетнаго двора съ лабораторіей. Въ то же время онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Смольнаго и Екатерининскаго институтовъ. „Жестокая болѣзнь—грипиъ“, вмѣстѣ съ „застарѣлымъ ревматизмомъ, скорбутомъ, полученнымъ во время разъѣздовъ по Сибири, желчь и обструкція въ печени“, а также „опухоль въ ногахъ съ нестерпимою болью отъ ударовъ, подагрическими мокротами пропзводимыхъ“, все это имѣло послѣдствіемъ, что 1 Января 1801 г. Соймоновъ былъ уволенъ отъ службы и отпущенъ въ любимую имъ Москву, гдѣ въ Апрѣлѣ 1802 г. сдѣланъ членомъ Совѣта училища св. Екатерины. Императрица Марія Ѳеодоровна была съ нимъ въ перепискѣ и даже, по свидѣтельству М. М. Еврепнова, который очень хвалитъ доброту Соймонова, „сберегая его здоровье, присылала ему часто своей работы носочки“. Но „ни спокойная жизнь, ни климатъ, гораздо лучшій предъ петербургскимъ“, не были въ состояніи побороть недуги и старость и „не привели его въ состояніе пользоваться муціономъ“. Свою жизнь Соймоновъ описалъ незадолго до своей смерти въ краткой автобіографіи (Горный журналъ, 1887 г., № 10).

М. Ф. Соймоновъ скончался 17 Октября 1804 г. и похороненъ въ Серпуховскомъ Высоцкомъ монастырѣ. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Исленьевой († 1806 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

MICHEL FÉODOROWITCH SOÏMONOFF, 1730—1804, fils du sénateur Théodore Ivanowitch Soïmonoff (1682—1780), déporté en Sibérie pour l'affaire Volynsky, et de sa première femme Daria Ivanowna Otiaeff, naquit le 15 mai 1730 et fut élevé chez un oncle maternel, qui le mit à l'âge de 8 ans à l'Académie des Sciences pour y faire ses études. En 1742, le prince de Hesse-Hombourg le fit enrôler bombardier dans l'artillerie, puis entrer à l'Ecole d'Artillerie. Sous-officier en 1753, il fut envoyé en Sibérie à la Commission secrète, et chargé de décrire dans le district de Nertchinsk „les terres labourables, de mesurer le chenal de la Chilka et de dresser des plans". Promu lieutenant à son retour à Pétersbourg, il repartit pour la Sibérie avec mission de décrire la frontière chinoise et de fortifier la ville de Nertchinsk. Capitaine en 1757, major d'artillerie en 1761, il fut attaché à son père, alors gouverneur de Tobolsk, et resta avec lui comme adjoint, quand il fut nommé sénateur à Moscou. En 1762, il siégea, à St-Pétersbourg, à la commission spéciale d'organisation des forteresses et de répartition des troupes en Sibérie, et fut, l'année suivante, nommé haut procureur du troisième département du Sénat et promu général major. Transféré ensuite à Moscou, au 6e département, il eut à mettre en ordre les vieilles archives de l'Etat, qui moisissaient dans les sous-sols de la cathédrale Arkhangelsky. Nommé en 1771 directeur du Collège des Mines et des hôtels des monnaies, il fut également chargé de restaurer les usines de Pierre-le-Grand à Olonetz, qui étaient en pleine ruine. Le 25 octobre 1773, fut fondée sur son rapport une Ecole des Mines (aujourd'hui Institut des Mines) près le Collège des Mines, pour laquelle il alla lui-même recruter des élèves parmi les étudiants de l'Université de Moscou. Cependant son travail considérable lui avait délabré la santé, et il demanda sa retraite: mais l'Impératrice lui donna un congé illimité et 10.000 roubles pour se soigner à l'étranger. Après un séjour de dix-huit mois à Paris et à Spa, il revint aux affaires, mais prit sa retraite au bout de trois ans pour se fixer à Moscou, dans sa maison de la Petite Dmitrovka, achetée aux Evréïnoff (aujourd'hui maison Kouznetzoff); là, „il accepta, sur la demande des membres de l'Assemblée de la Noblesse, le titre de directeur, et prit la peine de faire bâtir un immeuble sur la Grande Dmitrovka et de l'aménager" (aujourd'hui maison de l'Assemblée de la Noblesse, achetée au prince Dolgorouky-Krymsky). Cette entreprise lui coûta beaucoup d'énergie et de travail, mais aussi on voit encore maintenant, dans une salle qui porte son nom, son portrait en pied, grandeur naturelle, revêtu de l'uniforme des chevaliers de St-André. L'avènement de Paul Ier le fit revenir à Pétersbourg, où il fut comblé d'amitiés par le Souverain, qui, grand appréciateur de ses connaissances spéciales de technicien, le fit conseiller privé, chevalier de St-Alexandre, sénateur, directeur des Mines et des Monnaies et membre du Conseil Impérial. Cependant, ses multiples occupations et „la rigueur du climat humide de Pétersbourg avaient miné ses forces", et il voulut donner sa démission: au lieu de l'accepter, on le décora de St-André le 31 juillet 1799, puis on lui demanda un projet d'Hôtel des Monnaies avec laboratoire. Il fut en même temps nommé membre du Conseil des Instituts Smolna et Catherine. „Une maladie cruelle, la grippe", jointe à „des rhumatismes invétérés, du scorbut contracté en Sibérie, de la bile et de l'obstruction du foie", ainsi que „de l'enflure des jambes et les douleurs intolérables de crises dues aux humeurs de la goutte", tout cela finit par lui faire accorder sa retraite, le 1er janvier 1801, et il put se retirer dans son Moscou bien-aimé, où il devint en avril 1802 membre du Conseil de l'Ecole Ste-Catherine. L'Impératrice Marie Féodorowna était en correspondance avec lui, et même, au témoignage de M. Evréïnoff, qui fait grand éloge de la bonté de Soïmonoff, „prenait soin de sa santé, en lui envoyant fréquemment des chaussettes tricotées de sa main". Mais „ni la vie tranquille, ni le climat bien meilleur que celui de Pétersbourg" ne purent avoir raison de l'âge et des infirmités, ni „lui rendre la faculté de se mouvoir". Il composa lui-même, peu avant de mourir, une description de sa vie, sous forme d'une courte autobiographie (Journal des Mines, 1887, № 10).

Soïmonoff mourut le 17 octobre 1804 et fut inhumé au monastère Vysotzky, à Serpoukhoff. Il avait épousé Catherine Alexéewna Islénieff († 1806), dont il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

186

Баронетъ Яковъ Васильевичъ Виллié,
1765 — 1854

Le Baronnet Iacob Vassilievitch Wylie,
1765 — 1854

187

Графъ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ,
1744 — 1819

Le Comte Serge Kouzmitch Viazmitinoff,
1744 — 1819

188

Михаилъ Михайловичъ Философовъ,
1732 — 1811

Michel Mikhaïlowitch Filosoff,
1732 — 1811

189

Михаилъ Ѳедоровичъ Соймоновъ,
1753 — 1804

Michel Féodorowitch Soïmonoff,
1753 — 1804

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня ПРАСКОВЬЯ ВАСИЛЬЕВНА МУСИНА-ПУШКИНА, 1754—1826, супруга генералъ-аншефа, впослѣдствіи фельдмаршала, графа Валентина Платоновича Мусина-Пушкина, дочь князя Василія Михайловича Долгорукаго-Крымскаго отъ брака съ Анастасіей Васильевной Волынской, родилась 6 Апрѣля 1754 года. Мужъ ея и она сама пользовались большимъ вліяніемъ и значеніемъ при Дворѣ, и графиня Прасковья Васильевна была пожалована первою въ статсъ-дамы по восшествіи на престолъ Императора Павла, а именно 10 Ноября 1796 г. (при разборѣ бумагъ покойной Императрицы была найдена отмѣтка Ея рукою: „Въ первое пожалованіе Пушкину въ статсъ-дамы“). Въ коронацію же Павла I, 5 Апрѣля 1797 г., она получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста. Въ свѣтѣ ея побаивались за ея властный и мужественный характеръ: „une vraie mégère du grand monde“, говоритъ о ней въ своихъ мемуарахъ князь П. Долгорукій. Имѣя единственнаго сына, Василія, она, чтобы увеличить и безъ того огромное его состояніе, женила его на богатѣйшей наслѣдницѣ, графинѣ Екатеринѣ Яковлевнѣ Брюсъ, своей племянницѣ, и исходатайствовала у Императора Павла разрѣшеніе сыну присоединить къ его фамиліи—фамилію „Брюсъ“, а племянницу, какъ говорятъ, заставила передъ свадьбой подписать завѣщаніе, по которому она оставляла все свое состояніе мужу.

Овдовѣвъ въ 1804 г., графиня Мусина-Пушкина соорудила въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ внизу подъ Трапезной церковью, гдѣ находилась могила мужа, храмъ во имя св. мученика Валентина, упрочивъ вѣчное поминовеніе его вкладомъ въ 20.000 рублей. Сама она скончалась въ Петербургѣ 26 Іюня 1826 г., а въ Январѣ 1827 г. тѣло ея было перевезено въ Москву и предано землѣ рядомъ съ мужемъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Здѣсь же похороненъ и сынъ ея, оберъ-шенкъ графъ Василій Валентиновичъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ (р. 19 Ноября 1773 г., † 5 Апрѣля 1836 г.). Послѣ этого нижній храмъ запустѣлъ, въ настоящее время отъ него ничего не осталось, а въ 1843 г. „признательными лицами къ памяти“ графа Василія устроенъ наверху, въ самомъ Трапезномъ храмѣ, придѣлъ во имя свв. мучениковъ Валентина и Параскевы и св. блаженнаго Василія. Изображеніе этихъ же трехъ святыхъ, писанное масляными красками прямо на стѣнѣ, и мѣстами уже обсыпавшееся, находится надъ тремя каменными плитами, обозначающими въ мрачномъ и запустѣломъ подземельѣ Симонова монастыря мѣста упокоенія сонменныхъ имъ графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ.

(Съ портрета, принадлежавшаго князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

La comtesse **PRASCOVIE VASSILIEWNA MOUSSINE-POUCHKINE**, 1754—1826, femme du comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine, général en chef, puis feld-maréchal, fille du prince Basile Mikhaïlowitch Dolgorouky-Krymsky et d'Anastasie Vassiliewna Volynsky, naquit le 6 avril 1754. Elle jouissait, ainsi que son mari, d'une grande influence et d'une grande importance à la Cour, et fut, le 10 novembre 1796, la première dame d'honneur nommée après l'avènement de Paul Ier; on trouva dans les papiers de l'Impératrice défunte cette note autographe: „Première nomination, Pouchkine dame d'honneur". Au couronnement, le 5 avril 1797, elle fut décorée de Ste-Catherine. Dans le monde, on avait peur de son caractère dominateur et hommasse: „une vraie mégère du grand monde", dit le prince I. Dolgorouky dans ses Mémoires. Elle avait un fils unique, Basile, et, pour ajouter à sa fortune, déjà considérable, le maria à une très riche héritière, la comtesse Catherine Yakovlewna Bruce, sa nièce, et obtint pour lui de l'Empereur Paul l'autorisation d'ajouter à son nom celui de sa femme, à laquelle elle fit, dit-on, signer avant le mariage un testament l'instituant son légataire universel.

Veuve en 1804, la comtesse Moussine-Pouchkine fit élever au monastère Simonoff, à Moscou, sous l'église où reposait son mari, une chapelle consacrée au saint martyr Valentin, et laissa 20.000 roubles pour sa commémoration perpétuelle. Elle mourut elle-même à Pétersbourg le 26 juin 1826, et, au mois de janvier suivant, sa dépouille fut transférée à Moscou et déposée près de celle de son mari, au monastère Simonoff.

Là repose également son fils, le comte Basile Moussine-Pouchkine-Bruce (19 novembre 1773—5 avril 1836), grand échanson. La chapelle du sous-sol demeura ensuite à l'abandon, et il n'en reste rien actuellement. En 1843, des donateurs „reconnaissants à la mémoire" du comte Basile élevèrent en haut, dans l'église même, un autel aux SS. martyrs Valentin et Prascovie et au bienheureux St-Basile. L'image des trois saints est peinte à l'huile sur le mur même, et déjà un peu effritée, au-dessus des trois dalles de pierre qui marquent, dans le sous-sol sombre et désolé du monastère Simonoff, la place des comtes Moussine-Pouchkine.

(D'après un original ayant appartenu au prince A. Chakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

Графъ ВАЛЕНТИНЪ ПЛАТОНОВИЧЪ МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, 1735—1804, сынъ графа Платона Ивановича, котораго Петръ Великій называлъ „племянникомъ“ (Анна его сослала въ Соловецкій монастырь, съ „наказаніемъ кнутомъ, урѣзаніемъ языка и лишеніемъ имѣнія“—„безвинно“), родился 6 Декабря 1735 г. отъ брака отца съ княжной Маріей Петровной Черкасской. Записанный съ дѣтства въ гвардію, Мусинъ-Пушкинъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, затѣмъ секундъ-майоромъ Конной гвардіи принималъ участіе въ возведеніи на престолъ Императрицы Екатерины II, за что, въ день ея коронаціи, пожалованъ въ камеръ-юнкеры, получилъ часть конфискованныхъ имѣній отца и 600 душъ вновь. За участіе въ 1-й Турецкой войнѣ, въ Крымской арміи князя В. М. Долгорукаго-Крымскаго, своего тестя, награжденъ Георгіемъ 3 ст., а при заключеніи мира получилъ Александровскую звѣзду и чинъ генералъ-поручика. Въ 1783 г. онъ былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы и генералъ-адъютанты; назначенный состоять при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, онъ сумѣлъ заслужить его расположеніе, несмотря на то, что пользовался милостями Екатерины II, говорившей, что она ему „персонально обязана“. Въ 1786 г. Мусинъ-Пушкинъ назначенъ былъ вице-президентомъ Военной коллегіи и получилъ Андреевскую ленту, а въ 1787 г. назначенъ въ Совѣтъ Императрицы. Въ слѣдующемъ году, когда началась война съ Швеціей, Екатерина назначила его, за неимѣніемъ лучшаго, главнокомандующимъ, хотя сама была всегда весьма невысокаго мнѣнія о его способностяхъ и называла его „нерѣшимымъ мѣшкомъ“. Лично храбрый, графъ Мусинъ-Пушкинъ оказался совершенно негоднымъ полководцемъ и на этотъ разъ заслужилъ отъ Государыни эпитетъ „сущаго болвана“. Въ великомъ раздраженіи Екатерина писала Потемкину о немъ: „Я весьма недовольна по случаю нерѣшительности его и слабости, онъ никакимъ авантажемъ не умѣетъ воспользоваться, en un mot, c'est une bête, между генералами его завелись такія кабалы, по слабости его, кои общему дѣлу вредны; однимъ словомъ, ему и всему его генералитету смѣна неминуема предлежитъ“. Въ другомъ письмѣ она жалуется на „глупое, унылое и слабое его поведеніе“, добавляя, что „ему, Пушкину, впредь не командовать, понеже не умѣетъ“, „гвардія его бранитъ, также и казаки, и самъ Денисовъ“. Тѣмъ не менѣе, графъ Мусинъ-Пушкинъ получилъ за Шведскую кампанію золотую шпагу, Владиміра 1 ст. и алмазы къ Андреевской звѣздѣ, пока въ 1790 г. не былъ замѣненъ графомъ П. П. Салтыковымъ, который имѣлъ у Императрицы также нелестную репутацію: „Плутъ и упрямъ“. При Павлѣ I графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардовъ и 5 Апрѣля 1797 г.—фельдмаршаломъ.

Графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ былъ женатъ на дочери князя Долгорукаго-Крымскаго, Прасковіи Васильевнѣ. Скончался онъ въ Москвѣ 8 Іюля 1804 г. и похороненъ подъ Трапезной церковью въ Симоновомъ монастырѣ.

Отличаясь болѣе чѣмъ скромными способностями, графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ человѣкъ добрый и ласковый, но слабохарактерный, нерѣшительный и доступный чужому вліянію. Блистая полнымъ отсутствіемъ талантовъ, онъ обладалъ, однако, всецѣло однимъ—умѣньемъ уживаться со всѣми сильными людьми при дворѣ и искусно улавливать господствующее здѣсь теченіе. Этому таланту царедворца онъ обязанъ былъ своей блестящей карьерой. Въ молодости онъ „былъ счастливъ, любимъ прекраснымъ поломъ: собой видный, высокаго роста, красивый; въ старости онъ пополнѣлъ, сдѣлался сутуловатъ, красное лицо его покрылось угрями“.

(Съ портрета Левицкаго; принадлежалъ князю А. В. Шаховскому, с. Бѣлая Колпь, Московской губ.)

Le comte **VALENTIN PLATONOWITCH MOUSSINE-POUCHKINE**, 1735—1804, naquit le 6 décembre 1735 d'un père que Pierre-le-Grand appelait son neveu, et que l'Impératrice Anne relégua au monastère Solovetzk, „après lui avoir fait donner le knout, couper la langue et confisquer ses biens, le tout sans raison", et de la princesse Marthe Pétrowna Tcherkassky, sa femme. Enrôlé tout enfant à la Garde, il fit la Guerre de Sept-Ans, puis, comme second major de la Garde à cheval, prit part au coup d'état qui donna le trône à Catherine II; il reçut en récompense, le jour du couronnement, la dignité de gentilhomme de la chambre, une partie des biens confisqués à son père et 600 têtes de paysans. La 1re campagne de Turquie, qu'il fit à l'armée de Crimée du prince Dolgorouky-Krymsky, son beau-père, lui valut St-Georges de 3e classe, et, à la conclusion de la paix, l'étoile de St-Alexandre et le grade de général lieutenant. Général en chef, puis général aide de camp, en 1783, il fut attaché au Grand-Duc Paul Pétrowitch, dont il sut se concilier les bonnes grâces, malgré la faveur dont il avait joui près de Catherine II, qui se disait „son obligée personnelle". En 1786, il fut fait vice-président du Collège Militaire et décoré de St-André, et, l'année suivante, appelé au Conseil de l'Impératrice. Lorsque éclata en 1788 la guerre avec la Suède, Catherine le désigna, faute de mieux, pour commander en chef, bien qu'elle n'eût pas une haute opinion de ses talents et l'appelât „indécis et emplâtre". Avec toute sa bravoure personnelle, il se montra en effet absolument incapable comme homme de guerre, et s'attira cette fois de l'Impératrice l'épithète de „vrai mannequin". Furieuse contre lui, elle écrivit à Potemkine: „Je suis tout à fait mécontente de son indécision et de sa faiblesse; il ne sait profiter d'aucun avantage, en un mot, c'est une bête. Il a laissé monter parmi ses généraux des cabales qui ne font que nuire aux affaires; en fin de compte, c'est le remplacement sans faute pour lui et tous ses généraux". Dans une autre lettre, elle se plaint de „son attitude bête, déprimée et faible", et elle ajoute: „Ce Pouchkine, c'est la dernière fois qu'il commande, puisqu'il ne sait pas".... „La Garde le houspille, les cosaques aussi, et jusqu'à Dénissoff". La campagne de Suède lui valut pourtant une épée d'or, St-Vladimir de 1re classe et les brillants de St-André, jusqu'à ce qu'il fît place, en 1790, au comte I. Saltykoff, dont l'Impératrice n'avait pas non plus une idée bien flatteuse: „Canaille et têtu". Sous Paul Ier, Moussine-Pouchkine fut nommé chef des Chevaliers-Gardes et, le 5 avril 1797, feld-maréchal.

Le comte Moussine-Pouchkine épousa la fille Prascovie du prince Dolgorouky-Krymsky. Il mourut à Moscou le 8 juillet 1804 et fut inhumé sous une église du monastère Simonoff.

Avec des facultés plus que modestes, le comte Moussine-Pouchkine était bon et aimable, mais faible de caractère, indécis et accessible aux influences. Brillant par son absence complète de talents, il avait cependant, en tout et pour tout, l'art de vivre en bonne intelligence avec tous les puissants de la Cour et d'y saisir le courant dominant. C'est à ce talent de courtisan qu'il dut sa brillante carrière. Dans son jeune âge, il fut „heureux et chéri des dames: bon air, grande taille et beau visage; sur ses vieux jours, il devint gros, voûté, et son visage rouge se couvrit de boutons".

(D'après un original de Lévitzky, ayant appartenu au prince A. Chakhowskoï, Bélaïa Kolp, gouv. de Moscou.)

АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ РЖЕВСКІЙ, 1737—1804, сынъ Андрея Ивановича, родился 19 Февраля 1737 года. Въ 1767 г. былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и засѣдалъ въ качествѣ депутата отъ г. Воротынска въ Комиссіи уложенія; въ 1772 г. правилъ должность директора Академіи Наукъ за отъѣздомъ графа В. Г. Орлова, затѣмъ былъ президентомъ Медицинской коллегіи. Въ 1783 г. Ржевскій сдѣланъ членомъ Россійской академіи; въ 1785 г., будучи тайнымъ совѣтникомъ и камергеромъ, получилъ Аннинскую ленту; впослѣдствіи былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и Александровскимъ кавалеромъ. Съ 1794 по 1796 г. былъ Совѣстнымъ судьей въ Петербургѣ; при Павлѣ I впалъ въ немилость и былъ отрѣшенъ отъ должности. Скончался 23 Апрѣля 1804 года и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. На памятникѣ его слѣдующая эпитафія:

„Онъ рѣдкимъ былъ отцомъ,
Примѣрнымъ былъ супругомъ,
Для счастія родныхъ, для обща блага жилъ.
Любилъ ученіе, поэзіи былъ другомъ
И правдою всегда отечеству служилъ“.

Поэтическая дѣятельность Ржевскаго была чрезвычайно разнообразна и продолжалась до конца его жизни. Онъ писалъ притчи, загадки, сказки, эпиграммы, сатирическія письма, торжественныя и духовныя оды, эклоги, элегіи, сонеты, идилліи, стансы, мадригалы и печаталъ свои произведенія въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“, „Трудолюбивой пчелѣ“, „Полезномъ увеселеніи“, „Свободныхъ часахъ“... Въ своихъ одахъ онъ восторженно воспѣвалъ и Петра III за его милости дворянству и уничтоженіе Тайной канцеляріи, и Екатерину II и Александра I. Въ 1769 г. на придворномъ театрѣ съ успѣхомъ была представлена его трагедія „Смердій и Прелеста“. Ржевскій занималъ видное мѣсто среди масоновъ и принадлежалъ къ ложѣ Латаны и къ „теоретическому градусу Соломоновыхъ наукъ“, говорили, что онъ былъ и розенкрейцеромъ. Ржевскій былъ женатъ дважды. Первой его женой (съ 19 Марта 1766 г.) была Александра Ѳедотовна Каменская (р. 10 Августа 1740 г., † 27 Апрѣля 1769 г.), сестра фельдмаршала; она сама была поэтессой и писательницей. На памятникѣ ея написано, что она „произвела, по прошествіи 3-хъ лѣтъ, первымъ плодомъ супружества сына, именемъ Ивана, и на 18-й день горячкою скончалась“ (младенецъ умеръ 4-хъ мѣсяцевъ и погребенъ рядомъ съ матерью). Надгробная эпитафія, вѣроятно, сочиненная мужемъ, гласитъ:

„Здѣсь Ржевская лежитъ, пролейте слезы, Музы:
Она любила васъ, любезна вамъ была...
Ни острый умъ ея, наукой просвѣщенный,
Ни даръ, художествамъ и музамъ посвященный,
Ни нравъ, кой столь ее пріятно украшалъ,
Который и друзей, и мужа утѣшалъ,
Ни сердце нѣжное ея не защитило
И смерти лютыя отъ ней не отвратило!“

Второй бракъ съ Глафирой Ивановной Альмовой, для совершенія котораго пришлось преодолѣть много препятствій, былъ также счастливъ, и Державинъ воспѣлъ благополучіе супруговъ въ 1780 г. въ одѣ „Счастливое семейство“ (написана на бумагѣ съ силуэтами Ржевскихъ, нарисованными женой Державина):

„Миръ въ жизни сей и миръ въ дни оны,
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!“

Впослѣдствіи между Державинымъ и Ржевскимъ произошла размолвка подъ вліяніемъ неправильностей, допущенныхъ будто бы Ржевскимъ, бывшимъ въ то время Совѣстнымъ судьей, въ угоду сильнымъ людямъ, въ дѣлѣ о наслѣдствѣ Бекетова, и подъ вліяніемъ этой размолвки Державинъ въ своихъ „Запискахъ“ называетъ А. А. Ржевскаго „человѣкомъ весьма честнымъ, но слабымъ, худо знающимъ законы и удобопреклоняемымъ на сторону сильныхъ“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

ALEXIS ANDRÉEWITCH RJEWSKY, 1737—1804, naquit le 19 février 1737. Gentilhomme de la chambre en 1767, il siégea à la Commission du Code comme député de la ville de Vorotynsk. En 1772, il fit fonctions de directeur de l'Académie des Sciences en l'absence du comte V. Orloff, puis fut nommé président du Collège de Médecine. En 1783, il devint membre de l'Académie Russe. Conseiller privé et chambellan, il reçut en 1785 le cordon de Ste-Anne, et fut dans la suite conseiller privé actuel, sénateur et chevalier de St-Alexandre. Membre du Tribunal de conscience de Pétersbourg de 1794 à 1796, il tomba en disgrâce sous Paul Ier et fut destitué. Il mourut le 23 avril 1804 et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Son monument porte l'épitaphe suivante:

„Modèle de l'époux et du père, il vécut
„Pour le bonheur des siens, pour le bien général.
„Il chérissait l'étude, aimait la poésie.
„Toujours loyalement il servit la patrie".

Il avait un talent poétique extrêmement varié, qu'il conserva jusqu'à la fin de ses jours: ses sentences, énigmes, légendes, épigrammes, lettres satiriques, odes lyriques et spirituelles, églogues, élégies, sonnets, idylles, stances et madrigaux parurent dans Les Œuvres Mensuelles, L'Abeille Laborieuse, La Distraction Utile, Les Heures Libres. Dans ses odes, il célèbre à la fois avec enthousiasme Pierre III pour ses privilèges à la noblesse et la suppression de la Chancellerie secrète, Catherine II et Alexandre Ier. En 1769, le théâtre de la Cour joua avec succès une tragédie de lui, Smerdi et Prélesta. Il tenait une place marquante dans la maçonnerie, et était également, dit-on, de la Rose-Croix. Rjewsky fut marié deux fois. Il épousa en premières noces, le 19 mars 1766, Alexandrine Fédotowna Kamensky (10 août 1740—27 avril 1769), sœur du feld-maréchal, elle-même poète et écrivain. „Elle enfanta", lit-on sur son tombeau, „au bout de trois ans de mariage un fils premier-né, du nom d'Ivan, et mourut de la fièvre le 18e jour"; l'enfant ne vécut que quatre mois et fut inhumé près de sa mère. Son épitaphe, due sans doute à son mari, est ainsi conçue:

„Pleurez, Muses: ci-gît Alexandra Rjewsky;
„Elle vous chérissait, de vous était chérie....
„Son esprit pénétrant, enrichi de science,
„Le culte qu'elle avait des Beaux-Arts et des Muses,
„Son caractère même, agréable ornement,
„Qui faisait le bonheur de son mari, de tous,
„Son tendre cœur,.... rien, rien ne put la préserver,
„De la cruelle mort détourner les atteintes".

Le second mariage, avec Glaphyre Ivanowna Alymoff, eut, avant de se faire, de nombreux obstacles à surmonter, mais fut également heureux. Derjavine chante ce bonheur conjugal en 1780 dans son ode Heureux Ménage, dont le manuscrit est orné des silhouettes des Rjewsky, de la main de la femme du poète:

„Paix en ce monde et paix en l'autre,
„Dans la demeure des Elus,
„Au cœur sensible, débonnaire,
„Au mari pieux, excellent!"

Il y eut dans la suite entre Derjavine et Rjewsky un refroidissement dû aux irrégularités qu'aurait laissé commettre Rjewsky, alors membre du Tribunal de conscience, au profit de gens haut placés dans l'affaire de la succession Békétoff. Aussi le poète, dans ses Mémoires, l'appelle-t-il „un homme parfaitement honnête, mais faible, connaissant mal la loi et facile à faire passer du côté des puissants".

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ АПОЛЛОСЪ АПОЛЛОСОВИЧЪ МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, 1761—1805, сынъ графа Аполлоса Епафродитовича († 1771 г.) отъ брака съ Елизаветой Ѳедотовной Каменской († 1800), сестрой фельдмаршала, родился въ Тобольскѣ 18 Февраля 1761 г.; онъ принадлежалъ къ числу очень рѣдкихъ представителей тогдашней аристократіи, посвятившихъ себя наукѣ. Отецъ его, котораго онъ, впрочемъ, рано лишился, былъ президентомъ Бергъ-коллегіи, и этимъ обстоятельствомъ, можетъ-быть, объясняется его увлеченіе естественными науками. Камеръ-юнкеръ и капитанъ Конной гвардіи, потомъ дѣйствительный камергеръ, тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Анны 1-й ст., Мусинъ-Пушкинъ обладалъ обширными познаніями въ химіи и минералогіи и сдѣлался европейски извѣстнымъ ученымъ. Имъ написано болѣе 20 научныхъ трудовъ; его мнѣніе „о причинахъ звучанія водороднаго пламени въ стеклянной трубкѣ“ поддерживалось нѣкоторое время и другими учеными. Онъ былъ членомъ академій наукъ Петербургской, Берлинской, Стокгольмской, Туринской и Лондонскаго Королевскаго общества. Служебное поприще соотвѣтствовало его научнымъ склонностямъ: онъ былъ вице-президентомъ Бергъ-коллегіи, а въ 1802 г., „пожертвовавъ пріятной жизнью пользамъ любезнаго Отечества“, пожелалъ ѣхать во вновь присоединенную Грузію для минералогическихъ изслѣдованій, и былъ назначенъ главноначальствующимъ надъ горными производствами на Кавказѣ. Оттуда прислалъ онъ въ Академію Наукъ много минераловъ и ископаемыхъ и разностороннія замѣчанія о природѣ и климатѣ Кавказа. Преждевременная смерть прервала его научную и полезную дѣятельность; онъ скончался 18 Апрѣля 1805 г. въ Тифлисѣ.

Мусинъ-Пушкинъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Николаевнѣ Голицыной, но потомства не оставилъ. Князь Долгорукій въ своемъ „Капищѣ“ посвятилъ нѣчто въ родѣ эпитафіи графу Мусину-Пушкину, съ которымъ въ молодости онъ былъ „хорошо знакомъ: вмѣстѣ разыгрывали разныя роли, жили въ одномъ мѣстѣ, однимъ кумиромъ поклонялись“. Переживъ его на много, Долгорукій говоритъ, что онъ „человѣкъ придворный“, но „рожденъ былъ для наукъ и, упражнялся въ натуральныхъ изысканіяхъ въ Грузіи, нашелъ конецъ свой тамъ, гдѣ ожидалъ ученой славы. Лучше бы продолжать играть комедіи, и, можетъ-быть, онъ еще и теперь наслаждался бы физическими благами; зато онъ не боится уже такъ, какъ я, каменной болѣзни и не преданъ докторами въ аренду лихимъ аптекарямъ. Нѣтъ худа безъ добра. Худо умереть рано, а иногда и того хуже жить запоздавши“.

Прилагаемый портретъ, пастель, какъ это видно изъ современной французской надписи на оборотѣ его, писанъ въ Москвѣ 25 Февраля 1788 года.

(Съ портрета, принадлежащаго князю В. Н. Гагарину, с. Никольское-Гагарино, Московской губ.)

Le comte APOLLOS APOLLOSSOWITCH MOUSSINE-POUCHKINE, 1761—1805, fils du comte Apollos Epaphroditowitch Moussine-Pouchkine († 1771) et d'Elisabeth Fédotowna Kamensky († 1800), sœur du feld-maréchal, naquit à Tobolsk le 18 février 1761. Il fut du nombre des très rares représentants de l'aristocratie d'alors qui se consacrèrent à la science. Son père, qu'il perdit d'ailleurs de bonne heure, était président du Collège des Mines, et ce fut sans doute là l'origine de son goût pour les sciences naturelles. Gentilhomme de la chambre et capitaine à la Garde à cheval, puis chambellan actuel, conseiller privé et chevalier de Ste-Anne de 1re classe, il avait des connaissances étendues en chimie et en minéralogie, et se fit comme savant une réputation européenne. Il rédigea plus de vingt mémoires scientifiques: son explication de la résonnance d'une flamme d'hydrogène dans un tube de verre eut un certain temps des adeptes. Il fut membre des Académies des Sciences de Pétersbourg, Berlin, Stockholm et Turin, et de la Société Royale de Londres. Sa carrière de fonctionnaire était en conformité avec ses goûts scientifiques: il fut vice-président du Collège des Mines, et, en 1802, „sacrifia une vie agréable aux intérêts de sa chère patrie“ pour aller faire des études de minéralogie dans la Géorgie, annexée depuis peu; il se fit nommer directeur général des industries minières du Caucase. Il envoya de là-bas à l'Académie des Sciences de nombreux minéraux, des fossiles et des observations de toute sorte sur la nature et le climat du Caucase. Une mort prématurée vint interrompre ses recherches scientifiques et ses utiles travaux; il succomba à Tiflis le 18 avril 1805.

Moussine-Pouchkine avait épousé la princesse Anne Nikolaewna Golitzyne, mais ne laissa pas de postérité. Le prince Dolgorouky, dans son Sanctuaire, consacre une sorte d'épitaphe „à ce bon ami de jeunesse: Nous avons joué ensemble des rôles de comédie, habité ensemble, adoré la même idole“. Dolgorouky, qui lui survécut longtemps, dit: „C'était un homme de Cour“, mais „qui était né pour la science, et qui, dans ses études naturelles en Géorgie, trouva sa fin là où il espérait la gloire scientifique. Mieux eût valu rester à jouer des comédies: peut-être alors continuerait-il à jouir des biens de la vie; mais aussi il n'a plus à redouter la gravelle, comme moi, et il n'est pas livré par les médecins en proie à des coquins de pharmaciens. A quelque chose malheur est bon. C'est un mal de mourir trop tôt, mais quelquefois c'en est un plus grand de vivre trop tard“.

Le portrait ci-joint, un pastel, fut fait à Moscou, comme l'indique une inscription contemporaine au revers, le 25 février 1788.

(D'après un original appartenant au prince V. Gagarine, Nikolskoïé-Gagarino, gouv. de Moscou.)

190

Графиня Прасковія Васильевна Мусина-Пушкина,
1754 — 1826

La Comtesse Prascovie Vassiliewna Moussine-Pouchkine,
1754 — 1826

191

Пис. Левицкій *Peint par Levitzky*

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ,
1735 — 1804

Le Comte Valentin Platonowitch Moussine-Pouchkine,
1735 — 1804

192

Алексѣй Андреевичъ Ржевскій,
1737 — 1804

Alexis Andréewitch Rjewsky,
1737 — 1804

193

Графъ Аполлосъ Аполлосовичъ Мусинъ-Пушкинъ,
1761 — 1805

Le Comte Apollos Apollosowitch Moussine-Pouchkine,
1761 — 1805

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ АДАМЪ ПЕТРОВИЧЪ ОЖАРОВСКІЙ, 1776 — 1855, сынъ кастеляна Войницкаго Петра Юрьевича Ожаровскаго, убитаго мятежной чернью въ Варшавѣ въ 1794 г., службу началъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, въ которомъ находился до 1802 года, когда произведенъ въ полковники. Боевое поприще началъ въ кампанію 1805 г. и подъ Аустерлицемъ, за выдающуюся храбрость и взятіе французскаго знамени, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. За отличіе въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3-й ст. и въ 1807-мъ же году званіемъ генералъ-адъютанта въ чинѣ генералъ-майора. Въ началѣ кампаніи 1812 г. находился при главной квартирѣ Императора Александра, при чемъ на него возложено было размѣщеніе войскъ въ „Дрисскомъ лагерѣ“. По отзыву Шишкова, графъ Ожаровскій былъ ученикомъ въ военныхъ наукахъ и почитателемъ пресловутаго Пфуля, едва не погубившаго русской арміи въ этомъ знаменитомъ „лагерѣ“. За Бородинское сраженіе графъ Ожаровскій пожалованъ золотою шпагою, украшенною алмазами, съ надписью „за храбрость“. Затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Тарутинымъ, Малоярославцемъ и Краснымъ, командуя отдѣльнымъ корпусомъ, при чемъ за военные подвиги при изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Въ слѣдующемъ году принималъ участіе въ дѣлахъ подъ Дрезденомъ, Кульмомъ, Люценомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ, Бріенномъ, Баръ-сюръ-Объ, Сомпюи, Фершампенуазомъ и Парижемъ. Командуя отдѣльнымъ корпусомъ при Сомпюи, захватилъ 20 французскихъ пушекъ, за каковой подвигъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

По окончаніи войны вернулся въ Россію и находился не у дѣлъ до 1827 года, когда Высочайшимъ приказомъ 17 Февраля назначенъ командиромъ отдѣльнаго Литовскаго корпуса и въ Октябрѣ того же года, по домашнимъ обстоятельствамъ, уволенъ въ отставку. Въ 1833 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, а 6 Сентября 1841 г., по упраздненіи этого Совѣта, получилъ повелѣніе присутствовать въ Варшавскихъ Департаментахъ Сената. Въ 1845 г. за отлично-усердную службу награжденъ, по представленію князя Паскевича, алмазными знаками Александра Невскаго.

Скончался графъ Ожаровскій въ Ноябрѣ 1855 года. Былъ женатъ на графинѣ Софіи Адамовнѣ Скаржинской, отъ которой дѣтей не имѣлъ. Высочайше утвержденный за нимъ графскій титулъ перешелъ къ его племянникамъ, сыновьямъ брата его Франца.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 г. Зимняго Дворца.)

Le comte ADAM PÉTROWITCH OJAROWSKY, 1776—1855, eut son père massacré par la populace à Varsovie en 1794, et débuta au service à la Garde à cheval, où il resta jusqu'au grade de colonel en 1802. Sa première campagne fut celle de 1805: à Austerlitz, son éclatante bravoure et la prise d'un drapeau français lui valurent St-Georges de 4e classe. Sa valeur sur les champs de bataille de Gutstadt, Heilsberg et Friedland fut récompensée de St-Georges de 3e classe et, la même année, du titre de général aide de camp avec grade de général major. Au début de la campagne de 1812, il se trouvait au quartier général de l'Empereur Alexandre et fut chargé de l'installation des troupes au Camp de Drissa. Au témoignage de Chichkoff, il était élève en art militaire et admirateur du fameux Pfuhl, qui faillit causer la perte de l'armée russe avec son célèbre Camp. Borodino lui valut une épée d'or enrichie de brillants avec l'inscription Au courage. Il combattit à la tête d'un corps détaché à Taroutino, Malo-Yaroslavetz et Krasnoïé: ses exploits pour purger le territoire russe de l'invasion furent récompensés de Ste-Anne de 1re classe. On le trouve ensuite à Dresde, Kulm, Lutzen, Bautzen, Leipzig, Brienne, Bar-sur-Aube, Sompuis où, à la tête d'un corps détaché, il s'empara de vingt canons français et reçut Alexandre Newsky, puis la Fère-Champenoise et Paris.

Rentré en Russie à la fin de la guerre, il resta dans la vie privée jusqu'en 1827: nommé alors, le 17 février, commandant du corps détaché de Lithuanie, il donna sa démission en octobre, pour raisons de famille. Il fut fait en 1833 membre du Conseil d'Etat du Royaume de Pologne, à la suppression duquel, le 6 septembre 1841, il reçut l'ordre de siéger au Sénat, aux Départements de Varsovie. En récompense de ses services particulièrement zélés, le prince Paskewitch lui fit conférer en 1845 les insignes en brillants d'Alexandre Newsky.

Le comte Ojarowsky mourut en novembre 1855. Il avait épousé la comtesse Sophie Adamowna Skarjinsky, dont il n'eut pas d'enfants. Le titre de comte qui lui avait été confirmé par l'Empereur passa à ses neveux, les fils de son frère François.

(D'après l'original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Маркизъ ФИЛИППЪ ОСИПОВИЧЪ ПАУЛУЧЧИ, 1779—1849, сынъ Австрійскаго камергера маркиза Іосифа Паулуччи и жены его графини Кастеллари, службу началъ въ піемонтскихъ войскахъ, затѣмъ въ австрійскихъ и французскихъ. Въ 1807 г. былъ принятъ на русскую службу съ чиномъ полковника и назначенъ состоять при Михельсонѣ. Въ томъ же году на него возложено дипломатическое порученіе—склонить на сторону Россіи Сербскаго воеводу Георгія Чернаго; результатомъ этихъ переговоровъ была конвенція 28 Іюня 1807 г., въ силу которой Сербія просила Александра I принять ее подъ свое покровительство. Въ 1808 г. Паулуччи назначенъ начальникомъ штаба 8-й пѣх. дивизіи, находившейся въ Финляндіи, участвовалъ въ войнѣ 1808 г., за которую награжденъ Георгіемъ 4-й ст. и чиномъ генералъ-майора. Черезъ два года онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба Грузинскаго корпуса и за отличіе въ сраженіи при Ахалкалакахъ, гдѣ разбилъ 10-тысячный персидско-турецкій корпусъ, произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ томъ же 1810 г. назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ Кавказской арміи, а въ Іюлѣ 1811 г. главнокомандующимъ войсками въ Грузіи. На Кавказѣ маркизъ пробылъ недолго: сдавъ командованіе генералу Ртищеву, пожалованный 7 Іюня 1812 г. въ генералъ-адъютанты, онъ прибылъ въ Петербургъ и былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-й Западной арміи. Едва вступивъ въ исполненіе этой должности, былъ переведенъ на ту же должность въ 1-ю армію, затѣмъ съ конца Іюня въ теченіе нѣкотораго времени находился не у дѣлъ, а въ Октябрѣ 1812 г. былъ назначенъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ Отдѣльнаго корпуса. Немедленно же по вступленіи въ новую должность, онъ, по приказанію Императора Александра, началъ переговоры съ Прусскимъ генераломъ Іоркомъ, результатомъ которыхъ явилась такъ называемая Таурогенская конвенція, подписанная Дибичемъ и Іоркомъ 18 Декабря 1812 года. Въ силу этой конвенціи, Прусскій корпусъ долженъ былъ расположиться на пространствѣ отъ Мемеля до Тильзита и, сохраняя нейтралитетъ, ожидать приказаній отъ своего двора. Эта конвенція, почву для которой несомнѣнно подготовилъ Паулуччи, послужила, однако, къ славѣ Дибича, который пожалъ ея лавры. Маркизъ остался не при чемъ. Напоминать о себѣ онъ не любилъ, являя собою рѣдкій примѣръ корректности и служебнаго безкорыстія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Аракчееву, жалуясь на несправедливыя урѣзки въ его содержаніи, сдѣланныя по распоряженію министра Финансовъ Гурьева, „постоянно“—какъ выразился маркизъ—„ищущаго только надо мною сохранить Государственный интересъ“, Паулуччи писалъ, что слѣдовало бы при этомъ вспомнить о конфискаціи Наполеономъ всего его обширнаго родового имущества за переходъ его на русскую службу. При этомъ онъ прибавилъ, что хотя Александръ I и обѣщалъ ему возмѣстить всѣ убытки, но онъ „никогда не рискнетъ напомнить объ этомъ обѣщаніи, ибо обращеніе къ Государю, по праву его генералъ-адъютантскаго званія, было бы прямымъ злоупотребленіемъ служебнымъ положеніемъ“. Прибалтійскимъ краемъ, въ качествѣ генералъ-губернатора Лифляндскаго, Курляндскаго и Эстляндскаго, Паулуччи управлялъ до 1825 года. Въ бытность его губернаторомъ, у него произошло столкновеніе съ извѣстной баронессой Крюднеръ, которую онъ не хотѣлъ пускать въ Лифляндію. По этому поводу Александръ I писалъ Паулуччи 9 Мая 1818 г.: „Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла? Чѣмъ больше въ такихъ случаяхъ розысковъ и надзору, тѣмъ прибавляется только важности для зѣвакъ. Оставьте г-жу Крюднеръ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ, потому что какое вамъ до того дѣло, какъ кто молится Богу? Каждый отвѣчаетъ Ему по своей совѣсти!“ Въ 1829 г. Паулуччи вышелъ въ отставку и возвратился въ Италію, гдѣ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ Сардинскихъ войскъ, и умеръ въ Ниццѣ 25 Января 1849 г. въ званіи министра Сардинскаго короля.

Маркизъ Паулуччи былъ женатъ трижды: 1) на графинѣ Коскуль, 2) на дочери Одесскаго коменданта Клавдіи Кобле, и 3) на баронессѣ Маріи де-Курсель; только отъ второй жены у него были дѣти, а именно: 2 сына, Александръ-Анафеста (р. 1828 г., † 1886 г.) и Александръ-Николай (р. 1839 г., † 1902 г.), и 3 дочери: Елизавета († 1903 г.; въ замужествѣ Торнджіани), Каролина († 1903 г.; за Коронни) и Альбертина († 189 . г.; въ замужествѣ за Priccі, а во второмъ бракѣ за Ionstonss).

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 года Зимняго Дворца.)

Le marquis **PHILIPPE OSSIPOWITCH PAULUCCI**, 1779—1849, fils du marquis Joseph Paulucci, chambellan autrichien, et de sa femme, née comtesse Castellari, prit d'abord du service à l'armée piémontaise, puis aux armées autrichienne et française. En 1807, il fut admis au service russe comme colonel, et attaché à Michelson. Chargé la même année de la mission diplomatique de gagner au parti de la Russie le voïévode serbe Georges le Noir, il l'amena à signer, le 28 juin, une convention demandant pour la Serbie le protectorat d'Alexandre Ier. L'année suivante, chef d'état-major de la 8e division d'infanterie, il fit la campagne de Finlande, qui lui valut St-Georges de 4e classe et le grade de général major. Deux ans après, chef d'état-major du corps de Géorgie, il se signala à la bataille d'Akhalkalaki, où il tailla en pièces une armée perso-turque de 10.000 hommes, et fut promu général lieutenant. Il fut nommé la même année quartier-maître général de l'armée du Caucase, et devint en juillet 1811 commandant en chef des troupes de Géorgie. Mais il ne resta pas longtemps au Caucase: il remit le commandement au général Rtichtcheff, et, fait général aide de camp le 7 juin 1812, vint à Pétersbourg et fut nommé chef d'état-major de la 3e armée de l'Ouest. Il permuta presque aussitôt avec la même fonction à la 1re armée, puis, à partir de la fin de juin, resta quelque temps dans la vie privée. Nommé en octobre 1812 gouverneur militaire de Riga et commandant d'un corps détaché, il fut chargé par l'Empereur, dès son entrée en fonctions, d'entamer avec le général prussien Iorck des négociations qui aboutirent à la convention de Tauroggen, signée par Dibitch et Iorck le 18 décembre 1812, et en vertu de laquelle le corps prussien devait prendre position de Memel à Tilsitt et attendre des ordres de sa Cour en conservant la neutralité. Toute la gloire du résultat se trouvait revenir à Dibitch, alors que Paulucci, qui avait incontestablement préparé les voies, restait à l'écart: rare exemple de correction et de désintéressement dans le service, il n'aimait pas se faire valoir. Dans une lettre écrite à Araktchéeff pour se plaindre d'une réduction de traitement injustifiée, faite sur l'ordre du ministre des Finances Gourieff, qui, dit-il, „ne cherche constamment à sauvegarder l'intérêt de l'Etat qu'à mes dépens", il ajoutait qu'il serait à propos de tenir compte de la confiscation de son immense patrimoine par Napoléon, lorsqu'il était passé au service russe, et que, quoique Alexandre Ier lui eût promis de le dédommager complètement, „il ne se risquerait jamais à lui rappeler cette promesse, car, en raison de son privilège de général aide de camp, ce serait de sa part un véritable abus de service que de s'adresser à l'Empereur". Il administra les Provinces Baltiques jusqu'en 1825 comme général gouverneur de Livonie, de Courlande et d'Esthonie. Il eut en cette qualité un conflit avec la célèbre baronne Krüdener, qu'il ne voulait pas laisser entrer en Livonie. L'Empereur lui écrivait à cette occasion le 9 mai 1818: „A quoi bon troubler la tranquillité de ceux qui ne s'occupent qu'à prier l'Eternel sans faire de mal à personne? En pareil cas, plus on fait de recherches et de surveillance, plus on donne d'importance à la chose pour les badauds. Laissez Mme Krüdener et les autres jouir d'une parfaite tranquillité, car qu'avez-vous à voir dans la manière dont les gens prient Dieu? Chacun Lui répond sur sa conscience!" En 1829, Paulucci prit sa retraite et retourna en Italie, où il fut nommé inspecteur général de l'armée sarde, et mourut à Nice le 25 janvier 1849 ministre du roi de Sardaigne.

Le marquis Paulucci fut marié trois fois: 1) à la comtesse Koskull, 2) à la fille Claudine Kobley du commandant d'Odessa, et 3) à la baronne Marie de Courcelle. Il n'eut d'enfants que de sa seconde femme, savoir: deux fils, Alexandre-Anatheste (1828—1886) et Alexandre-Nicolas (1839—1902), et trois filles, Elisabeth († 1903, Mme Torigiani), Caroline († 1903, Mme Coroni) et Albertine († 189 . , Mme Pricci, et en secondes noces Mme Ionstonss).

(D'après un original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

194

Пис. Г. Дау — Peint par G. Dawe

Графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій,
1776 — 1855

Le Comte Adam Pétrowitch Ojarowsky,
1776 — 1855

195

Пис. Г. Дау — Peint par G. Dawe

Маркизъ Филиппъ Осиповичъ Паулуччи,
1779 — 1849

Le Marquis Philippe Ossipowitch Paulucci,
1779 — 1849

ДМИТРІЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ДОХТУРОВЪ, 1756—1816, сынъ капитана Сергѣя Петровича, женатаго на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Коробьиной, изъ нажей произведенъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ; на 33-мъ году онъ былъ еще капитаномъ. Шведская война 1790 г., въ которой онъ проявилъ выдающуюся храбрость, и во время которой былъ два раза раненъ, находясь въ десантномъ отрядѣ принца Нассау-Зигена, доставила Дохтурову золотую шпагу. Черезъ 5 лѣтъ онъ былъ пожалованъ чиномъ полковника. Въ царствованіе Павла I, въ 1799 г., онъ былъ уже генералъ-лейтенантомъ. Во время Наполеоновскихъ войнъ начала столѣтія, за бой при Дорнштейнѣ, 30 Октября 1805 г., онъ награжденъ Георгіемъ 3-й степени. Подъ Аустерлицемъ, гдѣ онъ командовалъ дивизіей на лѣвомъ крылѣ, ему пришлось пробиваться сквозь ряды непріятеля, и его считали уже погибшимъ. За этотъ подвигъ онъ награжденъ орд. св. Владиміра 2-й ст. большого креста. Въ слѣдующихъ затѣмъ кампаніяхъ 1806 и 1807 гг. онъ участвовалъ въ болхъ при Голыминѣ, Янковѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, при чемъ, будучи 2 раза раненъ, не покидалъ поля битвы. За эти сраженія онъ получилъ: Анну 1-й ст., шпагу съ алмазами и Александровскую ленту. Въ 1810 г. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

Въ началѣ кампаніи 1812 г. Дохтуровъ со своимъ корпусомъ находился на лѣвомъ крылѣ 1-й Западной арміи и движеніемъ Наполеона къ Вильнѣ былъ отрѣзанъ отъ Барклая, но искуснымъ и быстрымъ движеніемъ на Ошмяны успѣлъ снова съ нимъ соединиться. Въ Смоленскѣ, 5 Августа, защищая городъ, съ геройскою твердостью отразилъ всѣ атаки непріятеля, послѣ чего въ полномъ порядкѣ соединился съ главною арміею. Подъ Бородинымъ онъ командовалъ сначала центромъ, а послѣ раны Багратіона—лѣвымъ крыломъ, всюду руководя боемъ и являясь въ мѣстахъ наиболѣе опасныхъ. На Совѣтѣ въ Филяхъ Дохтуровъ, вмѣстѣ съ Беннигсеномъ, стоялъ за защиту Москвы. Узнавъ отъ партизана Сеславина, что Наполеонъ выступилъ изъ Москвы, и разгадавъ намѣреніе французовъ прорваться въ наши хлѣбородныя губерніи, Кутузовъ поручилъ Дохтурову спѣшить къ Малоярославцу. Кровопролитное сраженіе это, въ которомъ городъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, представляетъ величайшій подвигъ Дохтурова, который въ теченіе 36 часовъ выдерживалъ напоръ непріятеля и заставилъ Наполеона вернуться на разоренную Смоленскую дорогу—событіе, имѣвшее рѣшающее вліяніе на исходъ войны. Наградою за этотъ подвигъ былъ орд. св. Георгія 2-го класса. Въ концѣ кампаніи Дохтуровъ съ своимъ корпусомъ занялъ герцогство Варшавское и находился въ Варшавѣ до конца Іюля 1813 г., послѣ чего поступилъ въ составъ арміи Беннигсена, участвовалъ въ Дрезденской битвѣ, при блокадѣ Магдебурга и по занятіи Гамбурга отправился для лѣченія ранъ на Богемскія минеральныя воды. Находясь въ Вѣнѣ во время конгресса, Дохтуровъ былъ осыпанъ милостями Государя, который въ присутствіи союзныхъ монарховъ всегда оказывалъ ему особенное уваженіе. Въ послѣдній разъ передъ войсками Дохтуровъ явился на смотру при Вертю, послѣ чего по окончаніи войны вышелъ въ отставку. Поселившись въ Москвѣ, здѣсь скончался 14 Ноября 1816 г.; похороненъ въ Давыдовской пустыни, Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи.

Незадолго до кончины Дохтуровъ получилъ драгоцѣнный даръ, въ которомъ выразились любовь и уваженіе его бывшихъ сослуживцевъ, богатую табакерку съ изображеніемъ битвы при Малоярославцѣ, при письмѣ генерала Кайцевича отъ имени всего его корпуса.

Дохтуровъ былъ женатъ на племянницѣ князя П. А. Вяземскаго, княжнѣ Маріи Петровнѣ Оболенской (р. 1771 г., † 1852 г.), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей: Петра (женатъ на А. А. Столыпиной) и Сергѣя (на графинѣ Э. П. Цеге-фонъ-Мантейфель), и двухъ дочерей: Екатерину и Варвару.

Дохтуровъ былъ небольшого роста, тучный, слабаго здоровья, но „въ слабомъ и маломъ тѣлѣ была душа, недоступная слабостямъ“. Очень скромный, онъ не являлъ въ бою блестящей храбрости, но поражалъ своимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ въ пылу битвы. Вѣрующій христіанинъ и убѣжденный фаталистъ, онъ увѣрялъ, что „на каждомъ ядрѣ, на каждой пулѣ написано, кому они предназначены—они виноватаго найдутъ“. Подчиненные любили его и были ему безпредѣльно преданы, а онъ любилъ Россію и все русское—„самые недостатки русскаго народа казались ему выше достоинствъ иностранцевъ“. Благотворительность его и щедрость, благодаря большой сердечной добротѣ, были „безпредѣльны“.

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 года въ Зимнемъ Дворцѣ.)

DMITRI SERGUÉEWITCH DOKHTOUROFF, 1756—1816, fils de Serge Pétrowitch et d'Elisabeth Alexéewna Korobyine, fut d'abord page, puis passa lieutenant au régiment Sémenowsky, où, à 32 ans, il n'était encore que capitaine. La campagne de Suède de 1790, où il fit preuve d'une valeur éclatante, et fut deux fois blessé au corps de descente du prince de Nassau-Siegen, lui valut une épée d'or. Cinq ans plus tard, il passait colonel. Sous le règne de Paul Ier, en 1799, il était déjà général lieutenant. Pendant les guerres napoléoniennes, le combat de Dornstein, le 30 octobre 1805, lui valut St-Georges de 3e classe. A Austerlitz, où il commandait une division à l'aile gauche, il dut se faire jour à travers les rangs ennemis, et on le considéra comme perdu; il reçut pour cet exploit la grand croix de St-Vladimir de 2e classe. Les campagnes de 1806/7 le retrouvent à Golymine, Yankovo, Preussisch-Eylau, Gutstadt, Heilsberg et Friedland, où il reçut deux blessures sans quitter le champ de bataille; il eut en récompense Ste-Anne de 1re classe, une épée enrichie de brillants et le cordon de St-Alexandre. En 1810, il fut promu général d'infanterie.

Au début de la campagne de 1812, Dokhtouroff était avec son corps à l'aile gauche de la 1re armée de l'Ouest, et se trouva coupé de Barclay par le mouvement de Napoléon sur Vilna, mais réussit, par une marche habile et rapide sur Ochmiany, à opérer sa jonction. Le 5 août, il défendit Smolensk avec une héroïque fermeté, repoussa toutes les attaques et se replia en bon ordre sur le gros de l'armée. A Borodino, il commanda d'abord le centre, puis, quand Bagration eut été blessé, l'aile gauche, dirigeant partout le combat et se montrant aux points les plus dangereux. Au conseil de guerre de Fili, il opina avec Bennigsen pour la défense de Moscou. L'évacuation de Moscou par Napoléon, rapportée par le partisan Séslavine, fit deviner à Koutouzoff l'intention des Français de pénétrer dans nos régions à blé, et Dokhtouroff fut envoyé en hâte sur Malo-Yaroslavetz. La sanglante bataille au cours de laquelle la ville fut cinq fois prise et reprise, fut un brillant exploit de Dokhtouroff, qui soutint trente-six heures la pression de l'ennemi, et força Napoléon à reprendre la route dévastée de Smolensk, événement décisif pour l'issue de la campagne. Il reçut en récompense St-Georges de 2e classe. L'invasion repoussée, il occupa avec son corps le duché de Varsovie et resta dans cette ville jusqu'à la fin de juillet 1813; il se réunit alors à l'armée de Bennigsen pour prendre part à la bataille de Dresde et au blocus de Magdebourg, et, après l'occupation de Hambourg, alla se remettre de ses blessures aux eaux de Bohême. A Vienne, où il se trouva au moment du Congrès, il fut comblé d'amitiés par l'Empereur, qui lui témoigna toujours, en présence des monarques alliés, une attention particulière. Il parut pour la dernière fois devant les troupes à la revue de Vertus et prit sa retraite à la fin de la guerre, pour se fixer à Moscou. Il y mourut le 14 novembre 1816, et fut inhumé près de Serpoukhoff, aux environs.

Peu de temps avant sa mort, Dokhtouroff reçut, précieux gage de l'affection et de l'estime de ses anciens compagnons d'armes, une riche tabatière ornée d'une vue de la bataille de Malo-Yaroslavetz, et accompagnée d'une lettre du général Kantzewitch au nom de tout le corps.

Dokhtouroff avait épousé la princesse Marie Pétrowna Obolensky (1771—1852), nièce du prince P. Viazemsky, dont il eut deux fils, Pierre, marié à Mlle A. Stolypine, et Serge, marié à la comtesse E. Zege von Manteuffel, et deux filles, Catherine et Varvara.

Petit, corpulent et délicat de santé, Dokhtouroff „cachait dans un corps frêle et petit une âme inaccessible aux faiblesses". Très simple d'allures, il ne montrait pas au feu une bravoure éclatante, mais il faisait preuve, dans le tourbillon de la mêlée, d'une tranquillité et d'un sang-froid étonnants. Chrétien et croyant, fataliste convaincu, il prétendait que „chaque boulet, chaque balle porte écrit le nom de son destinataire, et va droit au coupable". Ses subordonnés avaient pour lui une affection et un dévouement sans bornes; lui, aimait la Russie et tout ce qui est russe: „les défauts mêmes du peuple russe lui paraissaient supérieurs aux mérites des étrangers". Il était, en raison de son extrême bonté de cœur, d'une bienfaisance et d'une générosité „sans bornes".

(D'après un original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

Баронъ ФЕРДИНАНДЪ ФЕДОРОВИЧЪ ВИНЦИНГЕРОДЕ, 1770—1818, 2-й сынъ адъютанта герцога Фердинанда Брауншвейгскаго Вильгельма-Эрнста Винцингероде-Омфельдъ отъ брака съ Элеонорой, рожденной Винцингероде-Адельборнъ, родился 15 Февраля 1770 г. въ Аллендорфѣ. Военную службу началъ въ гессенскихъ войскахъ, затѣмъ въ австрійскихъ; въ началѣ царствованія Павла I (1797 г.) поступилъ на русскую службу и былъ принятъ въ Кираспрскій полкъ Военнаго ордена съ чиномъ майора. Въ 1798 г. произведенъ въ подполковники Измайловскаго полка, съ назначеніемъ адъютантомъ къ Великому Князю Константину Павловичу, съ которымъ принималъ участіе въ Итальянской кампаніи 1799 г., подъ начальствомъ Суворова. Изъ полковниковъ, 12 Апрѣля 1802 г., Александръ I пожаловалъ его въ генералъ-адъютанты; затѣмъ онъ участвовалъ въ кампаніи 1805 г. и заслужилъ Георгія 3-й ст., а 3 Января 1807 г. вышелъ въ отставку; въ 1809 г. онъ сражался въ рядахъ австрійской арміи и подъ Асперномъ тяжело раненъ въ ногу; за это сраженіе награжденъ чиномъ австрійскаго фельдмаршалъ-лейтенанта. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Отечественную войну, Винцингероде поспѣшилъ въ Россію, гдѣ сначала находился при Главной квартирѣ, а послѣ соединенія арміи подъ Смоленскомъ получилъ отдѣльный отрядъ, предназначенный для прикрытія Петербургской дороги. За успѣшное исполненіе возложенной на него задачи произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а послѣ занятія Москвы находился на Тверской дорогѣ, по которой, по мѣрѣ приближенія французской арміи, отступалъ до Клина, откуда съ прежнимъ успѣхомъ посылалъ партизанскіе отряды на Ярославскую, Дмитровскую и Рузскую дороги. По оставленіи Наполеономъ столицы, Винцингероде снова направился къ Москвѣ и 10 Октября 1812 года прибылъ къ Тверской заставѣ съ небольшимъ авангардомъ, гдѣ встрѣченъ былъ генералъ-майоромъ Иловайскимъ, предупредившимъ его объ опасности вступать въ городъ, такъ какъ арріергардъ французской арміи еще находится въ столицѣ. Желая предупредить намѣреніе Мортье, получившаго приказаніе взорвать Кремль, Винцингероде, взявъ съ собою адъютанта Л. А. Нарышкина и казака, которому велѣлъ навязать бѣлый платокъ на пику, направился въ городъ, но здѣсь былъ захваченъ французами въ плѣнъ и представленъ Наполеону. Послѣдній, въ порывѣ гнѣва, сначала хотѣлъ его разстрѣлять, какъ своего „подданнаго“ и измѣнника, но затѣмъ отмѣнилъ это распоряженіе и приказалъ, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ, отправить его во Францію. По дорогѣ, между Тихочинымъ и Минскомъ, онъ былъ отбитъ казаками (подъ начальствомъ урядника Дудкина). Въ концѣ кампаніи 1812 г. Винцингероде поручено преслѣдованіе остатковъ французской арміи, отступавшей черезъ Великое герцогство Варшавское, и 1 Февраля 1813 г., нагнавъ съ небольшимъ отрядомъ остатки Саксонскаго корпуса Ренье, онъ разбилъ его на-голову подъ Калишемъ, захвативъ въ плѣнъ генерала Ностица, 50 офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ; за это Винцингероде былъ награжденъ Георгіемъ 2-й степени. Затѣмъ онъ принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ 1813 и 1814 гг. вплоть до взятія Парижа союзными войсками. Вернувшись, по окончаніи военныхъ дѣйствій, въ Россію, Винцингероде командовалъ сначала на Волыни 2-мъ пѣх. корпусомъ, затѣмъ Литовскимъ корпусомъ. Въ Маѣ 1818 г. онъ уѣхалъ въ Германію для лѣченія и 18 Іюня умеръ отъ удара въ Висбаденѣ.

По отзывамъ современника и боевого его спутника въ кампаніяхъ 1812—1814 гг., декабриста князя Волконскаго, Винцингероде былъ не только храбрый и способный боевой генералъ, но и человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ и примѣрной честности; онъ пользовался вполнѣ заслуженнымъ расположеніемъ и уваженіемъ Императора Александра, особенно довѣрявшаго его военнымъ способностямъ и познаніямъ. Впрочемъ, при сужденіи о Винцингероде надо принять во вниманіе и отзывы о немъ извѣстнаго Дениса Давыдова.

Винцингероде былъ женатъ съ 19 Сентября 1801 г. на графинѣ Еленѣ Андреевнѣ Ростворовской, изъ Галиціи, отъ которой имѣлъ сына Фердинанда-Филиппа-Федора (р. въ Прагѣ 23 Іюня 1809 г.) и четырехъ дочерей: Марію (р. 19 Марта 1803 г.), Елену (р. 24 Февраля 1807 г.), Корделію (р. 1812 г.) и Лизу (р. 19 Ноября 1817 г.).

(Съ портрета Г. Дау; Галлерея 1812 года Зимняго дворца.)

Le baron **FERDINAND FÉODOROWITCH WINTZINGERODE**, 1770—1818, second fils de Wilhelm-Ernest Wintzingerode-Omfeld, aide de camp du duc Ferdinand de Brunswick, et d'Eléonore, née Wintzingerode-Adelborn, naquit le 15 février 1770 à Allendorf. Il prit d'abord du service à l'armée de Hesse, puis à celle d'Autriche. Au commencement du règne de Paul Ier, en 1797, il entra au service russe comme major aux cuirassiers de l'Ordre de St-Georges. En 1798, il fut fait lieutenant-colonel au régiment Izmaïlowsky et aide de camp du Grand-Duc Constantin Pavlowitch, avec lequel il fit en 1799 la campagne d'Italie sous le commandement de Souvoroff. De lieutenant-colonel, Alexandre Ier le promut le 12 avril 1802 général aide de camp. Il fit ensuite la campagne de 1805, pour laquelle il reçut St-Georges de 3e classe, et quitta le service le 3 janvier 1807. Il combattit en 1809 dans les rangs autrichiens et fut grièvement blessé à la jambe à la bataille d'Aspern, qui lui valut le grade de feld-maréchal-lieutenant de l'armée autrichienne. Dès le début de la Guerre Patriotique, il se hâta de rentrer en Russie; il fut d'abord au quartier général, et, après la jonction des armées sous Smolensk, reçut le détachement destiné à couvrir la route de Pétersbourg: le succès avec lequel il s'acquitta de sa tâche lui valut le grade de général lieutenant. Après l'occupation de Moscou, il prit position sur la route de Tver, le long de laquelle il se replia, au fur et à mesure de l'approche des Français, jusqu'à Kline, d'où il envoya avec le succès habituel des détachements de partisans sur les routes de Yaroslavl, de Dmitroff et de Rouza. Moscou évacuée, il s'y dirigea, et arriva le 10 octobre 1812 avec une petite avant-garde à la barrière de Tver, où le général major Ilovaïsky vint à sa rencontre le prévenir du danger qu'il y avait à entrer dans la ville, l'arrière-garde française s'y trouvant encore. Voulant empêcher Mortier de faire sauter le Kremlin, comme il en avait reçu l'ordre, il prit avec lui son aide de camp L. Narychkine et un cosaque portant un drapeau blanc au bout de sa lance, pour entrer dans la ville, mais il fut fait prisonnier et présenté à Napoléon, qui, dans un accès de colère, voulut d'abord le faire fusiller pour trahison, comme étant „son sujet", mais se contenta pourtant de l'envoyer en France, lui et Narychkine. Les prisonniers furent délivrés en route par des cosaques, sous le commandement du sous-officier Doudkine, entre Ciechoczin et Minsk. A la fin de la campagne de 1812, Wintzingerode fut chargé de poursuivre les débris de l'armée française dans leur retraite à travers le grand-duché de Varsovie, et, le 1er février 1813, tailla en pièces les débris du corps saxon de Renier, qu'il avait rejoints près de Kalisz avec son petit détachement, et fit prisonniers le général Nostitz, cinquante officiers et un grand nombre d'hommes: il reçut en récompense St-Georges de 2e classe. Il fut ensuite de toutes les grandes batailles de 1813 et 1814, jusqu'à la prise de Paris inclusivement. A son retour en Russie, à la fin de la guerre, il commanda d'abord le 2e corps d'infanterie en Volhynie, puis le corps de Lithuanie. En mai 1818, il alla en Allemagne pour sa santé, et mourut subitement à Wiesbaden le 18 juin suivant.

Au témoignage d'un contemporain, le prince Wolkonsky, le décabriste, son compagnon d'armes des campagnes de 1812/14, Wintzingerode fut non seulement un capitaine valeureux et capable, mais encore un homme d'une haute valeur morale et d'une honnêteté exemplaire; il jouissait, et à bon droit, de la faveur et de l'estime de l'Empereur Alexandre, qui avait une confiance particulière dans ses talents et ses connaissances militaires. Aussi bien, convient-il, pour juger Wintzingerode, de tenir compte de l'appréciation du fameux Denis Davydoff.

Wintzingerode avait épousé le 19 septembre 1801 la comtesse Hélène Andréewna Rostvorowsky, de Galicie, dont il eut un fils, Ferdinand-Philippe-Théodore, né à Prague le 23 juin 1809, et quatre filles, Marie (née 19 mars 1803), Hélène (née 24 février 1807), Cordélie (née 1812) et Louise (née 19 novembre 1817).

(D'après un original de G. Dawe, Galerie 1812, Palais d'Hiver.)

196

Ил. Г. Дау — Peint par G. D.

Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ, 1756 — 1816

Dmitri Serguéewitch Dokhtouroff, 1756 — 1816

197

Ил. Г. Дау — Peint par G. D.

Баронъ Фердинандъ Ѳедоровичъ Винцингероде, 1770 — 1818

Le Baron Ferdinand Féodorowitch Wintzingerode, 1770 — 1818

Эксп. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'État

Князь ПАВЕЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ЦИЦІАНОВЪ, 1754—1806, сынъ писателя, ст. сов. князя Дмитрія Павловича отъ брака съ княжной Елизаветой Михайловной Давыдовой, родился въ Москвѣ 8 Сентября 1754 года. Онъ получилъ хорошее домашнее образованіе и 13-и лѣтъ участвовалъ въ переводѣ съ французскаго книги: „Полевой инженеръ или офицеръ, по случаю нужды строящій полевое укрѣпленіе“. Записанный въ дѣтствѣ въ Преображенскій полкъ, Циціановъ началъ службу въ этомъ же полку и въ 1778 г. переведенъ, съ чиномъ подполковника, въ Тобольскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Выборгѣ. Своимъ пребываніемъ въ Финляндіи онъ воспользовался, чтобы познакомиться съ страной съ военной точки зрѣнія. Произведенный въ 1785 г. въ полковники, Циціановъ въ 1786 г. назначенъ былъ командиромъ Петербургскаго гренадерскаго полка, съ которымъ съ успѣхомъ принималъ участіе во 2-й Турецкой войнѣ. Въ 1790 г. Циціановъ былъ произведенъ въ бригадиры, а въ 1793 г. въ генералъ-майоры. Въ 1794 г. находился въ Гроднѣ, гдѣ предотвратилъ возстаніе, а затѣмъ отличился въ дѣлахъ съ поляками, за что получилъ Владиміра 3 ст., Георгія 3 ст. и золотое оружіе. Екатерина II оцѣнила его дарованія и храбрость и въ 1795 г. послала его на Кавказъ, въ помощь В. Зубову. Павелъ I назначилъ Циціанова шефомъ Суздальскаго мушк. полка, но пошатнувшееся здоровье заставило его выйти въ отставку. Александръ I назначилъ Циціанова экспедиторомъ по военной части въ Канцелярію Государственнаго Совѣта. Въ день коронованія Циціановъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1802 г. онъ, какъ человѣкъ знакомый съ Кавказомъ, нравами и обычаями горцевъ, былъ назначенъ туда главноначальствующимъ, съ званіемъ главноуправляющаго Грузіей, Астраханскаго и Кавказскаго военнаго губернатора. Здѣсь Циціановъ поставилъ себѣ задачей расширеніе границъ Россіи и развитіе въ краѣ просвѣщенія, промышленности и торговли. Онъ открылъ въ Тифлисѣ гимназію, улучшилъ пути сообщенія, прекратилъ набѣги горцевъ, въ короткое время расширилъ предѣлы русскихъ владѣній, частью подчинивъ горскія племена силою оружія (лезгины), частью склонивъ владѣтельныхъ князей и хановъ къ добровольному подданству Россіи (Мингрелія, Имеретія, ханство Ширванское и др.). Одновременно Циціанову приходилось вести войну противъ Персіи, недовольной успѣхами русскихъ. Условія были крайне неблагопріятныя, такъ какъ у него было мало войска, почему не всѣ его предпріятія увѣнчивались успѣхомъ; за это время онъ былъ награжденъ Александровской лентой, Владиміромъ 1 ст. и чиномъ генерала-отъ-инфантеріи. Въ началѣ 1806 г. онъ предпринялъ экспедицію противъ Баку и добился того, что ханъ Гуссейнъ, съ которымъ онъ подружился еще въ 1795 г., согласился перейти въ русское подданство. Но когда Циціановъ приблизился къ городскимъ воротамъ взять ключи, былъ измѣннически убитъ ханомъ Гуссейномъ 8 Февраля 1806 года. Тѣло его было изрублено и зарыто въ яму, потомъ погребено въ армянской церкви; въ 1811 г. прахъ его перенесенъ въ Тифлисъ, въ Сіонскій соборъ.

Достойный ученикъ Румянцева и Суворова, Циціановъ былъ оцѣненъ послѣднимъ: въ одномъ изъ приказовъ великій полководецъ предложилъ войскамъ „сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Циціановъ“. Пушкинъ воспѣлъ Циціанова въ „Кавказскомъ плѣнникѣ“:

„Когда на Терекѣ сѣдомъ
Впервые грянулъ битвы громъ
И грохотъ русскихъ барабановъ,
И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
Явился пылкій Циціановъ“.

У современниковъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ: Ростопчинъ былъ его другомъ, его почиталъ Ермоловъ, а Воронцовъ, находившійся съ нимъ въ перепискѣ, позднѣе смотрѣлъ на себя, какъ на продолжателя его дѣла. Циціановъ обладалъ сильнымъ, нѣсколько прямолинейнымъ умомъ и непреклонной волей. Женатъ онъ не былъ.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

Le prince **PAUL DMITRIEWITCH TZITZIANOFF**, 1754—1806, fils du prince Dmitri Pavlowitch Tzitzianoff, connu comme écrivain, et de la princesse Elisabeth Mikhaïlowna Davydoff, naquit à Moscou le 8 septembre 1754. Il reçut chez ses parents une bonne éducation, et, à l'âge de 13 ans, collabora à la traduction de l'ouvrage français **L'Ingénieur en campagne ou l'officier dans la nécessité d'élever des fortifications de campagne.** Enrôlé tout enfant au régiment Préobragensky, il y fit ses débuts effectifs, et passa en 1778, comme lieutenant colonel, au régiment d'infanterie de Tobolsk, cantonné à Viborg. Il profita de son séjour en Finlande pour faire connaissance avec le pays au point de vue militaire. Colonel en 1785, il fut nommé l'année suivante commandant du régiment des grenadiers de Pétersbourg, avec lequel il fit avec succès la 2e guerre de Turquie. Brigadier en 1790 et général major en 1793, il était en 1794 à Grodno, où il comprima l'insurrection, et se distingua ensuite dans les affaires avec les Polonais, qui lui valurent St-Vladimir de 3e classe, St-Georges de 3e classe et une épée d'or. Catherine II appréciait ses talents et sa valeur et l'envoya en 1795 au Caucase comme adjoint à V. Zouboff. Paul Ier le nomma chef du régiment des mousquetaires de Souzdal, mais le mauvais état de sa santé l'obligea à prendre sa retraite. Alexandre lui confia la direction de la section militaire de la chancellerie du Conseil de l'Empire, et, le jour du couronnement, le promut général lieutenant. En 1802, il fut choisi, comme connaisseur du Caucase et des droits et usages des montagnards, pour y être commandant en chef, avec le titre d'administrateur général de la Géorgie, de gouverneur militaire d'Astrakhan et du Caucase. Là il prit surtout à tâche de reculer les frontières de l'Empire et de développer l'instruction, l'industrie et le commerce de la région. Il fonda un gymnase à Tiflis, améliora les voies de communication, mit un terme aux incursions des montagnards, et accrut rapidement l'étendue des possessions russes, soit par voie de conquête (Lesghines), soit en amenant de bon gré les princes régnants et les khans à demander la nationalité russe (Mingrélie, Imérétie, khanat de Chirvane, etc.). Il eut en même temps à combattre la Perse, mécontente des succès des Russes. Les conditions étaient extrêmement défavorables, en raison du peu de forces dont il disposait et qui l'empêcha de mener à bien toutes ses entreprises. Ses efforts lui valurent le cordon de St-Alexandre, St-Vladimir de 1re classe et le grade de général d'infanterie. Il entreprit au commencement de 1806 une expédition contre Bakou, et amena le khan Husséin, avec lequel il s'était lié dès 1795, à demander la nationalité russe, mais, comme il approchait des portes de la ville pour prendre livraison des clés, il fut perfidement tué par lui, le 8 février 1806. Son corps fut mutilé et enfoui dans une fosse, puis inhumé à l'église arménienne; en 1811, sa dépouille fut transférée à la cathédrale de Sion, à Tiflis.

Digne élève de Roumiantzeff et de Souvoroff, Tzitzianoff était apprécié par celui-ci: dans un ordre du jour, le grand capitaine recommande aux troupes „de se battre vaillamment, comme le valeureux général Tzitzianoff". Pouchkine a chanté Tzitzianoff dans son **Prisonnier du Caucase:**

„Quand sur le Térek écumeux
„Retentit le premier combat
„Et roulèrent les tambours russes,
„Audacieux dans la mêlée
„Parut le bouillant Tzitzianoff".....

Les contemporains le tenaient en grande estime: Rostoptchine fut son ami, Yermoloff son admirateur, et Worontzoff, qui fut en correspondance avec lui, se regarda plus tard comme le continuateur de son œuvre. Esprit vigoureux et tant soit peu raide, il avait une volonté inflexible. Il ne fut pas marié.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ЦИЦІАНОВЪ, 1765—1841, младшій братъ знаменитаго князя Павла Дмитріевича, началъ службу въ Преображенскомъ полку капенармусомъ въ 1787 г., чрезъ 3 года, 1 Января 1790 г., былъ произведенъ въ прапорщики, въ 1792 г.—въ поручики; затѣмъ, 1 Января 1795 г. перешелъ въ армію въ Софійскій полкъ премьеръ-майоромъ, а 8 Апрѣля 1798 г. произведенъ въ полковники. Въ Августѣ того же года переведенъ въ Кирасирскій полкъ генерала Неплюева и въ слѣдующемъ году, 12 Ноября 1799 г., отставленъ отъ службы.

Съ вступленіемъ на престолъ Императора Александра I, князь Циціановъ вновь поступилъ на службу, но уже по гражданскому вѣдомству, въ Кремлевскую Экспедицію, съ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1806 г. онъ назначенъ присутствующимъ въ Оружейной палатѣ и 3 Марта 1808 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1812 г. Циціановъ былъ причисленъ къ Герольдіи, а въ слѣдующемъ году назначенъ директоромъ Комиссіи для строеній въ Москвѣ; въ 1814 г. перешелъ опять на службу въ Экспедицію Кремлевскую и Оружейную палату. 30 Августа 1816 г., произведенный въ тайные совѣтники, назначенъ сенаторомъ Московскихъ департаментовъ.

Въ 1828 г., 16 Ноября, князь Циціановъ уволенъ отъ службы и умеръ, почти 80-и лѣтъ отъ роду, 16 Марта 1841 года; погребенъ въ селѣ Всесвятскомъ, близъ Москвы.

(Съ акварельнаго портрета Пеллегрини; собственность княгини А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

Le prince MICHEL DMITRIEWITCH TZITZIANOFF, 1765—1841, frère cadet du célèbre prince Paul Tzitzianoff, entra au service en 1787, comme capitaine d'armes au régiment Préobragensky, où il devint porte-enseigne trois ans plus tard, le 1er janvier 1790, et lieutenant en 1792. Il passa ensuite à l'armée le 1er janvier 1795, comme premier-major au régiment Sofiisky et fut promu colonel le 8 avril 1798. Au mois d'août de la même année, il permuta aux cuirassiers du général Néplioueff, et quitta le service le 12 novembre 1799.

A l'avènement de l'Empereur Alexandre Ier, le prince Tzitzianoff reprit du service, mais dans le civil, aux Bureaux du Kremlin, avec rang de conseiller d'état. En 1806, il fut appelé à siéger à l'Oroujéïnaïa Palata, et, le 3 mars 1808, fut promu conseiller d'état actuel. Attaché à la Chambre Héraldique en 1812, il fut nommé l'année suivante directeur de la Commission de reconstruction de Moscou, d'où il revint, au bout d'un an, aux Bureaux du Kremlin et à l'Oroujéïnaïa Palata. Le 30 août 1816, il fut promu conseiller privé et fait sénateur aux départements de Moscou.

Retraité le 16 novembre 1828, le prince Tzitzianoff mourut presque octogénaire, le 16 mars 1841. Il fut inhumé au village de Vsésviatskoïé, près Moscou.

(D'après une aquarelle de Pellegrini, appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ АРСЕНЬЕВЪ, 1777—1807, сынъ Московскаго предводителя дворянства Василія Дмитріевича отъ брака съ Евдокіей Александровной Соймоновой, 1 Января 1796 г. былъ произведенъ въ Преображенскомъ полку въ прапорщики, 25 Декабря 1799 г. — въ капитаны, а въ 1801 г. командовалъ батальономъ въ Преображенскомъ полку. Здѣсь онъ сблизился съ графомъ М. С. Воронцовымъ и С. П. Маринымъ: неразрывная дружба соединяла всѣхъ троихъ „костуевъ“ (какъ они себя называли) до самой кончины Арсеньева. Когда они были вмѣстѣ, они жили на одной квартирѣ, были своими людьми въ домѣ тетки Воронцова, М. А. Нарышкиной, когда были врозь — вели между собой оживленную переписку. Съ Кавказа Воронцовъ писалъ Арсеньеву: „N'en dites pas un mot ni à ma tante, ni à ma cousine, ni à personne, excepté Маринъ“, отъ котораго не было секретовъ. Человѣкъ крайне добрый и мягкій, съ далеко не твердымъ характеромъ, „милый полковникъ“ часто и легко увлекался. Въ 1804 г. неудачное увлеченіе княгиней Е. А. Суворовой заставило Арсеньева отправиться на Іонические острова въ отрядѣ Анрепа, оттуда въ 1805 г. въ Италію. Воронцовъ писалъ ему туда: „Не могу описать тебѣ, сколько я огорченъ твоимъ состояніемъ и тѣмъ больше, что недостойная виновница онаго есть мнѣ двоюродная сестра, которую я всегда любилъ, какъ душу. Слава Богу, по послѣднимъ твоимъ письмамъ мы можемъ надѣяться, что ты совершенно превозмогъ страсть, которая тебя терзала. Клянусь тебѣ, хоть мнѣ и больно въ этомъ признаваться, что предметъ оной совершенно не заслуживаетъ, чтобъ ты ею занимался; презирай ее, она того заслуживаетъ, но не обнаруживай ея пороковъ. Маринькѣ также не вѣрь: она добрая дѣвка, но съ сестрицей одна душа“.... Воронцовъ очень скучалъ объ Арсеньевѣ: „Маринъ мнѣ свидѣтель, что нѣтъ дня, въ которомъ мы о тебѣ бы не говорили и не разсчитывали, когда съ тобой можемъ увидѣться и жить попрежнему“... „Привычка раздѣлять всѣ удовольствія съ тобой до того въ меня вкоренилась, что безъ тебя совершеннаго удовольствія въ Петербургѣ вкушать не буду: въ театрѣ ли я, ищу тебя.... Знаешь ли ты, что я Марина еще больше полюбилъ, какъ увидѣлъ, какъ онъ къ тебѣ привязанъ! Ты въ немъ имѣешь истиннаго друга. Люби меня такъ, какъ я тебя люблю: больше не желаю и желать не могу“. По возвращеніи въ Петербургъ, Арсеньева постигло новое увлеченіе, имѣвшее для него трагическую развязку. Онъ влюбился и сдѣлалъ предложеніе фрейлинѣ Маріи Карловнѣ Рённе (р. 1783 г.), которое было принято. „Эта помолвка“, пишетъ князь Волконскій, „получила полную огласку“. Спустя нѣсколько времени, невѣстѣ Арсеньева сдѣлалъ предложеніе графъ Ириней Хрептовичъ, и „мать, прельщенная богатствомъ графа, уговорила дочь отказать“ первому жениху. Послѣдній „не вынесъ этой обиды и вызвалъ на поединокъ графа Хрептовича“. На дуэли Арсеньевъ былъ убитъ 3 Декабря 1807 года. „Весь Петербургъ вполнѣ оправдывалъ Арсеньева и принималъ въ постигшей его смерти радушное участіе; его похороны почтила молодежь Петербургская своимъ присутствіемъ“. Осуждаемый всѣми, Хрептовичъ уѣхалъ изъ Петербурга въ имѣніе, и тамъ въ 1808 г. Рённе вышла за него замужъ. Арсеньевъ похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; С. П. Маринъ посвятилъ ему слѣдующее двустишіе:

„Ты душу грѣшную, о Боже, ублажи
„И горести ея за гробъ не продолжи!“

Передъ дуэлью Арсеньевъ оставилъ записку, въ которой дѣлалъ распоряженія о своихъ долгахъ, завѣщалъ дать на батальонъ 500 р., отпускалъ на волю своихъ слугъ, а вещи просилъ раздать друзьямъ, какъ „памятники“ отъ него, секундантовъ просилъ взять его кольца. Предавая „суду свѣта“ доведшихъ его до этого положенія „скаредовъ“, онъ заканчиваетъ такъ свою записку: „Братьевъ поручаю покровительству моихъ друзей; прошу вникнуть въ мои обстоятельства, посудить меня и пожалѣть, буде найденъ виновнымъ. Любилъ друзей, родныхъ, былъ преданъ Государю Александру и чести, которая была для меня во всю мою жизнь единственнымъ закономъ. Имѣлъ почти всѣ пороки, вредные ни для кого иного, какъ для самого меня“. 7 Декабря генералъ-инспекторъ кавалеріи, Цесаревичъ, рапортовалъ Государю, что гр. Воронцовъ и гр. Де-Бальменъ донесли, что они были 3 Декабря, вмѣстѣ съ Арсеньевымъ, на охотѣ по Петергофской дорогѣ, близъ Чернышевой дачи, и, „разойдясь въ лѣсу, услышали выстрѣлъ, на который сошедшись, нашли полковника Арсеньева мертвымъ“, и „что случилось это по неосторожности Арсеньева, который, какъ видно, желая перейти ровъ, оперся на ружье свое и онымъ нечаянно застрѣлился“.

(Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

DMITRI VASSILIEWITCH ARSÉNIEFF, 1777—1807, fils d'un maréchal de la noblesse de Moscou et d'Eudoxie Alexandrowna Soïmonoff, prit du service au régiment Préobragensky, où il fut promu porte-enseigne le 1er janvier 1796, capitaine le 25 décembre 1799, et où il commanda un bataillon en 1801. Il s'y lia avec le comte M. Worontzoff et avec S. Marine: une inséparable amitié les unit jusqu'à la mort même d'Arsénieff. Quand ils étaient ensemble, ils habitaient le même appartement, et étaient familiers chez la tante de Worontzoff, Mme M. Narychkine; séparés, ils étaient en correspondance suivie. Etant au Caucase, Worontzoff écrivait à Arsénieff: „N'en dites pas un mot ni à ma tante, ni à ma cousine, ni à personne, excepté Marine", pour lequel il n'avait pas de secrets. D'une bonté et d'une douceur extrêmes, mais sans la moindre fermeté, „le charmant colonel" s'enflammait souvent et facilement. En 1804, une passion malheureuse pour la princesse H. Souvoroff l'obligea à partir avec le détachement d'Anrep pour les îles Ioniennes, d'où il passa l'année suivante en Italie. Là Worontzoff lui écrivait: „Je ne peux pas te décrire comme je suis désolé de ce qui t'arrive, d'autant plus que la peu intéressante personne en question est ma cousine, que j'ai toujours aimée comme mon âme. Dieu merci, tes dernières lettres permettent d'espérer que tu as complètement dompté la passion qui te tourmentait, et dont l'objet, je te jure, quoi qu'il me coûte d'en convenir, ne mérite nullement ton attention: dédaigne-la, elle le mérite, mais ne dévoile pas ses défauts. Ne crois pas non plus à Marie: c'est une bonne fille, mais elle ne fait qu'un avec sa sœur".... Worontzoff s'ennuyait beaucoup d'Arsénieff: „Marine m'est témoin qu'il n'y a pas de jour que nous ne parlions de toi et que nous ne comptions quand on pourra se revoir et vivre comme avant".... „L'habitude de partager tous les plaisirs avec toi est tellement enracinée en moi, que je ne peux goûter sans toi aucun plaisir complet à Pétersbourg: suis-je au théâtre, je te cherche.... Sais-tu que j'ai pris encore davantage Marine en affection, depuis que j'ai vu comme il t'est attaché! Tu as en lui un véritable ami. Aime-moi comme je t'aime: je ne désire et ne peux désirer rien de plus!" De retour à Pétersbourg, Arsénieff éprouva une nouvelle passion, qui eut pour lui un dénouement tragique. Il devint amoureux de la demoiselle d'honneur Marie Karlowna Rönne (née 1783), et fit sa demande, qui fut agréée. „Ces fiançailles", écrit le prince Wolkonsky, „avaient reçu une publicité complète". Quelque temps après, la fiancée fut l'objet d'une nouvelle demande, de la part du comte Irénée Khreptowitch, et „sa mère, séduite par la richesse du comte, l'engagea à retirer sa parole" à son premier fiancé. Celui-ci „ne put supporter l'offense et provoqua son rival", par lequel il fut tué en duel le 3 décembre 1807. „Tout Pétersbourg donna entièrement raison à la victime, et prit à son infortune une part chaleureuse; la jeunesse de la capitale rendit à ses funérailles l'hommage de sa présence". Khreptowitch, emportant la réprobation générale, se retira dans ses propriétés, où la jeune fille l'épousa peu après. Arsénieff fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky; Marine lui consacra le distique suivant:

„Ayez pitié, mon Dieu, de cette âme coupable:
„Ne la réprouvez point par-delà le tombeau!"

Par une note rédigée avant le duel, Arsénieff régla ses dettes, légua 500 roubles à son bataillon, donna la liberté à ses domestiques, fit distribuer ses affaires à ses amis „en souvenir", et laissa ses bagues à ses témoins. Livrant „au jugement du monde" les „scélérats" qui l'avaient réduit à cette extrémité, il termine ainsi: „Je remets mes frères à la protection de mes amis; qu'on examine bien les choses, qu'on me juge, et qu'on ait pitié de moi, si je suis trouvé coupable. J'ai aimé mes amis, mes parents, j'ai été dévoué à l'Empereur Alexandre et à l'honneur, qui fut la loi unique de toute ma vie. J'ai eu presque tous les vices, qui n'ont fait de tort qu'à moi-même". Le 7 décembre, le Césarewitch, inspecteur général de la cavalerie, rendait compte à l'Empereur que le comte Worontzoff et le comte de Balmain avaient rapporté: Ayant été le 3 décembre avec Arsénieff à la chasse sur la route de Péterhof, près de la villa Tchernycheff, et „nous étant dispersés en forêt, avons entendu une détonation, à laquelle étant accourus, avons trouvé le colonel Arsénieff mort"..., „ce qui est dû à l'imprudence d'Arsénieff, qui, comme il était visible, voulant sauter un fossé, s'était appuyé sur son fusil et avait reçu la décharge par accident".

(D'après un original appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЛОНГИНОВЪ, 1779—1853, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь, предсѣдатель Комитета призрѣнія заслуженныхъ чиновниковъ, сынъ сельскаго священника Харьковской губ., благодаря личнымъ своимъ качествамъ и способностямъ, достигъ высокаго служебнаго положенія. Началъ службу въ причтѣ посольской церкви въ Лондонѣ, а затѣмъ перешелъ въ гражданскую службу и состоялъ сначала при посольствѣ въ Лондонѣ же, а потомъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ. Возвышенію его содѣйствовало то, что на него, благодаря его способностямъ, обратили вниманіе посолъ графъ С. Р. Воронцовъ и ѣздившій съ дипломатическимъ порученіемъ въ Англію графъ П. А. Строгановъ. Черезъ послѣдняго Лонгиновъ получилъ въ 1812 г. мѣсто секретаря при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ былъ тайнымъ помощникомъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ Государыни. Въ царствованіе Николая I онъ былъ сначала статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, а потомъ управляющимъ Собственной Ея Императорскаго Величества канцеляріей и завѣдывалъ всѣми благотворительными и учебными заведеніями, состоявшими подъ непосредственнымъ покровительствомъ Императрицы Александры Ѳеодоровны (Патріотическій институтъ, Елизаветинскія училища, дома трудолюбія и пр.). По объединеніи управленія этихъ заведеній съ учрежденіями Императрицы Маріи въ 1845 г., Лонгиновъ былъ назначенъ членомъ Главнаго Совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и совѣта Патріотическаго института, но продолжалъ попрежнему завѣдывать вышеупомянутыми заведеніями.

Скончался П. М. Лонгиновъ 21 Декабря 1853 г. и погребенъ въ с. Архангельскомъ, Тульской губерніи; былъ женатъ на Маріи Александровнѣ Крюковой и имѣлъ 3 сыновей, изъ которыхъ Михаилъ былъ извѣстный библіографъ и историкъ, занимавшій должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати.

Отличаясь высокими качествами ума и сердца, П. М. Лонгиновъ оставилъ по себѣ отличную память въ тѣхъ учрежденіяхъ, во главѣ которыхъ онъ долго стоялъ.

(Съ акварельнаго портрета Беннера 1813 г.; собственность княгини А. М. Козловской, въ Москвѣ.)

201

NICOLAS MIKHAÏLOWITCH LONGUINOFF, 1779 — 1853, conseiller privé actuel, sénateur, membre du Conseil de l'Empire, secrétaire d'état, président du Comité d'assistance aux fonctionnaires émérites, était fils d'un prêtre de campagne du gouvernement de Kharkoff, et ne dut ses succès de carrière qu'à ses mérites et à ses talents personnels. Il débuta au service à l'église de l'ambassade de Londres, puis passa dans le civil, et fut d'abord attaché à l'ambassade même de Londres, puis au ministère des Finances. Il fut redevable de son élévation au comte S. Worontzoff, dont ses talents avaient attiré l'attention, et au comte P. Stroganoff, chargé d'une mission diplomatique en Angleterre, qui lui fit obtenir en 1812 la place de secrétaire de l'Impératrice Elisabeth Alexéewna; il fut l'auxiliaire secret de toutes les bonnes œuvres de l'Impératrice. Sous Nicolas Ier, il devint d'abord secrétaire d'état à la Commission des Requêtes, puis directeur de la Chancellerie Particulière de Sa Majesté l'Impératrice, et eut le contrôle de tous les établissements de bienfaisance et d'instruction placés sous la protection immédiate de l'Impératrice Alexandra Féodorowna (Institut Patriotique, Ecoles Elisabeth, Ouvroirs, etc.). Lors de leur fusion dans l'administration de ceux de l'Impératrice Marie, en 1845, Longuinoff fut nommé membre du Conseil Général des établissements d'instruction de jeunes filles et du Conseil de l'Institut Patriotique, tout en continuant à administrer les mêmes établissements que par le passé.

Longuinoff mourut le 21 décembre 1853 et fut inhumé à Arkhangelskoïé, gouvernement de Toula. Il avait épousé Marie Alexandrowna Krioukoff, et eut trois fils, dont l'un, Michel, est connu comme bibliographe et historien et fut chef de la Direction générale de la Presse.

Orné de qualités supérieures d'esprit et de cœur, Longuinoff laissa le meilleur souvenir partout où il avait été en fonctions.

(D'après une aquarelle de Benner, 1813, appartenant à la princesse A. Kozlowsky, Moscou.)

198

Князь Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ,
1754 — 1806

Le Prince Paul Dmitriewitch Tzitzianoff,
1754 — 1806

199

Пис. Пеллегрини — *Peint par Pellegrini*

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Циціановъ,
1765 — 1841

Le Prince Michel Dmitriewitch Tzitzianoff,
1765 — 1841

200

Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ,
1777 — 1807

Dmitri Vassiliewitch Arsénieff,
1777 — 1807

201

Пис. Беннеръ, 1813 — Peint par Benner, 1813

Николай Михайловичъ Лонгиновъ,
1773 — 1853

Nicolas Mikhaïlowitch Longuinoff,
1773 — 1853

Графиня АННА КАРЛОВНА ВОРОНЦОВА, 1722—1775, дочь старшаго брата Екатерины I, Карла Самойловича Скавронскаго, возведеннаго въ 1727 г. въ графское достоинство, родилась 7 Декабря 1722 года. Кто была ея мать—неизвѣстно, знаютъ только, что ее звали Марьей Ивановной. Цесаревна Елисавета Петровна особенно полюбила Анну Карловну, еще дѣвочкой взяла ее къ своему двору и назначила гофъ-фрейлиною, а по восшествіи своемъ на престолъ пожаловала въ статсъ-фрейлины. Затѣмъ Императрица выдала ее за Михаила Иларіоновича Воронцова. Свадьба была отпразднована при дворѣ съ большой пышностью 31 Января 1742 г., сама Государыня, въ предшествіи трубачей и литавръ, проводила новобрачныхъ въ ихъ домъ и осталась на ужинѣ и на балу. 25 Апрѣля того же года Воронцова была пожалована въ статсъ-дамы, а 29 Іюня 1760 г. возведена въ званіе оберъ-гофмейстерины. Получивъ отъ Петра III, 9 Февраля 1762 г., орденъ св. Екатерины большого креста, графиня Воронцова не носила портрета Императрицы, а только, подобно ландграфинѣ А. П. Гессенъ-Гомбургской, Екатерининскую ленту. Императрица Елисавета постоянно отличала Анну Карловну и подчеркивала свое родство съ ней; во время заграничнаго путешествія Воронцовыхъ въ 1746 г. послѣдовало даже распоряженіе, чтобы ни жена русскаго посланника въ Берлинѣ, ни графиня Воронцова не цѣловали руки у принцессы Цербстской, матери Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. Анна Карловна постоянно находилась въ обществѣ Императрицы, а Елисавета часто бывала запросто у нея въ домѣ, гдѣ встрѣчалась со всѣми иностранными резидентами при Русскомъ дворѣ, ухаживавшими за женой великаго канцлера и считавшимися съ ея вліяніемъ въ иностранной политикѣ. Въ короткое царствованіе Петра III, Воронцовы принадлежали всецѣло къ партіи Императора и находились въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ его 28 Іюня 1762 г. въ его бѣгствѣ на галеръ изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Говорили, что по воцареніи Екатерины графиня Анна Карловна вернула Императрицѣ свой кавалерственный орденъ, но получила его обратно. На коронаціи Екатерины, Воронцова, согласно церемоніалу, оправляла на Государынѣ порфиру и Андреевскую ленту. Овдовѣвъ въ 1767 г., графиня Воронцова не играла видной роли при дворѣ, хотя Цесаревичъ Павелъ Петровичъ называлъ ее тетушкой. Жила она въ своемъ великолѣпномъ домѣ, въ кварталѣ Литейнаго двора, гдѣ и умерла на 53 году жизни, 31 Декабря 1775 г.; погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Невской лавры.

По свидѣтельству Гельбига, графиня Воронцова была прелестная женщина, но любила выпить. Большая мотовка, модница и щеголиха, благодаря положенію мужа, постоянно водившая знакомство съ чужестранными министрами въ Петербургѣ и, какъ она выражалась, „съ цѣлымъ магазейномъ посланницъ“, она знала многіе дипломатическіе секреты и не чужда была политики. Екатерина II въ своихъ „Запискахъ“ говоритъ, что Саксонскій резидентъ въ С.-Петербургѣ, Прассъ, „къ удивленію, имѣлъ свѣдѣнія о многихъ предметахъ, о которыхъ, повидимому, ему вовсе неоткуда было узнать. Источникъ этихъ свѣдѣній открылся много лѣтъ спустя: Прассъ былъ тайнымъ и весьма скромнымъ любовникомъ жены великаго канцлера графини А. К. Скавронской, которая видѣлась съ нимъ у пріятельницы своей, Самариной, жены церемоніймейстера“. Имѣя лишь одну дочь, графиню Анну Михайловну (р. 1743 г., † 1769 г.; вторая ея дочь, Елизавета, р. въ 1757 г. и умерла въ дѣтствѣ), графиня Воронцова была сильно къ ней привязана; несчастное супружество дочери съ графомъ А. С. Строгановымъ, окончившееся разводомъ, и ранняя ея смерть оставили ее „неутѣшною“. Какъ своихъ, любила Анна Карловна и дѣтей брата мужа, графа Романа Иларіоновича, рано оставшихся безъ матери; изъ нихъ младшая дочь, Екатерина, съ четырехлѣтняго возраста воспитывалась у нея въ домѣ. Эта послѣдняя, позднѣе извѣстная княгиня Дашкова, которую графиня Воронцова подъ конецъ „за безпутное ея поведеніе отрекла отъ своего дому“, въ своихъ „Запискахъ“ немногими словами мѣтко охарактеризовала свою тетку: „Un orgueil naturel, amalgamé je ne sais comment avec une sensibilité et une tendresse de caractère excessives“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михайловича.)

La comtesse ANNE KARLOWNA WORONTZOFF, 1722—1775, fille du frère aîné de Catherine Ire, Charles Samoïlowitch Skavronsky, élevé en 1727 à la dignité de comte, naquit le 7 décembre 1722. Qui était sa mère, on l'ignore: on sait seulement qu'elle s'appelait Marie Ivanowna. Elle fut l'objet de l'affection particulière de la Césarewna Elisabeth Pétrowna, qui la prit tout enfant à sa Cour, la nomma demoiselle de Cour, puis, à son avènement, la fit demoiselle d'honneur, et la maria à Michel Ilarionowitch Worontzoff. Le mariage fut célébré à la Cour en grande pompe, le 31 janvier 1742; l'Impératrice, précédée d'un cortège de trompettes et de timbales, reconduisit les mariés chez eux et resta au souper et au bal. Le 25 avril suivant, Mme Worontzoff fut faite dame d'honneur et, le 29 juin 1760, grande maîtresse de la Cour. Décorée par Pierre III, le 9 février 1762, de la grand croix de Ste-Catherine, elle ne porta pas le portrait de l'Impératrice, mais seulement le cordon, comme la landgrave de Hesse-Hombourg. L'Impératrice Elisabeth la distingua toujours et souligna sa parenté avec elle; lors du voyage des Worontzoff à l'étranger en 1746, des instructions furent même données pour que ni la femme de l'ambassadeur de Russie à Berlin, ni la comtesse Worontzoff ne baisassent la main de la princesse de Zerbst, mère de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna. La comtesse était constamment dans la société de l'Impératrice, qui venait souvent la voir sans cérémonie, et rencontrait chez elle tous les résidents étrangers près la Cour de Russie, fort assidus près de la femme du grand chancelier en raison de son influence sur la politique extérieure. Durant le court règne de Pierre III, les Worontzoff furent entièrement du parti de l'Empereur et se trouvèrent du nombre de ceux qui l'accompagnèrent le 28 juin 1762 dans sa fuite en galère d'Oranienbaum à Cronstadt. La comtesse aurait ensuite rendu sa décoration à la nouvelle Impératrice, qui la lui fit, dit-on, garder. Au couronnement, conformément au cérémonial, ce fut elle qui ajusta à la Souveraine la pourpre et le cordon de St-André. Devenue veuve en 1767, elle cessa d'avoir un rôle marquant à la Cour, bien que le Césarewitch Paul Pétrowitch l'appelât sa tante. Elle habita sa magnifique maison du quartier des Fonderies et y mourut dans sa 53e année. Elle fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Au témoignage d'Helbig, la comtesse Worontzoff était une personne charmante, mais qui aimait la boisson. Grande dépensière, à l'affût de la mode et du chic, en relations incessantes, grâce à la position de son mari, avec les ministres étrangers à Pétersbourg et, comme elle disait elle-même, „avec tout un magasin d'ambassadrices“, elle connaissait nombre de secrets diplomatiques et n'était pas étrangère à la politique. Catherine II raconte dans ses Mémoires que le résident de Saxe, Prass, „possédait, chose étonnante, des renseignements de source en apparence absolument énigmatique. La provenance en fut découverte de nombreuses années plus tard: Prass était l'amant caché et fort discret de la femme du grand chancelier, comtesse Skavronsky, qui le recevait chez une amie, la femme du maître des cérémonies Samarine“. La comtesse Worontzoff, ayant perdu de bonne heure sa seconde fille, Elisabeth, née en 1757, n'en avait plus qu'une, Anne (1743—1769), à laquelle elle témoignait un très vif attachement, et dont le mariage malheureux, qui finit par un divorce, avec le comte A. Stroganoff, puis la mort prématurée la laissèrent „inconsolable“. Elle aimait comme ses propres enfants ceux du frère de son mari le comte Romain Ilarionowitch, qui avaient perdu leur mère de bonne heure, et éleva chez elle depuis l'âge de 4 ans la plus jeune des filles, Catherine; celle-ci, plus tard la fameuse princesse Dachkoff, „fut, pour sa conduite éhontée, réprouvée“ par sa tante, dont elle donne dans ses Mémoires une brève et bien juste caractéristique: „Un orgueil naturel, amalgamé je ne sais comment avec une sensibilité et une tendresse de caractère excessives“.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Княгиня ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА, 1743—1810, дочь графа Романа Иларіоновича отъ брака съ Маріей Ивановной Сурминой, родилась 17 Марта 1743 г. и была крестницей Императрицы Елисаветы и Великаго Князя Петра Ѳеодоровича. Двухъ лѣтъ она лишилась матери и была взята на воспитаніе гр. М. И. Воронцовымъ. „Модное и внѣшнее“ воспитаніе въ домѣ дяди, вмѣстѣ съ его единственной дочерью, ограничивалось изученіемъ иностранныхъ языковъ и танцами. Но графиня Е. Воронцова, одаренная отъ природы умомъ и рѣдкими способностями, сумѣла пополнить недостатки образованія серіознымъ чтеніемъ, и въ 15 лѣтъ за ней уже утвердилась льстившая ей репутація ученой. Умѣя очаровывать блестящимъ остроуміемъ и особенной привѣтливостью, Воронцова была очень некрасива: маленькаго роста, съ быстрыми движеніями безъ всякой граціи, съ приплюснутымъ носомъ, толстыми щеками и испорченными зубами, она казалась много старше своихъ лѣтъ. Благодаря особенной экзальтированности, она была пристрастна въ своихъ сужденіяхъ и способна къ увлеченіямъ въ дружбѣ и враждѣ, а „не чуждые ея природѣ“, по ея собственному сознанію, „бурные инстинкты“ дѣлали ее невыносимымъ деспотомъ: она во всемъ хотѣла быть первой, и самая необузданная ревность тяжелымъ гнетомъ ложилась на ея близкихъ и друзей. Осенью 1758 г. Воронцова впервые встрѣтилась съ Екатериной, была ею очарована и привязалась къ ней, но уже въ Февралѣ 1759 г. вышла замужъ за князя М. И. Дашкова, уѣхала въ Москву и 2 года не видалась съ Великой Княгиней. Возвратясь въ Петербургъ, незадолго до кончины Елисаветы Петровны, Дашкова старалась узнать планы Екатерины, но послѣдняя „боялась ея 19-и лѣтъ и ея родства“; однако, Великая Княгиня продолжала ее ласкать—ей нужны были и ея преданность, и ея родство... Дашкова интриговала въ пользу Екатерины и суетилась, заслоняя собой настоящихъ дѣятелей переворота, а когда переворотъ благополучно совершился, серіозно вѣрила, что Императрица ей обязана престоломъ, и потому ждала себѣ исключительной благодарности. Получивъ Екатерининскую ленту и 24/т. рублей и не занявъ перваго мѣста около Екатерины, Дашкова, оскорбленная, удалилась отъ двора, навлекая на себя неудовольствіе Императрицы „нескромной свободой языка“; не помогло и пожалованіе въ статсъ-дамы. 17 Августа 1764 г. Дашкова лишилась мужа и вскорѣ уѣхала надолго за границу, съ цѣлью воспитанія дѣтей. Тамъ она скорѣе могла найти удовлетвореніе своему тщеславію: Дидро и Вольтеръ льстили ей, принимая ее, какъ друга Императрицы и виновницу переворота; ученые восхваляли ея любовь къ просвѣщенію; самъ Фридрихъ Великій удостоилъ ее бесѣдой, хотя и говорилъ Сегюру, что въ событіяхъ 1762 г. она была „la mouche vaniteuse du coche“. За границей Дашкова сдѣлалась членомъ многихъ ученыхъ обществъ и академій; за ней утвердилась слава просвѣщеннѣйшей женщины своего времени, друга философовъ, и едва она вернулась въ Россію, какъ Екатерина, чувствительная къ тому, что говорилось на Западѣ, въ Ноябрѣ 1782 г. сдѣлала Дашкову директоромъ Академіи наукъ и художествъ. Дашкова расширила дѣятельность Академіи, и ей принадлежитъ честь учрежденія при ней особой „Россійской академіи“ для изученія „россійскаго слова“. Вступленіе на престолъ Императора Павла повлекло за собой отрѣшеніе Дашковой отъ всѣхъ должностей и ссылку въ деревню, откуда она возвратилась только съ воцареніемъ Александра I. При дворѣ она поражала своей эксцентричностью, старинными костюмами и манерами, и здѣсь сумѣла своей извѣстной скаредностью, склонностью къ тяжбамъ и кляузамъ, заслужить всеобщее нерасположеніе. Она умерла 4 Января 1810 г. и похоронена въ церкви села Троицкаго, Тарусскаго уѣзда.

Княгиня Дашкова оставила интересныя „Записки“ о своей жизни, далеко не безпристрастныя; въ настоящее время они цѣликомъ напечатаны въ Россіи въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Прилагаемая миніатюра, чрезвычайно типичная, идетъ изъ среды потомства Дашковой; на оборотѣ ея сохранились свѣтло-русые волосы княгини.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

La princesse CATHERINE ROMANOWNA DACHKOFF, 1743—1810, fille du comte Romain Ilarionowitch Worontzoff et de Marthe Ivanowna, née Sourmine, naquit le 17 mars 1743 et eut pour parrain et marraine l'Impératrice Elisabeth et le Grand-Duc Pierre Féodorowitch. Elle perdit sa mère à l'âge de 2 ans, et ce fut le comte M. Worontzoff qui la recueillit et se chargea de son éducation. Ce „vernis à la mode" d'éducation, chez son oncle et avec sa fille unique, consista surtout dans l'étude des langues étrangères et la danse. Mais la jeune Catherine, douée naturellement d'un grand esprit et de rares aptitudes, sut combler par des lectures sérieuses les lacunes de son instruction, et, à l'âge de 15 ans, elle s'était déjà fait une réputation de savante, à laquelle elle était fort sensible. Charmante par le piquant et le brillant de son esprit, ainsi que par une affabilité particulière, la comtesse Worontzoff était loin d'être belle: petite de taille, vive, mais sans la moindre grâce dans ses mouvements, avec son nez épaté, ses grosses joues et ses vilaines dents, elle eut en outre le désavantage de paraître toujours beaucoup plus que son âge. Elle était sujette à une exaltation particulière, qui la rendait partiale dans ses jugements et l'exposait à des entraînements dans ses attachements et ses inimitiés; „les tumultueux instincts dont", c'est son propre aveu, „sa nature n'était pas exempte" faisaient d'elle un despote insupportable: elle tenait à être la première en tout, accablant ses proches et ses amis sous le poids écrasant de la jalousie la plus effrénée. C'est à l'automne de 1758 qu'elle se rencontra pour la première fois avec Catherine, dont elle fut enthousiasmée et à laquelle elle s'attacha; mais, elle épousa au mois de février suivant le prince M. Dachkoff, partit pour Moscou, et resta deux ans sans voir la Grande-Duchesse. De retour à Pétersbourg, peu de temps avant la mort d'Elisabeth Pétrowna, la princesse Dachkoff s'efforça de connaître les plans de Catherine, qui „avait peur de ses 19 ans et de ses liens de parenté", mais continua cependant à lui témoigner son amabilité: elle avait besoin et de son dévouement et de ses liens de parenté.... Mme Dachkoff intrigua en faveur de Catherine, faisant l'affairée et effaçant de sa personnalité celle des véritables acteurs du coup d'état, après lequel elle crut sérieusement que l'Impératrice lui devait son trône, et pensa avoir droit à sa gratitude exclusive. Elle reçut le cordon de Ste-Catherine et 24.000 roubles, mais sans obtenir le premier rang près de l'Impératrice: froissée, elle s'éloigna de la Cour, et encourut le mécontentement de Catherine grâce à son „intempérance de langage"; la dignité même de dame d'honneur ne lui suffit pas. Le 17 août 1764, elle perdit son mari, et se fixa pour longtemps à l'étranger, pour l'éducation de ses enfants, son fils Paul et sa fille Anastasie. Là, elle réussit mieux à satisfaire sa vanité: Diderot et Voltaire la flattèrent en l'accueillant comme amie de Catherine et auteur du coup d'état; les savants vantèrent son amour de l'instruction; Frédéric-le-Grand lui-même l'honora de sa conversation, tout en disant à Ségur que, dans les événements de 1762, elle n'avait été que „la mouche vaniteuse du coche". A l'étranger, elle devint membre de plusieurs sociétés savantes et académies; elle se fit la réputation de la femme la plus éclairée de son temps, de l'amie des philosophes, et à peine fut-elle de retour en Russie, que Catherine, sensible à tout ce qui se disait en Occident, la fit, en novembre 1782, directeur de l'Académie des Sciences et des Beaux-Arts. Mme Dachkoff élargit le cadre de l'Académie: c'est à elle que revient l'honneur d'y avoir fondé une Académie Russe spéciale pour l'étude des „Lettres russes". A l'avènement de l'Empereur Paul, elle se vit destituer de toutes ses fonctions et reléguer en province, d'où elle ne sortit qu'à l'avènement d'Alexandre Ier. A la Cour, elle excitait l'étonnement par son excentricité, ses costumes et ses manières de l'ancien temps: sa vilenie bien connue et son goût pour les procès et les chicanes lui attirèrent l'inimitié générale. Elle mourut le 4 janvier 1810, et fut inhumée dans l'église du village de Troïtzky, gouvernement de Moscou.

La princesse Dachkoff a laissé des Mémoires intéressants, mais fortement entachés de partialité, aujourd'hui intégralement publiés en Russie en plusieurs éditions. La miniature ci-jointe, extrêmement typique, vient de la famille, et contient, au revers, des cheveux châtain clair de la princesse.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь КОДРАТЪ ИВАНОВИЧЪ ДАШКОВЪ, 1736—1764, „именовавшійся въ жизни МИХАИЛОМЪ“, сынъ князя Ивана Андреевича отъ брака съ Анастасіей Михайловной Леонтьевой, племянницей царицы Наталіи Кирилловны Нарышкиной, родился 3 Марта 1736 г. и былъ пожалованъ съ младенчества сержантомъ гвардіи. Князь Дашковъ, единственный представитель древняго княжескаго рода — Рюриковичей и наслѣдникъ большого состоянія, служилъ сначала въ Преображенскомъ, затѣмъ въ Лейбъ-Кирасирскомъ полку; мягкій по характеру, веселый щеголь, онъ пользовался успѣхомъ при дворѣ и въ обществѣ. Въ Февралѣ 1759 г. онъ вступилъ въ бракъ съ близкой къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ особой, графиней Екатериной Романовной Воронцовой, которая въ своихъ „Запискахъ“, въ настоящее время въ полномъ видѣ опубликованныхъ въ Россіи, подробно разсказываетъ о своей первой случайной встрѣчѣ съ молодымъ княземъ-женихомъ, о своей любви и счастливыхъ годахъ своей супружеской жизни. Руководимый энергической и пылкой супругой, князь Дашковъ сдѣлался горячимъ приверженцемъ Великой Княгини и, по вступленіи Петра III на престолъ, первый предложилъ ей совершить военный переворотъ въ ея пользу. При дальнѣйшемъ теченіи событій личность князя была заслонена личностью его честолюбивой супруги, самонадѣянно приписывавшей себѣ всю честь переворота 28 Іюня 1762 года.

Въ день коронаціи Екатерины II, 22 Сентября 1762 г., князь Дашковъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры, а 18 Ноября того же года назначенъ членомъ Комиссіи о строеніи Петербурга, затѣмъ ѣздилъ посломъ въ Константинополь. Въ 1763 г. князь Дашковъ, въ чинѣ вице-полковника Лейбъ-Кирасирскаго полка, посланъ былъ съ особымъ отрядомъ въ Польшу для содѣйствія избранію въ короли Станислава Понятовскаго, и 17 Августа 1764 г. умеръ тамъ въ мѣстечкѣ Пулавахъ.

Отъ брака съ графиней Екатериной Романовной Воронцовой у князя Дашкова была дочь Анастасія (р. 1760 г., † 1831 г.; въ замужествѣ Щербинина) и двое сыновей: Михаилъ (р. 1761 г., † 1762 г.) и Павелъ (р. 1763 г., † 1807 г.), отставленный отъ службы Императоромъ Павломъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ затѣмъ Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Князь Дашковъ похороненъ 11 Января 1765 г. въ соборѣ Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ, и въ длинной надгробной надписи сказано: „посланъ былъ въ 1763 г. въ Польшу главнокомандующимъ надъ вспомогательнымъ россійскимъ корпусомъ, гдѣ противныя польскія войска подъ предводительствомъ великаго гетмана короннаго Браницкаго и магната князя Радзивилла прогонялъ многократно, побѣждалъ, изъ отечества ихъ выгналъ и тѣмъ утвердилъ избраніе короля Станислава-Августа изъ фамиліи Понятовскихъ. Возвратясь побѣдителемъ въ Варшаву, по 12-дневной болѣзни горячкою, умеръ въ мѣстечкѣ Пулавахъ 1764 г., августа въ 17-й день, на 28 году. Сынъ его, послѣдовавшій ему въ благочестіи и добродѣтеляхъ, желалъ почтить его симъ памятникомъ, но судьбами Всевышняго предоставлено сіе было дочери, съ благоговѣніемъ исполняющей долгъ сей. 1807“.

(Съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Воронцову-Дашкову, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince KODRAT IVANOWITCH DACHKOFF, 1756—1764, „dans la vie MICHEL“, fils du prince Ivan Andréewitch Dachkoff et d'Anastasie Mikhaïlowna Léontieff, nièce de la tzarine Natalie Kyrillowna Narychkine, naquit le 3 mars 1756, et fut enrôlé tout enfant à la Garde. Dernier représentant de la vieille race princière des Rurikowitch et héritier d'une grosse fortune, il servit d'abord au régiment Préobragensky, puis aux Cuirassiers du Corps. Doux de caractère, gai et chic, il avait du succès à la Cour et dans la société. Il épousa en 1759 une intime de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, la comtesse Catherine Romanowna Worontzoff, qui raconte en détail dans ses Mémoires, aujourd'hui intégralement publiés en Russie, sa première entrevue, toute fortuite, avec le jeune prince fiancé, son amour et ses heureuses années de vie conjugale. A l'instigation de son énergique et ardente épouse, le prince Dachkoff devint partisan fougueux de la Grande-Duchesse, à laquelle, dès l'avènement de Pierre III, il fut le premier à proposer un coup d'état militaire. Dans la suite, sa personnalité fut effacée par celle de son ambitieuse épouse, qui eut la suffisance de s'attribuer tout l'honneur du coup d'état du 28 juin.

Le jour du couronnement de Catherine II, 22 septembre 1762, le prince Dachkoff fut fait gentilhomme de la chambre, et, le 18 novembre suivant, membre de la Commission pour la construction de Pétersbourg. Il alla ensuite comme ambassadeur à Constantinople. Lieutenant-colonel aux Cuirassiers du Corps, il fut envoyé en Pologne en 1763 avec un détachement pour appuyer l'élection de Stanislas Poniatowsky, et y mourut le 17 août 1764 à Poulavy.

De son mariage avec la comtesse Worontzoff, le prince Dachkoff eut une fille Anastasie (1760—1831), mariée à Chtcherbinine, et deux fils, Michel (1761—1762) et Paul (1763—1807), qui fut mis à la retraite par Paul Ier étant général lieutenant et devint ensuite maréchal de la noblesse du gouvernement de Moscou.

Le prince Dachkoff fut inhumé le 11 janvier 1765 à la cathédrale du monastère Novospasky, à Moscou, où il est dit dans une longue épitaphe: „Fut envoyé en 1763 en Pologne commandant en chef du corps auxiliaire russe, poursuivit à plusieurs reprises les troupes polonaises ennemies dirigées par le grand hetman de la couronne Branicki et le magnat prince Radziwill, les vainquit, les chassa de leur patrie et confirma par là l'élection du roi Stanislas-Auguste de la famille Poniatowsky. Rentré victorieux à Varsovie, mourut après 12 jours de fièvre dans la localité de Poulavy, en 1764, le 17 août, dans sa 28e année. Son fils, qui marcha sur les traces de sa piété et de ses vertus, désirait lui faire l'hommage de ce monument, mais les desseins du Très-Haut le réservèrent à sa fille, qui s'acquitta pieusement de ce devoir. 1807“.

(D'après un original appartenant au comte I. Worontzoff-Dachkoff, St-Pétersbourg.)

Графъ МИХАИЛЪ ИЛАРІОНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ, 1714—1767, сынъ стольника, впослѣдствіи тайнаго совѣтника Иларіона Гавриловича отъ брака съ Анной Григорьевной Масловой, родился 12 Іюля 1714 г.; 14-и лѣтъ опредѣленъ пажомъ Цесаревны Елисаветы Петровны, потомъ былъ ея камеръ-юнкеромъ и однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ ней лицъ. Въ 1741 г. принималъ горячее участіе въ возведеніи Елисаветы Петровны на престолъ, за что пожалованъ былъ въ камергеры, генералъ-поручики и лейбъ-компаніи поручики, а въ день коронованія получилъ Александровскую звѣзду. Въ 1744 г. Воронцовъ возведенъ въ графское Священной Римской имперіи достоинство и назначенъ вице-канцлеромъ, съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ самъ выбралъ его себѣ въ помощники, но оказалось, что взгляды ихъ на политику Россіи не совпадали, и, хотя наружно они оставались въ хорошихъ отношеніяхъ, между ними шла тайная борьба. Отличаясь миролюбіемъ, Воронцовъ былъ противникомъ активнаго вмѣшательства Россіи въ распри Европейскихъ государствъ. Впрочемъ, вліяніе его на дѣла не было значительно; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ даже въ немилости: ему повредили сношенія съ Фридрихомъ II и дружба съ Лестокомъ. Въ 1752 г. Императрица опять стала милостива къ Воронцову, пожаловала ему Андреевскую ленту, а въ 1758 г., послѣ паденія Бестужева-Рюмина, назначила его канцлеромъ. Время самостоятельнаго завѣдыванія имъ иностранной политикой Россіи совпало съ войной съ Пруссіей, къ которой Воронцовъ (можетъ-быть, въ угоду Наслѣднику) питалъ расположеніе, но зато, благодаря этой войнѣ, былъ заключенъ союзъ съ Франціей, сторонникомъ котораго онъ былъ. Въ царствованіе Петра III Воронцовъ, по выраженію Соловьева, „со степени канцлера снизошелъ на степень правителя канцеляріи Иностранныхъ дѣлъ, заготовляющаго бумаги по требованіямъ, объявленнымъ ему Гольцемъ или принцемъ Голштинскимъ“. Во время переворота 28 Іюня 1762 г. Воронцовъ находился при Императорѣ и вызвался поѣхать въ Петербургъ, чтобы „усовѣстить“ Императрицу, но оттуда написалъ Петру III письмо, въ которомъ сообщалъ о своей неудачѣ и объявлялъ, что, исполнивъ свой долгъ по отношенію къ Государю, подчинился народной волѣ и присягнулъ Екатеринѣ II. Воронцовъ еще въ теченіе 3 лѣтъ оставался номинально канцлеромъ, но нерасположеніе къ нему Екатерины II и недуги не давали ему возможности вліять на дѣла. Въ 1765 г. онъ былъ уволенъ отъ службы и поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался 15 Февраля 1767 года; погребенъ въ бывшемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, на Воздвиженкѣ.

Современники оставили довольно противорѣчивые отзывы о Воронцовѣ: въ то время какъ одни считали его человѣкомъ бездарнымъ и ограниченнымъ, другіе находили у него много здраваго смысла, необходимаго для государственнаго дѣятеля. Почти всѣ отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ вполнѣ честномъ, но въ то же время извѣстно, что онъ получалъ деньги отъ иностранныхъ дворовъ: „Гишокритъ, какихъ не бывало“, сказала о немъ Екатерина, „вотъ кто продавался первому покупщику; не было двора, который бы не содержалъ его на жалованіи“. Воронцовъ былъ очень нерѣшителенъ и робокъ, что мѣшало ему придавать своему голосу необходимый вѣсъ. Въ сношеніяхъ съ представителями иностранныхъ державъ онъ избѣгалъ рѣшительныхъ отвѣтовъ и, скрывая истинныя намѣренія своего правительства, старался всѣмъ подать надежду, что ихъ желанія будутъ исполнены. Въ частной жизни Воронцовъ былъ человѣкъ трезвый, воздержный, привѣтливый со всѣми безъ различія общественнаго положенія. Несмотря на щедрость Императрицы Елисаветы, пожаловавшей ему деревни и заводы, онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, вѣчно просилъ субсидій или объ уплатѣ долговъ, писалъ слезныя прошенія и выпрашивалъ все, что было возможно, въ то же время, чтобы увеличить свои доходы, пускался въ торговыя предпріятія.

Графъ М. И. Воронцовъ съ 1742 г. былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Императрицы, графинѣ А. К. Скавронской, отъ которой имѣлъ единственную дочь, Анну, доставившую ему много печали своимъ несчастнымъ бракомъ съ графомъ А. С. Строгановымъ.

(Съ портрета, поступившаго въ 1784 г. отъ И. И. Бантышъ-Каменскаго; Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.)

Le comte **MICHEL ILARIONOWITCH WORONTZOFF**, 1714—1767, fils d'un échanson, plus tard conseiller privé, et d'Anne Grigoriewna Masloff, naquit le 12 juillet 1714. Page de la Césarewna Elisabeth Pétrowna à l'âge de 14 ans, il devint ensuite son gentilhomme de la chambre et un de ses plus intimes. La part chaleureuse qu'il prit en 1741 à son élévation au trône lui valut la clé de chambellan, le grade de général lieutenant et de lieutenant de la Compagnie du Corps, puis, le jour du couronnement, l'étoile de St-Alexandre. En 1744, il fut élevé à la dignité de comte du Saint Empire Romain et nommé vice-chancelier avec rang de conseiller privé actuel. Le chancelier comte Bestoujeff-Rioumine l'avait pris lui-même comme adjoint, mais leurs idées sur la politique de la Russie ne se trouvèrent pas d'accord, et, tout en restant, en apparence, en bons rapports, ils furent en lutte secrète. Worontzoff, de caractère pacifique, était opposé à l'intervention active de la Russie dans les différends des états européens. Du reste, son influence sur les affaires ne fut pas considérable: il resta même quelques années en disgrâce, pour ses relations avec Frédéric II et son amitié avec Lestock. L'Impératrice lui rendit sa faveur en 1725, lui conféra le cordon de St-André, et, à la chute de Bestoujeff-Rioumine, en 1758, le fit chancelier. L'époque où il eut la direction complète de la politique extérieure de la Russie fut celle de la guerre avec la Prusse, puissance pour laquelle, peut-être pour complaire à l'Héritier, il avait une prédilection; mais aussi, ce fut cette guerre qui amena l'alliance française, dont il était partisan. Sous le règne de Pierre III, Worontzoff, dit Solovieff, „descendit du rang de chancelier à celui de directeur de la chancellerie des Affaires étrangères, préparant les pièces sur la demande de Holtz ou du prince de Holstein". Au coup d'état du 28 juin 1762, il était avec l'Empereur et se chargea d'aller à Pétersbourg „faire entendre raison" à l'Impératrice, mais il écrivit de là à Pierre III pour lui annoncer son insuccès et lui déclarer qu'après avoir accompli son devoir envers lui, il s'était soumis à la volonté populaire et avait prêté serment à l'Impératrice. Il resta encore trois ans chancelier de nom, mais le peu de faveur dont il jouissait près de Catherine II et l'état de sa santé ne lui permirent pas de jouer un rôle. Il fut mis à la retraite en 1765 et se fixa à Moscou, où il mourut le 15 février 1767; il fut inhumé à l'ancien monastère Krestovozdvigensky, sur la Vozdvigenka.

Les contemporains sont loin d'être d'accord dans leurs appréciations sur Worontzoff: tandis que les uns le trouvent nul et borné, les autres lui accordent une bonne dose des qualités d'esprit nécessaires à l'homme d'état. Presque tous le représentent comme un parfait honnête homme: or il est constant qu'il était à la solde des cours étrangères. „Hypocrite comme personne", dit Catherine II, „en voilà un qui était à vendre à qui voulait le payer; pas une cour à laquelle il n'émargeât!" Il était indécis et timide, ce qui l'empêchait de sentir à sa voix le poids voulu. Dans ses rapports avec les représentants des puissances, il évitait les réponses décisives, et cachait les intentions véritables de son gouvernement pour leur faire croire à tous que leurs désirs seraient réalisés. Dans la vie privée, il était lucide, modéré, affable avec tout le monde sans distinction de condition. Malgré les largesses de l'Impératrice, qui lui avait donné des villages et des usines, il était constamment pressé d'argent, sans cesse à solliciter des secours ou des paiements de dettes, à déposer des requêtes larmoyantes et à extorquer le plus possible: et en même temps, pour grossir ses revenus, il se lançait dans toute espèce d'entreprises commerciales.

Le comte Worontzoff avait épousé en 1742 une cousine de l'Impératrice, la comtesse A. Skavronsky, dont il eut une fille unique, Anne, qui lui causa beaucoup de chagrin par son mariage malheureux avec le comte A. Stroganoff.

(D'après un original donné en 1784 par N. Bantych-Kamensky aux Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.)

202

Графиня Анна Карловна Воронцова,
1722 — 1775

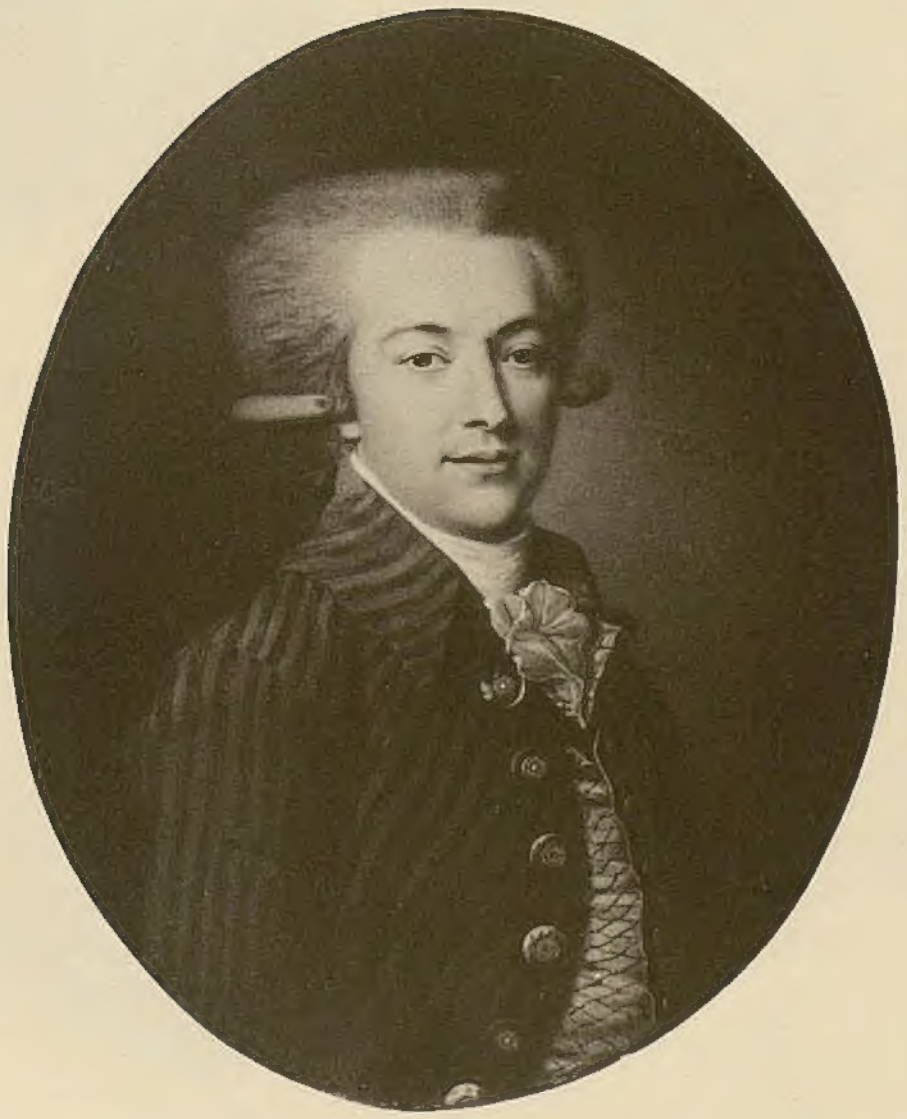
La Comtesse Anne Karlowna Worontzoff,
1722 — 1775

203

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова,
1743 — 1810

La Princesse Catherine Romanowna Dachkoff,
1743 — 1810

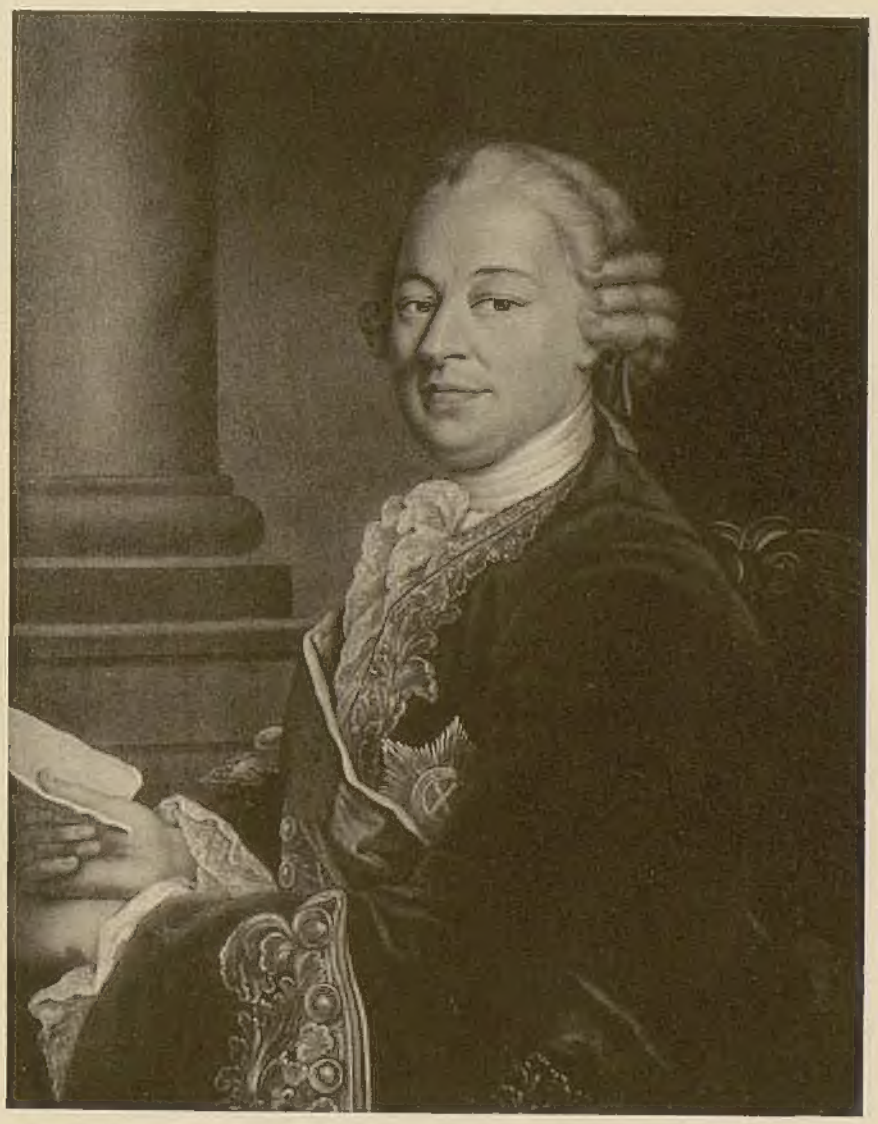
204



Князь Михаилъ Ивановичъ Дашковъ,
1736 — 1764

Le Prince Michel Ivanowitch Dachkoff,
1736 — 1764

205



Графъ Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ,
1714 — 1767

Le Comte Michel Ilarionowitch Worontzoff,
1714 — 1767

РУССКІЕ РОКОВЫЕ ПОРТРЕТЫ RUSSES

2007088118